

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции
18–20 мая 2016 года**

Часть I

Управление культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции**

18–20 мая 2016 года

Часть I

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2016**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В пяти частях

Часть 1

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 978-5-7937-1301-6

© ВИМАИВиВС, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© СПбГУПТД, 2016

Дорогие участники конференции!

Седьмая Международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы» традиционно открывается в старейшем военно-историческом музее России. Она проходит в непростое для нашей страны время, когда профессиональному сообществу историков, музейных работников, архивистов приходится противостоять усиливающейся фальсификации прошлого России. В недавнем своем выступлении Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что у России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма.

Именно тема патриотизма должна стать лейтмотивом столь представительной научной конференции. Символично, что в ее работе принимает участие широкий круг ученых из России, стран ближнего и дальнего зарубежья, так или иначе связанных с музейным делом – историки, оружейеды, архивисты, музейеды, археологи, реставраторы и многие другие.

Тематика докладов на конференции обширна и интересна – от сражений эпохи бронзового века, до современных «гибридных» войн, от древнего оружия – до ракетной техники.

Уверен, что работа конференции будет плодотворной, научное и творческое сотрудничество долгосрочным и перспективным, а опубликованные труды будут интересны не только профессионалам, но и самому широкому кругу читателей.

Начальник Управления культуры
Министерства обороны
Российской Федерации

А.Н. Губанков

Уважаемые участники конференции!

От лица Российской Академии ракетных и артиллерийских наук поздравляю с началом работы Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Замечательно, что среди ее многочисленных участников, приехавших в Санкт-Петербург из различных регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, много специалистов в области истории ракетного, артиллерийского и стрелкового вооружения, боеприпасов.

Академия традиционно выступает в качестве одного из организаторов конференции, поскольку одной из задач ее деятельности является содействие интеграции академической, вузовской и отраслевой науки с целью комплексного решения проблем развития вооружения, военной и специальной техники.

Хочется отметить очень важный и значимый для работы конференции факт. Ее объемные труды выходят к ее открытию. Таким образом, самые современные исследования в различных областях военной истории, истории военной техники и вооружения, музееведения, сохранности и реставрации памятников прошлого становятся доступными и вводятся в научный оборот. В этом большая заслуга организаторов конференции. Музей артиллерии с самого начала воссоздания РАРАН является одним из самых активных ассоциированных членов академии.

Важной составляющей конференции является ее патриотическая направленность, что является выражением любви к своей Родине. Многие доклады посвящены героическому прошлому России, подвигам наших предков. По-прежнему актуальна тема Великой Отечественной и Первой мировой войн.

Желаю всем участникам конференции найти среди многообразия тем и докладов то, что будет им интересно и полезно; выражаю уверенность, что работа на секциях будет сопровождаться плодотворной и конструктивной дискуссией. Успешной вам работы на конференции и в повседневном научном труде!

Президент Российской Академии
ракетных и артиллерийских наук

В.М. Буренок

Уважаемые коллеги!

В Международный день музеев мы открываем очередную, ставшую уже традиционной, Международную научно-практическую конференцию «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Наш музей в очередной раз гостеприимно распахнул двери для исследователей самых разных направлений. Все они собрались, чтобы поделиться новыми открытиями и исследованиями в области изучения истории военного дела и оружия, обсудить проблемы реставрации и музеефикации исторических объектов.

Спектр докладов, а их более полутора сотен, очень широк: от памятников средневековья до современных видов вооружений, от изучения древних документов до современных лазерных технологий в области реставрации.

В секции «Военная история: опыт современного изучения» будут заслушаны и обсуждены доклады, связанные с войнами и военными конфликтами в истории человечества, военными реформами в России и других странах мира. В научный оборот будут введены новые источники по военной истории. Большое внимание будет уделено жизни и деятельности выдающихся полководцев и военачальников, в том числе героев Великой Отечественной войны, что особенно актуально в канун 75-летия ее начала.

На заседаниях секции «Оружие. Новые исследования в области оружейведения» будут рассмотрены общие и частные проблемы истории оружия и вооружения, оружейного производства и технологий, роли оружия в истории человечества. Большое внимание будет уделено музейным собраниям оружия и военной техники, истории формирования частных коллекций оружия и их законодательному регулированию.

Секция «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» обсудит проблематику реставрации памятников военной истории, новых методик и технологий в реставрационном и экспозиционном направлениях.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых интересных открытий.

Директор музея,
доктор исторических наук

В.М. Крылов

***В память начала
Великой Отечественной войны***

22 июня 1941 года

Д.Ю. Алексеев (Санкт-Петербург)

ОТРЯД БАЛАХОВИЧА В 3-Й ПЕТРОГРАДСКОЙ ДИВИЗИИ РККА (1918 ГОД)

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ комиссаров Красной армии, Здислав Янович Шеринский, описывая формирование псковских отрядов в феврале 1918 г., с горечью заметил, что «фронт дал лишь отряд под командою товарища Наймыша и партизанский Пунинский кавалерийский отряд под командой Балаховича. Это и были те жалкие остатки от старой армии, которые защищали подступы к Петрограду»¹. Таким образом, под пером старого большевика отряд им. Пунина выступает как связующее звено между Русской и Красной армиями.

Станислав Никодимович Балахович начал военную службу в 1914 г. в качестве вольноопределяющегося во 2-м лейб-уланском Курляндском полку. В июле 1915 г. он был произведен в первый офицерский чин, а в ноябре назначен командиром эскадрона конно-партизанского отряда атамана Пунина при штабе Северного фронта². Служба отряда заключалась в диверсионных действиях в тылу врага, разведке и добывании «языков»³. В конце 1917 г., уже будучи представлен к званию ротмистра, С.Н. Балахович принял командование частью отряда⁴. После крушения русской армии и немецкого наступления остатки отряда им. Пунина в марте 1918 г. отступили на восточный берег Чудского озера⁵. Численность его составляла 60–70 человек, а в результате потерь отряд насчитывал не более 50 человек⁶.

Для того чтобы сохранить отряд, С.Н. Балахович вступил в формируемую Красную армию. В разговорах с представителями советской власти он объяснял это надеждой на возобновление борьбы с немцами, которых он, по его словам, ненавидел: «Уве-

рен, что как только мы укрепим, мы выступим против немцев, чтобы порвать кабальный Брестский мир»⁷.

Отряд им. Пунина нес службу на демаркационной линии по восточному берегу Чудского озера южнее Гдова. По воспоминаниям бывшего генерал-лейтенанта Д.П. Парского, это пространство «охранялось крайне слабо небольшими конными частями, служба которых была чрезвычайно тяжела, так как конных было очень мало, а демаркационная полоса весьма растянута»⁸.

С.Н. Балахович всеми силами старался добиться максимальной самостоятельности своего отряда. Для этого он установил хорошие отношения с комиссаром Гдовского района Я.Ф. Фабрициусом, а через него вышел на Л.Д. Троцкого, ставшего в марте 1918 г. народным комиссаром по военным делам и председателем Высшего военного совета⁹. У него С.Н. Балахович получил мандат, согласно которому ему поручалось «организовать для особо важных заданий отдельный конный дивизион»¹⁰. Дивизион в составе двух эскадронов начал формироваться в апреле 1918 г.¹¹

Одной из проблем, стоявших перед формирующейся Красной армией, была малочисленность конницы. Особенно это было очевидно для частей «завесы». Командующий советскими войсками в районе Нарвы и Гдова Д.П. Парский вспоминал: «Конницы вообще было чрезвычайно мало и ее недостаток крайне тяжело сказывался в условиях несения охранительной службы в делах длинной пограничной полосы»¹².

Неудивительно, что начальники соединений завесы предпринимали попытки включить отряд Балаховича в формируемые ими части. В апреле руководство Псковской (впоследствии 4-й Петроградской) дивизии, прикрывавшей Лужское направление, предполагало включить два эскадрона «из остатков партизанских отрядов имени Пунина» в состав кавалерийского полка, формируемого при этой дивизии¹³.

А в конце мая С.Н. Балахович попал в сферу интересов формирующейся Гатчинской (с 31 мая 1918 г. – 3-й Петроградской) дивизии, военный совет которой летом и осенью 1918 г. составляли: начальник дивизии – бывший полковник Н.Н. Иванов, комиссар – латышский большевик А.Э. Дауман и начальник штаба – бывший генерального штаба генерал-майор Г.А. Плющев-

кий-Плющик¹⁴. Основой дивизии являлись ямбургские отряды, расположенные на нарвском направлении, а также части в районе Гдова. Гдовские отряды сводились в 6-й пехотный полк 3-й Петроградской дивизии. Так как отряд им. Пунина располагался в районе Гдова, его предполагалось включить в состав этого полка в качестве отряда конных разведчиков им. Пунина¹⁵.

Однако С.Н. Балаховичу удалось отстоять свою самостоятельность. Приказом по Гатчинской дивизии от 3 июня была объявлена телеграмма военного совета Петроградской трудовой коммуны от 29 мая, согласно которой Конный партизанский отряд им. атамана Пунина, временно оставаясь в расположении Гдовского района, находился в распоряжении Новгородской дивизии, а потому «отряд имени Пунина надлежит оставить как отдельную часть и не включать ни в один из полков, формируемых в Гатчинской дивизии»¹⁶. Приказом по дивизии от 18 июня 1918 г. Партизанский отряд им. атамана Пунина формально вошел в состав Особого конного дивизиона¹⁷.

В июне Особый конный дивизион как отдельная часть включен в состав 4-й Петроградской дивизии¹⁸. В его составе были сформированы 1-й (бывший штабс-ротмистр Стуканцев) и 2-й (бывший штабс-ротмистр Аксаков) эскадроны по два взвода каждый, пулеметная команда (бывший сотник Муравьев) и артиллерийский взвод (бывший штабс-капитан Смирнов)¹⁹. На 10 августа на довольствии в отряде числилось 267 человек, из них 232 боевого состава, а также 146 лошадей, на вооружении состояло три пулемета и два орудия²⁰.

В течение лета 1918 г. штаб Особого конного дивизиона располагался в Луге на ул. Пески (сейчас – Красной Артиллерии), дом 67²¹. 1-й эскадрон находился в Стругах Белых, 2-й эскадрон нес сторожевую службу на побережье Чудского озера, занимая посты в пунктах Раскопель, Островец, городах Княжья, Подборовье, Кола, Самолва, Пнёво, Рудница²². В течение июля подразделения дивизиона использовались для подавления антисоветских выступлений, охвативших в это время северо-запад России, в ходе одного из них погиб командир 1-го эскадрона Стуканцев²³.

В связи с тем, что формирование 4-й Петроградской дивизии продвигалось медленно, возник план, согласно которому она должна была передать свой участок демаркационной линии

и красноармейцев в 3-ю Петроградскую дивизию, а «кадры состава» переместить в Нижний Новгород²⁴. 16 августа частям дивизии был отдан приказ начать посадку для перевозки по маршруту Новгород – Бологое – Рыбинск – Ярославль – Нижний Новгород²⁵. Отъезд дивизии состоялся только 20 августа²⁶.

Под Петроградом остались и были переведены в 3-ю Петроградскую дивизию два полка 3-й бригады и Особый конный дивизион Балаховича. Его 1-й эскадрон и артиллерийский взвод были переведены в Струги Белые, а 2-й эскадрон и пулеметная команда – в Лугу²⁷. В состав 3-й Петроградской дивизии дивизион вошел 25 августа. Согласно приказу по дивизии от 26 августа на его основе следовало сформировать кавалерийский полк четырехэскадронного состава. Первые два эскадрона должны были составить эскадроны Особого конного дивизиона, 3-й – Гатчинский краснокавалерийский эскадрон Страхова, а 4-й следовало сформировать заново, выделив кадры для него из существующих. Временно командующим полком назначался С.Н. Балахович²⁸. 6 сентября полк был переименован в 3-й Петроградский кавалерийский²⁹.

Комиссар 3-й Петроградской дивизии А.Э. Дауман считал, что сведение отрядов и формирование полка «требует тщательной обработки», для чего необходим комиссар. Военный совет дивизии предложил назначить на эту должность второго военного комиссара Ямбургского уезда коммуниста Липняка, который служил в 17-м Черниговском гусарском полку императорской армии, а с отступлением из Нарвы находился в Нарвском коммунистическом полку. Дауман настаивал на кандидатуре Липняка, мотивируя тем, что было бы «желательно, чтобы комиссар был знающим кавалерийское дело», и указывал, что «другого кандидата у нас не имеется»³⁰. 11 сентября Липняк был назначен комиссаром 3-го Петроградского кавалерийского полка³¹.

Возможно, это назначение было связано с произошедшим в августе 1918 г. инцидентом в селе Велькота Ямбургского уезда, в ходе которого Липняк, возглавлявший красноармейский отряд, проявил излишнюю жестокость во время подавления крестьянского восстания и был подвергнут аресту как «порочающий имя советов»³².

30 сентября временно исполняющий должность начальника 3-й Петроградской дивизии бывший генерального штаба гене-

рал-майор Г.А. Плющевский-Плющик и комиссар А.Э. Дауман провели смотр частей, расположенных в Луге. В их числе был 2-й эскадрон 3-го Петроградского кавалерийского полка. Эскадрон произвел на проверяющих членов военсовета благоприятное впечатление: он «...вышел на конное учение в составе 48 всадников, остальные люди эскадрона – в пешем строю. Выправка и посадка людей отличные, лошади в хороших телах, уборка иковка – очень хорошие. Несмотря на то что эскадрон в последнее время был занят выполнением задач особого боевого характера и не имел времени вести регулярно занятия, конное учение было произведено сноровисто и умело; эскадрон вполне съезжен, и все перестроения производились на разных аллюрах по сигналам в должном порядке. Выезд конного орудия на позицию и снятие с передка было произведено довольно быстро и умело. В общем, эскадрон показал, что он во всех отношениях готов выполнить любое боевое назначение»³³.

Если боевая часть оказалась на высоте, то политическая работа, как выяснилось, не велась: «В 3-м Петроградском кавалерийском полку, в частности, во 2-м эскадроне, коллектив <коммунистов> не создан и культурно-просветительская работа не налажена, отсутствуют даже газеты, на что обращается внимание вновь назначенного комиссара полка и комиссара бригады»³⁴.

Председатель Лужского совета И.Л. Сондак по этому поводу писал: «Мы пытались создать партийную ячейку в дивизии, направляли туда красноармейцев-коммунистов, но они таинственно исчезали из части и никто не знал, куда они девались. Ни комиссар дивизиона, на наша чека не смогли это установить»³⁵. По словам белого мемуариста, нежелательные с точки зрения Балаховича новобранцы, направленные в дивизион, отправлялись во взвод особого назначения, несший службу на демаркационной линии: «Весь подозрительный элемент, попадавший в полк, направлялся в названный взвод и там ликвидировался»³⁶.

Не исключено, что бездействие комиссара полка привело к тому, что приказом по дивизии от 15 октября 1918 г. на основании телеграммы военкоммета Богатина на эту должность вместо Липняка, вернувшегося к исполнению обязанностей Ямбургского уездвоенкома, был назначен Кузьмичев³⁷, возможно, бывший вахмистр лейб-гвардии Гродненского гусарского полка³⁸.

Согласно воспоминаниям И.Л. Сондака, «из штаба округа был прислан к Балаховичу комиссар товарищ Кузьмичев. Это был простодушный храбрый парень из солдат-кавалеристов. По приезде в Лугу он явился в парторганизацию; его информировали о положении в дивизионе Балаховича. Он поддерживал постоянную связь с парторганизацией. Тов. Кузьмичев был честным партийцем, но он был слишком прост, доверчив, и, конечно, Балахович вскоре усыпил его бдительность, и он в парторганизации часто защищал Балаховича»³⁹.

Об этом же говорилось у псковского архивиста В.П. Дроздова, собиравшего информацию о деятельности Балаховича: «Комиссар полка, подпав под личное влияние Балаховича, ничего самостоятельного для проведения твердой политической линии сделать не мог, и все велось так, как было выгодно “бацьке”, ибо таковой умел пустить пыль в глаза о своей преданности советской власти»⁴⁰.

В мемуарных источниках говорится о недоверии партийных кругов Луги к Балаховичу. Например, организатор одного из карательных отрядов И.П. Педдец вспоминал, что в июле 1918 г. «...Балаховичу партийная организация уже тогда не доверяла, и меня предупредили, что если что не так со стороны Балаховича, то просто надо пристрелить его»⁴¹. Белый мемуарист утверждал, что «Лужский комиссариат, увидев, что Балахович окружает себя бывшими офицерами и добровольцами из числа старых солдат, и чувствуя, что дух отряда отнюдь не советский, забил тревогу»⁴².

Я.Ф. Фабрициус, с одной стороны, указывал, что «в полку процветали кутежи и дебоши», с другой стороны, называл партизан Балаховича «дисциплинированными»⁴³. Согласно воспоминаниям находившегося в то время в Луге следователя Гроссена, писавшего под псевдонимом Г. Нео-Сильвестр, кавалеристы Балаховича обращали на себя внимание «дисциплинированностью, что в то время было уже редкостью». Однако буквально через несколько строк мемуарист противоречит сам себе, указывая на поступавшие жалобы в адрес кавалеристов Балаховича, которые «шалят в огородах» лужан и «партиями снимают наш урожай»⁴⁴. Возможно, память подвела мемуариста, так как в приказе по лужскому военкомату от 17 сентября говорилось о жалобах на красноармейцев, выкапывающих картофель в частных огоро-

дах, однако предписание о принятии мер в связи с этим было адресовано не Балаховичу, а командиру 1-го Лужского отдельного пехотного батальона⁴⁵. В любом случае эпизоды злоупотреблений солдат Балаховича не выбиваются из ряда примеров, характеризующих крайне низкий уровень дисциплины частей Красной армии в Луге в 1918 г.⁴⁶

Есть сведения о предъявлявшихся Балаховичу претензиях финансового характера. В частности, в документах лужского военкомата есть информация о 15 тысячах рублей, которые были выданы Балаховичу под расписку 14 июля для отряда, отправленного для подавления восстания в Новгородской губернии. Приказом по военкомату от 20 июля предписывалось списать эту сумму в расход, однако через три дня это распоряжение было по какой-то причине отменено⁴⁷. 26 августа приказом по лужскому военкомату Балаховичу предписывалось срочно представить отчетность в расходовании полученных им сумм⁴⁸. Фабрициус и Травинский указывали, что в октябре командование перестало выплачивать жалование для Особого полка, так как Балахович не отчитался в расходовании якобы ассигнованных ему ранее двух миллионов рублей⁴⁹. Даже если усомниться в размерах этой необычно высокой для 1918 г. суммы, сами претензии не кажутся необоснованными в свете многочисленных злоупотреблений финансового характера, связанных с именем Балаховича в 1919–1920 гг.⁵⁰

С.Н. Балахович объяснял невозможность отчитаться тем, что якобы не брал с крестьян расписки за забранные его солдатами продовольствие и фураж. Однако есть свидетельства противоположного характера: «Местные крестьяне приносили массу расписок о реквизиции Балаховичем скота и лошадей и о приеме денег в счет наложенных контрибуций. Расписки эти были выданы не самим Балаховичем, а его унтер-офицерами, написанные карандашом, лаконического содержания. Например: получено от такого-то контрибуции 4000 рублей, унтер-офицер такой-то. Таких записок была большая куча и таковые с остальными материалами попадали в губчека»⁵¹.

Согласно воспоминаниям Т.В. Васильева, работавшего летом 1918 г. печником в Лужском уезде, прибывший в одну из деревень С.Н. Балахович «...потребовал от крестьян, чтобы их накормили, и после этого спросил, обмолочен ли у крестьян овес, и

приказал насыпать овсом мешки, находившиеся у каждого конника за седлом, после этого сели на лошадей и уехали»⁵².

Возможно, недоверием со стороны местных коммунистов было вызвано начавшееся в середине октября 1918 г. формирование при лужском военкомате отдельного кавалерийского эскадрона. 11 октября его командиром был назначен А.Д. Смирнов. 16 октября он донес, что приступил к его формированию. Создание новой части продвигалось небывало быстрыми по тем временам темпами: к 18 октября в составе эскадрона числилось 115 человек, через неделю туда было направлено еще 59 человек⁵³.

В октябре 1-й эскадрон полка Балаховича, который возглавил подьесаул В.С. Пермикин (старший брат будущего героя Северо-Западной армии Б.С. Пермикина) с двумя орудиями был переведен на демаркационную линию в Елизарьев (Спасо-Елеазаровский) монастырь, а 2-й эскадрон – в Струги Белые. Штаб полка во главе с Балаховичем остался в Луге⁵⁴. На годовщину октябрьского переворота В.С. Пермикин спровоцировал конфликт с приехавшими в Елизарьев монастырь комиссарами и был вынужден со своим эскадроном бежать через демаркационную линию. После краткого пребывания под арестом бывшие красноармейцы были зачислены в ряды начавшей формироваться во Пскове Северной (впоследствии Северо-Западной) армии⁵⁵.

После бегства Пермикина выяснилось, что С.Н. Балахович не выполнил приказ о переименовании полка в 3-й кавалерийский и во всех документах самовольно именуется своей частью «Особым конным полком». В документах лужского военкомата сентября – октября 1918 г. действительно упоминается только «Особый конный полк»⁵⁶. В связи с этим Балаховичу был объявлен выговор и дано приказание исполнить приказ о переименовании⁵⁷.

Никаких других претензий Балаховичу предъявлено не было. Однако 27 октября в Луге был образован Военно-революционный полевой штаб Псковского района в составе комиссаров А.Э. Даумана и Я.Ф. Фабрициуса и военрука М.Н. Васильева, который 5 ноября объявил Гдовский, Псковский и Лужский уезды на осадном положении⁵⁸. В район границы были переброшены дополнительные силы (до 700 и 170 сабель при 4 орудиях)⁵⁹.

Несмотря на это, 6 ноября С.Н. Балахович с оставшимся эскадроном и отдельными взводами последовал во Псков вслед за В.С. Пермикиным. Имеющиеся источники не позволяют не-

противоречиво восстановить ход событий между двумя переходами. В любом случае, обстоятельством, непосредственно побудившим Балаховича принять решение о бегстве из-под контроля советов, стал пришедший вызов самого «батяки» или всего его полка. По одной из версий, Балахович был вызван в Петроград лично, по другой – вместе с полком, по третьей – также вместе с полком, но не в Петроград, а в Торошино (последняя станция перед Псковом, где концентрировались советские войска)⁶⁰.

Все источники сходятся на том, что переходу предшествовало совещание Балаховича и его командиров, в погоню за ним был отправлен отряд красной кавалерии, которому, однако, не удалось воспрепятствовать переходу. Во время прорыва в Псков Балахович показал, что он отличный партизанский начальник, и сумел практически беспрепятственно провести своих людей южнее Торошино, совершив переход через демаркационную линию на участке Порховского отряда⁶¹.

Интересные подробности о переходе Балаховича содержатся в воспоминаниях Н.О. Смирнова, служившего тогда в Отдельном Лужском батальоне: «К нам на квартиру однажды ночью прибежал телефонист и сказал, что нужно немедленно явиться в батальон <...> всех построили и говорят, что нужно ехать на станцию Торошино и преградить путь Балаховичу, который уходит со своим отрядом во Псков. Только успели об этом сказать, как галопом прискакал сам Балахович, отвел нашего командира в сторону и поговорил с ним, после чего мы получили команду разойтись по своим местам. Все разошлись, а через несколько дней получили известие о том, что Балахович ушел с частью своего отряда к немцам во Псков»⁶².

П.Р. Бермонт (Авалов), в 1919 г. командующий Западной Добровольческой армии, считал, что переход полка Балаховича был результатом заговора и был спланирован заранее на совещании в Елизарьевом монастыре 16 октября⁶³. В настоящее время эту версию поддерживает А.С. Кручинин. Он предполагает, что существовавшие планы, включавшие, возможно, захват района квартирования, был нарушены спонтанным переходом В.С. Пермикина. Поэтому С.Н. Балаховичу пришлось, спасаясь, импровизировать на ходу⁶⁴.

В приказе по лужскому военкомату от 8 ноября излагалась следующая версия событий: «Особый конный полк, команди-

ром коего состоял Балахович, производивший в уезде грабежи и насилия, приказом Военно-революционного полевого штаба расформирован. Но часть 1-го и 2-го эскадронов во главе с командным составом предательски изменила советской власти и перешла к немцам и белогвардейцам во Псков, откуда производит налеты и грабежи». В связи с этим предписывалось «...все документы Особого конного полка или III Конного полка за какими бы то ни было печатями и подписями считать недействительными, и владельцы их подлежат задержанию и доставлению в Лугу, в Военный комиссариат, к коменданту. Балахович и все другие офицеры III Конного полка подлежат задержанию и доставлению по тому же адресу. Вооруженные бродячие банды Балаховича должны везде встречать вооруженное противодействие»⁶⁵.

Вместо 3-го конного полка в составе дивизии, переименованной к тому времени в 6-ю стрелковую, приказом от 17 ноября 1918 г. был создан новый конный полк, в состав которого вошли: как 1-й эскадрон – 2-й эскадрон 1-го конного полка (командир Григорчук, 160 человек), как 2-й эскадрон – 2-й эскадрон 2-го конного полка (Балашов, 150 человек), как 3-й эскадрон – Лужский отдельный эскадрон (200 человек, 95 лошадей), как 4-й эскадрон – полуэскадрон бывшего 3-го Петроградского кавалерийского полка (Страхов, 92 человек, 38 лошадей) и Гатчинский отдельный эскадрон (Соколов, 48 человек). Временно исполняющим должность командира полка был назначен командир Гатчинского отдельного эскадрона Соколов, его помощником стал Страхов. 24 ноября полк получил название 6-го кавалерийского⁶⁶.

За год службы в Северном корпусе и Северо-Западной армии С.Н. Балахович (принявший фамилию Булак-Балахович) стал генерал-майором. В 1920 г. он последовательно служил эстонцам, латышам и полякам, пытался разыгрывать белорусскую карту. В ноябре 1920 г. как командующий Российской народно-добровольческой армией руководил провальной наступательной операцией в Белорусском Полесье. В качестве генерала запаса С.Н. Булак-Балахович в межвоенные годы проживал в Польше и погиб в Варшаве при невыясненных обстоятельствах в начале Второй мировой войны⁶⁷.

- ¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2302 (воспоминания З.Я. Шеринского). Л. 2 об.–3.
- ² РГВИА. Ф. 5344. Оп. 1. Д. 15. Л. 11 и об.
- ³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2283 (В.П. Дроздов. «Балаховщина в Пскове»). Л. 2; эти воспоминания с небольшими изменениями опубликованы: В. Дроздов. Балахович во Пскове // Спутник большевика (Псков). 1926. № 10–11. С. 68–72.
- ⁴ Фабрициус и Травинский. Две измены // Гражданская война. 1918–1921. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С. 249.
- ⁵ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 2.
- ⁶ Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 249–250.
- ⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1456 (воспоминания И.Л. Сондака). Л. 64.
- ⁸ Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте – апреле 1918 г. (составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям) // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. 1919. Вып. 2. С. 205.
- ⁹ Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 251.
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1456 (воспоминания И.Л. Сондака). Л. 63–64.
- ¹¹ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 434. Л. 267; Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 3.
- ¹² Парский Д. Указ. соч. С. 208.
- ¹³ РГВА. Ф. 1223 (11-я стрелковая дивизия). Оп. 2. Д. 434. Л. 267.
- ¹⁴ Там же. Ф. 1171 (6-я стрелковая дивизия). Оп. 1. Д. 200. Л. 15 и об., 38.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 26.
- ¹⁷ Там же. Л. 41.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 2. Л. 39.
- ¹⁹ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 3.
- ²⁰ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 29. Л. 150.
- ²¹ Там же. Д. 31. Л. 13.
- ²² Там же. Л. 14 об.
- ²³ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 4 об.–5; ЦГА СПб. Ф. Р-5444. Оп. 1. Д. 1. Л. 28 и об.; Д. 3. Л. 31 об.; Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 251.
- ²⁴ ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 83. Л. 13 об.
- ²⁵ РГВА. Ф. 1223. Оп. 2. Д. 428. Л. 83.
- ²⁶ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии (25 сентября 1918 г. – 25 сентября 1923 г.). Пг., 1923. С. 10.
- ²⁷ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 5.
- ²⁸ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 107.
- ²⁹ Там же. Л. 119.
- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-6690. Оп. 2. Д. 33. Л. 8–9.
- ³¹ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 128.
- ³² Яров С.В. Крестьянские волнения на Северо-Западе Советской России в 1918–1919 гг. // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. 1996. М., 1996. С. 155.
- ³³ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 151.
- ³⁴ Там же.

- ³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1456 (воспоминания И.Л. Сондака). Л. 66.
- ³⁶ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 4.
- ³⁷ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 164.
- ³⁸ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 3 об.
- ³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1456 (воспоминания И.Л. Сондака). Л. 64.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2283 (В.П. Дроздов). Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Д. 2405 (воспоминания И.П. Педдеса). Л. 1.
- ⁴² Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 3 об.
- ⁴³ Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 252, 254.
- ⁴⁴ Нео-Сильвестр Г. Батько Булак-Балахович (Рассказ судебного следователя) // Возрождение (Париж). 1951. Тетр. 16. С. 117.
- ⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-5444. Оп. 1. Д. 3. Л. 76.
- ⁴⁶ Алексеев Д.Ю. «Вооруженные банды, именующие себя красноармейцами»: комплектование личным составом 4-й Петроградской дивизии (весна – лето 1918 г.) // Война в судьбах людей. Сборник материалов молодежной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и приуроченной ко дню рождения Выборгского района Санкт-Петербурга. 22 мая 2015 г. СПб., 2015. С. 7–14.
- ⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-5444. Оп. 1. Д. 1. Л. 28 об., 34.
- ⁴⁸ Там же. Д. 3. Л. 39.
- ⁴⁹ Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 254.
- ⁵⁰ См., напр.: Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920. СПб., 1999. С. 216–218.
- ⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2602 (воспоминания А.М. Ковета). Л. 3–4.
- ⁵² Там же. Д. 2399 (воспоминания Т.В. Васильева). Л. 3.
- ⁵³ ЦГА СПб. Ф. Р-5444. Оп. 1. Д. 3. Л. 124, 127, 138, 141.
- ⁵⁴ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 5 и об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 5 об. и 6; Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 253.
- ⁵⁶ Например, ЦГА СПб. Ф. Р-5444. Оп. 1. Д. 3. Л. 103 об., 106 об., 117.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 175.
- ⁵⁸ Там же. Л. 183 об.
- ⁵⁹ Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 253.
- ⁶⁰ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 6–7; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2602 (воспоминания А.М. Ковета). Л. 1–4; Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 254–255.
- ⁶¹ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 7–8; Фабрициус и Травинский. Указ. соч. С. 255.
- ⁶² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2407 (воспоминания Н.О. Смирнова). Л. 3.
- ⁶³ Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт, Гамбург, 1925. С. 75.
- ⁶⁴ Кручинин А.С. С.Н. Булак-Балахович и балаховцы в борьбе за Псков осенью 1918 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Ч. 2. СПб., 2013. С. 395–400.
- ⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-5444. Оп. 1. Д. 3. Л. 155.
- ⁶⁶ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 200. Л. 192, 195 об.
- ⁶⁷ Алексеев Д.Ю. Боевые действия Русской народной добровольческой армии в ноябре 1920 г. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб., 2012. С. 253–279.

Т.В. Алексеев (Санкт-Петербург)

ПЛАНОВЫЕ НАЧАЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НЕ СЕКРЕТ, что деятельность Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (более краткое наименование – Особое совещание по обороне), ставшего в годы Первой мировой войны своего рода штабом по проведению военно-экономической мобилизации в России, за столетний период ее изучения получила весьма противоречивую оценку исследователей. Одним из недостатков в работе Совещания, постоянно фигурирующим в трудах ученых, является отсутствие плановости при выдаче военных заказов, отсутствие связи между заказами, реализуемыми внутри страны и за границей¹.

Попытаемся максимально объективно посмотреть на эту сторону деятельности Особого совещания по обороне и выяснить, в какой мере эта критика соответствовала действительному положению дел.

Военно-экономическая мобилизация как комплекс мероприятий, направленных на привлечение к работе на войну всего народного хозяйства страны, подразумевает глубокое и всестороннее предварительное планирование такого рода деятельности. Предусматривается, в частности, разработка общего плана подготовки заводов «гражданских производств» к изготовлению продукции военного назначения, разработка планов по поддержанию в мирное время «мобилизационных возможностей» на включенных в мобилизационные планы заводах, составление планов перевода заводов на работу в условиях военного вре-

мени, периодическая корректировка мобилизационных планов предприятий в зависимости от изменения военных заданий².

Однако в период, предшествовавший Первой мировой войне, ни о какой военно-экономической мобилизации речь не шла. Вследствие господства идеи о скоротечном характере будущей войны, Военное министерство России предполагало вести боевые действия за счет накопленных в мирное время запасов предметов боевого и материально-технического снабжения. Кроме этого предусматривалось усиление производственной деятельности казенных военных заводов, не исключалось также ограниченное привлечение тех частных предприятий, которые уже имели опыт выполнения военных заказов. Еще одним источником пополнения запасов считались импортные поставки.

Впрочем, начавшаяся мировая война сопровождалась колоссальным расходом практически всех предметов снабжения армии, в результате чего созданные в мирное время запасы были исчерпаны уже в течение первых нескольких месяцев вооруженного противостояния. Стала очевидной необходимость проведения военно-экономической мобилизации. С этой целью весной – летом 1915 г. в России была создана целая система чрезвычайных органов во главе с Особым совещанием по обороне.

Масштабы заготовительных операций довольствующих управлений Военного министерства, гигантские размеры финансовых средств, требующиеся для этого, заставили Особое совещание заняться планированием данной деятельности.

Большое значение при этом имели предположительные сроки окончания войны, которые выступали в качестве предельных при выдаче заказов довольствующими управлениями. С начала войны военное ведомство определило в качестве такого срока 1 июля 1915 г. Вопрос упирался в рациональность использования государственных средств на военные расходы. Правительство исходило из того, что если продукция для армии будет поступать от производителей уже после окончания войны, то это негативно отразится на финансовой системе страны, которая и так была потрясена до основания. Однако, с другой стороны, недостаточно продолжительные сроки исполнения заказов мало стимулировали промышленников к переходу на производство продукции для вооруженных сил. При этом военное ведомство исходило из того, что в случае продолжения войны сверх опре-

деленного срока имеющимся поставщикам будут выдаваться новые заказы³. В полной мере это касалось и заказов, произведенных за границей.

Впрочем, все эти соображения в скором времени были опровергнуты. Уже в феврале 1915 г. предельные сроки заказов были отодвинуты до 1 января 1916 г.⁴ «Майское» Особое совещание вскоре после начала своей работы постановило продлить срок до 1 июня 1916 г. Интересно обоснование целесообразности подобной меры, высказанное в ходе заседания Особого совещания: «При таком условии... помимо отмеченных преимуществ для частной промышленности, создалось бы, даже в случае прекращения к этому сроку войны, такое положение, что к моменту или во время ведения мирных переговоров – перед врагами, равно как и перед союзниками, стояла бы грозная, снабженная всем необходимым Русская армия, и вместе с тем этим же было бы достигнуто скорейшее пополнение запасов боевого снабжения, израсходованных за время текущей войны»⁵.

Таких результатов члены Особого совещания планировали достичь, предоставляя для исполнения заказов срок всего в один год. Исключение было сделано только для заказов на взрывчатые вещества и исходные продукты для их изготовления, которые в целях стимулирования развития химической промышленности было разрешено давать на более продолжительные периоды. Нельзя не заметить, что в этих решениях Особого совещания по-прежнему осторожность и стремление избежать «неоправданных» затрат на развитие военного производства преобладали над пониманием важности достижения самодостаточности в снабжении важнейшими видами боевого и материально-технического обеспечения.

Положение изменилось к осени 1915 г., когда сам ход войны окончательно убедил военно-политическое руководство России в ее затяжном характере. По представлению военного министра А.А. Поливанова Совет министров 12 октября 1915 г. определил в качестве предельного срока выдачи заказов 1 июля 1917 г., т. е. срок реализации заказов был увеличен более чем в полтора раза. При этом допускалось даже превышение этого срока, для чего в каждом случае требовалась санкция правительства. Осторожность уступила место сдержанному прагматизму по отношению к отечественному производству. В постановлении Совета минис-

тров говорилось: «...определенно указать на настоятельность ограничения заграничных заказов пределами совершенной необходимости и всемерного развития отечественного производства по возможности всех потребных для надобностей государственной обороны предметов и припасов»⁶.

На основании этого решения довольствующим управлениям военного ведомства было предписано определить основные параметры своей будущей заготовительной деятельности:

«...- изготовление каких предметов может быть поставлено в России, чтобы максимально сократить заграничные заказы;

- для каких предметов, не давая новые заказы, ограничиться требованиями, чтобы заводы к моменту окончания выданных имели бы запасы материалов;

- на какие предметы делать заказы не нужно;

- на какие предметы дать заказы теперь же до 1 июля 1917 г.»⁷

Установление столь продолжительных сроков заготовительных операций создавало основу для установления плановых начал в заготовительной деятельности Военного министерства.

Впервые речь о необходимости планирования этой деятельности довольствующих ведомств и соответствующего контроля со стороны Особого совещания зашла по инициативе члена Госдумы А.А. Добровольского в начале июля 1915 г. «Такой план... должен быть составлен в виде таблицы, содержащей в себе для последовательных периодов определенной продолжительности (например, двухмесячной): - 1) сведения о предвидимых расходах каждого из предметов массового потребления всей материальной номенклатуры военного ведомства и 2) сведения о количестве предметов в том числе заказанных и действительно долженствующих поступить по инспекционным донесениям»⁸.

В первые месяцы работы Особого совещания выдача заказов на определенные виды предметов снабжения осуществлялась следующим образом. Главные управления Военного министерства представляли в соответствующие подготовительные комиссии сведения о потребностях армии в тех или иных предметах, о возможностях и условиях их изготовления в России, об условиях изготовления за границей. После обсуждения в подготовительной комиссии ее решение утверждалось Особым совещанием, и довольствующее управление через исполнительную комиссию при военном министре приступало к выдаче заказов.

Таким способом, например, в начале сентября 1915 г. через подготовительную комиссию по общим вопросам были проведены заказы на подковы, ножницы для резки колючей проволоки⁹.

Однако уже 14 сентября эта же комиссия при рассмотрении вопроса о формировании новых прожекторных частей предписала Главному военно-техническому управлению (ГВТУ) представить полный план снабжения армии прожекторным имуществом¹⁰. 24 сентября аналогичное поручение в отношении военно-санитарного имущества было дано Главному военно-санитарному управлению (ГВСУ)¹¹, а 28 сентября – ГВТУ, по поводу понтонных средств и железнодорожного имущества¹².

Чуть позднее, 12 октября 1915 г., подготовительная комиссия по общим вопросам высказала пожелание о целесообразности представления довольствующими управлениями военного ведомства не отдельных заказов, а общих планов снабжения армии по группам однородных предметов довольствия войск¹³. В начале ноября 1915 г. вопрос о планировании снабжения армии был поднят уже в самом Особом совещании по обороне. ГВТУ было категорически заявлено о «необходимости выработки ... общего плана снабжения армии всеми видами военно-технического имущества, а равно о целесообразности образования при военно-техническом управлении трех комиссий для детального изучения вопросов, касающихся снабжения армии автомобильным, авиационным и телеграфно-телефонным имуществами»¹⁴.

Первым планом снабжения, рассмотренным и утвержденным Особым совещанием по обороне, стал составленный ГВСУ план обеспечения армии санитарно-медицинским имуществом на сумму более 10 млн. р.¹⁵ Главным военно-техническим управлением первым был подготовлен план обеспечения автомобильным имуществом на сумму более чем в 163 млн. р.¹⁶

Планирование заказов осуществлялось на основании расчетов довольствующих управлений. Исходными данными таких расчетов были: существовавшие нормы снабжения предметами довольствия и количество расчетных единиц (подразделений, частей, соединений), количество планировавшихся новых формирований тех или иных родов войск, ежемесячная убыль предметов довольствия по опыту боевых действий, типы заказываемых предметов снабжения, мощности отечественных предприятий по производству данного вида продукции. Кроме того, при

наличии возможностей промышленности планировалось также создание войсковых и тыловых запасов.

При этом, как отмечалось в одном из представлений ГВТУ, «...соблюдение известной осторожности в деле производства заблаговременных заказов, дабы в случае неожиданного прекращения настоящей войны, не оказалось значительного излишка разного рода предметов инженерного снабжения, в данном случае *не должно играть большой роли* (курсив мой. – Авт.), так как и этот излишек едва ли будет достаточен для удовлетворения по окончании войны всех тех требований, которые будут поступать от войсковых частей ввиду необходимости замены износившегося за время войны табельного имущества новым»¹⁷.

План заготовления определенного вида имущества представлялся довольствующим ведомством в соответствующую подготовительную комиссию (по общим, по артиллерийским или по авиационным вопросам), после обсуждения и одобрения в которой выносился на утверждение Особого совещания по обороне. Реализация плана возлагалась на довольствующее управление, что предусматривало проведение через исполнительную комиссию заказов конкретным поставщикам. При этом обращение в Особое совещание и его подготовительные комиссии, как правило, предполагалось только в случае необходимости выдачи авансов контрагентам или изменения условий заключенных ранее с ними контрактов, требующих корректировки финансовой стороны вопроса.

В отношении ряда заготовительных планов применялся более сложный порядок их рассмотрения, позволявший проверить их достоверность и правильность составления. Это касалось планов, включавших чрезвычайно многообразные предметы или требовавших для выполнения больших объемов финансовых средств. Так, для предварительной проверки составленного Главным интендантским управлением (ГИнтУ) плана заготовки снаряжения для армии на сумму более 120 млн. р. при военном ведомстве была образована отдельная межведомственная комиссия¹⁸. Планы санитарного и медицинского снабжения проверялись в комиссии Особого совещания по пересмотру норм соответствующих видов снабжения, возглавляемой А.И. Гучковым¹⁹.

Учрежденная по распоряжению военного министра 22 ноября 1915 г. при ГИнтУ комиссия по распределению заказов предме-

тов обозного имущества под председательством генерал-майора И.Р. Карачана занималась разработкой плана заготовления обозного имущества, конского снаряжения и подков²⁰. Одновременно был определен и порядок его выполнения. В частности, предусматривалось, что крупные фирмы-поставщики данных видов изделий будут непосредственно выполнять заказы главных управлений по определенной заранее схеме распределения между ведомствами. Оставшиеся нераспределенными объемы заказывались через Центральный военно-промышленный комитет (крупные предметы обоза, полевые кухни и пр.) и Земгор (мелкие принадлежности обоза, упряжь и т. п.)²¹.

В целом под контролем Особого совещания по обороне доволствующими управлениями Военного министерства было спланировано три заготовительные кампании – с предельными сроками выполнения заказов до 1 июня 1916 г., 1 июля 1917 г. и 1 июля 1918 г.

Наиболее полной и результативной стала вторая кампания, окончательная верстка планов которой была завершена в сентябре 1916 г.²² В таблице показана хронология хода рассмотрения и утверждения отдельных планов этой кампании.

Ряд планов подвергался корректировке либо в связи с увеличением норм снабжения исходя из опыта ведения войны, либо в связи с формированием новых частей и соединений.

А вот план снабжения армии радиотелеграфным имуществом, составленный в марте 1916 г., уже к лету того же года не отвечал требованиям фронта. Приказами Начальника Штаба ВГК в мае 1916 г. было объявлено новое положение о радиотелеграфе в армии, дополненное затем еще двумя распоряжениями в конце июня. Согласно новому положению, значительно увеличивалось количество приемных радиостанций особого назначения, находившихся при штабах армий и фронтов. Особенно большие изменения касались авиационной радиосвязи. Вместо одного типа радиопередатчика на самолетах с дальностью действия в 15–20 верст были введены три типа: 1) передатчики для корректировки стрельбы, соответствовавшие прежнему типу; 2) передатчики для ближней разведки с дальностью действия до 50 верст; 3) передатчики для дальней разведки с дальностью действия 100 верст. Вводились также новые типы радиоприемников: а) приемник для установки на самолет; б) приемная стан-

**Порядок рассмотрения и утверждения заготовительных
планов с предельным сроком исполнения 1 июля 1917 г.**

Виды снабжения, группы предметов снабжения	Дата рассмотре- ния подг. комиссией	Дата утвержде- ния Особым совещанием
Авиационное и воздухоплавательное имущество	14.01.16	20.01.16
Ветеринарное имущество	14.01.16	20.01.16
Полевое и позиционное прожекторное имущество	21.01.16	23.01.16
<i>Дополнение плана</i>	2.06.16	н/св ²³
Саперное и понтонное имущество	25.01.16	30.01.16
Обувь, белье, походный лагерь, предметы обмундирования	25.01.16	30.01.16
Сухари, галеты, сушеные овощи, квашеная капуста, консервы, мыло, хлебопекарные печи и принадлежности к ним	25.01.16	30.01.16
Железнодорожное имущество	1.02.16	2.02.16
<i>Дополнение плана</i>	14.04.16	16.04.16
Позиционное имущество	15.02.16	20.02.16
Подрывное имущество	15.02.16	20.02.16
<i>Дополнение плана</i>	28.07.16	3.08.16
<i>Дополнение плана</i>	1.09.16	3.09.16
Судовое имущество	22.02.16	24.02.16
Подводное минное имущество	3.03.16	5.03.16
<i>Дополнение плана</i>	10.11.16	н/св
Радиотелеграфное имущество	7.03.16	9.03.16
<i>Новый план</i>	28.07.16	3.08.16
Санитарное имущество военно-врачебных заведений	10.03.16	н/св
Медикаменты	10.03.16	30.04.16
Предметы обзонаго довольствия, конского снаряжения и подковы	10.03.16	12.03.16
Лагерные палатки	31.03.16	2.04.16
Обвязочные и укладочные материалы	31.03.16	н/св
Второстепенные предметы телеграфно-телефонного имущества	4.04.16	6.04.16
Шашки дымовой завесы	21.04.16	23.04.16
Взрывчатые вещества	26.04.16	11.05.16
Марля	16.05.16	18.05.16
Автомобильное имущество и материалы	13.06.16	15.06.16
Ручные грелки и угольные патроны к ним	7.07.16	13.07.16

Плановые начала в деятельности Особого совещания по обороне (1914–1918)

Виды снабжения, группы предметов снабжения	Дата рассмотре- ния подг. комиссией	Дата утвержде- ния Особым совещанием
Лыжи	8.08.16	10.08.16
Противогазы	9.08.16	10.08.16
Бездымный порох	16.08.16	24.08.16
Гранаты французского образца	16.08.16	24.08.16
Предметы ветеринарного снабжения		24.09.16
<i>Дополнение плана</i>	10.11.16	н/св

ция на двуколке; в) приемная станция для корректировки огня артиллерии²⁴. План снабжения пришлось составлять заново, при этом общий объем расходов на его реализацию, утвержденный Особым совещанием по обороне в начале августа 1916 г., увеличился почти на 27 %²⁵.

В целом, следует подчеркнуть, что начиная с осени 1915 г. выдача военных заказов стала производиться преимущественно в рамках составленных и утвержденных планов снабжения. При этом импортные заказы планировались во вторую очередь, в том случае, когда удовлетворить существующие потребности за счет внутреннего рынка было невозможно. Другое дело, что размеры этих неудовлетворенных потребностей были весьма значительными и к тому же имели тенденцию к росту.

Справедливости ради следует сказать, что единого, твердо определенного порядка планирования военных заказов Особое совещание по обороне так и не установило. Уже планы второй заготовительной кампании (на период до 1 июля 1917 г.), прошедшие через подготовительные комиссии и Особое совещание, частично пересматривались в исполнительной комиссии при военном министре²⁶.

Старт третьей кампании был дан решением Совета министров от 14 октября 1916 г. о продлении сроков выдачи заказов до 1 июля 1918 г. Состоявшееся 7 ноября 1916 г. под председательством помощника военного министра сенатора Н.П. Гарина совещание представителей довольствующих управлений выработало общие подходы и расчетные цифры для дальнейшего планирования. Общая численность армии была принята в 8,5 млн. человек с пополнением ее ежемесячно по 500 тыс. Кроме этого, учитывалась необходимость обеспечения 500 тыс. так называе-

мых «инородцев» (жителей Туркестана), призванных на тыловые работы.

Однако утверждение новых планов происходило уже совершенно без соблюдения некой единой схемы. Подготовительная комиссия по общим вопросам рассмотрела все планы, составленные интендантским ведомством на колоссальную сумму более 2,3 млрд. р.²⁷ При этом по отдельным планам предусматривалось заготовление имущества с учетом покрытия недопоставок по предыдущим планам, а по другим, напротив, с вычетом оставшегося от предыдущих заготовок предметов довольствия²⁸.

А вот планы снабжения военно-техническим имуществом были рассмотрены в январе 1917 г. в Особой временной комиссии с участием представителей Ставки ВГК под председательством сенатора Н.П. Гарина. После Февральской революции и появления совещания товарищей министров по снабжению под председательством помощника военного министра генерала от артиллерии А.А. Маниковского планы стали рассматриваться в этой комиссии²⁹.

Однако даже эти обстоятельства только подчеркивают ту новую тенденцию, которая обозначилась в ходе Первой мировой войны и отразилась на работе как чрезвычайных органов военно-экономической мобилизации, так и штатных правительственных структур. Это тенденция к упорядочению и централизации военно-хозяйственной деятельности, к планированию работы по снабжению армии с учетом складывающейся военно-политической и социально-экономической обстановки. Диктовалось же это необходимостью рационального распределения ограниченных ресурсов в условиях привлечения к работе на войну всего народнохозяйственного комплекса страны.

¹ См., напр., Сидоров А.Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции / Под общ. ред. М.Н. Покровского. Т. 1. М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 172; Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. С. 287; Литвиненко Д.В. Отмобилизование и перестройка артиллерийской промышленности в годы Первой мировой войны // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 11 марта 2009 г. Сб. научн. ст. СПб., 2010. С. 56.

² Отчет о деятельности Совета военной промышленности за 1919 и 1920 гг. М.: Изд-во ГУВП, [б. г.]. С. 46.

- ³ Представление военного министра А.А. Поливанова в Совет министров от 4 октября 1915 г. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 925. Л. 1.
- ⁴ Там же. Л. 2.
- ⁵ Журнал № 2 Особого совещания... Заседание 18 мая 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства (далее ЖОСО). 1915 год. М., 1975. С. 8.
- ⁶ Положение Совета министров от 12 октября 1915 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 925. Л. 6.
- ⁷ Циркуляр помощника военного министра А.С. Лукомского от 25 октября 1915 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее Архив ВИМАИВиВС). Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 1. Л. 20.
- ⁸ Журнал № 11 Особого совещания... Заседание 1 июля 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 96.
- ⁹ Журнал № 2 подготовительной комиссии по общим вопросам (далее ПКОВ). Заседание 3 сентября 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 69. Л. 16, 20.
- ¹⁰ Журнал № 5 ПКОВ. Заседание 14 сентября 1915 г. // Там же. Л. 85.
- ¹¹ Журнал № 8 ПКОВ. Заседание 24 сентября 1915 г. // Там же. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 69. Л. 111.
- ¹² Журнал № 9 ПКОВ. Заседание 28 сентября 1915 г. // Там же. Л. 125–127.
- ¹³ Журнал № 13 ПКОВ. Заседание 12 октября 1915 г. // Там же. Д. 70. Л. 32.
- ¹⁴ Журнал № 21 Особого совещания... Заседание 4 ноября 1915 г. // ЖОСО. 1915 год. С. 389.
- ¹⁵ Журнал № 15 ПКОВ. Заседание 19 октября 1915 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 70. Л. 51.
- ¹⁶ Журнал № 22 ПКОВ. Заседание 12 ноября 1915 г. // Там же. Д. 71. Л. 45.
- ¹⁷ Соображения по заготовке предметов саперного и понтонного имущества для снабжения армии на срок до 1 июля 1917 г. (от 26 ноября 1915 г.) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 151. Л. 6.
- ¹⁸ Журнал № 30 ПКОВ. Заседание 10 декабря 1915 г. // Там же. Д. 72. Л. 48.
- ¹⁹ Журнал № 52 ПКОВ. Заседание 10 марта 1916 г. // Там же. Д. 51. Л. 38.
- ²⁰ Журнал № 101 ПКОВ. Заседание 3 октября 1916 г. // Там же. Д. 54. Л. 2.
- ²¹ Журнал № 52 ПКОВ. Заседание 10 марта 1916 г. // Там же. Д. 51. Л. 41.
- ²² Краткая программа снабжения армии на период до 1 июля 1917 года. Пг., 1916.
- ²³ Обозначенные таким образом планы не рассматривались на заседании Особого совещания по обороне, а были утверждены единолично председателем Совещания.
- ²⁴ Журнал № 88 ПКОВ. Заседание 28 июля 1916 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 52. Л. 37.
- ²⁵ Журнал № 93 Особого совещания... Заседание 3 августа 1916 г. // ЖОСО. 1916 год. М., 1977. С. 445.
- ²⁶ Журнал № 144 ПКОВ. Заседание 15 июня 1917 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 64. Л. 44.
- ²⁷ Журнал № 123 ПКОВ. Заседание 19 января 1917 г. // Там же. Д. 59. Л. 6.
- ²⁸ Журнал № 124 ПКОВ. Заседание 23 января 1917 г. // Там же. Л. 45–56.
- ²⁹ Журнал № 144 ПКОВ. Заседание 15 июня 1917 г. // Там же. Д. 64. Л. 45.

О.Е. Алтеев (Москва)

РАЗВИТИЕ ПЛАНА ВОЙНЫ РОССИИ ПРОТИВ СТРАН ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА (1873–1914)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ в России стратегического плана войны против держав Тройственного союза в последней четверти XIX – начале XX вв. является важной и актуальной научной проблемой. Общепринятая периодизация развития стратегического планирования Российской империи была изложена в монографии выдающегося историка А.М. Зайончковского «Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов», вышедшей в 1926 г.¹

Используя большое количество архивных документов, автор попытался нарисовать целостную картину истории разработки военных планов России накануне Первой мировой войны. Зайончковский выделил три основных этапа в русском стратегическом планировании. Первым он называл «милютинско-обручевский» период (1873–1910), названный так в честь военного министра Д.А. Милютина и начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, заложивших основу системы государственной обороны России. Его основным содержанием являлась подготовка к оборонительным действиям против Германии и к наступлению против Австро-Венгрии. Второй этап (1910–1912) совпадал со временем действия первого варианта «мобилизационного расписания 1910 года» и характеризовался господством оборонительной стратегии в российском Генеральном штабе. Зайончковский считал произошедший отказ от «милютинско-обручевской системы» обороны государства безусловным регрессом стратегического планирования. Последний этап развития плана войны, после 1912 г., связывался автором с возрожде-

нием наступательных тенденций и частичным возвращением к наследию Милютина и Обручева.

Как нам представляется, Зайончковскому не удалось показать развитие русского плана войны. Это связано с тем, что, во-первых, историк построил свое исследование на узкой источниковой базе, состоящей в основном из итоговых директивных документов стратегического планирования Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) Российской империи. Во-вторых, он не уделял должного внимания раскрытию причинно-следственных связей в военном планировании. Как следствие, предложенная им периодизация оказалась ошибочной.

Реконструировать процессы разработки планов войны России и раскрыть их эволюцию, показать действительный характер русского стратегического планирования представляется возможным при помощи комплексного компаративного изучения планирующих документов ГУГШ, материалов оперативного планирования, проводившегося в штабах военных округов, а также документов военных игр и полевых поездок офицеров Генштаба. Предложенная методика позволяет выделить в развитии русских военных планов в 1873–1914 гг. четыре этапа.

Первый этап (1873–1903) длился значительно меньше, чем считал Зайончковский. Необходимость планомерной подготовки к войне на западной границе была осознана военным руководством России сразу после образования в 1871 г. Германской империи. Опыт австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870–1871 гг. показал важность заблаговременной подготовки государства к проведению мобилизации и сосредоточения армии. Начало подготовки к вооруженному столкновению с Германией и Австро-Венгрией было положено в обширной стратегической записке Н.Н. Обручева под названием «Соображения об обороне России», разработанной в начале 1873 г.² Главная идея стратегии Обручева заключалась в обороне против одного из противников и наступлении против другого. Предпочтение в выборе объекта для атаки отдавалось Австро-Венгрии. С этой целью Обручев намеревался развернуть главные силы русской армии на западной границе в трех группах – на Немане, в пределах Привислинского края и на Волыни. Вместе с тем, в его планах условно рассматривалась возможность наступательных действий против Германии. Кроме подготовки к наступлению

в Галицию, главной целью вооруженных сил России Обручев видел захват Босфора – этот проект разрабатывался в Главном штабе и в штабе Одесского военного округа³. Таким образом, в 80-е гг. XIX в. окончательно сложился общий стратегический план на случай большой европейской войны. Его краеугольными камнями стали наступление в Галиции, оборона германской границы и овладение Босфором⁴. Кроме того, в Главном штабе и штабе Варшавского военного округа были подготовлены планы кавалерийского рейда на территорию Германии и Австро-Венгрии с целью срыва мобилизации и сосредоточения их сухопутных вооруженных сил. В период действия «милютинско-обручевской системы» государственной обороны были разработаны пять планов войны – в 1880, 1883, 1887, 1890 (модифицирован в 1893 и 1897 гг.) и в 1903 г.

Последним планом войны «милютинско-обручевской системы» государственной обороны, основанной на оборонительно-наступательной стратегии, стало «мобилизационное расписание № 18» 1903 г. (схема 1). Согласно нему против Германии планировалось развернуть Северо-Западный фронт в составе 1-й и 2-й армий, XXVIII отдельного корпуса и Варшавского укрепленного района. На них возлагалась задача воспрепятствовать вторжению германцев в пределы империи. Против Австро-Венгрии выделялись 3-я, 4-я и 5-я армии и XXVI отдельный корпус. Целью армий Юго-Западного фронта являлось поражение австро-венгерских войск в Галиции. Общий резерв составляли 6-я армия, XXV и XXIX корпуса, формируемые из резервных дивизий, развертывавшихся при мобилизации. Под Петербургом оставалась 7-я (Балтийская) отдельная армия. Для наблюдения за Румынией предполагалось развернуть XXVII отдельный (Бессарабский) корпус⁵.

Второй этап (1906–1910) характеризовался наибольшим тяготением руководства Генерального штаба к оборонительной стратегии, что объяснялось катастрофическим состоянием армии и флота России после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. В этот период русское стратегическое планирование претерпевает кардинальные изменения и порывает с наследием Милютин и Обручева. 18 сентября 1906 г. 1-й обер-квартирмейстер ГУГШ – вновь созданного специального планирующего органа, генерал-майор М.В. Алексеев и делопроизводитель

Развитие плана войны России против стран Тройственного союза (1873–1914)

Схема 1. Стратегическое развёртывание по «мобилизационному расписанию 18»

оперативного делопроизводства полковник С.К. Добrorольский представили на рассмотрение начальника Генштаба генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына доклад за № 199 под названием «Проект сосредоточения наших армий на западноевропейской границе»⁶. Изложенный в нем план развертывания имел явную антигерманскую направленность и являлся исключительно оборонительным. Этот проект получил одобрение Николая II 18 ноября 1906 г.

23 января 1907 г. были утверждены «Руководящие основания» главнокомандующему Северо-Западными армиями и командующему отдельной Киевской армией по «мобилизационному расписанию № 18 восстановленному», как стал называться комплекс планирующих документов по новому плану войны⁷. В этих документах излагались ближайшие задачи сухопутных вооруженных сил на случай войны с державами Тройственного союза. В состав Северо-Западного фронта по новому плану войны входили 1-я, 2-я, 3-я, Вислинская («В») и Центральная («Ц») армии. Против Австро-Венгрии выставлялась отдельная Киевская («К») армия, развертываемая в 2-х группах возле Дубно и Проскурова. На второстепенных направлениях оставлялись заслоны – Балтийская («Б») и Бессарабская (или Одесская – «О») армии (схема 2).

Эти документы носили пассивно-выжидательный характер, из-за чего четко поставленные задачи в них отсутствовали. Реконструировать взгляды руководства русского Генштаба на стратегическое применение сухопутных вооруженных сил империи в случае войны во время действия «мобилизационного расписания № 18 восстановленного» позволяют документы военных игр, проведенных в 1906–1909 гг. Они показывают, что разработчики плана войны смирялись с потерей Царства Польского и допускали отход во внутренние губернии вплоть до Западной Двины и Днепра. Считалось необходимым вести оборонительные действия в течение одного-трех месяцев, после чего планировался переход в наступление силами свежих войск внутренних и периферийных военных округов. Ответный удар русских армий наносился по растянутым коммуникациям германцев, вторгнувшихся в глубь территории Российской империи. Особенно ярко взгляды русского Генерального штаба на вероятный сценарий развития военных действий отразились в документах игр

35

штаба Московского военного округа, войска которого в ходе занятий выступали в качестве стратегического резерва. Так, игра, проведенная при штабе округа с 22 января по 5 февраля 1907 г. свидетельствует о сдержанной оценке Генеральным штабом способности русской армии противостоять германскому вторжению⁸. Согласно предположению, кайзеровские армии вторглись в пределы Польши и через три месяца войны заняли Минск, отбросив русские войска на линию Полоцк – Витебск – Орша. На четвертый месяц войны на театр военных действий начали прибывать подкрепления из Сибири и Туркестана, что позволило русской стороне перейти в наступление, главную роль в котором играли войска Московского военного округа, наносившие удар в направлении на Борисов и Минск. Стратегические игры, организованные штабом Московского военного округа в период с конца 1907 и до начала 1910 гг., также посвящались отработке наступления против вторгнувшихся в пределы России германских войск⁹.

В следующий период развития русского плана войны (1910–1912) произошел коренной поворот в сторону подготовки к ведению наступательных действий, что объясняется восстановлением военной мощи России после русско-японской войны. Начавшийся в 1908 г. Боснийский (Аннексионный) кризис продемонстрировал, что его разработчикам не удалось создать универсальный план развертывания, отвечающий любой обстановке. Конфликт на Балканах вынудил руководство Генерального штаба подготовить план войны на случай сосредоточения главных сил против Австро-Венгрии. Ко 2 декабря 1908 г. в управлении генерал-квартирмейстера ГУГШ подготовили 6 вариантов плана развертывания против Австрии под литерами «А», «Б», «В», «Г», «Д» и «Е», из которых для дальнейшей детальной разработки был выбран последний¹⁰. Однако к моменту признания аннексии Боснии и Герцеговины Сербией, Великобританией и Францией завершить его не успели, и к концу апреля 1909 г. работы над ним были прекращены.

Боснийский кризис обнажил серьезные недостатки стратегического плана войны России. В докладе от 4 октября 1908 г. за № 1774 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор В.Е. Борисов отмечал, что «мобилизационное расписание № 18 восстановленное» не отвечало своему предназначению – служить уни-

версальным военным планом на случай конфликта в Европе. Развертывание главных сил кордоном вдоль германской границы затрудняло ведение как оборонительных, так и наступательных действий. По мнению Борисова, районы сосредоточения русских армий следовало отнести в глубь страны¹¹.

Заменившее «мобилизационное расписание № 18 восстановленное» «мобилизационное расписание 1910 года», принятое 26 июня 1910 г., задумывалось как исключительно оборонительное. По новому плану развертывания территория левобережной Польши очищалась от полевых войск. От создания фронтовых управлений решили отказаться. Виленским, Варшавским и Киевским военными округами формировались три перволинейные армии – 1-я, 2-я и 3-я. Наиболее выдвинутая вперед 2-я армия развертывалась в 2 группах – северной (VI, XIII, XV армейские корпуса, 3-я гвардейская пехотная дивизия XIX корпуса) и южной (XIV корпус, 38-я пехотная дивизия XIX корпуса). Мобилизация и сосредоточение обеспечивались XXIII корпусом, первое время остававшимся на левом берегу Вислы, и кавалерией. 3-я армия также развертывалась в двух районах – Дубно-Ровненском (IX, X, XI, XXI и III Кавказский корпуса) и Проскуровском (VII, VIII и XII корпуса). Прибывающие из Казанского и Московского военных округов корпуса сводились в 4-ю и 5-ю армии. Они развертывались в тыловых районах Свеняны – Вильно – Молодечно и Лида – Волковыск – Барановичи. На Балтийском побережье и в Бессарабии выставлялись отдельные 6-я и 7-я армии (схема 3)¹².

Новый план войны встретил ожесточенную критику со стороны военных округов. Еще в период его подготовки 23 января 1910 г. начальник штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Н.А. Ключев представил в ГУГШ «Соображения о наступательных действиях из района 2-й армии при войне с Германией и Австрией», где предложил отказаться от оборонительного образа действий и начать готовиться к наступлению против Германии (схема 4)¹³. Также в записке он детально разработал план концентрического вторжения в пределы Восточной Пруссии силами 1-й, 2-й армий и части корпусов 4-й и 5-й. Эти войска Ключев считал необходимым сосредоточить на левом фланге 2-й армии, на линии Остроленка – Цеханов. С целью обеспечения наступления в пределы Германии он настаивал на усилении

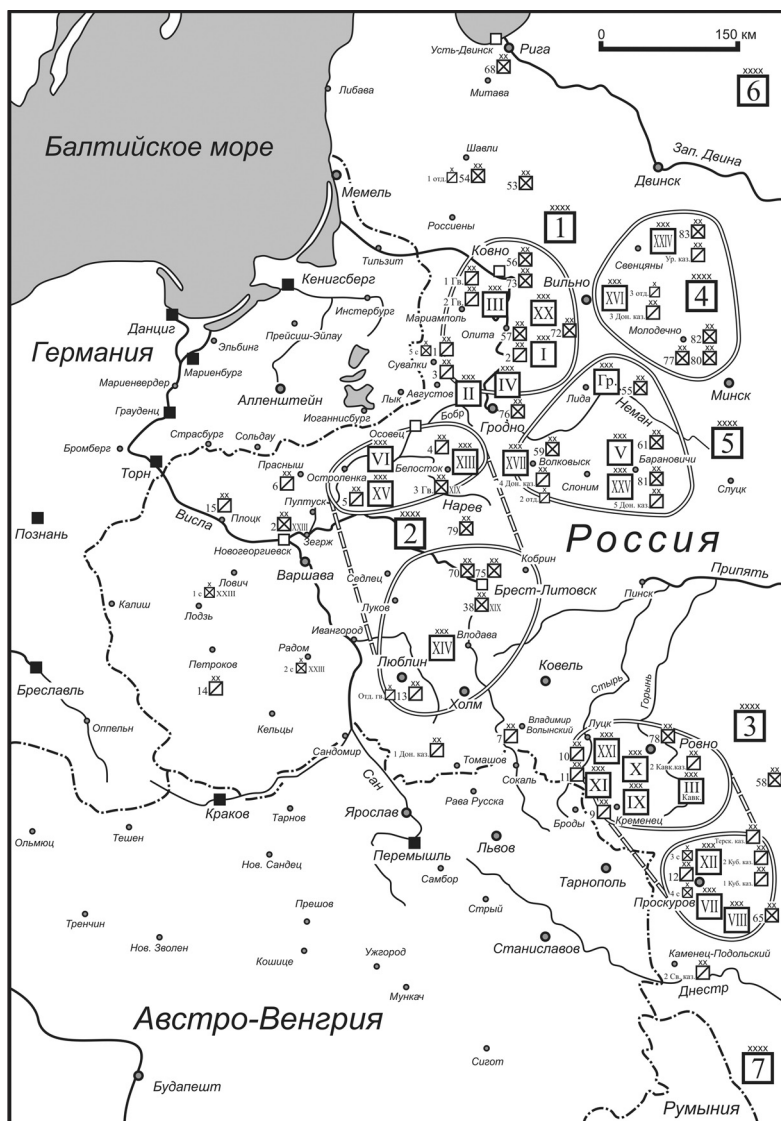

Схема 3. Стратегическое развёртывание
по «мобилизационному расписанию 1910 года»

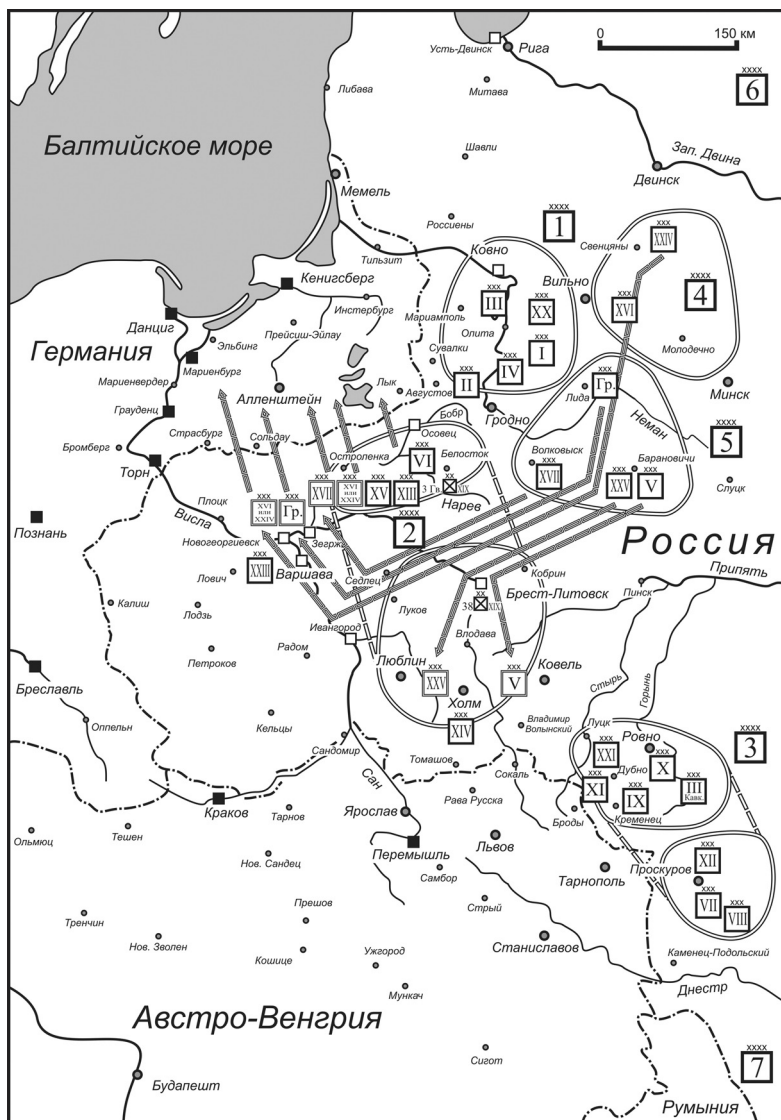

Схема 4. Проект стратегического развертывания
Н.А. Клюева, 1910 г.

войск на южном фланге Варшавского округа двумя корпусами 5-й армии, развернув их на линии Люблин – Холм – Ковель. Ключев протестировал предложенный план наступления в Восточную Пруссию в ходе двух больших стратегических военных игр со старшими войсковыми начальниками в 1910 и 1911 гг., подтвердивших его выполнимость¹⁴. Идеям Ключева суждено было лечь в основу введенного двумя годами позже плана развертывания, известного как вариант «Г» «мобилизационного расписания 1910 года».

К декабрю 1910 г. в полном соответствии с идеями Ключева в ГУГШ составили дополнительные планы перевозок корпусов 4-й и 5-й армий на восточно-прусскую границу. Для их испытания в конце года руководство ГУГШ организовало широкомащтабную стратегическую игру с командующими войсками европейских военных округов, но занятия не состоялись¹⁵.

Дополнительные маршруты перевозок корпусов Московского и Казанского военных округов, подготовленные в ГУГШ, в корне меняли первоначальную концепцию «мобилизационного расписания 1910 года», так как отвечали другой задаче – сокрушению вооруженных сил Германской империи. На австро-венгерском стратегическом направлении Генеральный штаб России продолжал готовиться к обороне.

Последний этап в эволюции плана войны Российской империи (1912–1914) также характеризовался господством наступательных взглядов. Но теперь руководство ГУГШ рассматривало в качестве главного противника Австро-Венгрию, разгром которой стал первостепенной задачей русской стратегии. Главным вдохновителем восстановления приоритета галицийского направления стал начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.В. Алексеев. Вместе с тем начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский и генерал-квартирмейстер генерал-майор Ю.Н. Данилов не собирались отказываться от активных действий на границе с Восточной Пруссией. Переоценивая наступательные возможности русской армии, военное руководство империи пошло на распыление сил между двумя стратегическими направлениями.

18–22 февраля 1912 г. в Москве состоялось совещание начальников окружных штабов, ознаменовавшееся торжеством антиавстрийских тенденций в Генеральном штабе. В итоге были

разработаны «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза», в которых излагались ближайшие задачи и состав армий на западной границе¹⁶. Документ был утвержден Николаем II 1 мая 1912 г. Он содержал два плана развертывания – основной, «А» (нанесение главного удара по Австро-Венгрии), и дополнительный, «Г» (нанесение главного удара по Германии). Вариант «А» предусматривал не только наступление в пределы Австро-Венгрии, но и вторжение в Восточную Пруссию. Русское командование ввело в действие этот план войны в 1914 г. (схема 5).

По варианту «А» в состав Северо-Западного фронта, развертываемого против Германии, назначались 1-я и 2-я армии. На них возлагалась задача осуществить концентрическое наступление в пределы Восточной Пруссии «с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий». 1-я армия состояла из Гвардейского, I, III и IV корпусов и развертывалась на Среднем Немане. Во 2-ю армию входили II, VI, XIII, XV и XXIII корпуса. Главные силы армии занимали район Гродно – Белосток – Ломжа.

Армии Юго-Западного фронта, выделявшегося против Австро-Венгрии, развертывались в двух группах: 4-я и 5-я армии – на южном фронте Варшавского военного округа, на линии Холм – Люблин – Ковель; 3-я армия – в пределах Киевского округа, в Дубно – Ровненском и Проскуровском районах. 4-я армия состояла из Гренадерского, XIV, XVI, XX и XXIV корпусов, 5-я – из V, XVII, XIX и XXV корпусов. В 3-ю армию входили VII, IX, X, XI, XII, XXI и III Кавказский корпуса. Основной задачей фронта являлось окружение и разгром австро-венгерской группировки в Галиции. План «Г» не отличался от модифицированного в конце 1910 г. проекта развертывания по «мобилизационному расписанию 1910 года» (схема 6). Последнее изменение в план развертывания было внесено 20 декабря 1912 г., в самый разгар так называемого «мобилизационного кризиса» на Балканах, когда было принято решение передать XXIV корпус из 4-й армии в 3-ю.

Необходимо отметить, что план войны 1912 г. являлся чересчур рискованным и не отвечал текущему состоянию сухопутных вооруженных сил страны. Переоценивая наступательные возможности русской армии, военное руководство империи пошло

Схема 5. Стратегическое развёртывание по «мобилизационному расписанию 1910 года» (1912). План «А»

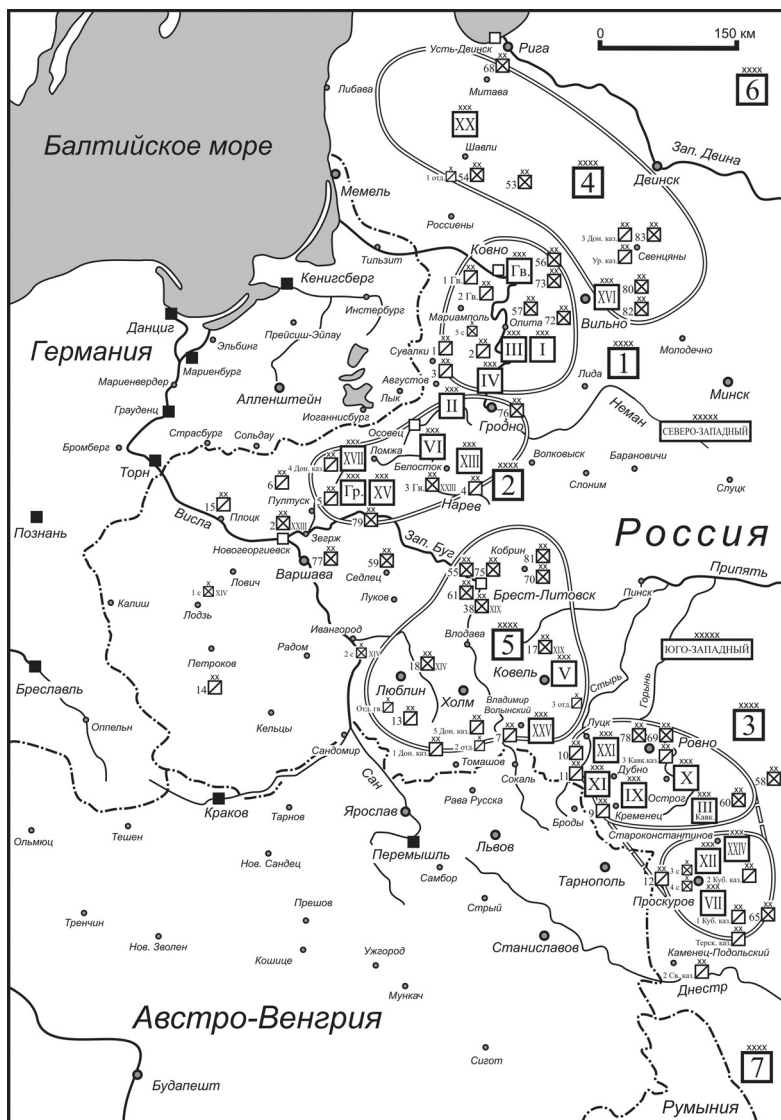

Схема 6. Стратегическое развёртывание по «мобилизационному расписанию 1910 года» (1912). План «Г»

на распыление сил между двумя стратегическими направлениями. Созданный на основе предложений начальника штаба Киевского военного округа М.В. Алексева и действовавшего антигерманского плана войны проект развертывания не позволял добиться решающего численного превосходства над противниками ни на одном из них. Он не получил поддержки среди военно-окружного руководства, о чем свидетельствуют, например, документы военных игр и полевых поездок Варшавского округа, в ходе которых отрабатывались оборонительные действия на германской границе. Это отражало неверие окружного руководства в успех вторжения в Восточную Пруссию.

С целью проверить основные положения нового плана войны и продемонстрировать военно-окружной «фронде» непогрешимость плана войны России руководство ГУГШ провело 20–24 апреля 1914 г. в Киеве большую стратегическую игру¹⁷. В ее ходе русской стороне удалось отразить наступление германцев на неманском направлении и начать вторжение в Восточную Пруссию. Армии Юго-Западного фронта остановили продвижение австро-венгерских войск в пределы Варшавского и Киевского военных округов и начали охватывать фланги 1-й и 2-й армий противника. Эта военная игра окончательно закрепила рискованный характер стратегического планирования, осуществлявшегося в российском Генеральном штабе накануне Первой мировой войны (схемы 7 и 8).

С середины 1912 г. началась подготовка к введению в действие «мобилизационного расписания № 20» и нового плана развертывания. Окончательный вариант проекта излагался в докладе № 329 от 22 сентября 1913 г. «О развертывании наших вооруженных сил при войне на Западном фронте, ко вводу в действие “мобилизационного расписания № 20”»¹⁸. 25 сентября доклад получил одобрение Николая II, и на его основе в ГУГШ подготовили «Основные соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза (к введению в действие “мобилизационного расписания № 20”», которым предстояло стать фундаментом всех дальнейших работ по стратегическому планированию¹⁹. Новый проект развертывания стал логичным развитием компромиссной концепции наступления на обоих стратегических направлениях. «Мобилизационное расписание № 20» должно было быть введено в дейс-

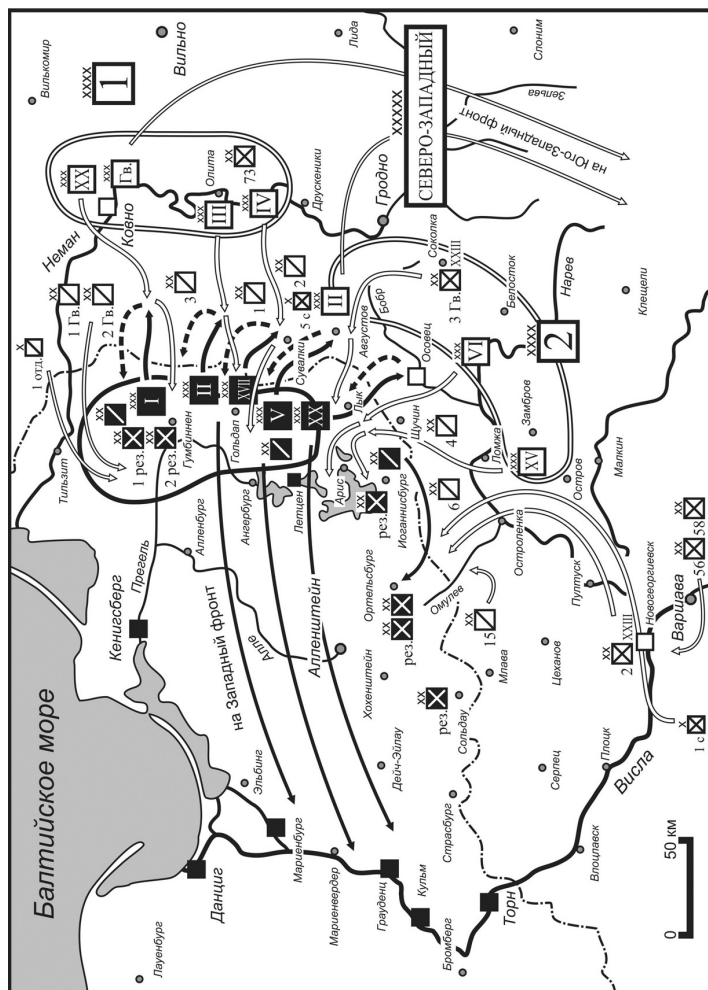

Схема 7. Стратегическая военная игра старших войсковых начальников в Киеве 20–24 апреля 1914 г.
Действия на Северо-Западном фронте

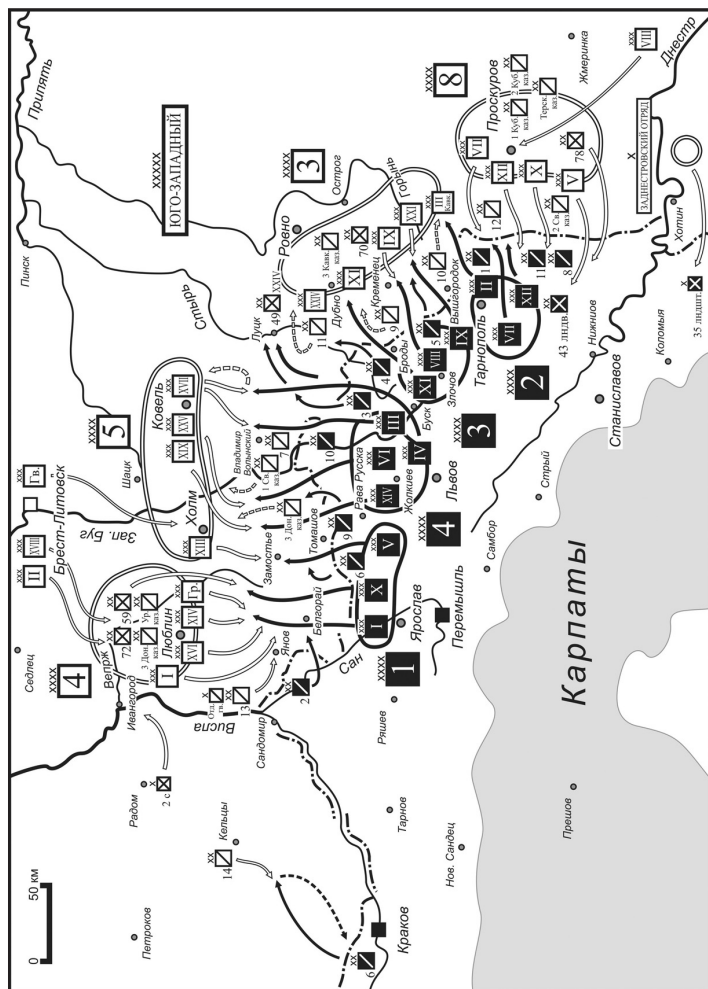

Схема 8. Стратегическая военная игра старших войсковых начальников в Киеве 20–24 апреля 1914 г.
Действия на Юго-Западном фронте

твие в 1915 г., однако завершить его к началу Первой мировой войны не успели, поэтому стратегическое развертывание в августе 1914 г. осуществлялось по «мобилизационному расписанию 1910 года». Новый проект развертывания стал логичным развитием компромиссной концепции наступления на обоих стратегических направлениях, против которой активно выступали представители окружных штабов.

Таким образом, проведенное нами комплексное изучение планирующих документов Генерального штаба России и материалов стратегических игр и полевых поездок, позволило нам пересмотреть традиционную хронологию эволюции русского стратегического планирования в последней четверти XIX – начале XX вв. С помощью сравнительного анализа этих документов удалось создать объективную периодизацию развития планов войны Российской империи перед Первой мировой войной, которая, по нашему мнению, состоит из четырех этапов. Развитие русского стратегического планирования проделало путь от оборонительно-наступательного плана войны, разрабатывавшегося в последней четверти XIX в., к оборонительной стратегии, воплощенной в «мобилизационном расписании № 18 восстановленном» 1906/07 г. Логическим итогом его эволюции стало принятие в 1910 г. наступательного плана войны. Необходимо подчеркнуть, что возрождение наступательных традиций в российском Генеральном штабе произошло на два года раньше, чем считалось в исторической литературе. Характерной особенностью развития военных планов России следует признать то, что незадолго перед началом Первой мировой войны Генеральный штаб империи принял решение наступать сразу на двух стратегических направлениях, а не на одном, что предусматривалось всеми предыдущими проектами развертывания.

¹ Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926.

² Анализ этой записки см.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 280–288; Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 127–128.

³ О подготовке десантной экспедиции на Босфор см., напр.: Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России / под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 158–261; Его же. Предположение атаки Царьграда: Рус-

ские проекты десанта на Босфор первой половины XIX века // Родина. 2008. № 3. С. 60–63; Бакулин В.М. Военная подготовка Россией Босфорской экспедиции в 80 – начале 90-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁴ Айрапетов О.Р. Забытая карьера... С. 254–255.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 492. Л. 1–11.

⁶ Там же. Д. 97. Л. 1–49. Приложения – Л. 50–70. Подробный анализ этого документа см.: Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 88–90.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 492. Л. 70–72 об., 78–79 об. В документах ГУГШ это расписание также иногда называется «измененным».

⁸ Рукописный отчет окружного штаба об этой игре см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 423. Л. 37–76.

⁹ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 936. Л. 38–38 об.

¹⁰ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 514. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 53–57.

¹² Подробнее см.: Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 211–227.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1790. Л. 49–57 об., 59–59 об.

¹⁴ Подробные описания этих игр см.: Разбор военной игры старших пехотных начальников, веденной в феврале 1910 года при штабе Варшавского военного округа // Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2821. Л. 197–204; Отчет о военной игре старших войсковых начальников Варшавского военного округа в 1911 г. // Там же. Д. 172. Л. 1–12 об., 13–17.

¹⁵ Подготовительные материалы этой игры и переписку об ее организации см.: Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1981. Л. 1–19; Д. 1982. Л. 37–39 об., 47–48 об., 50–51, 79–80 об., 90–91 об.; Д. 1983. Л. 13–19 об.

¹⁶ Там же. Д. 2236. Л. 2–7 об.

¹⁷ См. подробнее: Отчет о стратегической военной игре, состоявшейся в г[ороде] Киеве с 20-го по 24-е апреля 1914-го года // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1990. Л. 3–14 об.; Суворов А.Н. Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года // Военно-исторический сборник. 1919. Вып. 1. С. 9–28; Меликов В.А. Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войны. М., 1935. Т. 1. Мировая империалистическая война 1914–1918 гг. С. 247–261; Алпеев О.Е. На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872–1914 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Иванович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2011. Т. X. С. 254–258.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7140. Л. 107–122.

¹⁹ Там же. Д. 1833. Л. 1–16 об.

М.А. Анисимова (Санкт-Петербург)

ЯПОНСКИЕ МЕЧИ ПРОВИНЦИИ ХИДЗЭН ИЗ СОБРАНИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО МУЗЕЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В ХОДЕ научно-исследовательской работы, посвященной японскому оружию в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (до 1963 г. – Артиллерийский исторический музей), было изучено двенадцать японских мечей, изготовленных кузнецами провинции Хидзэн. На оружии выявлены, прочитаны и переведены соответствующие иероглифические надписи. Все мечи относятся к периоду Эдо – с XVII до XIX вв. включительно.

Исторически сложилось, что разные провинции Японии имели свои приемыковки мечей, использовали особые источники руды и виды древесного угля. Стили изготовления мечей различаются в зависимости от того, где они были произведены. Не была исключением и провинция Хидзэн (肥前国 [Хидзэн *но кун*]), которая находилась на севере острова Кюсю. В результате реформ Мэйдзи по изменению административного деления – в 1870 г. – провинция была разделена, и сейчас на этой территории находятся префектуры Сага и Нагасаки.

Начиная с середины XVI в. корабли европейцев стали приходить к японским берегам, и провинция Хидзэн одной из первых вступает в контакт с ними. Со второй половины XVII в. границы Японии были закрыты. Голландцы остались единственными европейцами, с которыми велась торговля в фактории на острове Десима, находящемся неподалеку от Нагасаки. Несмотря на то что общение с европейцами было сведено к минимуму и только очень небольшое количество европейских изделий попадало к японцам, некоторые из мастеров экспериментировали с европейскими стальями и даже изготавливали дета-

ли оправы меча в так называемом стиле *намбан**. В целом же в тот период влияния на искусство японского меча европейцами оказано не было.

В провинции Хидзэн правил самурайский клан Набэсима. Несмотря на то что мечи здесь изготавливались еще со времен периода Намбокутё (1333–1392) (школа Хирадо Са), школа клинков, как особое явление, появилась там в конце XVI – начале XVII вв. Начало ей было положено, когда один из молодых кузнецов, Хасимото Синдзаэмон Тадаёси (1572–1632), в 1596 г., отправился в Киото, в провинцию Ямасиро, учиться ковке мечей у одного из лучших мастеров своего времени – Умэтада Мёдзю. Стиль ковавшихся там клинков соответствовал стилю этой провинции в целом.

Тадаёси вернулся после завершения трехлетнего курса обучения в город Сага, столицу провинции Хидзэн, где и был приглашен в качестве кузнеца кланом Набэсима¹. Тадаёси возглавил группу единомышленников и основал собственную школу изготовления мечей, существовавшую на протяжении всего периода Эдо, вплоть до 1870-х гг. Он становится первым мастером из основной ветви школы – династии Тадаёси-Тадахиро. В 1615 г. он удостоился почетного титула «Мусаси *но Дайдзё*» (*Дайдзё* провинции Мусаси), после чего сменил имя Тадаёси на новое – Тадахиро. С тех пор прямой потомок в этой династии носил имя Тадаёси до момента смерти мастера, после чего принимал имя Тадахиро, и это стало традицией².

Кузнец из второго поколения династии Тадаёси-Тадахиро приобретал титул «Оми *но Дайдзё*» (*Дайдзё* провинции Оми), из третьего – титул «Муцу *но Ками*» (*Ками* провинции Муцу). Мастера Тадаёси четвертого, пятого и шестого поколения носили титулы «Оми *но Ками*». Побочные линии этой школы, также несколько поколений мастеров, носили имена Масахиро, Юкихиро, Тадакуни и некоторые другие. Признанными среди них были такие кузнецы, как Тоса *но Ками* Тадаёси, Кавати *Дайдзё* Масахиро, Дэва *но Ками* Юкихиро, Ие *но Дзё* Мунэцугу и Харима *Дайдзё* Тадакуни.

Традиция давать кузнецам почетные титулы, такие как «*Ка-ми*» (правитель провинции), «*Дайдзё*» (помощник правите-

* *Намбан* – дословно «южные варвары», как в то время японцы называли европейцев.

ля), «Сукэ» (второй помощник правителя), «Дзё», «Фудзивара», «Минамото», указывающие на статус кузнеца, появляется в начале периода Эдо (начало XVII в.), когда формируется четко структурированная классовая система. Примерно с этого времени кузнецы стали указывать на хвостовике меча, помимо своего имени, еще и титул.

Мечи школы Тадаёси благодаря своим прекрасным качествам получили широкую известность и признание во всей Японии. Было произведено значительное количество мечей, и многие из них признаны шедеврами. Клинки этой школы становятся олицетворением мечей Хидзэн как таковых.

Клан Набэсима непосредственно контролировал производство и продажу мечей в пределах своих владений, и производство процветало там на протяжении длительного времени³. К сожалению, слава обусловила появление множества подделок уже в период существования школы, и не всегда подпись с именем и титулом мастера Хидзэн свидетельствует о подлинности предмета.

Клинки Хидзэн были хорошей формы и с элегантным изгибом. Поверхность меча (*дзи-хада*) у мастеров первых поколений была типа *ко-мокумэ-хада*, смешанная с *о-хада*, а в поздние времена – плотная *ко-мокумэ-хада*, еще называемая *конука-хада*, что становится стилем мечей Хидзэн.

Хвостовики мечей чаще всего относительно узкие, и наиболее распространенными вариантами их окончаний являются:

- *кури дзири* («форма каштана») – плавно закругленное и симметричное окончание, самая распространенная форма хвостовика у японских мечей, в целом;

- *кэнгё дзири* («форма меча») – в виде симметричного угла, центр которого находится по центру хвостовика;

- *ириямагата дзири* («форма вершины горы») – когда окончание хвостовика сделано в виде не симметричного угла, вершина которого находится на линии ребра *синоги*.

Ясуримэ – гравировка или, точнее, опиловка напильником, в виде прямых линий, которую японские мастера наносят на хвостовики своих мечей, также имела свои отличия для этой школы. На хвостовике у основных мастеров школы *ясуримэ* она была типа *кири* (в виде прямых линий) или *каттэ агари* (наклонные линии), у мастеров побочных ветвей – *судзикай* (в виде линий, наклонных под большим углом).

Несмотря на то что многие клинки Хидзэн имеют волнистую линию закалки *хамон* типа *гуномэ-мидарэ* или *о-мидарэ* – прямой *хамон тю-сугуха*, унаследованный от школы Ямасиро, считается все же более характерным для школы клинков Хидзэн⁴. Также отличительной особенностью этой школы можно считать то, что ее кузнецы часто ставили свою подпись на хвостовик клинка меча, оправленного как *катана*, с той стороны, с которой ее ставят на мечи *тати*. По правилам, японские кузнецы всегда ставят подпись на лицевую сторону клинка, обращенную наружу, и надписи на мече *тати* и *катана* будут находиться с разных сторон, так как *тати* носили лезвием вниз, а *катана* лезвием вверх.

Надписи на клинках мечей Хидзэн из коллекции ВИМАИВиВС:

1. Инв. 0116/914 肥州出羽守行廣 [Хисю Дэва но Ками Юки-хиро].

2. Инв. 0116/957 肥前国忠吉 [Хидзэн но куні Тадаёси].

3. Инв. 0116/967 肥前国伊豫掾源凉次 [Хидзэн но куні Иё но Дэё Минамото Мунэцугу].

4. Инв. 0116/987 肥前住播摩大掾藤原忠国 [Хидзэн дэю Харима Дайдзё Фудзивара Тадакуни].

5. Инв. 0116/1011 肥前國住武蔵大掾藤原忠廣作 [Хидзэн но куні дэю Мусаси Дайдзё Фудзивара Тадахиро цукуру].

6. Инв. 0116/1014 肥前國住藤原忠廣 [Хидзэн но куні дэю Оми Дайдзё Фудзивара Тадахиро].

7. Инв. 0116/1018 近江大掾藤原忠吉 и 平戸住國重 [Оми но Дайдзё Фудзивара Тадаёси, на *цуба*: Хирадо дэю Кунисигэ].

8. Инв. 0116/1046 肥前國住人廣貞 [Хидзэн но куні дэюнин Хиросада].

9. Инв. 0116/1048 肥前國吉包 [Хидзэн но куні Ёсиканэ].

10. Инв. 0116/1070 肥前國住藤原忠吉 [Хидзэн но куні дэю Фудзивара Тадаёси].

11. Инв. 0116/1074 肥前國近江大掾藤原忠廣 [Хидзэн но куні Оми Дайдзё Фудзивара Тадахиро].

12. Инв. 0116/1334 肥前国住藤原包廣 [Хидзэн но куні дэю Фудзивара Канэхиро].

1. Инв. 0116/914. Меч японский *вакидзаси* XIX в., клинок начала XVIII в. (?) – см. рис. 1, 2.

Клинок стальной, формы *синоги-дзукури**. *Хамон* волнистый, типа *гуномэ-мидарэ*. Хвостовик формы *кури*, с одним отверсти-

Рис. 1. Японский меч *вакидзаси* XIX в., клинок начала XVIII в. (?)
(ВИМАИВиВС, инв. № 0116/914)

ем, гравировка *ясуриэмэ* наклонная, типа *каттэ сагари*. На хвостовике имеется надпись (*мэй*): «肥州出羽守行廣» [Хисю Дэва но Ками Юкихиро] – «Юкихиро из провинции Хисю** с титулом Ками провинции Дэва». На основании клинка имеется медный гладкий *хабаки*. Рукоять деревянная, покрыта *самэ*, оплетка шнуром, *мэнуки*, *касира* утрачены. *Фути* из желтого металла с рельефным изображением снопов зерна на фоне, патинированном в темно-коричневый цвет.

Цуба железная, круглая, прорезная, инкрустирована желтым металлом, с рельефным изображением быка у водопада под ветками сосен. Есть два отверстия *хицу-ана* для вспомогательных инструментов разной формы. С обеих сторон *цуба* имеются овальные прокладки *сэпта*.

Рис. 2. *Цуба* меча *вакидзаси* (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/914)

Ножны деревянные, покрыты красновато-коричневым лаком, имитирующим фактуру коры дерева, устье из меди, наконечник утрачен.

Размеры

Общая длина: 70 см

Длина клинка: 53 см

Ширина клинка (у основания): 2,8 см

Длина ножен: 59,8 см

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

* *Синоги-дзукури* – «форма с *синоги*», одна из классических форм японского меча, с продольным ребром (гранью) *синоги* вдоль обуха.

** *Хисю* – сокращенное название провинции Хидзэн.

В школе Тадаёси было пять мастеров, носящих имя 行廣 [Юкихиро], начиная с периода Камбун (1661–1673) и до начала XIX в. Титул Дэва но Ками носил мастер Юкихиро 1-й, один из хорошо известных и талантливых мастеров школы. Свой первый титул Дэва но Дайдзё он получил в возрасте тридцати двух лет, когда начал экспериментировать с голландским железом и техникой производства. В 1663 г. стал Дэва но Ками. Умер в 1683 г. в возрасте шестидесяти шести лет. Титул Дэва но Ками имел также и мастер из третьего поколения династии Юкихиро, работавший в 1704–1711 гг.

2. Инв. 0116/957. Меч японский вакидзаси XIX в., клинок XVII в. (?) – см. рис. 3, 4.

Клинок в форме *синоги дзукури*. Хамон прямой, типа *тю-сугуха*. На хвостовике имеется подпись мастера (*тати-мэй*): 肥前国忠吉 [Хидзэн но куні Тадаёси] – «Тадаёси из провинции Хидзэн». Окончание хвостовика куридзири с двумя отверстиями. *Ясуримэ* неразличима. *Хабаки* двойной (типа *вари-хабаки*) медный, позолоченный, покрыт косыми гравированными линиями.

Цуба железная, в форме *надэ-каку-гата* (скругленный квадрат), с двумя отверстиями *хицу-ана*. Поверхность *цуба* гладкая, украшена незначительным насеченным растительным орнаментом. По обеим сторонам имеются две *сэппа* медные, позолоченные. Рукоять деревянная, покрыта *самэ*; оплетка, *мэнуки*, *каси-ра* утрачены. Имеется *фути* из меди с рельефным изображением строений и деревьев. На торце *фути* вырезана надпись: 奈良 [Нара].

Ножны деревянные, покрыты темно-коричневым лаком, имеется *куригата** из дерева и паз для ножика *кодзука*.

Размеры

Общая длина: 68,2 см

**Рис. 3. Японский меч вакидзаси XIX в., клинок XVII в. (?)
(ВИМАИВиВС, инв. № 0116/957)**

Длина клинка: 50 см
 Ширина клинка: 2,8 см
 Длина ножен: 53,2 см
 Поступление: в 1939 г. с Научно-испытательного полигона стрелкового вооружения РККА.

Поверхность клинка была испорчена в процессе бытования неподходящей обработкой. Подписью «Хидзэн но куни Тадаёси» подписывался мастер Тадаёси первого поколения, но состояние клинка не позволяет определить наличие особенностей, присущих этому или иному мастеру.

Нара (奈良) – одна из ведущих школ, производивших детали оправы для меча и являющаяся ответвлением школы Ёкоя – одной из значительных школ резьбы по металлу, существовавшей в эпоху Эдо на территории г. Эдо. Ювелиры школы Нара были свободными ремесленниками, т. е. не работавшими на знатных самураев – *даймё*, и производили детали оправы в стиле *мати-бори* (町彫), так называемом городском стиле⁵. Этот стиль, основанный на реализме, был популярен, в первую очередь, у горожан. В школу Нара входили такие мастера, как Тосинага, Дзёи, Ясутика и др.

3. Инв. 0116/967. Меч японский со сборной *косираэ* (оправой), XIX в., клинок первой половины XVII в. (?) – см. рис. 5, 6.

Клинок стальной, *синоги-дзукури*. На хвостовике имеется подпись мастера (*мати-мэй*): 肥前国伊豫源凉次 [Хидзэн но куни Иё но Дзё Минамото Мунэцугу] – «Мунэцугу из провинции Хидзэн с титулами Дзё и Минамото провинции Иё». *Хамон* волнистый, неравномерный, типа *гуномэ мидарэ*. *Хабаки* медный, двойной, типа *вари-хабаки*, с фигурными вырезами в форме сердца (в Японии называемой *иномэ* – глаз кабана).

Рис. 4. Хвостовик меча с надписью «Хидзэн куни Тадаёси» (ВИМАИВВС, инв. № 0116/957)

* *Куригата* – отдельно изготавливаемая деталь, в виде округлого выступа, с отверстием для продевания шнура. Могла изготавливаться из дерева, рога, металла, кости.

Рис. 5. Японский меч со сборной *косираэ* (оправой) XIX в., клинок первой половины XVII в. (?) (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/967)

По обе стороны *цуба* имеются две медные *сэппа* с волнистым краем. *Цуба* железная, прорезная, типа *сукаси*, с двумя *хицуана*. Рукоять (не от этого меча) деревянная, покрыта *самэ*, оплетена темно-коричневой тесьмой. *Фути* и *касира* из патинированной меди, с рельефным изображением сосен и птиц, инкрустированным медью и желтым металлом, фон украшен пуансировкой (*нанако*). *Мэнуки* из патинированной меди (черные с позолотой), разные: с одной стороны – композиция с изображением японского крестьянина за работой и воза травы, с другой стороны – с изображением быка.

Рис. 6. Хвостовик меча с надписью «Хидзэн *куни* Иё но дзё Минамото Мунэцугу» (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/967)

Ножны от меча *тати*, деревянные, покрыты коричневым лаком с золотой искрой и с гербами Токугава (листья мальвы), выполненными золотым лаком. Прибор ножен состоит из медных устья и двух обоев с петлями для подвеса и с вырезами в форме *иномэ*.

Размеры

Общая длина: 95,3 см

Длина клинка: 69,8 см

Ширина клинка: 2,8 см

Длина ножен: 75 см

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

Рукоять и *цуба* этого меча не подходят друг другу по размеру, по всей видимости были некогда подобраны. На ножнах нет наконечника и кольца *сэмэганэ*.

Титул Дзё соответствовал чиновнику местной власти третьего ранга⁶. Мастер с титулом Иё но Дзё Минамото Мунэцугу считался одним из лучших кузнецов Хидзэн, работавшим в г. Сага и, в основном, выполнявшим заказы клана Набэсима в первую половину XVII в. (1630-е). Мастер имел несколько поколений преемников, также носивших имя Мунэцугу.

4. Инв. 0116/987. Меч японский катана XVIII–XIX вв. – см. рис. 7, 8.

Клинок стальной, узкий, типа *у-но куби дзукури*. С обеих сторон клинка (в нижней четверти, у основания) имеются по два дола: узкий длинный *бо-би* и короткий широкий *соз-би*, острие удлиненное (*о-киссаки*). *Хамон* типа *гуномэ-мидарэ*. *Накаго* (хвостовик) имеет одно отверстие. Форма окончания хвостовика – *ириямагата*. На правой стороне хвостовика имеется надпись (*та-ти-мэй*): 肥前住播摩大掾藤原忠国 [Хидзэн дзю Харима Дайдзё Фудзивара Тадакуни] – «Житель Хидзэн Тадакуни с титулом Дайдзё провинции Харима». Насечка на хвостовике (*ясуриumé*) типа *о-судзикай*. *Хабаки* из меди, гладкий, с поперечным углублением. Рукоять деревянная, оклеена *самэ*, покрытым черным лаком, оплетена черным шнуром. Детали рукояти *касира*, *фути*, *мэнуки* выполнены из сплава *сякудо* в едином стиле, с рельефным изображением цветов и листьев в стиле школы Киото-Эдо.

Рис. 8. Хвостовик меча с надписью «Хидзэн дзю Харима Дайдзё Фудзивара Тадакуни» (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/987)

Рис. 7. Японский меч катана XVIII–XIX вв. (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/987)

Цуба железная, круглая (*мару*), с рельефным изображением хризантем с обеих сторон, имеет два отверстия *хицу-ана* разной формы. По обеим сторонам *цуба* находятся две медные *сэпта* с гладкими краями.

Ножны деревянные, покрыты черным блестящим лаком *куро-нури*. С одной стороны ножен имеется паз для *кодзука*. Все детали ножен (устье, наконечник *исидзукэ*, *урагавара* (поперечная деталь, укрепляющая карман для *кодзука*), *куругата*) сделаны из черного рога. *Куригата* имеет с внутренней стороны латунную вставку.

Размеры:

Общая длина: 97,3 см

Длина клинка: 71,7 см

Ширина клинка: 2,7 см

Длина ножен: 75 см

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

Тадакун с титулом *Дайдзё* провинции Харима (на о. Хонсю) относят к шестому поколению мастеров школы Тадаёси эпохи синсинто, работавшему в XVIII в.

Комбинация из двух долов подобного типа – *бо-би* с *соз-би* – характерна для школы Тадаёси⁷. Форму *у-но куби дзукури* (дословно: форма головы баклана) также еще называют *нагината-дзукури*, так как такая форма более всего была характерна для древкового японского оружия *нагината*.

5. Инв. 0116/1011. Меч японский *хандати XIX в., клинок XVII в. – рис. 9. 10.**

Клинок длинный, массивный, *синоги-дзукури*. *Хамон* типа *сан-бонсуги*, *о-киссаки*. На клинке располагается гравировка *хоримон* – изображение дракона в облаках с жемчужиной. На хвостовике имеется надпись (*катана-мэй*): 肥前國住武蔵大掾藤原忠廣作 [Хидзэн но кун дзю Мусаси *Дайдзё Фудзивара* Тадахиро цукуру] – «Сделал житель провинции Хидзэн Тадахиро [с титулом] *Дайдзё* и *Фудзивара* провинции Мусаси». *Хабаки* медный, гладкий, посеребренный. Рукоять деревянная, покрыта кожей ската, окрашенной в черный цвет, оплетена шнуром коричневого цвета. *Кабутто-ганэ* и *фути* из желтого металла, украшены неглубокой гравировкой в виде цветов. *Мэнуки* из латуни в виде шпилек.

* *Хандати* – тип оправы японского меча, включающий в себя детали, характерные как для мечей *тати*, так и *катаны*.

Рис. 9. Японский меч *хандати* XIX в., клинок XVII в.
(ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1011)

Рис. 10. Гравировка с изображением дракона на клинке меча
(ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1011)

Цуба круглая, линзовидной формы (сужающаяся к краям), медная, сверху покрыта золотистым лаком, частично утраченным. С одной стороны украшена изображением веток бамбука, с другой – сакуры. Одно отверстие *хицу-ана* закрыто заглушкой.

Ножен нет.

Размеры

Общая длина: 107,5 см

Длина клинка: 76,8 см

Ширина клинка: 3,2 см

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

Хамон типа *санбонсуги* (три криптомерии), в виде волнистой линии, в которой каждый третий зубец выше остальных, является разновидностью *гуномэ*. Дракон считается одним из наиболее распространенных сюжетов гравировок на клинках мечей и символизирует буддийское божество Фудо-мё. Такие гравировки служили и как украшение, и как религиозный талисман.

Подписью «Хидзэн но куни дзю Мусаси Дайдзё Фудзивара Тадахиро» подписывал клинки мастер Тадаёси (Тадахиро) первого поколения, в 1624–1644 гг.⁸

6. Инв. 0116/1014. Меч японский *тати* XVIII–XIX вв., клинок XVII в. – см. рис.11, 12.

Клинок массивный типа *синоги-дзукури*, с широким волнистым *хамон* (*гуномэ-мидарэ* или *тедзи-мидарэ*), *тю-кисаки*. На хвостовике вырезана подпись мастера (*тати-мэй*): 肥前國住藤原忠廣 [Хидзэн но куни дзю Оми Дайдзё Фудзивара Тадахиро] – «Житель провинции Хидзэн Тадахиро с титулами Дайдзё и Фудзивара провинции Оми». Хвостовик формы *при-*

Рис. 11. Японский меч *тати* XVIII–XIX вв., клинок XVII в.
(ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1014)

ямагата с одним отверстием. *Хабаки* из желтого металла, гладкий, с косыми штрихами *нэкогаки* в верхней половине. Рукоять

Рис. 12. Хвостовик
меча с надписью
«Хидзэн но кун
дзю Оми Дайдзё
Фудзивара
Тадахино»
(ВИМАИВиВС,
инв. № 0116/1014)

деревянная, покрыта *самэ* и оплетена шнуром черного цвета. *Фути* и *кабуро-ганэ* из патинированной меди, отделаны пуансировкой *нанак* с рельефными изображениями герба (*мон*) типа *мицудомоэ* (изображение трех запятых и черты сверху). *Мэнуки* из желтого металла в виде драконов.

Цуба медная фигурная с отверстиями в форме сердец по углам, состоит из трех пластин – центральной широкой, тонированной в золотой цвет, и двух боковых тонких – тонированных в черный цвет. С одной стороны *цуба* украшена четырьмя *мон мицудомоэ* на фоне *нанак*, с другой – гравировкой в виде дракона.

Ножны деревянные, покрыты черным блестящим лаком с изображениями тех же гербов. Прибор состоит из устья, двух двойных обоймиц с петлями прямоугольной формы, кольца (*сэмэганэ*) и наконечника из патинированной меди. На ножнах в центральной части имеется декоративная вставка из желтого металла.

Размеры

Общая длина: 98 см

Длина клинка: 73 см

Ширина клинка: 3 см

Длина ножен: 78 см

Поступление: в 1935 г. из милиции.

Подпись «Хидзэн но кунни дзю Оми Дайдзё Фудзивара Тадахи-ро» принадлежала мастеру Тадахиро второго поколения, работавшему в середине XVII в.

7. Инв. 0116/1018. Меч японский вакидзаси XIX в., клинок конца XVII – начала XVIII вв. – см. рис. 13, 14.

Клинок широкий, *синоги-дзукури*, *тю-киссаки*. Хвостовик укорочен (*суриагэ*), с двумя отверстиями и надписью (*катана-мэй*): 近江大掾藤原忠吉 [Оми но Дайдзё Фудзивара Тадаёси] – «Тадаёси из провинции Оми с титулами Дайдзё и Фудзивара». Гравировка хвостовика (*ясуримэ*) типа *кири*, *тю-киссаки*. *Хамон* волнистый, предположительно *тэдзи-мидарэ*. *Хабаки* с покрытием из белого металла с гравированным орнаментом. Имеются две *сэппа* медные с покрытием из белого металла. Рукоять утрачена.

Рис. 13. Японский меч вакидзаси XIX в., клинок конца XVII – начала XVIII в. (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1018)

Цуба четырехлепестковой формы из желтого металла (*сэнтоку*), с инкрустацией медью. Украшена рельефным изображением: с одной стороны – двух драконов в волнах, с другой – дракона, охотящегося за жемчужиной. В центральной части вырезана подпись: 平戸住國重 [Хирадо дзю Кунисигэ] – «Кунисигэ, житель Хирадо».

Ножны деревянные, покрыты черным матовым лаком.

Размеры

Общая длина: 75,2 см

Длина клинка: 58,7 см

Ширина клинка: 3 см

Длина ножен: 75 см

Рис. 14. Цуба японского меча вакидзаси с надписью «Кунисигэ Хирадо дзю» (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1018)

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

Подпись «Оми но Дайдзё Фудзивара Тадаёси» ставил на своих мечах мастер четвертого поколения династии Тадаёси-Тадахиро, работавший в 1688–1704 гг. Он был старшим сыном Тадаёси 3-го, получил титул «Оми но Дайдзё» в 1700 г.

Кунисигэ из Хирадо – мастер, изготавливавший оправы мечей в стиле намбан, считается основателем школы этого стиля. Мастера этой школы работали в Хирадо и Нагасаки и производили на продажу предметы оправы мечей – *цуба*, *фути*, *касира* и т. д. Они часто использовали иностранные материалы и техники, декоративные мотивы.

8. Инв. 0116/1046. Меч японский *катана* XVII в. – см. рис. 15, 16.

Клинок стальной, массивный, *синоги-дзукури*, *ко-киссаки*. *Хамон* волнистый, нерегулярный, типа *гуномэ*. Хвостовик с двумя отверстиями и надписью (*тати-мэй*): 肥前國住人廣貞 [Хидзэн но куни дзюнин Хиросада] – «Хиросада, житель провинции Хидзэн». *Ясуригэ каттэ-сагари*. *Хабаки* медный, гладкий. Рукоять деревянная, покрытие утрачено, из деталей прибора имеется только *фути* из железа, с рельефным изображением дракона, украшенного насечкой желтым металлом. Имеется три медных *сэппа*.

Цуба железная, круглая, прорезная, с рельефным изображением быка у водопада, веток сосны и сакуры, украшена насечкой желтым металлом. *Цуба* имеет два отверстия *хицуана*.

Ножен нет.

Размеры

Общая длина: 102,3 см

Длина клинка: 75,2 см

Ширина клинка: 3,2 см

Рис. 16. *Цуба* японского меча (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1046)

Рис. 15. Японский меч *катана* XVII в. (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1046)

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

Хиросада – одна из ветвей школы Хидзэн, такой тип подписи был у мастера Хиросада первого поколения этой династии, который работал во второй четверти XVII в. (1615–1624)⁹.

Цуба этого меча имеет большое сходство с *цуба* меча *вакидзаси* с инв. 0116/914. Можно предположить, что они были изготовлены в одно время и в одном месте – в Хидзэн.

9. Инв. 0116/1048. Меч японский *катана* XIX в. – см. рис. 17, 18.

Клинок *синоги-дзукури*, *хамон* прямой – *сугуха*. Хвостовик *накаго* с одним отверстием *мэкуги-ана*. Насечка *ясурумэ*, типа *кири*, в виде прямых линий. Имеется подпись (*тати-мэй*): 肥前國吉包 [Хидзэн но *куни* Ёсиканэ] – «Ёсиканэ из провинции Хидзэн». Рукоять деревянная, покрыта *самэ*. Из деталей присутствует только муфта *фути* из железа с рифленой поверхностью и гербом (*мон*) в виде цветка с четырьмя лепестками, вписанного в круг (*мокко* – цветок айвы японской). *Хабаки* медный, гладкий, состоит из двух частей.

Сохранилась только одна *сэпта* со следами покрытия золотистого цвета.

Цуба железная, в форме *каку-мокко* (скругленный квадрат), имеет сквозные прорезы, украшена изображением цветов с листьями. Имеется два полукруглых отверстия для вспомогательных инструментов *хицу-ана*. По краю *цуба* идет ободок (край поднят).

Размеры

Общая длина: 89 см

Длина клинка: 64,4 см

Ширина клинка: 3 см

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

Рис. 18. Хвостовик меча с надписью «Хидзэн но *куни* Ёсиканэ» (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1048)

Рис. 17. Японский меч *катана* XIX в. (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1048)

10. Инв. 0116/1070. Меч японский *вакидзаси* XIX в., клинок XVII в. – см. рис. 19, 20.

Клинок *синоги-дзукури*, *хамон* волнистый типа *гуномэ-мидарэ*, *тю-киссаки*. Хвостовик с одним отверстием и надписью (*катана-мэй*): 肥前國住藤原忠吉 [Хидзэн но кунн дзю Фудзивара Тадаёси] – «Житель провинции Хидзэн Тадаёси с титулом *Фудзивара*». *Хабаки* медный, гладкий, со следами серебрения. Есть одна медная *сэппа*. Рукоять деревянная, покрыта *самэ* и оплетена шнуром светло-коричневого цвета. Навершие рукояти *кабуто-ганэ* и *фути* из железа, покрыты патиной и украшены растительным орнаментом, в том же стиле, что и *цуба*.

Цуба железная, четырехлепестковой формы, имеет два отверстиями *хицу-ана*, патинирована в темно-коричневый цвет и украшена насечкой желтым металлом в виде растительного орнамента, с обеих сторон.

Ножны деревянные, с пазом для ножики *кодзука*, покрыты черным лаком. В нижней части украшены изображением растений и птиц, выполненным цветными лаками.

Размеры

Общая длина: 60,5 см

Длина клинка: 44,3 см

Ширина: 2,6 см

Длина ножен: 50,5 см

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

**Рис. 20. Хвостовик
меча с надписью
«Хидзэн но кунн
дзю Фудзивара
Тадаёси»
(ВИМАИВиВС,
инв. № 0116/1070)**

**Рис. 19. Японский меч *вакидзаси* XIX в., клинок XVII в.
(ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1070)**

11. Инв. 116/1074. Меч японский *тати* XVIII–XIX вв., клинок середины XVII в. – см. рис. 21, 22.

Клинок узкий, *синоги-дзукури*, *тю-киссаки*, *хамон* – *ко-тёдзи*. Хвостовик имеет два отверстия, форма окончания хвостовика типа *ириямагата*.

На хвостовике имеется надпись: 肥前國近江大塚藤原忠廣 [Хидзэн но кун Оми Дайдзё Фудзивара Тадахиро] – «Житель провинции Хидзэн Тадахиро с титулами Дайдзё и Фудзивара провинции Оми». *Ясурумэ* наклонная, типа *судзикай*.

Хабаки медный, с гравированным изображением Хотэя (одного из семи богов счастья) с мешком и веером. На верхней части *хабаки* надпись иероглифами: 蚕堂乗意 [Иссандо Дзёи]. Рукоять деревянная, покрытие *самэ* и *мэнуки* не сохранились. *Фути* из желтого металла, фигурное с рельефным изображением волн. На внутренней стороне имеется подпись мастера: 大森 辰直 [Оомори Тацунао]. Навершие рукояти (*кабутто-ганэ*) выполнено из меди, в другом стиле, с рельефным изображением осьминога. Имеется две *сэппа* из желтого металла, изогнутые под форму *цуба*.

Цуба из желтого металла, типа *ситоги*, состоит из нескольких частей. С боковых сторон имеются две перекладины для крепления шнура. Поверхность *цуба* украшена рельефным изображением цветов павлонии и изображениями вьющихся растений. На *цуба* имеется подпись мастера: 杉浦 [Сугиура].

Рис. 22. Хабаки японского меча *тати* с изображением Хотэя (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1074)

Рис. 21. Японский меч *тати* XVIII–XIX вв., клинок середины XVII в. (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1074)

Ножны деревянные, покрыты коричневым лаком, с изображением цветов павлонии, растительного орнамента и *мон* в виде пяти кругов, вписанных в окружность, нанесенных золотым лаком. Прибор ножен из желтого металла, состоит из устья и двух обоймиц с квадратными петлями для ремней. Наконечник утрачен.

Размеры

Общая длина: 96,5 см

Длина клинка: 69,2 см

Ширина клинка: 2,8 см

Длина ножен: 73,7 см

Поступление: до 1935 г. Источник поступления неизвестен.

Подпись «Хидзэн *но кун* Оми Дайдзё Фудзивара Тадахиро» использовал мастер Тадахиро второго поколения, после 1641 г.

Династия ювелиров Оомори из школы Нара, периода Эдо.

Иссандо Дзёи – ювелир из школы Нара, работал в 1701–1761 гг.

Сугиура – мастер-ювелир, живший в г. Эдо, в период Эдо¹⁰.

12. Инв. 0116/1334. Меч японский *итомаки но тати* XVIII–XIX вв., клинок второй половины XVII в. – см. рис. 23, 24.

Клинок *синоги-дзукури*, с широким долом *бо-би* с обеих сторон. Хвостовик типа *куридзири* с тремя отверстиями и надписью на левой стороне (*катана-мэй*): 肥前国住藤原包廣 [Хидзэн *но кун* дзю Фудзивара Канэхиро] – «Канэхиро из провинции Хидзэн, с титулом Фудзивара». Хабаки медный, покрыт золотым лаком. Оправа (*косираэ*) выполнена в едином стиле. Рукоять деревянная, покрыта *самэ* и оплетена тесьмой зеленого цвета. *Фути*, *кабуто ганэ* и *сарутэ*, *мэнуки* выполнены в едином стиле, из патинированной меди, поверхность которых украше-

Рис. 23. Японский меч *итомаки но тати* XVIII–XIX вв., клинок второй половины XVII в. (ВИМАИВиВС, инв. № 0116/1334)

на рельефным позолоченным изображением цветов павлонии, на фоне *нанак*о.

Цуба четырехлепестковая, формы *аои*, состоит из трех частей: центральной пластины из желтого металла, украшенной растительной гравировкой в стиле каракуса, и двух тонких пластин по бокам, из патинированной меди, поверхность которых украшена рельефным позолоченным изображением цветов павлонии (*кири*) на фоне, выполненном в технике *нанак*о. С обеих сторон *цуба* имеется по две *сэппа* из меди.

Ножны деревянные, в верхней трети покрыты синей парчой с золотыми узорами и оплетены зеленым шнуром. Из деталей прибора сохранились две обоймицы *аси* с петлями, наконечник, верхнее кольцо *сэмэганэ*.

Размер

Общая длина: 86 см

Длина клинка: 60 см

Ширина: 2,7 см

Длина ножен: 71,4 см

Поступление: в 1948 г. из воинской части.

Итомаки но тати – меч *тати* – с оплетенными шнуром рукоятью и верхней частью ножен.

Кузнец Канэхиро из Хидзэн с таким написанием имени работал в период Камбун, 1661–1673 гг.

* * *

**Рис. 24. Хвостовик
меча с надписью
«Хидзэн но куни
дзю Фудзивара
Канэхиро»
(ВИМАИВиВС,
инв. № 0116/1334)**

Коллекция японских мечей провинции Хидзэн сформировалась в Артиллерийском музее в первой половине XX в., но источники поступления их большей частью неизвестны. По архивным источникам было выявлено, что наиболее крупными в этот период были поступления из Государственного музейного фонда и его отделения – Военно-музейного фонда. Эти фонды были сформированы после Октябрьской революции, в 1918 г. из числа предметов, находившихся в частных собраниях и переданных затем государству. Вероятнее всего, эти японские мечи бы-

ли приобретены их бывшими владельцами на различных аукционах, в антикварных магазинах, возможно, были привезены из Японии в период Мэйдзи, когда была разрешена их продажа за рубеж.

В России в конце XIX – начале XX столетия японское оружие появляется в коллекциях купцов и дворян, так как в это время приходит мода на японскую культуру.

К сожалению, у японских мечей, хранящихся в музее, в том числе и из этой коллекции, в большинстве случаев, в силу различных обстоятельств, полировка поверхности клинка была утрачена или находится в состоянии, не позволяющем определять ее особенности (*хада*). По этой же причине тип линии закалки *хамон*, столь важный при атрибуции японского меча, также зачастую определяется с трудом.

Выявление коллекции мечей Хидзэн является важным открытием для музея, планируется постепенная реставрация и консервация их оправ.

¹ Nagayama K. The Connoisseur's book of Japanese swords. Tokyo – New York – London, 1997. P. 247.

² Баженов А.Г. История японского меча. СПб., 2001. С. 180.

³ Harris V. Japanese sword in the British Museum. Barselona, 2004. P. 73.

⁴ Nagayama K. Op. cit. P. 247–248.

⁵ 若山猛・刀装金工事典. 東京., 1997 (Вакаяма Такэси. Справочник мастеров по металлическим деталям оправы мечей. Токио, 1997). С. 518.

⁶ Баженов А.Г. Экспертиза японского меча. СПб., 2003. С. 362.

⁷ Nagayama K. Op. cit. P. 76.

⁸ Markus Sesko. Index of Japanese swordsmith (N-Z). Norderstedt, 2012. P. 206.

⁹ Markus Sesko. Index of Japanese swordsmith (A-M). Norderstedt, 2012. P. 73.

¹⁰ 若山猛. Указ. соч. С. 14.

В.А. Афанасьев (Москва)

**ПАТРИАРХ СОВЕТСКОЙ ШТАБНОЙ
СЛУЖБЫ Б.М. ШАПОШНИКОВ
КАК ВОСПИТАТЕЛЬ ВОЕННЫХ КАДРОВ
ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗВЕНА**

ИМЯ МАРШАЛА Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова (рис. 1), замечательного советского военачальника, неразрывно связано с Генеральным штабом. Борис Михайлович родился в 1882 г. в уральском городе Златоуст. Начиная с 1901 г. вся его жизнь была связана с военной службой. В 1903 г. он по первому разряду окончил полный курс Московского военного училища, а в 1910 г., после окончания основного и дополнительного курсов Николаевской академии Генерального штаба, был причислен к Генеральному штабу. В годы Первой мировой войны он приобрел опыт работы как во фронтовом штабе, так и в штабе соединения, войну закончил полковником, начальником гренадерской дивизии.

Борис Михайлович – образованнейший человек, имевший большую практику штабной работы и командования войсками. По сути, был одним из основоположников советской штабной школы, стоял у истоков создания Красной армии, в годы Гражданской войны занимал различные должности в Полевом штабе Реввоенсовета Республики, выполнявшем функции, сходные с Генеральным штабом. С февраля 1921 г. по май 1925 г. он был первым помощником начальника Штаба РККА, длительное время возглавлял Штаб РККА (1928–1931), а затем и Генеральный штаб (с мая 1937 по август 1940). Борис Михайлович много и успешно работал над развитием военной науки, с 1932 по 1935 гг. он возглавлял Военную академию им. М.В. Фрунзе, имел профессорское звание. Весьма показательно, что это выс-

Рис. 1. Б.М. Шапошников

шее в тот период военное учебное заведение окончили многие командиры, ставшие в последующем крупными военачальниками и штабными работниками, среди них А.И. Антонов, И.Х. Баграмян, А.Н. Боголюбов, Л.А. Говоров, А.И. Еременко, Г.Ф. Захаров, М.В. Захаров, И.С. Конев, И.И. Масленников, Л.М. Сандалов, Ф.И. Толбухин и др. Перу Б.М. Шапошникова принадлежат фундаментальные труды по военной теории и практике, в том числе о роли, функциях и структуре Генерального штаба, как органа Верховного Главнокомандования по управлению вооруженными силами, на которых воспитывалось не одно поколение руководящих военных кадров.

Как руководитель высшего органа военного управления Борис Михайлович воспитал целую плеяду замечательных генштабистов. Его учениками по праву можно считать А.М. Василевского, Н.Ф. Ватутина, К.А. Мерецкова, В.Д. Соколовского, М.В. Захарова, В.Д. Иванова, Г.К. Маландина, В.В. Курасова, А.П. Покровского, С.М. Штеменко и многих других, пришедших в Генштаб в предвоенные годы и выросших под руководством и под влиянием авторитета Б.М. Шапошникова в штабных работников первой величины.

Б.М. Шапошников тщательно подбирал сотрудников для работы в Генеральном штабе, внимательно следил за их профессиональным и служебным ростом.

Великую Отечественную войну Маршал Советского Союза Шапошников встретил в должности заместителя наркома обороны, находясь в войсках Западного фронта. С 21 по 30 июля 1941 г. он был начальником штаба западного направления, затем вновь был назначен начальником Генерального штаба. При его непосредственном участии были разработаны предложения по подготовке и ведению важнейших операций советских войск в 1941–1942 гг.: Смоленского сражения, контрнаступления и общего наступления Красной армии зимой 1941–1942 гг.

Однако по состоянию здоровья Борису Михайловичу через некоторое время пришлось оставить пост начальника Генштаба. С мая 1942 г. по июнь 1943 г. он заместитель наркома обороны. В круг его обязанностей входило оказание помощи профессорско-преподавательскому составу Военных академий Генерального штаба и им. М.В. Фрунзе, разработка новых боевых уставов и наставлений и руководство научно-исследовательской работой по обобщению опыта войны.

Под его редакцией вышло в свет несколько сборников, раскрывающих важнейшие операции Великой Отечественной войны. Он являлся соавтором и редактором первой монографии по истории войны, каковой стал труд о битве под Москвой. Комиссия по выработке уставов, которую он возглавлял, в короткий срок подготовила проекты нового Боевого и Полевого уставов и боевых уставов родов войск.

С июня 1943 г. и до своей кончины 26 марта 1945 г. Б.М. Шапошников был начальником Академии Генерального штаба, отдавая много сил подготовке высококвалифицированных кадров для фронта. Всего 42 дня не дожидаясь Победы, Борис Михайлович до дня Победы. В некрологе, подписанном руководителями государства, отмечалось: «На протяжении всей своей долголетней службы тов. Шапошников не покладая рук работал над боевым совершенствованием Красной Армии, над подготовкой и воспитанием ее командных кадров, готовя Красную Армию к защите социалистической Родины. В блистательные победы Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками была вложена немалая доля творческого и долголетнего труда тов. Шапошникова»¹.

Лучшим памятником маршалу стала так называемая шапошниковская школа. Многие его воспитанники в годы Великой Отечественной войны занимали высокие должности в Генераль-

ном штабе, командовали фронтами, руководили штабами фронтов, занимали ключевые посты в Советских Вооруженных силах в послевоенные годы, были удостоены высших наград Родины, самых высоких воинских званий.

По-разному и в разное время они приходили в Генштаб, но их объединяло то, что все они были в поле постоянного внимания и заботы Бориса Михайловича.

Так, осенью 1937 г. недавний слушатель первого набора Академии Генерального штаба полковник Александр Михайлович Василевский неожиданно был вызван в Генеральный штаб, где его принял начальник Генштаба командарм 1 ранга Борис Михайлович Шапошников.

Вспоминая эту встречу, А.М. Василевский писал: «Садитесь, голубчик, – сказал Борис Михайлович, когда я вошел в его кабинет и представился по всей форме... – Давайте побеседуем. Я вас немного знаю по Московскому военному округу, так что мы с вами давние сослуживцы... А теперь вот познакомился с аттестациями на вас как оперативного работника в Управлении боевой подготовки РККА и в штабе Приволжского военного округа. Это очень важное сочетание: строевой командир с большим опытом и оператор. Хочу предложить вам стать начальником отделения, ведающего в Генштабе оперативной подготовкой высшего состава армии. Как вы смотрите на это?

Я ответил, что хотя и знаком с оперативной работой, но масштабы ее при новом назначении значительно больше. Справлюсь ли?

– Это хорошо, что вы объективно стараетесь соизмерить свои силы, – заметил Борис Михайлович, выслушав меня. – Что касается масштабов, то они неизбежно должны раздвигаться по мере роста самого работника. Думаю, что общими усилиями мы справимся со всеми делами, хотя дел действительно весьма и весьма много. Пугать вас не хочу, но и правды скрывать не стану: работать придется до изнеможения ...»²

«Так в октябре 1937 года началась моя работа в Генеральном штабе, – вспоминал позднее А.М. Василевский. – Тогда я, конечно, не знал, что в стенах Генштаба мне суждено провести ряд лет, заполненных сложной работой, самой трудной в моей жизни»³.

Служба в Генеральном штабе под руководством такого опытного военачальника, каким являлся Б.М. Шапошников, стала для А.М. Василевского большой школой, наложившей отпечаток на

всю его последующую жизнь. Борис Михайлович до тонкостей во всем многообразии знал сложнейшую, разностороннюю деятельность Генерального штаба. Ему были присущи широта взглядов, смелость решений, мудрая прозорливость и, подкрепленная многолетним опытом, обстоятельность при рассмотрении больших и малых вопросов. Органично сочетая в своей деятельности богатейшее наследие русских военных деятелей прошлого с новаторской военной мыслью советской эпохи, творчески их обобщая и преломляя в соответствии с велением времени, все свои знания, весь свой богатейший опыт он старался передать подчиненным. Александр Михайлович Василевский оказался хорошим учеником. Их многое объединяло с Борисом Михайловичем. Они оба исключительно ответственно относились к исполнению своих обязанностей, оба были высокообразованными, эрудированными, широко и смело мыслящими, целеустремленными и при этом предельно деликатными людьми, им обоим претили хамство и грубость. Но главное, что их объединяло – это, безусловно, любовь к Отечеству и забота о его безопасности.

А.М. Василевский встретил Великую Отечественную войну в должности заместителя начальника оперативного управления Генерального штаба, имея воинское звание генерал-майор (рис. 2). Уже с 1 августа 1941 г. он заместитель, а с 25 января 1942 г. – первый заместитель начальника Генерального штаба, участвовал в планировании и разработке важнейших операций Советских Вооруженных сил.

В период битвы под Москвой, оставаясь в Москве во главе группы работников Генерального штаба, выделенных для оперативного обслуживания Ставки, стал непосредственным помощником Верховного Главнокомандующего в руководстве военными действиями при обороне Москвы.

Ему часто приходилось замещать начальника Генштаба, а с 26 июня 1942 г. он возглавил этот основной оперативный ор-

Рис. 2. А.М. Василевский

ган Ставки ВГК и оставался в этой должности почти до конца войны, проявив себя талантливым организатором и руководителем.

При планировании кампаний и стратегических операций Генеральный штаб под руководством А.М. Василевского всегда учитывал всю совокупность политических, экономических, военных и географических факторов с таким расчетом, чтобы добиться наибольших военно-политических результатов.

Наряду с исполнением обязанностей начальника Генштаба, он постоянно бывал на фронтах в качестве представителя Ставки ВГК, принимал непосредственное участие в планировании, подготовке и проведении важнейших операций, где проявил себя подлинным мастером организаторской работы в войсках.

А.М. Василевский является одним из авторов и основных исполнителей плана контрнаступления советских войск под Сталинградом, в результате которого была окружена и уничтожена крупная группировка противника. 28 января 1943 г. он одним из первых был награжден орденом Суворова I степени, а 16 февраля 1943 г. он стал Маршалом Советского Союза.

Александр Михайловичу принадлежит исключительно большая роль в планировании и проведении операций в районе Курской дуги, при освобождении Донбасса и Северной Таврии, Правобережной Украины и Крыма, в ходе которых он координировал действия ряда фронтов. 10 апреля 1944 г. А.М. Василевский был удостоен высшей полководческой награды – ордена «Победа». В качестве представителя Ставки ВГК он принимал участие в Белорусской, а затем Прибалтийской стратегических наступательных операциях. 29 июля 1944 г. удостоен звания Герой Советского Союза.

В феврале 1945 г. в ходе Восточно-Прусской операции после гибели И.Д. Черняховского вступил в командование 3-м Белорусским фронтом. Под командованием А.М. Василевского войска фронта завершили разгром восточно-прусской группировки противника и штурмом овладели городом-крепостью Кенигсберг. 19 апреля 1945 г. вторично награжден орденом «Победа».

Под руководством А.М. Василевского, назначенного Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, осуществлена беспрецедентная перегруппировка советских войск с запада на восток страны, спланирована, подготовлена и про-

ведена Маньчжурская стратегическая наступательная операция по разгрому японской Квантунской армии, ставшая одним из самых ярких эпизодов Второй мировой войны. 8 сентября 1945 г. Александр Михайлович был награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

В послевоенное время маршал Василевский вновь был начальником Генштаба, несколько лет возглавлял военное ведомство.

Другой ученик Б.М. Шапошникова – К.А. Мерецков (рис. 3) – пришел в Генштаб в июне 1937 г. После возвращения из командировки в республиканскую Испанию, где находился в качестве военного советника, комдив К.А. Мерецков был назначен заместителем Бориса Михайловича. В сентябре 1938 г. Кирилл Афанасьевич, пройдя «шапошниковскую школу», был назначен командующим войсками Приволжского военного округа, затем командовал войсками Ленинградского округа, принимал участие в Советско-финской войне (1939–1940). В августе 1940 г., уже будучи генералом армии Героем Советского Союза, он сменил Бориса Михайловича на посту начальника Генерального штаба.

Рис. 3. К.А. Мерецков

В начале войны, являясь к тому времени заместителем наркома обороны по боевой подготовке, он в качестве представителя Ставки оказывал помощь командованию Северо-Западного, а затем Карельского фронтов, но на десятый день войны был необоснованно арестован и освобожден лишь в сентябре 1941 г.

После освобождения из заключения генерал Мерецков был назначен командующим 7-й отдельной армией, своими энергичными действиями сумел остановить наступление противника на Ладожско-Онежском перешейке, на рубеже реки Свирь, где линия фронта оставалась неизменной до 1944 г. В напряженной обстановке, когда противник, стремясь создать второе коль-

цо окружения вокруг Ленинграда, прорвался к Тихвину, Мерецков, оставаясь командующим 7-й отдельной армией, вступил в командование и 4-й армией. Он принял энергичные меры и восстановил нарушенное управление и связь, организовал активную оборону. В результате противник был остановлен, а затем отброшен на исходные рубежи. Под его руководством в районе Тихвина в ноябре – декабре 1941 г. была проведена одна из первых крупных наступательных операций нашей армии в Великой Отечественной войне.

17 декабря 1941 г. Кирилл Афанасьевич был назначен командующим войсками Волховского фронта. Под его руководством войска фронта принимали активное участие в битве за Ленинград, стремясь прорвать кольцо блокады города. В январе 1943 г. войскам Мерецкова во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта удалось ударами навстречу друг другу пробить коридор шириной 8–11 км вдоль берега Ладожского озера, восстановивший сухопутную связь Ленинграда со страной. 28 января 1943 г. К.А. Мерецков был награжден орденом Суворова I степени.

Через год, в январе 1944 г. войска Мерецкова в результате Новгородско-Лужской операции, преодолев мощную глубокоэшелонированную оборону противника, отбросили неприятеля на 150 км на запад, совместно с войсками Ленинградского фронта полностью освободив Ленинград от вражеской блокады. 21 февраля 1944 г. награжден вторым орденом Суворова I степени.

В тот же день он получил новую задачу, вступив в командование Карельским фронтом. Под его руководством войска фронта в труднейших природных и климатических условиях освободили оккупированные территории Южной Карелии и Заполярья. За успешно проведенную Свирско-Петрозаводскую операцию 29 июня 1944 г. К.А. Мерецков был награжден орденом Кутузова I степени, а Петсамо-Киркенесская операция 26 октября 1944 г. принесла ему маршальское звание.

Во время кампании на Дальнем Востоке, командуя 1-м Дальневосточным фронтом, К.А. Мерецков участвовал в операциях в Восточной Маньчжурии и Северной Корее. Войска фронта разгромили тогда противостоящего противника, продвинулись в глубь Маньчжурии на 200–300 км и во взаимодействии с Тихоокеанским флотом освободили от японских захватчиков Север-

ную Корею. Маршал Мерецков 8 сентября 1945 г. был награжден орденом «Победа».

Для большинства операций, проведенных под руководством К.А. Мерецкова, характерно то, что проходили они в сложных условиях лесисто-болотистой местности под Ленинградом, горно-тундровой – в Заполярье, ограничивающей маневр силами и средствами. Неоднократно за годы войны ему пришлось прорывать заблаговременно подготовленную, сильно укрепленную оборону противника. Он снискал себе славу полководца, умеющего побеждать врага в исключительно трудных условиях, способного успешно проводить операции в исключительно трудных климатических и физико-географических условиях.

В послевоенное время Кирилл Афанасьевич командовал войсками ряда военных округов, некоторое время руководил Вышшими стрелково-тактическими курсами «Выстрел» и почти 10 лет был помощником министра обороны по высшим военным учебным заведениям.

В июле 1940 г. в Генштаб на должность начальника Оперативного управления пришел однокашник А.М. Василевского по Академии Генерального штаба Николай Федорович Ватутин.

Рис. 4. Н.Ф. Ватутин

К началу войны генерал-лейтенант Ватутин стал опытным штабным работником, с февраля 1941 г. он занимал должность первого заместителя начальника Генштаба (рис. 4).

В первые же дни войны он был направлен на Северо-Западный фронт в качестве представителя Ставки, но уже 30 июня 1941 г. ему пришлось возглавить штаб фронта и даже некоторое время командовать фронтом. В короткий срок ему удалось восстановить управление войсками и организовать ряд контрударов по войскам противника под

Сольцами и южнее Старой Руссы.

Осенью 1941 г. войска фронта, обороняясь на стыке ленинградского и московского стратегических направлений, не допус-

тили захвата противником Валдайской возвышенности и Октябрьской железной дороги. В октябре Н.Ф. Ватутин, временно передав свои обязанности заместителю, возглавил оперативную группу войск, которая нанесла в районе Медного сильный контрудар по противнику, сорвав план неприятеля, пытавшегося ударом из района Калинина на Торжок выйти в тыл Северо-Западного фронта. Затем он принимал участие в планировании и проведении Торопецко-Холмской и Демянской наступательных операций, проводившихся на северо-западном и западном стратегических направлениях. 12 мая 1942 г. Н.Ф. Ватутин был отозван в Москву и вновь вступил в должность заместителя начальника Генерального штаба.

14 июля 1942 г. по его личной просьбе он был назначен командующим войсками Воронежского фронта. Под его командованием войска фронта успешно оборонялись против превосходящих сил противника, сковывая врага, не позволяя усиливать неприятельские группировки, наступавшие на Сталинград и Кавказ.

22 октября 1942 г. Ватутин вступил в командование Юго-Западным фронтом, во главе которого принимал самое активное участие в подготовке и проведении Сталинградской наступательной операции. В сражениях под Сталинградом Н.Ф. Ватутин проявил искусство полководца и высокие волевые качества, умение глубоко и ясно анализировать сложившуюся на фронте обстановку. 7 декабря 1942 г. ему было присвоено звание генерал-полковник, а уже 12 февраля 1943 г. – генерал армии. 28 января 1943 г. он был награжден орденом Суворова I степени.

С 28 марта 1943 г. генерал Ватутин командующий войсками Воронежского (с 20 октября – 1-го Украинского) фронта. В этой должности он принимал участие в Курской битве, обороняясь, а затем наступая на южном фланге курского выступа. 27 августа 1943 г. он был награжден орденом Кутузова I степени.

Важной страницей полководческой деятельности Н.Ф. Ватутина явилась битва за Днепр. Войска фронта под его командованием с успехом провели Киевскую наступательную операцию.

Затем были операции по освобождению Правобережной Украины, которые вошли в анналы истории военного искусства. В

ходе подготовки Проскуровско-Черновицкой операции во время выезда в войска 29 февраля 1944 г. Н.Ф. Ватутин был тяжело ранен, попав на северной окраине деревни Милятин (18 км южнее Гоща) в бандеровскую засаду. 15 апреля он скончался в киевском госпитале. 6 мая 1965 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вспоминая о нем, маршал Василевский писал: «Важнейшие задания, которые возлагали на генерала Ватутина ГКО и Верховное Главнокомандование при подготовке и проведении крупнейших военных операций, как правило, выполнялись отлично. Он умел решительно сосредотачивать силы и средства на главном направлении, наращивать усилия и внезапно наносить мощные удары во фланг и в тыл вражеским группировкам, искусно применять крупные массы танков для развития наступления в оперативную глубину, организовывать прочное взаимодействие родов войск и видов вооруженных сил, надежно поддерживать непрерывное и твердое управление войсками»⁴.

Рис. 5. В.Д. Соколовский

В феврале 1941 г. в Генштаб на должность заместителя начальника по организационно-мобилизационным вопросам был назначен генерал-лейтенант Василий Данилович Соколовский (рис. 5). В то время Б.М. Шапошников уже не было в Генеральном штабе, но В.Д. Соколовскому в бытность его начальником штаба Московского военного округа приходилось часто общаться с Борисом Михайловичем, и он имел возможность многому научиться у этого опытнейшего штабного работника. Поэтому его по

праву можно считать учеником Б.М. Шапошникова.

Характеризуя В.Д. Соколовского, А.М. Василевский писал в последующем: «Это был талантливейший военачальник, обладавший огромным штабным и командным опытом, имевший очень солидную теоретическую подготовку»⁵.

Когда началась война, Соколовский был уже первым заместителем начальника Генерального штаба, однако уже 21 июля 1941 г. он был назначен начальником штаба Западного фронта.

В этой должности принимал участие в Смоленском сражении, обороне Москвы, планировании и проведении Московской наступательной операции. В ходе битвы за Москву Соколовский умело руководил штабом в исключительно сложной обстановке, быстро определяя круг необходимых мероприятий, обеспечивавших наилучшее выполнение решений командующего фронтом. 2 января 1942 г. он был награжден орденом Ленина.

В январе 1942 г. Василий Данилович возвратился в Генеральный штаб на прежнюю должность, но уже в феврале он вновь в войсках, возглавив штаб Главкома западного направления, а после его упразднения – штаб Западного фронта. Принимал участие в планировании и проведении Ржевско-Вяземской и Ржевско-Сычевской наступательных операций. 13 июня 1942 г. ему присвоено звание генерал-полковника.

28 февраля 1943 г. Соколовский был назначен командующим войсками Западного фронта. Войска фронта под его командованием успешно действовали в Ржевско-Вяземской, Орловской и Смоленской наступательных операциях. Заслуги В.Д. Соколовского в этот период отмечены двумя орденами Суворова I степени (9 апреля и 28 сентября 1943), орденом Кутузова I степени (27 августа 1943) и присвоением звания генерал армии (27 августа 1943).

С апреля 1944 г. Василий Данилович вновь на штабной работе. 12 апреля он был назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта. Под его руководством штаб фронта провел большую работу по планированию и подготовке Львовско-Сандомирской наступательной операции.

В ходе операции Василий Данилович умело направлял деятельность штаба по управлению войсками. Командующий фронтом маршал И.С. Конев в своих воспоминаниях отмечал, что «коллектив штаба фронта, возглавляемый генералом армии В.Д. Соколовским, имевшим значительный опыт командной и штабной службы, вполне справился с организацией управления большим числом общевойсковых, танковых, артиллерийских и авиационных соединений»⁶. Деятельность Соколовского была отмечена еще одним орденом Кутузова I степени (25 августа 1944).

Затем были Карпатско-Дуклинская, Висло-Одерская, Нижне- и Верхне-Силезская наступательные операции. 6 апреля 1945 г.

Соколовский был награжден третьим орденом «Суворова» I степени.

В Берлинской операции (16 апреля – 8 мая 1945) он принимал участие уже в качестве первого заместителя командующего войсками 1-го Белорусского фронта. В аттестации на него, написанной после этой операции, командующий фронтом маршал Г.К. Жуков отмечал: « Генерал армии Соколовский ... обладает большой силой воли и твердостью характера, смелый и энергичный, решительный и инициативный, постоянно требовательный к себе и подчиненным... В период Берлинской операции непосредственно руководил боевыми действиями по овладению Берлином и успешно выполнил задание командования фронтом...»⁷ За умелое руководство боевыми действиями войск и личное мужество 29 мая 1945 г. генералу Соколовскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы Василий Данилович стал Маршалом Советского Союза, занимал должности главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии, первого заместителя министра Вооруженных сил (военного министра), с июля 1952 г. по апрель 1960 г. возглавлял Генеральный штаб.

Таким образом, четыре выходца из Генерального штаба, четыре ученика Б.М. Шапошникова в годы Великой Отечественной войны командовали войсками фронтов, трое из них в разное время возглавляли Генштаб, а А.М. Василевский к тому же с 1949 по 1953 гг. был министром Вооруженных сил (военным министром). Все они были удостоены высоких наград и званий.

Целая плеяда генштабистов – учеников Бориса Михайловича – в годы войны возглавляла штабы фронтов.

Так в конце мая 1938 г. в Генштаб на должность помощника начальника прибыл комбриг Матвей Васильевич Захаров – одноклассник А.М. Василевского и Н.Ф. Ватутина по Академии Генерального штаба. Два года он работал под руководством Б.М. Шапошникова. В июле 1940 г. к тому времени уже генерал-майор М.В. Захаров был назначен начальником штаба Одесского военного округа (рис. 6). В этой должности он и встретил войну. В июле 1941 г. он был назначен начальником штаба северо-западного направления, но уже в августе был переведен на

должность заместителя начальника Главного управления тыла Красной армии.

С декабря 1941 г. и до конца войны М.В. Захаров последовательно возглавлял штабы Калининского, Резервного (апрель 1943), с июля 1943 г. Степного (с 20 октября 1943 г. – 2-го Украинского) и Забайкальского (июль – октябрь 1945) фронтов.

Рис. 6. М.В. Захаров

Штаб Калининского фронта под его руководством принимал участие в планировании и проведении Ржевско-Вяземской, Торопецко-Холмской, Ржевско-Сычевской, Великолукской и еще одной Ржевско-Вяземской операций. Вспоминая о той поре, командармы К.А. Коротеев и И.М. Манагаров так отзывались о работе начальника штаба фронта: «Мы, командующие армиями, восхищались удивительно слаженной работой штаба фронта. Мы восхищались неутомимой работоспособностью начальника штаба тов. Захарова. Матвей Васильевич долгие бессонные ночи просиживал над картой, все рассчитывал до мельчайших деталей, все предусматривал. Он прекрасно знал состояние той или иной части, знал какая помощь нужна тому или иному соединению. И это знание, огромная военно-научная работа над подготовкой к операции всегда обеспечивали успех в бою»⁸. Работа Матвея Васильевича не осталась незамеченной командованием. 30 мая 1942 г. М.В. Захарову было присвоено звание «генерал-лейтенант», а 31 декабря того же года он был награжден орденом Красного Знамени.

Штабы фронтов, которыми руководил М.В. Захаров в годы войны, успешно разработали планы более 20 фронтовых наступательных операций. Он лично внес большой вклад в планирование, подготовку и проведение Белгородско-Харьковской, за которую 27 августа 1943 г. награжден орденом Кутузова I степени, а 20 октября удостоен звания «генерал-полковник»; Кировоградской и Корсунь-Шевченковской, принесших ему 22 февраля 1944 г. второй орден Кутузова I степени; Уманско-Бото-

шанской, отмеченной 17 мая 1944 г. орденом Богдана Хмельницкого I степени; Яско-Кишиневской, за которую он был 13 сентября 1944 г. награжден орденом Суворова I степени; Дебреценской, отмеченной 3 ноября 1944 г. орденом Красного Знамени Будапештской и Венской, украсивших 28 апреля 1945 г. его грудь вторым орденом «Суворова» I степени; Пражской, после которой ему 29 мая 1945 г. было присвоено звание «генерал армии»; и Хингано-Мукденской, за которую он 8 сентября 1945 г. был удостоен звания Героя Советского Союза, наступательных операций.

«Возглавляя штабы фронтов, – писал Маршал Советского Союза И.С. Конев, – М.В. Захаров проявил себя как один из самых опытных начальников штабов. Лично мне с ним довелось совместно работать на Калининском, Степном и 2-м Украинском фронтах, и я могу сказать, что Матвей Васильевич относится к той школе оперативных работников, которые в совершенстве постигли методы управления войсками крупных объединений. Он был человеком неукротимой энергии и высокой штабной культуры».⁹

Характерная черта Захарова – творческий, нешаблонный подход к разработке и планированию каждой операции, базировавшийся на глубокой теоретической зрелости его как военачальника, ясном понимании им природы операций. Матвей Васильевич был мастером планирования и осуществления операций на окружение крупных группировок противника.

Командующий войсками Забайкальского фронта Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский отмечал в его аттестации: «...Операции, подготовленные им, служат ярким доказательством умелой организации управления войсками фронта и строгого контроля за выполнением поставленных задач со стороны тов. Захарова...»¹⁰

В послевоенные годы Матвей Васильевич руководил Академией Генерального штаба, был заместителем начальника Генштаба, командовал войсками Ленинградского военного округа и Группы советских войск в Германии, с апреля 1960 по март 1963 г. и с ноября 1964 по сентябрь 1971 г. являлся начальником Генерального штаба. В 1959 г. М.В. Захарову было присвоено звание Маршал Советского Союза, а в 1971 г. он был награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Учениками Б.М. Шапошникова можно назвать также генералов Г.К. Маландина и В.В. Курасова. Оба встретили войну в Оперативном управлении Генштаба, оба руководили штабами фронтов. Характеризуя первого из них, И.С. Конев писал: «Это был человек большой штабной школы, талантливый и организованный, отличавшийся безукоризненной честностью и точностью, никогда не поддававшийся соблазну что-либо приукрасить или округлить в своих докладах. Вот уж за кем не было этого греха, водившегося за некоторыми в общем-то неплохими людьми»¹¹. В аттестации на В.В. Курасова в конце войны отмечалось, что он «мыслящий, хорошо подготовленный в военных вопросах, инициативный, требовательный, трудолюбивый, пользующийся авторитетом военачальник»¹². Оба они в послевоенное время стали генералами армии, в разное время были заместителями начальника Генштаба, возглавляли Академию Генерального штаба. И список воспитанников «шапошниковской школы» можно продолжить: это и генералы М.Н. Шарохин, А.П. Покровский, В.Д. Иванов и многие, многие другие.

Таким образом, в Генеральном штабе накануне Великой Отечественной войны под руководством Б.М. Шапошникова прошла подготовку целая плеяда военачальников, внесших значительный вклад в Победу над врагом.

¹ Красная звезда. 1945. 27 марта.

² Василевский А.М. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 2. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 44.

³ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. С. 89.

⁴ Там же. Кн. 2. С. 82, 83.

⁵ Там же. Кн. 1. С. 162.

⁶ Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943–1945. 3-е изд. М.: Воениздат, 1982. С. 225.

⁷ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают / Институт военных и историко-патриотических проблем и исследований. М.: Любимая книга, 1996. С. 66.

⁸ Маршал Захаров в воспоминаниях соратников и современников / Сост. В.М. Захаров. М.: Издательство «Патриот», 2013. С. 107.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Маршалы Советского Союза... С. 37.

¹¹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1991. С. 493–494.

¹² Лобов В.Н., Португальский Р.М., Рунов В.А. Военная элита России. Советский период. 1917–1991. М.: Вече, 2010. С. 264.

И.В. Бабич (Москва)

**ОПЫТ НЕФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА
ФОРМУЛЯРА: ПО ОФИЦЕРСКИМ СКАЗКАМ
1720–1721 ГОДОВ**

*...Проходят полки за полками.
Й.-Х. Цедлиц. Ночной смотр*

ВСЕМ, КТО ЗАНИМАЕТСЯ или даже просто интересуется петровской эпохой, 2015 год, безусловно, запомнится как год публикации (настоящий научный подвиг К.Н. Татарникова), о которой можно было только мечтать, – коллекции офицерских сказок РГВИА¹. Разные поколения исследователей обращались к этим материалам для получения биографических данных о конкретных лицах, уточнения сведений по истории отдельных полков и эпизодов Северной войны. Комплексный анализ этого колоссального корпуса был выполнен М.Д. Рабиновичем, давшим на его основе фундаментальную характеристику социального происхождения и имущественного положения офицерского состава на исходе петровской эпохи². Открывающаяся публикацией одновременная доступность всего массива данных делает реальностью новые подходы к исследованию когорты победителей в самых разных аспектах.

Однородность собранных Военной коллегией лично-учетных данных, которые со слов «сказавшего» фиксировали его происхождение, «имение», чинопроизводства, а также «где был на баталиях на акциях» дает возможность и просопографического анализа. В настоящей статье³ первоначально ставился вопрос о роли опыта поражения под Нарвой в 1700 г. в дальнейшей судьбе тех, для кого урок оказался тяжелым, но не роковым. Однако в ходе работы возник ряд проблем, которые не удалось решить в рамках отведенного для подготовки текста времени.

В частности, стало ясно, что сама локализация подлежащей анализу группы требует специального исследования ввиду неоднозначности указаний «бывших» в первом Нарвском походе о характере такой «бытности» («на службе под», «в атаке», «в команде...» и т. п.).

Вместе с тем новизна всеармейского анкетирования и условия его проведения непосредственно в полках полевой армии, обусловив многообразие трактовок, одинаковых для всех «пунктов», зачастую провоцировали респондентов освещать такие эпизоды военной и частной жизни, которые невозможно свести к стандартным параметрам массового источника. Именно некоторые нешаблонные сведения сказок, сообщающие им неповторимый колорит, и предполагается отметить ниже, по мере возможности пытаясь представить на их основе хотя бы отдельные черты внутреннего мира петровских ветеранов на вершине их жизненного поприща, совпавшего с эпохой триумфа создававшейся при их живом участии империи.

Свобода самовыражения была скромной. Квалифицированный писарь, как это было в Ингерманландском драгунском полку, мог подогнать изложение под жестко унифицированное делопроизводственное клише. Умудренные житейским опытом носители актуального еще и в советскую эпоху архетипа «нас не спросят, мы не скажем» определенно действовали по принципу гайдаровских Чука и Гека: «Зачем нам вперед выскакивать? Мы не выскочки». Наконец, ни у кого не было привычки к изложению своих впечатлений. Все это создавало плотину от выплесков «неформулярных» сведений, которые, с другой стороны, стимулировались единовременностью акции, вместе с эффектом обмена впечатлениями, «очереди в коридоре», когда одни «что спросили»/«что сказал», – порождают спонтанный творческий процесс уточнения, напоминания, согласования новых «озарений».

Существенным представляется и социально-исторический контекст кампании по сбору сказок, интерпретированный еще Т.С. Майковой как рост сознания значимости прошлого. Он назван «Записками» А.А. Матвеева и Б.И. Куракина, началом изысканий В.Н. Татищева, трудами самого Петра I над «Гисторией о Свейской войне», а также наличием дневниковых записей и «юналов» служебного характера. Традиция их ведения, в известной степени укорененная в среде иностранных офицеров

(А. Гордон, Л.-Н. Алларт, Р.-Х. Боур, К. Крюйс), воспринималась и в русской армии (в канцеляриях Б.П. Шереметева, А.Д. Меншикова, А.А. Вейде, Н.И. Репнина, Я.В. Брюса, П.П. Ласси, Я.Ф. Долгорукова). Известно также о рассылке по распоряжению Петра I в январе 1709 г. в армию 2 тысяч карманных календарей «в полдеств, дабы возможно было офицерам на каждый день прописывать свои дела»⁴.

Сказки офицеров полевой армии не рассматривались властью в качестве историописания, но подчас становились им, если, например, почему-либо перерастали лапидарные ответы на заданные вопросы. Различие в масштабе повествований, как между частями, так и внутри них бросается в глаза и проще объяснимо на межполковом уровне. Наибольшее число пространных сказок представили Луцкий и Нарвский драгунские полки и Второй гренадерский, Архангелогородский, Вологодский, Воронежский, Нарвский, Невский и Нижегородский пехотные. Из самих текстов видно, что к моменту опроса они⁵ размещались «в Або-ве», «в Вазовском уезде», «в Финляндии», «в Пернове». Здесь вспоминается наблюдение П.Н. Милюкова о роли контраста с точки зрения общественной и индивидуальной психики, становления сознания. «Там, где контраст может скорее и легче обнаружиться, /.../ среди смешанного населения, в пограничных местностях и т. п., там и сознание национальных отличий является скорей»⁶. По-видимому, достаточно длительное пребывание за пределами отечества стимулировало формирование индивидуального самоопределения, что и выразилось в общей склонности к пространному рассказу о себе офицеров частей, расквартированных вне России.

Вопрос о культурном и психологическом воздействии знакомства с иноземным укладом невольных «путешественников» в Мекленбургии, Померании, Польше, Малороссии, Голштинии сказки оставляют без ответа⁷. Выявляется в этом контексте немного. Прежде всего – характерная едва ли не для половины детализация в способе упоминаний пунктов сражений. Если одни приводят только название, другие поясняют, какой «земле» принадлежит то или иное «местечко», упоминают о выходе и возвращении в Россию. В то же время практически все сказки пестрят прямыми заимствованиями и русифицированными формами иноязычных слов – их герои были «конфирмова-

ны» в чине, шли «на бригантинах», пребывали «в крьюсе», делали транжементы и «брали багажи», «ошанцевывались» и «апрошевались». Но кто-то быстро адаптировался к языку новой эпохи, с удовольствием рифмуя Тавастгусту с «крепостью пустой» и вспоминая, как «имел себе ретироваться, и не дал себя им в азарт», бегло упоминая медиаторов, Бранденбургское панство и Борговское препозитство. Кто-то же Дерпт продолжал называть Юрьевым-Ливонским, Шлиссельбург Орешком, а Нарву Ругодевом⁸.

Возвращаясь к вопросу о различии объема текстов, видим иногда 3–4-кратную разницу в пределах одного полка. Так, в Вятском, Казанском, Невском и Нижегородском драгунских полках протяженность сказок распределялась более или менее пропорционально продолжительности службы. В Астраханском же, Копорском, Псковском, Ростовском и Тобольском пехотных – соответственно иерархии чинов, с сокращением по мере понижения вне зависимости от стажа. В то же время не исключалась и индивидуальная инициатива подачи больших, сравнительно с однополчанами, сказок, как у прапорщика И.О. Челюскина и фискала И. Толбузина в Астраханском драгунском полку, капитана Г.С. Мордвинова в Новотроицком драгунском полку, поручика П.П. Давыдова в Петербургском драгунском полку и др.

Сама по себе длина показаний не может рассматриваться как эквивалент их информативности в качестве военно-исторического или личностного нарратива, но и отрицать этой зависимости нельзя. Свыше 100 текстов (В.Т. Макарова, И.Г. Каргашева, И.С. Караулова, Я.Г. и И.Г. Сытиных, А.Р. Фразера, И.Г. Корина и др.) выделяются не только превышением в несколько раз «средней» (примерно 0,1–0,2 печатных листа) сказки, но и свободой изложения. С этой точки зрения особое место занимают повествования полковника А.А. Мякина и подполковника А.К. Коррета.

Читая сказку Алексея Антоновича Мякина, трудно поверить, что автор – человек без опыта чтения и письма, хотя внешняя канва его неординарной биографии такового не фиксирует. Не имеющий до женитьбы состояния «шляхтич», выпущенный из ученья сержантом, за семь лет дослужился до полковника. И удавалось ему все: рукопашная гренадерская атака, доставка

«тайным обычаем шпиком» с «жидовским паспортом» писем через линию фронта, покупка лошадей на всю инфантерию, транспортировка больных и раненых всех дивизий после Полтавы.

Хотя усилия автора сосредоточены на выгодном представлении своих заслуг, он помнит и подчиненных («а солдатам моей команды выдано по рублю государевой милости, и был погреб», указывает и количество потерь среди них). Имя погибшего командира или того, чью должность занял, называют многие⁹. В сказке же А.А. Мякинина – целый ряд имен живых и ушедших предшественников, преемников и даже соседей-командиров. Более того, такие имена называют и почти все офицеры «его» Новгородского пехотного полка, чьи сказки, в целом, демонстрируют большое разнообразие в структуре, объеме и особенностях нарратива. При этом в сказке самого А.А. Мякинина и еще в шести вместо числа «декабря 1720 г.» стоит отточие, в официальных бумагах по сей день нередкое и означающее самые разные вещи – от бюрократического приема (подачи бумаги задним числом или наоборот – согласования с распоряжением, которое еще отсутствует) до небрежности. В данном случае речь идет скорее об обдумывании сообщаемого в течение нескольких отведенных на анкетирование дней. Отсюда и изложение без повторов и пробелов, равномерно освещающее служебный путь на всем его протяжении, занявшее объем в почти половину печатного листа.

В этой связи кажется вероятным обращение к каким-то запискам для памяти, по-видимому нерегулярным, поскольку точно датированы далеко не все, а только 16 моментов его службы, среди которых отвод из Смоленска в Померанию восемь лет назад 2779 солдат и 2090 рекрут.

Пространна и сказка подполковника Азовского пехотного полка Авраама Корнильевича Коррета. В ней представлена карьера, в отличие от А.А. Мякинина, хотя и удачная, но ординарная. Начиная от приезда в Россию из Голландской земли с отцом еще при Алексее Михайловиче и производства в прапорщики 10 января 1685 г., он равно подробно фиксирует вехи службы – производств в чины, изменений в жалованье, участия в баталиях. Необычных поручений он не выполнял, но каждый эпизод – это обстоятельный рассказ о хорошо сделанной работе. Так, по поводу участия (майором) в сражении под Нарвой в 1700 г. гово-

рится: «...как шведы вошли в нашу линию и прошли ставку господина генерала и кавалера Адама Адамовича Вейде и пришли в полк Александра Ахантова и прошли редуты, и послал меня высокородный господин генерал и кавалер Адам Адамович Вейде, чтоб войтить в оный редут и повернуть пушки и поставить в линию и неприятеля в конфузию привести, и я взял с собою солдат двадцать человек, и пробился сквозь их линию, и вошед в редут, и взяв пушки, и поставил в линию, и стал палить из них к неприятелю во фланги, и привел в конфузию неприятеля. И как наступили на него с полками, то принужден был бежать из линии, и следовали за ним до полку Петра Девсон, который был в дивизии Автомона Михайловича Головина». Это единственное в сказках сообщение подробностей о Нарвском сражении 1700 г., общих итогов какового автор не подвел, зато четко обозначил границы участка, за который отвечал и на котором все было устроено его трудами, и лишь называя соседей, которые должны были отвечать за свои.

Каждая акция описана практически без эмоций («поставили себя в дистанц и с неприятелем сошлись»), по единой схеме: когда и кто поставил задачу, каковы были исходные условия, какими средствами (в том числе с участием других командиров) она была выполнена. А.К. Коррет отдает должное солдатам – «...загорелся великий огонь от пушек и мелкого ружья, однакож поступили мужественно, уничтожа все, хотя и много побито и ранено...»¹⁰, подчас называя цифры потерь, дает сведения о местности и приводит 16 дат, также наводящих на мысль о возможности использования памятных записей.

И Мякинин, и Коррет, по-видимому, обращались к каким-то запискам, хотя и не указали на это, но ссылки на наличие собственных «записок» есть, хотя и единичные, у других респондентов. Капитан Н.М. Зыбин констатировал: «...И на вышепомянутых баталиях, и акциях и штурмах был безотлучен, а только в которых годах, месяцах и числах, про то написать не упомянет, понеже которые записки были, и оные погорели при Абопе в 716-м году». Капитан Д.Ф. Демьянов: «Прочих контр и малых с неприятелем съездов подлинно де описать не упомяну, ибо... которые у него были записки о всем подлинно, в 712-м году, ... в Мекленбургской земле при контре с неприятелем,... всякие ведомости и записки отбиты». И у подполковника А.Р. Фразера: «А о других

походах, партиях, баталиях написать не упомяну, понеже, которые были при мне записки, и оные отбиты на Турецкой акции». То есть все трое оговорили «уважительную причину» утраты «записок» много лет назад, причем ни один их не возобновил.

Допустимо, что опыты ведения единойжды рекомендованных свыше дневников с разной успешностью предпринимались и другими. Например, почти навверное капитаном М.Б. Рязановым, назвавшим 12 точных дат, в том числе «акций», отделенных от момента опроса 18 годами, и подполковником Я.Г. Сытиным с 23 точными датами и 25 указаниями на месяц, в котором произошло событие (с оставленными пробелами для обозначения конкретного дня). При этом говорилось не только об «акциях», но и о выполнении поручений: «в 1707 году февраля в 6 день был на форпосте от Петербурга к Выборгу и у Красной горки, на которых стоял три месяца»; «в 715 году июля в 7 день... командрован с командой в местечко Вазы, в котором велено сделать крепость... и в оной был год»¹¹.

Возможно, в русле того же проекта введения в офицерский обиход «календарей» во многих полках изложение структурировали по годам. В таких случаях, когда год нельзя было «заполнить» обще- (участие в баталиях) или индивидуально значимым (перевод из части в часть, производство в чин) событием, сообщалось о смене дислокации полка. А если и этого не происходило, вносились записи: «...в 715-м же и 716-м, 717-м, 718-м, 719-м годах при галерном флоте был в полку безотлучно», «...а в небытность при полку вышних своих полковых командиров, в 715, 716 и 718 и в 719 годах отправлял всякое полковое дело»¹².

Тем не менее подавляющее большинство опрошенных опиралось исключительно на память, о непрочности которой за «многими летами» сокрушалось несколько десятков человек. Естественные сдвиги такого рода рельефно прослеживаются в нескольких «парных» сказках одних и тех же лиц, появлявшихся в результате перемены чина, либо по мотивам неясным (случайной ошибки? неопозволительности изъятия раз оформленной официальной бумаги?). Таковые у капитана Невского драгунского полка С.С. Позднякова (от 12 февраля и от 24 июля 1721 г.¹³) отчасти расходятся в перечне фактов столкновений с неприятелем и пояснениях к ним при общем совпадении числа акций. В феврале названы «баталии» на Сестре-реке против шведско-

го генерала Крониорта, против генерала Шлипенбаха, под местечком Шкуды, под Калишем, под Лесным, под Красным Кутом, под Полтавою и «потребы» под Орешком, под Канцами, под Ругодевом, под Городнею, под Пултуском, под Варшавою, под Ригою, под Перновым, под Ревелем, под Цариченкою, под Нехворощею, при местечке Шкверине, под Штеттиним, под Фридрихштадтом, под Теннингом. В июле – на Сомре-реке, под Орешком в шанцах, под Канцами на потребе, с полковником Малиною к Выборгу на баталии, на потребе под Нарвою, на баталии против генерала Шлипенбаха, на баталии во Жмуде под местечком Шкуды, на баталии под местечком Клаванью, на потребе под местечком Митавой, на штурме под местечком Плоцком, на баталии под Калишем, на баталии Лвенгопской под Лесным, на потребе под Красным Кутом, под Цариченкою, на главной баталии под Полтавою, на потребах под Ригою, под Перновым, под Ревелем, под Шквериним, в Померании в шанцах под Штеттинном и при взятъе Штеттина.

Любопытно также наименование Полтавы в позднейшей редакции с эпитетом «главной баталии» против ее ordinarilyного перечисления – в более ранней при распределении среди его однопольчан обоих подходов примерно поровну. Квалификация этого события как «счастливой баталии Полтавской», «виктории» и т. п. в целом уступает его упоминанию в ряду других¹⁴. И даже если акцент на «генеральности» присутствует¹⁵, отдельное описание дается только, когда говоривший знал за собой некую особую роль (находился «в первой линии», «взял с пушки 3 знамя шведских») или был ранен, что равным образом относилось и к другим баталиям и акциям¹⁶. Так что в случае С.С. Позднякова, вероятнее всего, имеем дело с желанием по некотором размышлении, скорее, дополнить, чем пересмотреть исходный вариант. Аналогичную «редакцию» – тоже без явного для постороннего читателя результата – претерпели сказки Новгородского драгунского полка поручика (затем капитана) Л.А. Воейкова (10 февраля 1720 г., 7 марта 1721 г.) и прапорщика (затем поручика) Ф.И. Коптева (...декабря 1719 г. и 3 марта 1721 г.), Владимирского драгунского полка А.С. Опрянина (...февраля 1720 и 9 февраля 1721 г.).

Общей чертой сказок по памяти было матричное воспроизведение какого-то фразеологического оборота или целого фраг-

мента двумя, тремя и более однополчанами-участниками одних и тех же событий, что проще всего объяснить дефицитом навыков выражения своей мысли. Среди множества примеров этого рода – четверо офицеров Московского драгунского полка, отметивших участие в акции под Новой киркой под командой плац-майора петербургского «как зовут не упомню». Но не менее множественны и стремления воспроизвести любую, на первый взгляд столь же не обязательную, как «безымянный майор» деталь, которая могла служить маркером личного присутствия: «...где была баталия у господина полковника князя Барятинского на проломе Стекгольму, ...а я был по другую сторону пролома», «пробило у нас галеру ядром»; «как напал ночью Бремз»; «...и послан был на корабле “Перле” в Копенгаген»; «под Борговым на вылазке был, как переходили жженный мост»¹⁷.

«Жженный мост» – единственная индивидуальная подробность короткой сказки капитан-поручика И.А. Соколова. Начинаяющийся словами «служу я с 700-го году, написан был в солдаты» текст ограничен перечнем дат производства в чины, баталий (в том числе Полтавы, где он был ранен) и командиров и завершается свидетельством «а крестьянских дворов за мною нет». Из кого и откуда происходил, владел ли землей – вне фокуса. Но «жженный мост» – яркий кадр двадцати минувших военных лет, мгновенная вспышка в сумятице прошедшего, мимоходом тронувшая какую-то душевную струнку.

Специфически человеческих качеств сказки прямо не отражали, но подчас в них можно заметить своего рода отблески характеров. Безусловно преобладающими в воспоминаниях о сражениях являются глаголы «порубили», «сбили». С явным удовольствием описывали из ряда вон выходящие обстоятельства: «...особливо на лыжах командрован был и кивиков достал»; «повелено нашему полку выдать из пехотных полков васьковские кафтаны и васьковские епанчи, и учинили нас якобы шведский драгунский полк, и послали нас к Нарве ... на приклад, что будто мы во оную Нарву пришли на сикурс от шведской стороны, и к нам из Нарвы навстречу несколько кавалерии и инфантерии выходило, признав оные шведы, что будто мы к ним пришли подлинно от шведской стороны для сикурсу, и потом с оными сошлись и была акция»¹⁸; ночью ходили в разведку «в пешей партии ради проповеди, не строит ли непри-

атель мостов и переправ»¹⁹. Заметим, кстати, что мосты и переправы сопутствуют распространенному взгляду на водную стихию, как на навигатор в путешествиях по прошлому. Реки, озера, мост, на котором бились под Варшавой на Праге, переправы, которые разрушали и наводили, даже караул, если в него прилучилось идти «у моря»²⁰.

Многократны сожаления о горестях и обидах: «...а поместья и вотчин за мною нет, понеже отец наш в недвижимых имениях учинил наследником меньшего брата моего, который ныне служит солдатом в Выборгском пехотном полку»²¹; «...поместье... в Пензенском уезде ...приходом неприятельских людей кубанцев разорено, и мать... и людишек всех в полон забрали и дворовое строение выжгли», «А крестьян за мною в Дмитровском уезде 14 дворов, из того числа насильно вывез 3 двора думный дяк Автомон Иванов сын Иванов...»; «А что крестьянских дворов за отцом моим... в бегах и вымерли тому назад тридцать лет, а землею тою владеют другие помещики»; «...в 711-м году... пожалован... на ваканц в подпоручики октября 20-го дня, а жалованья не получал... до 712 году генваря по 6 число...»; «...за баталии и за акции ни в какой чин не произведен, но токмо как линия придет чинами перемениться»; «...фельдмаршал Борис Петрович пожаловал меня капитаном... И 704 году по указу Царского Величества велено от трех рот, у первой, у второй и у третьей, капитанам не быть, и в то число я отставлен... и был за полками»; «...а в 718 году апреля 20 числа... пожалован был секунд-майором... на место секунд-майора Дмитрия Новокщенова. Да в том же году мая 6 дня... повелено быть из Азовского полку секунд-майору... премьер-майором, а нам с Новокщеновым повелено быть в тех же прежних чинах, и с того числа и по сие время во оном чину служу»; «...шквудрон-майором счисляли и в табелях подавали с 710-го году по 718 год, ныне счисляют капитаном для того, что по сенатской табели шквудрон-майоров не написано»²².

Горький опыт пребывания в «полону» (обычно сопровождался рассказом о взятии в плен, длительности пребывания и условиях выхода – по размену или самостоятельно)²³. В характеристике же ранений указание «куда» фигурирует (не обязательно одновременно) на равных правах с «чем» (шпагой, фузейной пулей, картечью). Подтверждая давно установленный факт выживаемости в условиях войны XVIII в., как правило, тех, кто по-

лучил не слишком тяжелые раны²⁴, сказки часто сообщают, что раненый вскоре снова участвует в бою. Но встречаются и известия, когда от ядра «шведского корабля ...в 24 фунта оторвало у меня каблуки и подошвы прочь у обеих ног, и от той раны лежал вельми трудно»; опущен «для лечения», не оправился от последствий годы спустя²⁵.

Однако ни доньине считающаяся боевым отличием рана, ни «полонное терпение», издавна выступавшее как основание для награждения, не рассматриваются подателями сказок в качестве показателя их бесспорных заслуг. Их место как критерия добросовестной службы заступает отправление обычных караулов и других задач «безпрогульно», «не минув никакой очереди»²⁶. Вместе с тем, хотя нет и намека «почитать... нулями» «свою братью», «единицей» стремились представить именно себя, а средством такого представления выступали «командирования». Таким образом «для конвою ...шествия его царского величества» и для «содержания государевых лошадей», «за Таган Рог... для осмотра минаралия» и в «цесарское войско», «в Стокгольм для... испрошения тела царевича Меретинского», в Голландию и Брабандию, и в Сибирь, для покупки церковной утвари, для охранения инженера и работных людей, чистки камня перед проходом драгун, дабы отогнать от осажденного города рогатый скот, для взятия языков, для провожания пленных, для «искоренения разбоев» в Петербургской губернии, для «подтверждения малороссийского народа... крестным целованием» или для доставки посольских писем²⁷.

«Командирования» – как индивидуально, так и в составе «команд», экстраординарные и текущие боевые, вне зависимости от их давности и цели – представлялись настолько важными, что перечислялись наряду с баталиями и производством в чины. Думается потому, что их воспринимали, с одной стороны, как показатель избранности, с другой же – как действия пусть под началом командиров, но все же и «собою». «Командированы были по десять человек с роты,... на приступ на пролом»; «И пришед к Переволочне,... командирован я был на приступ, и взяли штурмом»; «И того ж числа командирован был подполковник Абрам с баталионом в 400 человеках пехоты и с двумя полковыми пушками, и мне повелено быть у него в команде»; «И в том же 712-м году командирован был за подпоручика при

артиллерии к реке Кюмень, и чрез оную реку была акция с неприятелем»²⁸.

Действия «собою» на службе почти всегда оказывались в неразрывном единстве с неким «вышним» решением, которым собственная инициатива могла предшествовать главным образом в форме вступления в службу «волею». В дальнейшем эту «волю» можно лишь изредка разглядеть в просьбах о переводе из драгун в пехоту, из гарнизона в полевую армию или в оставшихся за пределами описания усилиях, направленных на устройство в один полк с братом или братьями²⁹.

Что же касается внеслужебного состояния, то сказки демонстрируют относительно него, можно сказать, массовую беспечность. Большинство их авторов «не сведомы», чем именно владеют. Они объясняют это тем, что «за службой», не могли устроить имущественных дел. Кто-то упоминал, что поместье «за отцом», а параметры оного им не известны, кто-то о том, что «владеет мать» (фактическое состояние дел опять же неизвестно), некоторые упорчивали свой имущественный статус за счет приданого³⁰. Многие с сокрушением говорили, что остались без «отцовского» за счет «новосостоятельного» указа о единонаследии, и очень немногие – о покупке земли или, еще реже – крестьянских дворов. То есть попытки устроить свое будущее предпринимались редко (об обеспечении наследством сына упоминается только однажды)³¹, что на практике было вполне реалистичной стратегией для людей, проводивших большую часть жизни на войне.

Гораздо чаще проявлялись тяга к признанию заслуг и гордость от сознания своего соответствия образцу «доброго солдата». Помимо указания на исправное выполнение «нарядов» на всем протяжении службы или с «начатку... войны», прежде всего и больше всего речь идет о «достойных потребах», где взял неприятельское знамя, захватил шкуту и пленных, «отправлял» за убитого в бою командира, ни одному из высадившихся на берег неприятелей не дал вернуться на корабль³². Есть и упоминания о наградах – медалях, внеочередном производстве в чин, выдаче «не в зачет» жалованья и других денежных сумм³³. В том же русле – упоминания челобитных (достигших цели) о перемене чина или о переводах³⁴. Здесь и краткие введения к сказкам, составленным в Нижегородском пехотном полку, подчеркивающим перемену статуса службой: «...в котором году взят ... в даточные

солдаты и... как из солдатства произошел в обер-офицеры»³⁵. И, наконец, успех матримониальный – единственное сообщение о браке незнатного дворянина поручика И.С. Закрюковского с вдовой князя Кропоткина³⁶.

Сожаления о забвении предположительно значимых черт миновавшего и сохранение его самых ярких впечатлений, радость, что выжил и память о погибших, уязвленное самолюбие и гордость отражались сказками скупой, хотя не должны были отразиться вообще. Но в таких случаях организаторы смотра наличных служилых сил, ожидая рапорта, получили также и исповедь. Благодаря же тем, кто проявил не столько дисциплину, сколько «охоту», в рутинную операцию вложил душу, формулярная бумага по сей день сохранила живые голоса.

¹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сб. документов: в 2 т. / Сост., вступ. ст., оформление К.В. Татарникова. М., 2015 (Далее – Сказки...).

² Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I: сб. ст. М., 1973. С. 133–171.

³ Публикаторы представили данные о 1242 кавалерийских чинах и 1453 пехотных. В данной статье рассматривались только сказки офицеров; сказки генералитета не учитывались.

⁴ Майкова Т.С. Военные «юرنалы» петровского времени (по материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России: XVIII и 1-я половина XIX вв. М., 1969. С. 371; 376; 383.

⁵ Дислокация Луцкого драгунского полка не прочитывается по сказкам; установлена по: М.Д. Рабинович. Полки петровской армии. 1698–1725: крат. справ. М., 1977. С. 94.

⁶ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1995. Т. 3. Национализм и европеизм. С. 95.

⁷ Даже в случаях выполнения за границей особых поручений, вроде переговоров Д.Ф. Еропкина под Гданьском с «тремя воеводствами о даче провианта» и его же посылкой «во время польского замешания... к конфедератскому маршалку», никаких впечатлений сказка не фиксирует, кроме «немалого опасения в животе своем». С. 516. Но проявления внимания к окружающей обстановке в немногих случаях заметны. Так, капитан И.А. Тюменев уточняет, что был послан в партию Нейшлотского уезду в кирку Индасалму, которая граничит с Каянбургом. Сказки... С. 529.

⁸ Сказки... С. 401; 425; 534; 573; 805; 908; 926; 954; 944; 1069; 1078; 1119; 1223; 1230; 1357; 1521; 2141 и др.

⁹ Там же. С. 258; 261; 263; 380; 477; 569; 785; 901; 1766; 2003; 2006; 2013 и др.

¹⁰ Там же. С. 1168–1174.

¹¹ Там же. С. 518–520.

¹² Там же. С. 1408; 258.

¹³ Там же. С. 573–574.

¹⁴ Оценок исхода баталий, как правило, не давалось. Упоминания о «несчастливых баталиях» так же редки, как и о викториях. Наиболее укорененным оказалось восприятие официального определения Прутского похода, который в большинстве случаев, опять-таки без комментариев, именовался «Турецкой акцией».

¹⁵ «Генеральными» нередко назывались вообще все столкновения «в поле», в отличие от осад и партий.

¹⁶ Например, в сказке капитана Т.Ф. Квашнина-Самарина описание битв у реки Славянки и у Сойкиной мызы занимает по 7 строк, у Опошны – 8, а у Полтавы – 3, хотя в последней он, будучи поручиком, «управлял ротой за капитана». С. 269–270.

¹⁷ Сказки...С. 1898; 541; 1871; 1810.

¹⁸ Там же. С. 541; 1967; 1402.

¹⁹ Там же. С. 255; 513.

²⁰ Там же. С. 128; 174; 218; 430; 438; 491; 521; 526; 544; 571; 790; 978; 1030; 1059; 1114; 1549; 1219; 1752; 1897; 2284; 2291; 2366.

²¹ Там же. С. 1851. Это сообщение капитана кн. О.М. Борятинского находится в ряду многих других, отразив тяжелое впечатление, произведенное указом о единаследии.

²² Там же. С. 185; 2295; 299; 1947; 1957; 260; 940; 530.

²³ Там же. С. 385; 389; 407; 1518; 1394; 1809; 1810; 1885 и др.

²⁴ Урланис Б.Ц. История военных потерь. М., 1999. С. 74–75.

²⁵ Сказки...С. 360; 937; 1222; 1959; 373; 942; 937; 977; 1097; 1221; 1357; 1489; 1519; 1532; 1549; 1963; 2153.

²⁶ Там же. С. 1859; 426; 442; 484; 500; 662; 790; 920; 1208 и др.

²⁷ Там же. С. 533; 1834; 520–521; 701; 723; 1089; 1259; 570; 1302; 517; 519; 908; 900; 1029; 1560; 567; 515; 1039 и др.

²⁸ Там же. С. 1868; 1060; 1062; 1191; 2274–2275; 2242 и др.

²⁹ Даже на исходе двадцатилетней войны с ее потерями многие части имели в офицерском составе родных братьев.

³⁰ Там же. С. 153; 297; 850; 1690; 2357; 2376 и др.

³¹ Там же. С. 297.

³² Там же. С. 223; 491; 581; 904; 1121; 1085; 1809; 2006; 2307 и др.

³³ Там же. С. 608; 616; 619; 700; 926; 1025; 1070; 1560; 1798; 2276 и др.

³⁴ Там же. С. 417; 601; 1920; 2079.

³⁵ Там же. С. 1948; 1962; 1982.

³⁶ Там же. С. 2285.

М.В. Бабиц (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1730-х ГОДОВ: ВОКРУГ КОМИССАРИАТА

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ 1730-х гг. переустройством 26 января 1736 г. Военной коллегии на основе более полной, чем прежде, централизации управления армией¹ – факт бесспорный и в то же время не коррелирующий с каким-либо масштабным историческим событием. Возможно, поэтому и вся предпринятая тогда акция, в отличие от преобразований Воинской комиссии 1730 г., пристального внимания долго не привлекала.

Процесс ее подготовки впервые исследовал Н.Н. Петрухинцев, заключив, что ее главной административной составляющей была реорганизация Генерального Кригс-комиссариата (далее: ГKK) как органа снабжения вооруженных сил. Толчком к ней стал конфликт последнего с президентом Военной коллегии гр. Б.-Х. Минихом по поводу проверки эффективности олицетворяемых фельдмаршалом нововведений 1731–1732 гг., в том числе соединения 28 октября 1731 г. подначальных коллегии Кригс-комиссариата, Провиантской канцелярии, Казначейской и Мундирной контор «в одно кригс-комиссариатское правление», подведомственное Сенату². В ходе дискуссии о целесообразности перераспределения обязанностей перечисленных учреждений (так или иначе распоряжавшихся армейскими расходами. – *М. Б.*), которая шла на фоне обострения случившимся голодом проблем налогообложения, снова был поднят вопрос о подушном сборе – базовом источнике содержания войск. Окончательная – после неудачной попытки 1727–1730 гг. – передача его взыскания из рук существующих на его средства полков властям «губерний и провинций» предусматривалась тем же вы-

сочайше утвержденным 26 января 1736 г. докладом Сената, который внедрял в Военную коллегию «департаментский» принцип, уже опробованный в Адмиралтейской. Так что образование там «типичной для 1730-х гг. централизованной административной структуры с разделением функций по отраслям» предстало тесно связанным со всей податной политикой периода и в конечном счете обусловленным ею³.

В целом соглашаясь с автором, сомневаешься сначала только в жесткой зависимости статуса и полномочий ведомства материального обеспечения, которое тогда называли комиссариатским, а затем интендантским, от способов получения потребляемых денег. Сложившийся до появления подушной подати – в 1700–1711 гг., при создании регулярной армии, – Кригс-комиссариат и под эгиду Военной коллегии попадет совсем не с первых ее дней⁴. Так же не вдруг становясь «повинен» в «мундирных покупках и подрядах и жалованье», он получит в свою «дирекцию» подушный сбор «весь» 28 октября (12 ноября) 1731 г. вместе с провиантскими «делами». Фактически же обретенное им одновременно иерархическое равенство относительно Коллегии будет законодательно зафиксировано лишь 7 мая 1733 г. И, напротив, сохранение прежнего порядка пополнения бюджета не помешает следующей перетасовке прерогатив военного аппарата 25 января 1742 г. с восстановлением утраченной в 1736 г. самостоятельности Комиссариата⁵.

Обращаясь же к выявленным Н.Н. Петрухинцевым и сопряженным с ними материалам, замечаешь, помимо указанного в монографии неучастия в реконструкции Военной коллегии ее президента, и другие трудно объяснимые в русле изложенного обстоятельства. Например, что нападки на ГKK начинаются осенью 1732 г., когда о неэффективности менее года как установленного управления говорить было явно рано, и не сворачиваются после его упразднения, переадресовываясь открытым в качестве альтернативы преемникам⁶.

Сразу подчеркнем, что оговоренное обращение было вызвано не собственным интересом автора настоящей статьи к последнему этапу «миниховской» реформы, а воссозданием истории до сих пор практически неизвестной Комиссии следствия о приеме ГKK негодных мундирных и амуниционных вещей, как будто отсылавшей к этой реформе одним своим названием. Поэтому и на-

блюдения, сделанные здесь сквозь призму рассмотрения источников сперва исключительно на предмет ее (комиссии) гипотетической причастности к судьбе ГKK в середине 1730-х гг., на полноценную концепцию не претендуют. Однако и они могут быть любопытны, освещая оперирование армейскими вещевыми ресурсами в несколько неожиданном ракурсе.

Так, учреждение Комиссии повелением кабинет-министров (гр. А.И. Остермана и кн. М.Я. Черкасского) и ее продолжение (по крайней мере номинально) более трех лет с привлечением свыше десяти «коллежских и канцелярских членов», включая бывшего члена Воинской комиссии 1730 г., ныне служащего отделения Военной коллегии в старой столице В.С. Борзово (с 10 февраля по 3 ноября 1735 г.) и бывшего главного директора ГKK В.Я. Новосильцева (с 26 февраля по 24 августа 1736 г.)⁷, производит впечатление мощного органа, который играл – или должен был играть – значимую для правительства роль.

В действительности подтверждается только то, что Кабинет министров 27 мая 1734 г. «объявил» Военной коллегии о приемах ГKK «вещей... весьма плоше образцов». «Объявлялось» ли это по причине естественной для высшего учреждения империи поддержки заданных в 1731 г. стандартов заготовки обмундирования или конкретного курса на дискредитацию ГKK, во всяком случае не справлявшегося со своими финансовыми «ведомостями», из документов не видно. Но оно несомненно повлекло за собой «свидетельство» амуниции, привезенной в июне 1734 г. для Ингерманландского пехотного и «прочих обретающихся при Остзее полков». Коллегия дала это поручение опытному в различных «комиссиях» подполковнику Петербургского гарнизона Ф.В. Норову и в октябре отослала забракованное им обратно, а письменный отчет о принятых мерах в Сенат⁸. Тот 7 января 1735 г. определил «исследовать» о «вине» ГKK в Москве, где он располагался, своей Конторе с участием, по законодательным предписаниям 1723 г., «депутатов Военной коллегии» (которую и представил В.С. Борзово) «в месяц», но даже указы об этом были отправлены только 16 и 18 января⁹.

Московская Сенатская контора, в свою очередь, постановила производить «дело» в подконтрольной ей комиссии, на организацию чего тоже ушло немало недель. Возглавляемая генералом гр. С.А. Салтыковым, который принадлежал к способнейшим

деятелям правления Анны Иоанновны, она в середине 1730-х гг. работала едва ли не интенсивнее самого Сената и могла бы «поступать» оперативнее. Но, скорее всего, прочла между строк распоряжения выяснить, «для чего» ГKK «отпустил помянутые вещи не против образцов», не политический интерес, а лишь потребность в подборе обоснований заранее предreshенного приговора о «штрафовании комиссариатских членов, також отдатчиков и приемщиков». И не ошиблась – спросить, «что учинено» в Петербурге, сообразовали не через месяц после инцидента, а через целых девятнадцать после утверждения «мнения» Комиссии московскими сенаторами.

Соответственно, и развитие следствия (получившего не «кабинетский», а «сенатский» ранг) подчинилось логике не государственного заказа, а рутинной бюрократической дисциплины. За недостатком в Москве высокопоставленных чиновников со свободными от заседаний в других присутственных местах часами его в марте возложили на Комиссию о Сибирском приказе, которая с 1732 г. занималась махинациями с «китайскими товарами», а потом злоупотреблениями сибирских воевод и жалобами на обер-полицмейстера Н.А. Оболдуева. Но пополнить ее авторитетными членами и с их помощью наладить анализ военно-хозяйственной документации и необходимые допросы так и не удалось. К ним приступили уже в оформившейся к середине июня 1735 г. отдельной «Комиссии мундирных и амуничных вещей» в составе присутствующего в Сыскном приказе бригадира А.Г. Киселева как председательствующего, упомянутого выше статского советника В.С. Борзово и коллежского советника из Юстиц-конторы кн. М.И. Шаховского.

Они довольно быстро вникли в хитросплетения «реестров», которые сейчас подавляют множеством фамилий, цифр, дат, «сорт»», цен и обозначений элементов солдатского и драгунского снаряжения. А также в переписку ГKK и словесные и письменные доводы «надзиравших» мундирные и амуничные магазины подполковника [А.И.] Замыцкого и полковника С.[В.] Чебышева и состоявших у «свидетельства, приема и отпуска» майора Д.А. Наумова и капитанов Д.[М.] Хоненева и кн. Ф.[С.] Козловского. И сумели к 29 сентября 1735 г.¹⁰ довести до вышестоящей инстанции чрезвычайно подробную информацию о происшедшем, которая рисует весьма отличную от привычных образов картину.

Правда, сводка по итогам разбора под руководством Ф.В. Норова на первый взгляд укладывается в стереотипы о присущем всякому интендантству сочетании воровства, халатности и дефицита. Из 2000 гренадерских перевязей негодными были признаны 1560, из 3000 перевязей патронных – 1397, а из 2000 лядуночных ремней – 1545¹¹. Лучше выглядят портупей (2694 из 10 000), гренадерские суммы (252 из 2000) и гренадерские лядунки (152 из 2450), еще лучше – патронные суммы (80 из 3000) и смазные жестянки к гренадерским лядункам (12 из 2450). И, наконец, к 100 барабанным перевязям с пряжками и медными наконечниками претензий не было вовсе.

Однако при углублении в роспись поименованных Ф.В. Норовым «неспособностей» оказывается, что среди возвращенных в ГKK «вещей» негодных в прямом смысле слова было много меньше. А конкретно, кожаных изделий «ломких», «с пятнами и свищами и рябинами», «с мягкими концами», «помоченных» и «от помочки гнилых» вместе со «сломанными» жестянками около 1100 из 27 000 предметов. Остальные были отбракованы как не совпавшие с «образцами», которым должны были следовать, с одной стороны, фабриканты и подрядчики, а с другой – попеременно назначаемые к магазинам и к получению выдаваемого оттуда в полки полевые и гарнизонные обер- и унтер-офицеры и другие военнослужащие (до полковых командиров, следящих за исправностью всей материальной части).

Из «доказательств» же, предъявленных в Комиссию последственными, которые по указу ГKK «обще» с обер-фискалом П. Анисимовым и крупнейшим поставщиком амуниции А. Гребенщиковым произвели вторичный разбор прибывших из Петербурга «тюков», очевидно, что и сами «образцы», несмотря на тройное «запечатывание» их (в Военной коллегии, Сенате и ГKK), существенно отличались друг от друга. И не только «добротой», поневоле определяемой на глаз и на ощупь, но и, в зависимости от времени их одобрения и рассылки, параметрами длины и ширины. В какой-то степени обнаруженное урезание перевязей и ремней (на вершок / «три пальца») шло и оттого, что их проверяли по новейшим, 1733 г., меркам, а брались они из «примов» прошлых лет, по «пробам» 1729, 1724 и даже 1715 гг.

Этот вопрос пытался ставить Д.А. Наумов, но следователи оставили его без «справок», внимание уделив другому показа-

нию обвиняемых. Из допросов Д.А. Наумова и магазин-вахтера М. Соколова, непосредственно закрывавших «наряд» командированному из «Остзеи» капитану Я.М. Ледицкому, выходило, будто он по собственной инициативе взял в счет выписанных 2000 ремней к пехотным лядункам 1545 заведомо укороченных драгунских – про которые, прикинув «вокруг себя», сказал, что «годятся». Осудив Я.М. Ледицкого заочно по тем же «пунктам», что и прочих, ссылки «отдатчиков» на его самоволие Комиссия справедливо квалифицировала как пустые отговорки: хорошо осведомленные об отсутствии заказанного в Петербурге числа лядуночных пехотных ремней, они не должны были, якобы «покладаясь» на капитанскую подпись в своей шнуровой книге, расписываться за них как за «против образцов сходные».

Кроме же подобных подписей – вопреки нормативам «свидетельства» всякой «вещи» при ее приеме / отпуске в магазин / из магазина и при ротации направляемых туда раз в два года лиц «порознь», а не, «за множеством», выборочно – упрекнуть временно подчиненный ГKK воинский контингент было не в чем. Буквально исполнять «по регламентам» он, разумеется, в реальной жизни не мог, но прекрасно знал, что будет наказан при документальной фиксации любого их нарушения. Отсюда и своего рода авторевизия потенциальными ответчиками-офицерами оборота всего хранимого в 1733–1734 гг. в Москве под их «дирекцией», от дорогого импортного сукна до рогож и «простых веревок». Ведь это им (магазин-вахтерам из унтер- грозили только шпицрутены) предстояло – предположительно, «по пропорции вин» каждого – заплатить в Канцелярию конфискации за «негодное» (пусть купцы и заменяли его на «доброе» бесплатно) 1545 р. с 39 и $\frac{1}{8}$ к.

Вычислив эту сумму по «подрядным ценам», которые выставляли по «спущенному» из Сенатской конторы перечню Ф.В. Норова, Комиссия не желала или не смела снижать ее с учетом внутрикомиссариатского расследования об испорченности или «несхожести» ни с какими «образцами» (неведомо как и почему) около 2 (а не 8) тыс. штук разных наименований. Штраф же (плюс расходы на перевозку «тюков» из столицы в столицу) решила расположить на всех вышеназванных офицеров «по пропорции» жалованья, а не персональных «вин», которых просто не нашлось.

Ни должностных хищений и бытовых краж, ни подложных подрядов и уклонения промышленников от компенсации брака, ни протекших чьим-то «несмотрением» крыш и т. д. Что казалось бы невероятным, если бы не кровная заинтересованность магазинной «братии» оправдать себя прегрешениями других. Из которых припомнили лишь пьянство вахтера Н. Бунина, «усмотренное» 14 февраля 1734 г. при приеме «плоше образцов» нескольких гренадерских сум седельного подряда С. Григорьева, после чего была перепроверена вся их партия.

Минимальная строгость подготовленного Комиссией проекта приговора (с наложением в том числе на членов ГKK вычета двухнедельного жалования) соответствовала удостоверенной следствием достаточности армейского вещевого довольствия в Москве – центре его сбора и распределения в мирное время. То же можно сказать о позиции Сенатской канцелярии, которую скромность обещаемой штрафованием казенной выгоды не побуждала торопить Петербург с завершением «дела», до окончания которого, кстати, можно было еще и употреблять укомплектованный под него и проявивший профессионализм комиссиональный персонал для других трудоемких «производств». Сначала о подрядах, найденных самим ГKK «непорядочными», а с февраля 1736 г. – о группе откупщиков, следствие о которых было начато в Комиссии о московских питейных компанейщиках и выделено в отдельное направление как относящееся к Мытенной таможне¹².

Но с этими далекими от исходного «делами» диссонирует назначение туда 26 февраля 1736 г. В.Я. Новосильцева. Не чета заменившим «отбывших» А.Г. Киселева, В.С. Борзово и М.И. Шаховского коллежским советникам А.Т. Кологривову и И.С. Анненкову, коллежскому асессору кн. Г.Я. Вяземскому и майору И.Г. Зубову, он безусловно входил в правительственную элиту и не только возглавлял ГKK до его реформирования, но и активно способствовал таковому. К сожалению, его пребывание в Комиссии в изученных документах отражено лишь по линии жалования за ее «отправление»¹³. И все равно в этом непроясненном до конца обстоятельстве нельзя не видеть некой взаимосвязи между участием ГKK и Комиссией о нем если не на первой, то на последней стадии ее существования. На нее же намекает и запрос Кабинета в Сенат от 29 марта 1737 г. о «бывшем» при его

конторе следствии, снабженный сентенцией о «великих убытках казне» и «солдатам несносных обидах» от «таких негодных вещей»¹⁴.

Сенат, конечно, был в курсе вынесенного в том же заседании вердикта взыскать «на комиссариатских членах» за присланные в 1735 г. в «команду» Б.-Х. Миниха мундиры, которые «по доброте сукна и в гарнизонных полках быть не весьма способны», и предсказуемо отреагировал на настроение министров. Не отступая по существу от «мнения» Комиссии, он 31 мая ужесточил намеченные ей санкции к присутствовавшим в 1734 г. в ГКК распространением на них присужденного виновным офицерам штрафа. В сокращенной версии «ведения» в Кабинет от 13 (26) июня этот сенатский приговор опробуется там 1 июля и 18 июля «слушается» в Московской конторе, которая закрывает производство по нему 23 июля, Комиссии уже не упоминая¹⁵.

Проволочки с завершением «дела», не слишком весомого с точки зрения «интереса е. и. в.» и к тому же давно и детально раскрытого, ликвидация созданной ради него Комиссии до такого завершения и нарекания на уже смещенных со своих постов «комиссариатских членов»¹⁶ указывают на как правило не свойственные «верхам» колебания. А воскрешение риторики начала царствования в духе монаршего попечения о мундире и амуниции, в которых «солдаты особливо обижены бывают»¹⁷, в отсутствие данных для других предположений, хочется трактовать как косвенное признание неудачи хозяйственных устроений Военской комиссии 1730 г. – формообразующего компонента инициированной ей реформы.

В такую трактовку – присущую и концепции Н.Н. Петрухинцева – перехода к заявленной 21 января 1736 г. структуре Военной коллегии укладывается и положительная оценка последнего автором добросовестного очерка о предшественниках Главного интендантского управления 1860-х гг. Видя в нем прообраз светлого «министерского» будущего, Ф.П. Шелехов писал о его кратком воплощении в жизнь как о своевременной реакции на «во всех потребных вещах крайнюю нужду», очерченную в указе, который знал по развернутой цитате С.М. Соловьева¹⁸. Действительно, спровоцированное донесением фельдмаршала П.П. Ласси «величайшее неудовольствие» императрицы, напомнившей В.Я. Новосильцеву о прежних «жестоких указах» поп-

равить «великие недостатки» в полках, что поныне не исполнены одной «оплошностью» ГКК, является ярчайшей чертой приведенного обоими историками текста.

Тем не менее при всей убедительности его звучания даже С.М. Соловьев¹⁹ не обратил внимания, что, во-первых, он был подписан 10 июля 1736 г., полугодом позже лишения ГКК ключевых властных атрибутов, хотя «бывшие члены» и оставлялись на своих местах до «отфундования» новообразованных коллежских контор²⁰. Что и могло иметься в виду при командировке В.Я. Новосильцева в Москву на правах главы Комиссии о «негодных вещах», но на самом деле для ускоренного обеспечения вместе с «будущими при нем членами» армии вещами «годными»²¹.

И, во-вторых, что речь там идет о жалобах фельдмаршала на бедствия не столько солдат «при Азовской экспедиции», сколько присланных туда рекрут, об удовольствовании которых «сполна» в середине июня отчитался размещавшийся со своей «командой» в Воронеже лейб-гвардии майор И.П. Шипов²². Других же сведений о катастрофическом положении с одеждой, обувью и тому подобным ни в текущей, ни в прочих (плотно контролируемых Кабинетом) кампаниях русско-турецкой войны 1735–1739 гг., ни до ее начала (когда «слабостью» ГКК занимался Сенат) не встречается. Разве фразеологически близкий к июньскому донесению январский 1733 г. рапорт того же П.П. Ласси по его «Лифляндской команде», который Б.-Х. Миних, оправдываясь в мае перед сенаторами за запоздалое уведомление о нем, аттестовал как единственный из всех «команд» и неоправданность которого позже откликнулась излишеством сосредоточенного в Риге снаряжения²³.

Непрерывно повторяющейся в указах, касавшихся ГКК, теме солдатской нужды из-за его «безнадежности» в пресечении таковой противоречит и касавшийся не его указ от 24 сентября 1736 г. Им провозглашалось проведение по вступлении армии на зимние квартиры всеобщего смотра, учрежденного в 1731 г. как постоянная функция «инспекторов», после первого опыта (1732 г.) «отправленных к другим делам», «отчего... непорядки произошли». Сюжет регулярных смотров, тоже относимый к кардинальным нововведениям Воинской комиссии, для настоящих рассуждений примечателен тем, что воскрешение института

инспекторов (хотя бы на началах привлечения иных должностных лиц) и здесь аргументировалось «вещами». Только не их нехваткой, а заготовкой «во многих полках» впрок – путем затребования до истечения «штатных» сроков, двойного и даже тройного получения из московских и губернских магазинов и неотдачи по принадлежности «переменных» ружья и амуниции²⁴.

В отложившихся же в Сенате материалах обсуждения там, в Военной коллегии и Кабинете министров способов, по терминологии поздней осени 1735 г., «исправления как военных, так и комиссариатских дел сообщением ГKK с Военной коллегией»²⁵ вещевое довольствие вообще фигурирует лишь в аспекте возможного негативного воздействия на него перевода ГKK из Москвы в Петербург. И, более того, Военная коллегия, выдвинув эту идею в марте 1733 г. под предлогом тщетности иначе забот об исправных поставках, с лета того же года поставок не критиковала, а к декабрю 1735 г. склонилась к отказу от своей позиции, отчасти восприняв доводы заблокировавшего передислокацию в июне 1733 г. Сената²⁶.

Приводя свидетельства в пользу благополучия названной сферы, нельзя обойти трудности с амуничными подрядами в 1733 г. из-за расхождения бытовавших цен с ценами, заложенными в «новый стат», и неспособности отечественной промышленности даже при их повышении следовать «образцам», изготовленным для Воинской комиссии как опытные и к тому же с применением прусского сырья. Они и породили вскрытый Н.Н. Петрухинцевым конфликт ГKK с Б.-Х. Минихом, обрушившимся на его членов и персонально на К.В. Макарова, который был ее оберсекретарем и без пренебрежения которого ее рекомендациями якобы не случилось бы никаких сбоев.

Их преодоление к сентябрю – октябрю 1733 г. совместными усилиями сторон, достигших согласия на почве разработки более адекватных «образцов», не обошлось без жесткого вмешательства Сената²⁷. Но такое вмешательство, вытекая из его обязанностей координировать отраслевую деятельность центральных органов государственного аппарата, не отрицает того, что собственно снабжение, в начале 1730-х гг. урегулированное вполне удачно, в изучаемый период утратило недавнюю остроту. Тогда как мундирно-амуничный мотив, на протяжении предшествующего десятилетия прочно ассоциируемый в общественном

сознании с армейскими «непорядками», превратился из проблемы военного управления в идеологический прием.

Прием, который сообразно политической конъюнктуре использовался для давления на чиновников и военных разных рангов вплоть до высших, а также сыграл свою роль в сведении актуальных вызовов эпохи к органическим порокам ГKK. Вклад в возложение на него ответственности за констатированное им недополучение положенных вооруженным силам доходов уже потому, что он ими «ведал», внесла, полагаем, и его определенная теоретическая неустойчивость. Возникший как неременный элемент европейского «регулярства», Комиссариат в России не стал распорядителем и контролером материальных средств или судьей и командиром с министерскими чертами, какими в той или иной степени были, согласно П.О. Бобровскому, его прототипы в Дании, Пруссии, Священной Римской империи или Франции²⁸. Но сохранение в законодательстве отдельных положений западных уставов вместе с уникальным титулованием его первого руководителя кн. Я.Ф. Долгорукого генерал-пленпотенциар-кригс-комиссаром способствовало циркулированию в умах политиков второй четверти XVIII в. смутных представлений о некоем идеальном петровском институте, цели которого и характер взаимоотношений с Военной коллегией понимались неоднозначно.

Перевод ГKK в 1731 г. в «особливую дирекцию» Сената состоялся, вероятно, не без влияния инерции недавней борьбы противников кн. А.Д. Меншикова с его неограниченным доступом к комиссариатской казне²⁹, хотя стимулировавшее этот перевод расширение компетенции Воинская комиссия обосновывала упорядочением текущих расходов. Ратуя за главенство Коллегии над ГKK, Б.-Х. Миних в 1733 г. утверждал, что ранее исходил из пребывания обоих в одной столице, когда коллежский президент мог «смотреть» за всеми «воинскими делами по указам Петра Великого». Сенат, наоборот, в 1731 г. возражая против умножения комиссариатских задач, в 1733 г. уже не считал их чрезмерными ввиду перенесения центра тяжести «исправлений мундирных и амуниционных вещей» в полки. Члены же ГKK так и не признали составление «ведомостей» по подушному сбору своим «настоящим делом», пока В.Я. Новосильцев настаивал на возрождении Провиантской канцелярии, какой она была в 1724 г.³⁰

Все соглашались лишь в полезности «исправления» ГKK в плане «снабжения» его дополнительными присутствующими и особенно канцелярскими служителями, на что правящие круги, обычно ориентировавшиеся на сокращение штатов, были – в заменивших его «конторах» Военной коллегии – вынуждены пойти. Параллельно уничтожив на какое-то время само имя ГKK, что было логично с позиций длившейся три с половиной года кампании высочайших выговоров, взятий под караул по месту службы и штрафов тех, кто еще в сентябре 1732 г. принес правительству дурную весть о крахе надежд на укрепление финансовой базы содержания армии.

В том, что институализация подушного сбора при губернаторах и воеводах в лице постоянно причисленных к ним отставных офицеров являлась главной среди мер под лозунгом устранения «непорядка... в Комиссариате», которые таким образом стали-таки вехой внутренней политики 1730-х гг., Н.Н. Петрухинцев безоговорочно прав. Но с соображениями о сущностной взаимосвязи этой институализации с реформированием военного управления можно и должно спорить. Из изложенного в настоящей статье, в частности, следует, что означенное в акте от 26 января 1736 г. первыми тремя «статьями» это реформирование³¹ не проистекало из необходимости срочного улучшения снабжения, однотипные словесные выпады против которого – Б.-Х. Миниха ли, сенаторов или «министров» – всякий раз преследовали конкретные тактические установки. А описание (точнее, перечисление) учреждаемых контор Коллегии, из которых «сбор подушный и что до него касается» был в Генерал-кригс-комиссариатской, ничего не меняло в «дирекции» над последним комиссариатских членов, которая и в Инструкции ГKK от 12 декабря 1731 г. формулировалась крайне расплывчато³². На практике же состояла преимущественно в том, чтобы добиваться от взыскивающих и доставляющих деньги в Москву всесторонней отчетности и обрабатывать ее, при этом своевременно направляя полученные суммы на «указные расходы».

Конечно, уже список «Контор» в совокупности с предпосланным ему перечнем «дел», «отправляемых» Коллегией вне их системы, предстает перед вдумчивым читателем «Полного собрания законов» и опирающимся на опыт строительства отраслевой центральной администрации, и развивающим его³³. Погру-

жение в контекст их выработки позволяет подчеркнуть и другие достоинства авторского коллектива, лидером которого Н.Н. Петрухинцев резонно называет А.И. Остермана. Прежде всего это ценное для стабильности умение успокоить страсти вокруг ГКК, возбужденные как всегда пугавшими аннинских сановников новыми финансовыми дырами, так и ожиданием кадровых перемен, кого-то затрагивавших лично.

Учтя и стремление Военной коллегии к приоритету, и пожелания ГКК о разведении его функций, законодатели и преодолевали противоречащее самому определению Коллегии закрепление за ГКК более крупного комплекса «касающихся до сухопутной армии дел», и официально уточняли функции, приобретенные Коллегией в 1720-е – первой половине 1730-х гг., гарантировав к тому же ее расширенное пополнение. А изданным 16 октября 1736 г. указом о правах членов Московской Военной конторы разрешалась дилемма невозможности руководить из Петербурга сходящимися в Москве денежными и вещевыми потоками при неотступной потребности столичных «верхов» в оперативных данных о них³⁴.

Не прослеживаются же в законоположениях 1736 г. по военному управлению именно попытки вмешательства в существующие армейские порядки. С известной натяжкой к ним можно, вслед за Н.Н. Петрухинцевым, отнести возвращение в строй ежегодно отвлекавшихся, по его подсчетам, к подушному сбору 294 офицеров и 4257 рядовых³⁵. Но не забудем, что эта выгода, предложенная сделавшим, главным образом, статскую карьеру В.Я. Новосильцевым, вызвала в Военной коллегии не одобрение, а опасения ростом недоимок по примеру 1727–1731 гг.³⁶ Коллежский же президент, не смущаясь разгаром войны, в марте 1736 г. вообще намеревался распределить целую группу полевых штаб-офицеров по фабрикам ради повышения качества их продукции³⁷.

И если занятость главнокомандующего не препятствовала сочинению проекта об улучшениях в промышленности, почему она препятствовала исполнению резолюции «поставя на мере, взнестъ» уже сочиненные «коллежский регламент и конторные инструкции», которые оставались проектами еще в августе 1740 г.³⁸? Не потому ли, что ни Б.-Х. Миних, ни «раскомандированные в разные посылки члены» не увидели в них – а без их об-

ращения в закон и акты 1736 г. являлись более декларацией, нежели побуждением к действию – ничего для себя важного? Тем паче при четко просматривающемся в опубликованных «бумагах Кабинета» удовлетворении всех потребностей воюющей армии в традиционном для петровских времен режиме так называемого ручного управления? (При опоре на Военную коллегию в той же степени, как и на во всем уступающие ей Походный комиссариат, многочисленные комиссии и просто доверенных лиц).

Разумеется, умозрительные рассуждения стоят немного, а изучение ряда архивных «книг по Военной коллегии и ГКК» за 1732–1737 гг. не заменяет исследования военного управления периода, предпринимавшегося учеными лишь фрагментарно. И все же сопоставление извлеченных из названных источников сведений с известным по литературе о начатой в 1730 г. реформе настойчиво подводит к выводу, что к 1736 г. она исчерпала свой преобразовательный потенциал. Или, скорее, он был переведен из практической плоскости достраивания военной машины Петра в плоскость идеологическую, когда все направляется на конструирование некоей модели, обреченной остаться на бумаге, но парадоксальным образом не менее значимой для верховной власти, чем реальное «состояние» ее империи.

¹ С введением в ее структуру подчиненных присутствию контор (Кригс-Комиссариатской, Цалмейстерской, Провиантской, Мундирной, Счетной, Фортификационной), директорам которых вместе с руководителем Артиллерийской канцелярии присваивался статус членов коллегии – см.: ПСЗ. Т. 9. № 6872.

² ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5836; Т. 8. № 5904.

³ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 171–179.

⁴ Когда точно, до сих пор не установлено. В 1730-е гг. отсчет его пребывания «под ведением» Военной коллегии вели с 1723 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 525), ссылаясь на именной указ от 28 февраля с глухим упоминанием такового (ПСЗ. Т. 7. № 4257).

⁵ ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5836, § 44; Т. 8. № 5876; Т. 9. № 6391, § 4; Т. 11. № 8508.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 224–225, 832–832 об. и др.; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н.Филипповым. Юрьев, 1904. Т. 6. С. 564 (Сб. РИО. Т. 117). Далее: Бумаги Кабинета. Сб. РИО.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1152. Л. 649; Кн. 7533. Л. 58 об.; Кн. 7734. Л. 324 об.; Кн. 2168. Л. 89.

⁸ Там же. Кн. 7756. Л. 546, 547 об., 548 об., 575.

⁹ Там же. Кн. 1152. Л. 649; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 406.

¹⁰ Дата слушания в Сенатской канторе ее «мнения» и «экстракта», на которых обозначен лишь месяц и которые подлежали еще утверждению в Сенате – см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 7750. Л. 545–587 об. Далее ссылки на эти материалы при изложении хроники деятельности Комиссии опущены.

¹¹ Подсчет мой. Нужно также учитывать, что показатели многократно переписанных «справок» об одном и том же разных лиц иногда незначительно расходятся.

¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 7755. Л. 56–60; Кн. 835. Л. 230–242 об.; Кн. 7539. Л. 467–467 об.

¹³ По 24 августа 1736 г.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 2168. Л. 89. Позднее этой даты упоминаний Комиссии как действующей пока не обнаружено.

¹⁴ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 180.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7794. Л. 84–88; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 407.

¹⁶ Без роковых для них последствий: В.Я. Новосильцев скоро возвращается в Сенат и получает новые высокие назначения, генерал-провинтмейстер Ф.А. Полибин, обер-штер-кригс-комиссар Г.С. Наумов и обер-кригс-комиссар Г. Кисловский продолжают служить «по специальности» в других центральных институтах и даже исчезнувший в 1736 г. с административного горизонта обер-кригс-комиссар К.В. Макаров в 1740 г. отставляется с «награждением ранга». Не установлена дальнейшая судьба генерал-кригс-комиссара М.А. Сухотина, но «опалам и ссылкам» определенно не подвергался и он.

¹⁷ ПСЗ. Т. 8. № 5571.

¹⁸ Шелехов Ф.П. Главное интендантское управление: Исторический очерк. Ч. 1: Введение и царствование императора Александра I. СПб., 1903. С. 44–45 (Столетие Венного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д.А. Скалона. Вып. 12); Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 20. С. 464 (Сочинения, кн. 10).

¹⁹ Знакомый с цитируемым документом по архивной подборке – см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1116. Л. 127.

²⁰ Там же. Л. 141–141 об., 128, 134–134 об.

²¹ Там же. Кн. 493. Л. 525–525 об. Рапорты В.Я. Новосильцева об этом см.: Там же. Л. 118–118 об. и др.

²² Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 302.

²³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 372–378 об., 936–939 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 108. С. 119.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 805–805 об.

²⁵ Там же. Кн. 494. Л. 295 и др.

²⁶ Там же. Кн. 493. Л. 371, 491, 556–558 об., 936–939 об.; Кн. 494. Л. 317–317 об.; ПСЗ. Т. 9. № 6441.

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 509–512 об., 582, 589, 638–646, 670–718, 778–781 об.; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 168–169.

²⁸ Бобровский П.О. Военное право при Петре Великом. Ч. 2, вып. 2: Артикул воинский (с объяснениями преобразований в военном устройстве и военном хозяйстве по русским и иностранным источникам). М., 1886. С. 329–331, 348–349, 398–399, 408–411, 420–424 и др.

²⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 450–450 об.; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1887. Т. 2. С. 534 (Сб. РИО. Т. 56); То же. Сб. РИО. Т. 63. С. 26, 113, 241.

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 528–528 об.; 586–586 об.; 492 об.–493; Кн. 494. Л. 45–45 об.

³¹ Новый порядок взыскания подушной характеризуется в статьях 4–8: ПСЗ. Т. 9. № 6872.

³² «Чинить в такой силе, как коллегиям по регламентам постановлено»: ПСЗ. Т. 8. № 5904.

³³ См., напр.: Данилов Н.А. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 27–32 (Столетие Венного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д.А.Скалона, вып. 1).

³⁴ О других предложениях, выдвигавшихся на стадии его подготовки см.: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 174–178.

³⁵ Там же. С. 175.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 42–43 об., 45–46.

³⁷ Там же. Л. 793 об.–794.

³⁸ Там же. Л. 858–862.

В.В. Баранов (Москва)

НЕАТТРИБУТИРОВАННЫЙ ТЕСАК

ПЕХОТНЫЙ ТЕСАК обр. 1848 г. создан на основе французского пехотного тесака обр. 1831 г. Российский образец почти полностью следует своему прообразу: клинок двухлезвийный, прямой формы, с ромбическим сечением, долы отсутствуют.

С 1848 г. тесак присваивался нижним чинам пехоты Отдельного Кавказского корпуса. В 1855 г. заменил собой тесаки (обр. 1834 г.) нижних чинов пешей артиллерии и саперов. В 1868 г. заменен у нижних чинов пешей артиллерии артиллерийской солдатской шашкой (обр. 1868 г.). В 1880 г. тесак был снят с вооружения и оставлен только в гвардейской пехоте, лейб-гвардии Саперном батальоне на мирное время, для ношения в тех случаях, когда солдат не имеет при себе винтовки. В других войсках был оставлен музыкантам и барабанщикам. С 1890 г. портупей-юнкера пехотных училищ вне службы носили этот тесак. С 1907 г. он был присвоен для ношения во время дежурств и при увольнении пажам строевой роты Пажеского корпуса. Данный тесак (обр. 1848 г.) являлся принадлежностью формы одежды до начала Первой мировой войны¹.

Снятие с вооружения в 1880 г. было обусловлено тем, что началось формирование новых резервных полков и увеличение численности солдат в существующих. Так, расчеты показали, что потребуется изготовить 200 тыс. тесаков, которые обойдутся почти в миллион рублей².

В свою очередь, французский тесак пеших войск (обр. 1831 г.) претерпел ряд успешных, и не очень, изменений в течение многих лет, находясь на вооружении до 1871 г. Важно отметить од-

но из утвержденных изменений от 14 декабря 1852 г. – клинок с одним средним долом (рис. 1). По всей видимости, на основе этого изменения был изготовлен представленный тесак³. Изменения затронули:

- форму рукояти,
- размер рукояти,
- длина гарды увеличилась на полсантиметра в сторону наклона,
- появилось отверстие в гарде (возможно, для крепления металлической спинки рукояти и фиксации верхнего расклепа хвостовика дополнительной мощной овальной шайбы размером 20х30 мм), которое позволяет предположить наличие рукояти, возможно из дерева, похожей на рукоять саперного солдатского тесака (обр. 1827 г.).

Длина тесака 650 мм, длина клинка 485 мм, ширина клинка у гарды 45 мм, ширина у начала дола и далее 40 мм. Длина дола 410 мм, его ширина 14 мм (рис. 2–5).

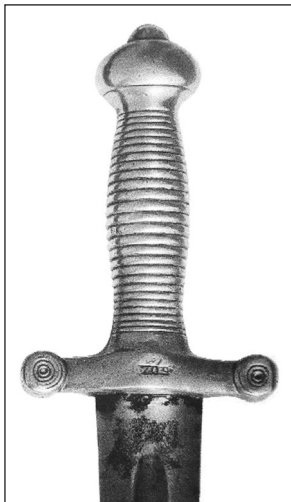

Рис. 1. Французский тесак

Рис. 2. Российский тесак

По всей видимости, златоустовскими оружейниками в 1858 г. был изготовлен тесак, подобный французскому, но с изменением в рукояти. Так, в отличие от французского и российского (обр. 1848 г.), на одной стороне этого клинка стоят надписи «Златоустъ» в виньетках и «58 г», с другой стороны – аббревиатура «ЛС-ПО» (Литая Сталь Павла Обухова).

После окончания Крымской войны молодой император Александр II приступает к военным реформам. Златоустовская оружейная фабрика готовит вооружение в соответствии с заказами

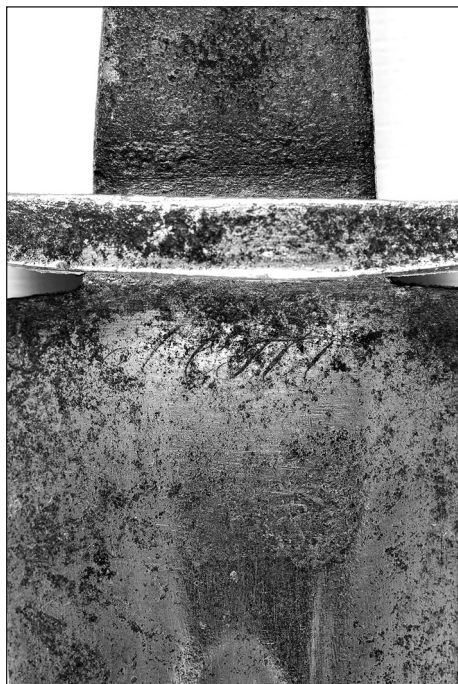

Рис. 3. Надпись «ЛСПО» (Литая Сталь Павла Обухова) на клинке

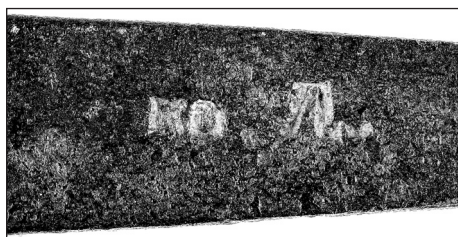

Рис. 4. Клеймо на хвостовике
русского тесака

(данные представлены на диаграмме). Ударный труд оружейников был щедро вознагражден.

Павел Матвеевич Обухов в кратчайшие сроки построил тигельные печи и получил возможность варить сталь в большом количестве. Таким образом, началось изготовление клинков из тигельной стали, что, в свою очередь, понизило их себестоимость, а также повысило качество. В 1858 г. фабрика выполняла заказ на 586 палашей для Морского кадетского корпуса, на 222 палаша для Инженерного и Артиллерийского морских училищ и 290 палашей для Штурманского училища⁴.

В октябре 1857 г. подполковник Обухов был вызван в Петербург, а 17 октября приглашен к генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу. Во время приема речь шла о достоинствах французского белого оружия, образцы

которого были специально доставлены во дворец его высочества. 14 июля 1858 г. Обухов вернулся в Златоуст, а в ноябре того же года доставили приобретенные им во Франции кирасы, палаша, **тесаки** и пики. Все это вооружение было испытано в

сравнении с образцами, изготовленными из обуховской стали.

В результате испытаний комиссия, возглавляемая горным начальником Лизелем и старшим приемщиком Воронцовым, констатировала:

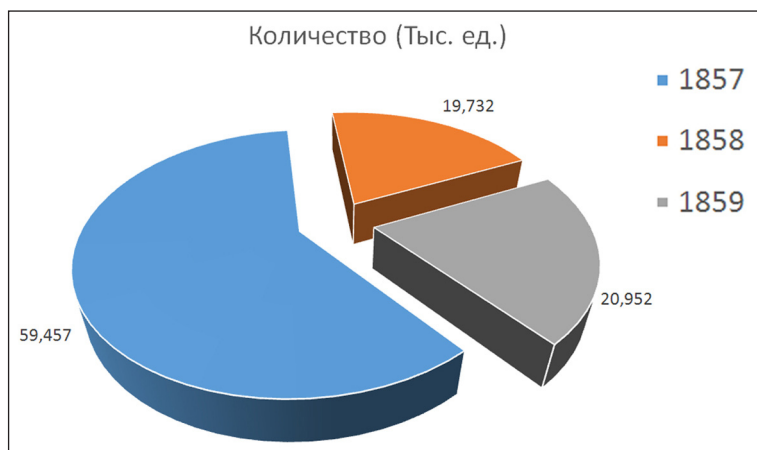
при гibe клинков на 6 дюймов французский клинок не выдержал и погнулся, златоустовский клинок полностью прошел испытание;

при ударе о деревянный конус французский клинок, оказавшись хрупким, совсем изломался, а клинок из литой стали Обухова выдержал и даже не зазубрился.

Можно предположить, что данный тесак является одним из образцов оружия, изготовленного из литой стали Павла Обухова по образцу французского холодного оружия и прошед-

Рис. 5. Остатки надписи «Златоуст» в виньетках и слабо читаемый год «58»

Изготовленное в 1857–1858 гг. оружие (тыс. ед.)

шего сравнительные испытания с аналогичным французским клинком.

Поскольку к 1858 г. армия уже была вооружена тесаками (обр. 1848 г.) и их производство стояло на потоке в том виде, в каком мы его знаем, можно предположить, что златоустовские оружейники изготовили тесак, аналогичный измененной модели французского (обр. 1852 г.), с одним средним долом, и провели его сравнительные испытания, о чем упоминает Ю.П. Окунцов в своей книге. И еще, мне не встречались тесаки с аббревиатурой «ЛСПО» («ЛПО»), а также слабо читаемым годом «58». Предположительно, описываемый тесак был из этой опытной партии.

¹ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005. С. 184.

² Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011. С. 116.

³ Лост Ж., Резек П. Сабли французской армии. Тольятти, 2009.

⁴ Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. С. 106.

С.В. Барчевский (Москва)

К ВОПРОСУ О ЯПОНСКОМ ВЛИЯНИИ НА ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ИНДОКИТАЯ

ИНДОКИТАЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ – регион с богатейшей военной историей и со своеобразным традиционным оружейным комплексом. Две характерные региональные особенности холодного оружия, на которые стоит обратить внимание – его подчеркнутая прагматичность и открытость к заимствованиям. В разное время влияние шло со стороны Индии, Индонезии, Китая, Японии, европейских стран – прежде всего Португалии, Голландии и Франции. Прагматизм проявлялся в том, что зарубежный опыт не копировался слепо, а проходил адаптацию, часто длительную, к местным формам и методам подготовки и ведения войны. Которые в свою очередь складывались с учетом природных условий, климата, типа хозяйственной деятельности, антропометрических данных.

Знакомство государств Индокитайского полуострова с оружием Японии началось в конце XVI в. К этому времени относятся первые документально зафиксированные дипломатические и торговые контакты. Так, в 1592 г. среди первых девяти разрешений Тоётоми Хидэёси на ведение внешней торговли одно было выдано кораблю, направлявшемуся на север Вьетнама¹. Хотя имеется предположение, что «восточные пираты», совершавшие в 1558 г. набеги на побережье вьетнамской провинции Тхуанхоа, являлись именно японцами², никаких фактов вооруженных столкновений с вьетнамцами в XVI–XVII вв. обнаружить не удалось. В начале XVII в. в Хойане (провинция Куангнам) появилась крупная японская община с самоуправлением, где жили не только купцы, но и ремесленники³. В соседней Камбодже большая, в основном христианская, японская колония постепен-

но сложилась в Пномпене. Кроме занятий торговлей, японцы служили наемниками при дворе кхмерских королей. Много воинов стало прибывать в Камбоджу и Таиланд после поражения противников Токугава Иэясу в битве при Сэкигахара в 1600 г. и активных гонений на христиан. Разумеется, они прибывали со своим оружием, и у кхмерских и тайских правителей имелась возможность оценить его качество. Кроме того, прежде чем во второй половине 30-х гг. XVII в. правительство сегуна Токугава Иэмицу приняло ряд строгих запретов, направленных на ограничение зарубежной торговли и вообще всех внешних контактов, оружие находилось в числе важнейших экспортных товаров Японии. И даже какое-то время после продолжало вывозиться на китайских, португальских и голландских судах. Так, например, в 1641 г. правитель Северного Вьетнама Чинь Чанг писал генерал-губернатору Голландской Ост-Индской компании Антони ван Димену: «Раньше японцы имели обыкновение приплывать сюда на своих джонках и снабжать меня всякими редкими товарами, такими как железо, сера, медь, мечи, и многим другим, а в уплату получали шелк. Теперь и Вы можете привозить нам эти и другие товары на тех же условиях»⁴.

Японское оружие пользовалось большим успехом среди элиты всех стран Индокитая. Его превосходное качество неоднократно отмечалось⁵. Но особой популярностью обладали два вида – *катана* (刀) и *нагината* (長刀, 薙刀 или なぎなた). Во Вьетнаме их называли, соответственно, *гьом* (gýôm, 劍, в другом чтении – *кием* (kiêm)) и *даочьонг* (đao trượng, 刀長)⁶, в Таиланде – *саенг* (แสง) и *нгао* (ง้าว). По мнению автора, это связано с особенно удачным местом, которое заняли эти два вида в традиционной системе холодного оружия Индокитая. Относительно легкая *катана* была востребована больше, чем тяжелая сабля типа *тати* (太刀), предназначенная в первую очередь для противоборства с противником, облаченным в мощные доспехи, которых просто не существовало в регионе. К тому же по своим параметрам она ближе к привычным саблям традиционного типа *дао* (dao, 刀) и *даа* (ดาบ). Оружие типа *нагината* стало в Индокитае символом высокого социального статуса – им вооружались полководцы и старшие офицеры, издавна сражавшиеся на слонах. Конечно, для военачальников эти животные в первую очередь служили передвижными «командно-наблюдательными пунктами», но

существовали и элитные ударные подразделения элефантерии – память о поединках героев верхом на слонах сохранили легенды и устные народные сказания. Немногочисленная в тех краях кавалерия такого престижа не имела, хотя всадники тоже часто вооружались *даочыонг* и *нгао*.

Несмотря на сильное – а в XVII в. очень сильное – японское влияние, оружие Индокитая сохраняло и свои собственные характерные детали и особенности конструкции. Одним из таких элементов являлась металлическая втулка, при помощи которой клинок дополнительно укреплялся в рукояти или древке. По своему функциональному назначению она полностью соответствовала японской *футти*, но не копировала ее. Индокитайский вариант имел форму, близкую к полусфере (как образно говорили – в виде распускающегося цветка лотоса) или усеченному конусу. В древковом варианте втулку обязательно дополняла длинная трубка, усиленная несколькими стяжными кольцами. Но такой же конструкцией, только с более короткой трубкой, мог обладать и прибор сабли – в Оружейной палате Московского Кремля хранится прекрасный образец вьетнамской *гыом* XVII в. (инв. № ОР–4503)⁷. Необходимо особо отметить, что монтаж традиционного клинкового и древкового оружия в Индокитае имела гораздо больше сходства, чем в Японии. Кроме идентичных втулок, и рукояти, и древки, как правило, были круглыми в сечении, взаимозаменяемыми являлись и плоские поперечные гарды. В настоящее время довольно распространено мнение, что конструкция, аналогичная *цуба*, пришла на материк с Японских островов. На самом деле в Индокитае близкие формы гарды были известны задолго до XVI столетия. Корни такой конструкции прослеживаются начиная с раннего железного века, а в XIV–XV вв. она уже получила самое широкое распространение. Очень характерным региональным вариантом стала использовавшаяся на древковом оружии гарда в форме четырехлепесткового цветка тыквы или лианы – особо почитаемых растений у многих тайских и тибето-бирманских народов. Однако прямые заимствования имели место – более или менее удачные копии японских *цуба* были широко распространены по всему Индокитаю более 300 лет, до середины XX в. По мнению автора, такая устойчивая популяр-

ность связана не с практическими свойствами, а с эстетическими качествами японских изделий и высоким уровнем престижа, который они придавали своему владельцу. Так, многократно было отмечено, что на протяжении сотен лет копии продолжали сохранять рудиментарные элементы – отверстия *хи-цу-ана*. От шпильки *когаи* и ножа *ко-гатана*, для которых они были предназначены⁸, в Индокитае отказались очень быстро. Другим элементом, утратившим в новых условиях свое функциональное назначение, но сохранившим эстетическое, оказалась оплетка рукояти японским способом *цука-маки* – эфесы церемониальных сабель тайского королевского двора выполнялись полностью из драгоценных металлов, а узор из узлов шнура имитировался чеканкой.

При атрибуции индокитайского холодного оружия, обладающего явными японскими заимствованиями, у экспертов возникают затруднения, связанные прежде всего с отсутствием в музеях и открытых частных коллекциях описанных предметов с четким и ясным провенансом. И чем старше предмет, тем отчетливее следы влияния и больше шансов, что он будет признан японским – в отличие от стран Индокитая, Япония сохранила большие, прекрасно описанные собрания старинного оружия точно известного происхождения примерно с X в. Тем не менее, бурное развитие новых научных и музейных технологий позволяло автору надеяться на положительные сдвиги. В уже процитированном выше письме *тюа* Чинь Чанга из архива Голландской Ост-Индской компании имеется еще одна примечательная фраза: «Я дал капитану два меча с золотой инкрустацией, чтобы он поднес их голландскому принцу в знак моего уважения. Я также подарил этому капитану меч с золотой инкрустацией, а младшему капитану – меч с серебряной инкрустацией и просил их, чтобы они для подкрепления моих сил оставили здесь малое судно, на что они согласились»⁹. Как правило, подобными дипломатическими подарками служили местные изделия, и можно предположить, что если практика поднесения мечей капитанам прибывших судов продолжилась, то хотя бы часть из них достигла Батавии, а затем и Голландии. Дальнейшие поиски увенчались успехом – в Государственном музее Нидерландов (Rijks museum) нашелся экспонат NG-NM-6087-A¹⁰, стойка с оружием, принадлежавшая знаменитому гол-

ландскому адмиралу Корнелису Тромпу (1629–1691). (Рис. 1). Он получил ее в 1680 г. вместе с сопроводительным письмом из Батавии в подарок от своего друга детства – Корнелиса Веман-

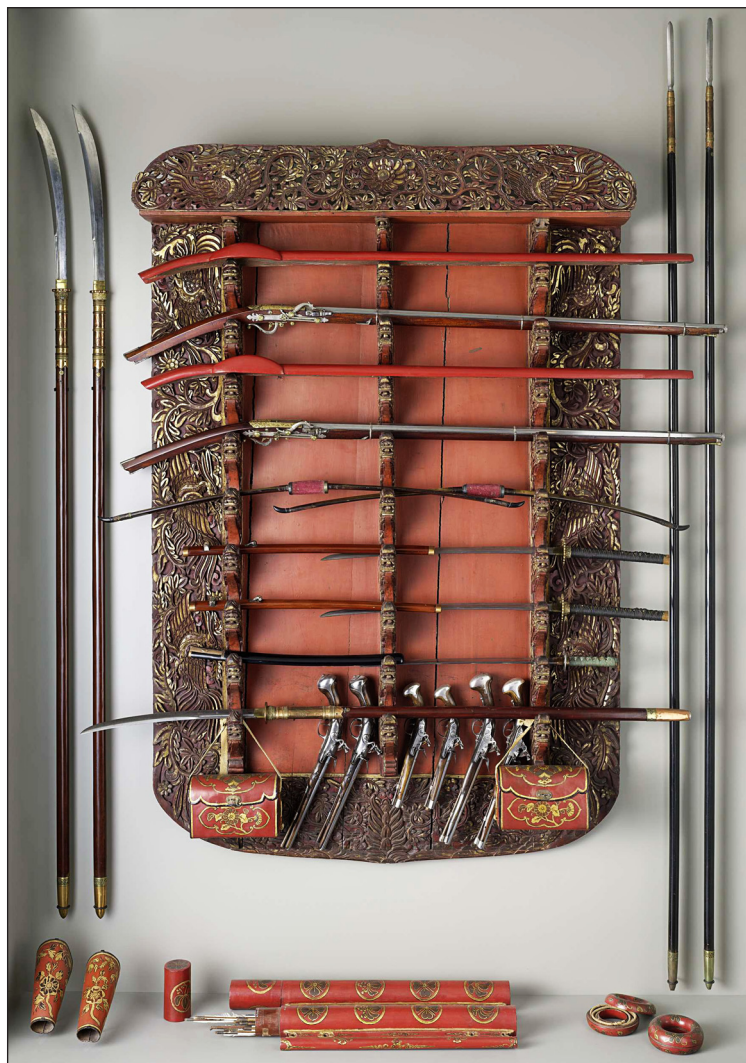

Рис. 1. Стойка с оружием. Вьетнам, 50–70 гг. XVII в.
Фото: Rijks museum

са. Кроме самой стойки, покрытой резьбой и лаком в типичном для северного Вьетнама стиле, комплект включает два фитильных ружья в характерном вьетнамском исполнении, включая защитные лакированные крышки, два лакированных патронташа, две лакированные коробки для фитилей, два роговых лука типичной для народов северного Вьетнама конструкции, два лакированных колчана со стрелами, два лакированных наруча для стрельбы из лука, два копья с лакированными футлярами для наконечников, три сабли в японском стиле в лакированных ножнах и три древковых сабли типа *нагината* (шесть хранящихся там же европейских пистолетов добавил позже сам Тромп). (Рис. 2). Из всего подарка Веманса эксперты Государственного музея Нидерландов поставили под сомнение вьетнамское происхождение только одной сабли. (Рис. 3). Этот уникальный по составу и документальному сопровождению комплект вооружения 50–70 гг. XVII в. может служить и послужит прекрасным примером при атрибуции предметов, происходящих из Индокитая, но явно следующих японским образцам. В том числе для новой атрибуции тех прекрасных образцов оружия, которые хранятся в российских музеях.

Рис. 2. Сабля японского типа. Вьетнам, 50–70 гг. XVII в.
Фото: Rijks museum

Рис. 3. Сабля японского типа. Вьетнам, 50–70 гг. XVII в.
Фото: Rijks museum

¹ Hoang Anh Tuan. *Silk for Silver: Dutch-Vietnamese Relations, 1637–1700*. Leiden-Boston: Royal Brill Publishers, the Netherlands, 2007. S. 49.

² Ibid.

³ Ibid. С. 50.

⁴ Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1987. С. 317.

⁵ Ветюков В.А. Традиционное клинковое оружие Вьетнама. Проблемы терминологии // Историческое оружиеведение. № 2. 2015. С. 20.

⁶ Там же.

⁷ Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб.: Атлант, 2004. С. 46–47.

⁸ Скраливецкий Е.Б. *Цуба* – легенды на металле. СПб.: Атлант, 2005. С. 21.

⁹ Берзин Э.О. Указ. соч. С. 316.

¹⁰ Rijks museum (Электронный ресурс). URL: <http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.355194> (дата обращения: 09.02.2016).

О.П. Бауськова (Санкт-Петербург)

ВЕХИ ИСТОРИИ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В XV–XVII вв. инженерные работы проводились обычно специальными отрядами из «посошных людей» (набиравшихся из крестьян и посадского населения – по 1 чел. с нескольких дворов). Они снабжались необходимым инструментом (топоры, пилы, лопаты) и занимались возведением укреплений, ремонтом и прокладкой дорог, строительством мостов, рытьем подкопов под стенами – являясь, таким образом, предшественниками саперов. Ранее – в 1350–1369 гг. – при Дмитрии Донском впервые из-за границы были приглашены специалисты военного дела – инженеры – «розмыслы».

В 1482 г. Иван III также принял на службу нескольких «розмыслов» – иностранцев. При Иване IV появились свои, русские «розмыслы» (в 1563 г. в Полоцком походе Ивана IV их было свыше 80 тыс. чел.). Иван IV основал Пушкарский (Пушечный) приказ, который заведовал артиллерийской и инженерной частью. В его ведении находились все инженерные дела.

Впервые под Казанью в 1552 г. русские войска применили средства подземно-минной борьбы: под стены крепости были выведены четыре минных галереи (4 заряда массой 946, 86 и два по 3936 кг пороха). В ходе штурма этого города ярко проявился высокий уровень русского военно-инженерного искусства. Зародилась инженерная атака крепости. Линии из туров (плетеных корзин, заполненных землей) были первыми «летучими сапами» в истории военно-инженерного дела.

Вопросы теории инженерного дела содержатся в уставах и книгах того времени: «Уложение о службе» (1550–1555); «Устав сторожевой службы» (1571); «Устав ратных, пушечных и

других дел, касающихся до военной науки» (1607–1621) дьяка Онисима Михайлова. Большое внимание в них уделялось вопросам военно-инженерного искусства, а именно защите и осаде городов, устройству шанцев (траншей), минной и контрминной борьбе. Была дана передовая для того времени система организации инженерных войск, включавшая шанцекопов (саперов) и горокопов (минеров). Войску придавался переправочный парк из 5 лодок.

Устав Онисима Михайлова замечателен не только своими техническими рекомендациями в различных областях военно-инженерного искусства, но и предлагаемой схемой организации инженерных войск. Ее суть следующая:

- инженерные подразделения включались в состав артиллерии;
- в инженерных войсках имелись три основные специализации – саперы, минеры и понтонеры;
- на вооружении состоял возимый переправочный парк и табельный шанцевый инструмент;
- общая численность инженерных войск осадной армии предполагалась в 1800 чел., т. е. около 2,2–3 % всего состава армии.

Рекомендуемая структура инженерных частей и подразделений во многом предвосхитила их последующую организацию в XVIII–XIX вв. (прапоры шанцекопов соответствовали будущим саперным батальонам, сотни горокопов – минным ротам).

Организация тогдашнего войска и всех дел, касавшихся военных сооружений: их постройки, ремонта, защиты от неприятеля укрепленных городов – относились к ведению военных приказов – органов центрального управления. Это Разрядный, Стрелецкий, Надворной Пехоты, Пушкарский и др.

В 1577–1611 гг. существовал **Пушечный приказ**. В этот период вместе с процессом образования регулярной армии в России, на базе развития производительных сил, обусловленного внутренними закономерностями эволюции Русского государства, формировались инженерные войска.

С развитием военного искусства и вооружения – совершенствовалось и военно-инженерное дело. Это, в частности, отразилось на характере городских укреплений, которые превращались в неприступные крепости. В ходе Ливонской войны, за Прибалтику и выход к Балтийскому морю, большее значение приобре-

тает подземно-минная борьба. Характерным примером превосходства русских в этом является оборона Пскова от польских войск Батория в 1581 г., продолжавшаяся четыре с половиной месяца.

Еще более длительный срок (22 месяца) русские войска обороняли от польского короля Сигизмунда III крепость Смоленск (1609–1611). Важное положение города на пути к Москве определило его большое значение в обороне государства, и в 1596–1602 гг. под руководством выдающегося военного строителя Федора Коня в Смоленске построены мощные крепостные стены длиной 6,5 км, высотой – 13–19 м, шириной – 5–6 м, с 38 башнями.

В 1611–1701 гг. центральный орган управления артиллерией – это **Пушкарский приказ**, в ведении которого с 27 сентября 1659 г. находились работы «по устройству и содержанию засек», а впоследствии – всего, касающегося «инженерства». Пушкарский приказ обязан:

- объявлять государевы указы и грамоты о построении новых укреплённых пунктов, возобновлении и починке старых,
- составлять подробные инструкции воеводам и другими лицам, назначенным для надзора за военными постройками,
- Составлять указы (инструкции) осадным воеводам и головам на случай неприятельского нападения на город («Осадные росписи»). Все действия обороняющегося и весь ход осады записывался в так называемую «Осадную книгу»,
- заботиться о заготовлении материалов и вещей для полевых и осадных работ. Были свои инженерные и минерные орудия и инструменты («наряд мастеров»).

Все военные сооружения по городам и по засекам строились на основании расчетов и смет, составляемых воеводами или головами и утвержденных государем. Все эти сметы рассматривались предварительно в Пушкарском приказе.

С давних времен русские государи деятельно заботились об укреплении границ: понимая важность военных сооружений, рассматривали планы городов и чертежи засек, определяли выгодные места для постройки укреплений, изыскивали средства для их выполнения. Это отражено в грамотах Иоанна IV, Бориса Годунова, Федора Иоанновича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и др.

Так, во второй половине XVI в. под руководством Л. Ширшова началось строительство каменных стен и башен Кирилло-Белозерского монастыря. В начале XVII в. было закончено сооружение ограды «старого города», примыкавшей к озеру (стены – высотой 8 м). Монастырская крепость выдержала осаду в 1612–1613 гг. и в 1616 г. отбила несколько нападений поляков и литовцев.

Другой пример: в 1691–1692 гг. построена ограда с проезжей башней Николо-Карельского монастыря. Это характерная деталь обеспечения безопасности монастырей, имевших второстепенное значение, а также для укрепленных пунктов на северных окраинах Русского государства.

Таким образом, Пушкарский приказ занимал главное место в управлении всем, что относилось к инженерному делу. Во второй половине XVII в. неизвестным автором было написано сочинение «Фундаменты или максимы фортификации».

В 1701 г. Пушкарский приказ был переименован в **Артиллерийский**. Указ Петра I от 19 мая 1700 г. гласил: «Всякие дела, которые были в Пушкарском Приказе, ведать генералу артиллерии царевичу Александру Арчиловичу» (первым русским генерал-фельдцейхмейстером был царевич А.А. Имеретинский – с 1701 г.). Инженеры и все чины инженерного ведомства входили в штат артиллерии и были под начальством генерал-фельдцейхмейстера, обязанности которого и как начальника инженеров определялись воинскими уставами 1698 и 1716 гг.: «ему подобает благо фортификации разуметь», «ему принадлежит как о фортификации, так и об артиллерии совершенное иметь сведение и быть по своему высокому чину трудолюбивому и попечительному..., а при осаде крепостей... должно ему с знатнейшими офицерами от артиллерии... делать свои рассуждения и предлагать мнения воинскому совету,... а инженеров [использовать] при осадах мужественных и основательно разумеющих фортификацию»... (ПСЗ, т. 5, № 3006).

В ходе Северной войны разрабатываются штаты первых регулярных частей инженерных войск Русской армии: минерной роты – в 1702 г. и команды понтонеров – в 1704 г.

(утверждены Петром I лишь в 1712 г., в феврале). До 1706 г. инженерные войска были самостоятельным родом войск, но

Петр Великий, извлекая уроки из опыта боевых действий, пришел к выводу, что артиллеристы и военные инженеры должны решать боевые задачи в едином строю, а следовательно, и командование у них должно быть единым.

В 1706 г. он вводит **Инженерный корпус** в состав артиллерийского ведомства и подчиняет его непосредственно генерал-фельдцейхмейстеру. (Царевич А.А. Имеретинский был и первым на Руси главой артиллерии). Инженеры, состоя при артиллерии, везде ей сопутствовали (по словам указа, «с нею маршировали»). В «указе» говорилось: «Инженер, когда пеш, марширует, имеет ружье, пистоль и лядунку, и идет в строю, как ему от главного артиллерии начальника приказано будет». Некоторые инженеры числились при полках и тогда «обязаны были по указу Генералитетства таковой чин отправлять».

Штат артиллерии (от 18 февраля 1712 г.) определял звание и обязанности инженеров как военных строителей, тогда же впервые определились служба и обязанности минеров. Из указа: «Инженеры зело потребны суть при атаке и обороне какого-либо места... Минеры ... обязаны при строении и осадах чинить (устраивать) подкопы, вести сапы и во время нужды с прочими подкопщиками путь и мост армейскому ходу починивать».

В 1712 г. учреждена минерная рота – 75 чел., команда понтонеров – 36 чел. – и штат полка военных инженеров – 35 чел.

В это же время были заведены жестяные и деревянные понтоны; при них были сундуки с припасами. Когда нужно было понтоны отправить из одного города в другой, то из Приказной палаты выдавался наказ; по прибытии в город их сдавали городскому воеводе, которому посылалась об этом из Приказа артиллерии государева грамота. Артиллерия обязана была соотносить все свои административные распоряжения с установленным порядком управления войсками и руководствоваться постановлениями, поступавшими из Военной коллегии. Например, канцелярия начальника артиллерии – генерал-фельдцейхмейстера – должна была иметь списки (ведомости) мундирных и прочих вещей, принадлежащих минерам, или: Военная коллегия требовала, чтобы полевые пушки и станки были окованы и расписаны одним образом, чтобы пушечные ящики сделаны были одинаково... То же самое относилось и к прочим повозкам: телегам, понтонам и пр.

С 1704 г. генерал-фельдцейхмейстером становится Я.В. Брюс (1670–1735). Одновременно он сенатор, президент Берг- и Мануфактур-коллегий, занимается дипломатией – заключает Ништадтский мир. Но главное – он лучший артиллерист и военный инженер своего времени. В мае 1720 г. он принимает в свое заведование все крепости России.

По воинскому уставу 1716 г. генерал-фельдцейхмейстер был главой всей артиллерии и инженерного управления. Там же упоминаются особенные чины, под началом которых находились инженеры, минеры и кондукторы (или вспомогатели) действующей армии: это начальник артиллерии или обер-инженер; при отсутствии последних – генерал-квартирмейстер. Инженерами, не состоявшими в артиллерийском штате и находившимися для исполнения различных поручений, заведовала Военная канцелярия, впоследствии Военная коллегия.

Интересно, что крепостями ведали губернаторы, содержавшие крепости из местных доходов (ПСЗ. Т. 3. № 1540). Из «наказов» того времени следует, что с 1707 г. это положение изменилось, и начальники крепостей все свои донесения представляли Сенату или прямо государю. Из Регламента 1719 г.: «...посылались особые лица, хорошо знающие инженерное дело, для осмотра укрепленных мест, и, кроме того, в каждой губернии были инспектора из инженеров “по вся годы обретающие крепости дозирать и починять не упустя время в каждом году”...»

С увеличением армии возрастала потребность в военно-инженерных кадрах.

17 марта 1719 г. учреждается Инженерная школа в Петербурге. В 1723 г. Московская и Петербургская школы были объединены в одну, получившую наименование «Петербургская инженерная школа». Руководил школой один из образованнейших инженеров того времени – Де-Кулон.

К реформе ведомственных органов управления относится учреждение **Канцелярии Главной артиллерии и фортификации (КГАиФ)**, существовавшей в 1711–1720 гг.

С введением должности генерал-директора над крепостями в 1722 г. была создана собственная канцелярия из чинов, состоящих при Де-Кулоне – Инженерная контора. Этой организации было поручено выяснить, где следует создать новые крепости для укрепления оборонительной системы государства. Плодом

ее деятельности явился штат (анштальт) крепостей, составленный в 1724 г. Крепости делились на 3 разряда:

- Северо-Западный (11 крепостей),
- Российский (18 крепостей),
- Персидский (5 крепостей).

В России создана система обороны границ, в которую входили крепости, укрепленные линии и засеки.

В 1724 г. введены новые штаты, согласно которым инженерные части состояли из инженерного полка (офицеры и кондукторы) – 236 чел. и минерной роты – 89 чел. Кроме того, в каждой губернии обязан был находиться инспектор из инженеров.

Еще с 1722 г. при каждом армейском полку имелся обер-офицер-инженер, являвшийся, по сути, полковым инженером и руководителем инженерных работ.

Указом от 25 июля 1726 г. была учреждена особая канцелярия (контора), при генерал-директоре фортификации, в состав которой входили офицеры по вопросам сооружения и подготовки крепостей и руководившие работами в чертежной. Другие отделы конторы под руководством офицеров и канцеляристов ведали делами Инженерной школы и Управления инженерами и минерами.

Можно утверждать, что подготовка инженерного корпуса к переходу на самостоятельное управление составляет в значительной степени заслугу Де-Кулона, которого справедливо считают первым главным начальником инженеров.

Первым после отставки Я.В. Брюса (4 июня 1726 г.) пока еще единое ведомство Главной артиллерии и фортификации возглавлял Гинтер (1726–1729). С 1727 по 1729 гг. Миних был обер-директором фортификаций, а в 1729–1735 гг. он соединял с этой должностью звание генерал-фельдцейхмейстера. Четвертым генерал-фельдцейхмейстером (1729–1735) стал граф Бурхард Кристоф фон Миних. Миних задумал расширить свои полномочия за счет инженерного корпуса. Он добивается принятия указа 12-летним императором Петром II, и 7 мая 1727 г. повелено: «Инженерное правление от артиллерии отделить и генералу Миниху быть над фортификациями всей Российской империи и над всеми инженерами обер-директором». Ему вверены все дела, касавшиеся инженерной части, и «повелено было во всем, до инженерного управления относящемся, обращаться к нему, помимо Главной артиллерии».

Так было создано вполне самостоятельное управление инженерным ведомством.

Указом от 20 сентября того же года Миних произведен в полные генералы, и присвоение ему официального титула обер-директора над фортификациями было вновь подтверждено.

Из инструкции Миниха: «...обер-директору старание иметь, чтоб все крепости в империи не токмо в добром состоянии содержаны... и особливо пограничные... от года до года починены и укреплены были и во всех крепостях добрых инженеров содержать... чтоб все крепости империи в добром оборонительном состоянии... содержаны быть могли», «...Да ему ж обер-директору надлежит иметь от всех крепостей Российской империи аккуратные чертежи...», «Обер же директору сочинить аншальт (штат) и со временем в Государственную военную коллегияю подать, что чего в каждой пограничной крепости... паче во время войны потребно, дабы она при случае атаки... неприятелем сдаться непротивлена была».

В 1728 г. учреждена отдельная от артиллерии Фортификационная, или Инженерная, контора, или **Контора инженерного правления**. Ее начальником был генерал-директор.

После назначения Миниха генерал-фельдцейхмейстером произошло объединение Инженерной конторы с артиллерией, появилась Канцелярия от артиллерии и фортификации (11 августа 1729 г.) – согласно указу императора Петра II.

К 1730 г. относится начало разработки атласа с точными планами и даже профилями всех крепостей, получившего название «Сила Российской империи». Этот атлас был вполне закончен только в 1746 г. при князе Репнине. (Атлас хранится в Главном инженерном управлении и составляет замечательный образчик чертежных работ тогдашнего времени).

В 1731 г. в качестве руководства инспекторам по крепостям, с целью проведения инспекторских смотров, для получения точных сведений о состоянии крепостей, была составлена особая «Инспекторская инструкция».

В том же году граф Миних представил записку о постройке особого здания для хранения инженерных моделей и чертежей. (Постройка не состоялась, и помещения были выделены в доме, купленном в 1732 г. у гр. Миниха для Инженерной школы, в нем впоследствии находился 2-й Кадетский корпус).

В 1735 г. генерал-фельдцейхмейстером был назначен ландграф Гессен-Гомбургский, и вследствие этого Инженерная канцелярия была вновь отделена от артиллерийской.

Фельдмаршал граф Миних остался директором над фортификациями.

25 февраля 1736 г. был принят указ Правительствующего Сената, в котором «Фортификации повелено было быть в Особой конторе». Произошло второе разделение артиллерийского и инженерного управлений.

15 февраля 1742 г. императрица Елизавета Петровна издала указ Сенату: «Инженерному корпусу и фортификационной конторе быть по-прежнему, как при Е. И. В. блаженные и вечнодостойные памяти Государе Императоре Петре Великом было, обще с артиллерией, под ведомством генерал-фельдцейхмейстера...» В 1742 г., 15 апреля последовал Указ об управлении инженерною частью совокупно с артиллерией, под общим начальством генерал-фельдцейхмейстера и обер-директора над фортификациями ландграфа Гессен-Гомбургского. Последствием новых преобразований было то, что в 1743 г. Артиллерийская канцелярия преобразована в **Канцелярию Главной артиллерии и фортификации**.

Решением дел менее важных занималась по-прежнему, но под ведением новой Канцелярии, Фортификационная контора. С этого времени Главное инженерное управление соединено с артиллерийским до 1802 г.

25 января 1743 г. в Военную коллегия было представлено и утверждено ею «Предположение генерал-фельдцейхмейстера», составленное «по рассуждению с артиллерийским и инженерным генералитетом». Главнейшие основания «Предположения» заключались в пунктах:

«1. По присоединении фортификационной конторы к Канцелярии Главной артиллерии, “как прежде сего было”, последнюю именовать Канцелярией Главной артиллерии и фортификации»... 3. Инженерные счетные дела иметь особо и с артиллерийскими не мешать... 5. В Канцелярии Главной артиллерии и фортификации фортификационные дела иметь в особых повытьях... Фортификационную контору... для отправления дел поместить в тех же покоях, что и Канцелярия Главной артиллерии...

II. В Москве Контору артиллерийскую именовать отныне Конторою Канцелярии Главной артиллерии и фортификации».

В 1742–1748 гг. генерал-фельдцейхмейстером стал В.А. Репнин. Во время управления Репниным артиллерийским и инженерным ведомством в совокупности власть его как начальника инженеров утратила прежнее высокое значение генерал-директора. Князь В.А. Репнин находился в зависимости не только от Сената и Военной коллегии, но и от Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, и от Фортификационной (Инженерной) канторы, которая... позволяла себе требовать от князя Репнина сведений (указов) о различных делаемых им назначениях. Кантора сама входила в сношения с губернаторами, комендантами, обер-комендантами и начальниками департаментов... Значение генерал-фельдцейхмейстера по званию начальника инженеров оставалось номинальное, по крайней мере далеко не то, что было при его предшественниках.

В 1756 г. генерал-фельдцейхмейстером был назначен граф П.И. Шувалов. Во время его управления инженерной частью произошли многие полезные преобразования в Корпусе инженеров, к числу этих преобразований и нововведений относятся:

- составление регламента;
- реобразование Инженерной канторы;
- учреждение Инженерного полка;
- положение о крепостях и др.

По новому регламенту звание генерал-фельдцейхмейстера отделено от звания генерал-директора фортификации. Иначе говоря, Корпус инженеров был отделен от артиллерии и находился в ведении генерал-инженера (этот ранг был равен генерал-фельдцейхмейстерскому).

В период Семилетней войны (1756–1763) в полевую армию в 1756 г. была включена только минерная рота (120 чел.), при артиллерии находилась понтонная команда (30 понтонов). В январе 1757 г. понтонная команда была развернута в роту из 3-х отделений по 30 чел. в каждом. Взамен минной роты сформирован инженерный полк 6-ротного состава (1830 чел.) с необходимым по табелю инструментом и снаряжением. В ходе сражений Семилетней войны совершенствовалась переправочная техника понтонных подразделений.

При графе П.И. Шувалове появились парусиновые понтоны, изобретенные капитаном Андреем Немым. В 1759 г. они приняты на вооружение русской армии и использовались более

150 лет. По легкости (вес – 230 кг), удобству наводки моста и транспортабельности они были весьма эффективны.

В вопросах содержания понтонных парков и модернизации их базы Шувалов неоднократно предписывал генералам А.П. Ганнибалу, И.Ф. Глебову, Н. Муравьеву держать под контролем наличие понтонов, обеспечение их якорями, облегчение парков.

В 1761 и 1762 гг. при армии графа Бутурлина, потом графа Салтыкова и Румянцева в числе понтонов (медных – 22, жестяных – 3) были и парусинные (90 шт.).

Важными направлениями деятельности П.И. Шувалова в период 1756–1763 гг. были: боевая подготовка личного состава, перевооружение и материальное обеспечение артиллерии, а также организация деятельности инженерного ведомства. Основными направлениями последней стали совершенствование управления инженерными войсками; изменение штатной структуры войск и подготовка кадров для руководства использованием военных инженеров в боевой обстановке; влияние на вопросы инженерного обеспечения.

Главным же документом, обращенным к Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, стала инструкция от 5 июня 1756 г. о разделении функций генерал-фельдцейхмейстера и членов присутствия Канцелярии по инженерной части.

Старшим по Инженерному корпусу Шувалов назначил генерала А.П. Ганнибала, дав ему права на рассмотрение и решение дел, касающихся инженерного ведомства.

В 1757 г. П.И. Шувалов организует подготовку устава инженерных войск – «Регламента о содержании и правительстве Инженерного Корпуса и Фортификации», предполагавшего повышение самостоятельности инженерного корпуса в ведомстве генерал-фельдцейхмейстера. Документ содержал обобщение указаний командиров инженерного корпуса прежних лет – Д. ДеКулона, Б. Миниха, Г. Гессен-Гомбургского.

Следующим генерал-фельдцейхмейстером (а следовательно, и начальником инженеров) был А.Н. Вильбоа (по Указу от 12 февраля 1762 г.). При нем возобновился прежний порядок внутреннего управления инженерным ведомством: Канцелярия Главной артиллерии и фортификации сделалась настолько независимой в своих распоряжениях, что весьма часто решала дела по своему усмотрению.

В 1763 г. по штату, высочайше утвержденному, Инженерного корпуса с минерною и пионерною ротой определено быть директором над фортификацией генерал-фельдцейхмейстеру, был назначен особый генерал-инженер; у обоих имелись отдельные штабы.

Инженерные офицеры разобрали и привели в порядок чертежи, планы, карты и пр., хранившиеся в архиве Канцелярии Главной артиллерии и фортификации.

Для теоретического и практического образования по инженерной части были заведены инженерные школы по крепостям (в Петербурге, Киеве, Риге, Ревеле, Выборге, Нарве, Шлиссельбурге, Пернове, Астрахани и др.).

При Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе состояла школа художеств.

При преемнике Вильбоа генерал-фельдцейхмейстере и генерал-директоре над фортификациями князе Г.Г. Орлове порядок управления инженерным ведомством не изменился. Достоинно внимания то, что со второй половины XVIII столетия в России в Инженерном ведомстве начали разделять технические работы по специальностям. Полное собрание законов Российской империи сообщает новые требования (№ 14299, 15302, 16346): «...освободить инженеров от обязанностей прямо до них не относящихся. Так, например, когда намерены были (1721 г. Февраля 23) послать инженерных кондукторов в Новгород для осмотра, описания земли и “сочинения рисунка”..., то последовал Указ, что кондукторов и учеников для такого дела не надлежит посылать “понеже оные не землемерители, но кондукторы... до городского и крепостного строения”»...

В период управления инженерной и артиллерийской частью Меллер-Закомельского, Канцелярия Главной артиллерии и фортификации пользовалась еще большими, чем при Г.Г. Орлове, правами. Большая часть распоряжений по инженерному ведомству зависела от этого учреждения.

Несмотря на существование разного рода экспедиций и комиссий, в ведении которых были государственные работы, не относящиеся к обязанностям военных инженеров, они (инженеры) продолжали участвовать в постройках не только крепостей. Это постройка Петергофской дороги (1787 г., Иоганн Боль); постройка р. Фонтанки и Екатерининского канала (1788 г., ге-

нерал-майор фон Либгардт, помощником у него был поручик К.И. Опперман – впоследствии граф, инженер-генерал – один из замечательнейших инженеров, известный важными преобразованиями по инженерной части. Поступил на русскую службу в 1783 г. поручиком); нивелирование канала между Волгой и Кутумою (майор Каковин); соединение рек Камы и Северной Двины (Петр Сухтелен) и др.

Общая система Инженерного управления, как и содержание Инженерного ведомства, за время царствования Екатерины Второй оставались без особых изменений и в том же положении, как они были организованы генерал-фельдцейхмейстером графом Шуваловым. Инженерное ведомство по штатам с 1763 по 1794 г. состояло из:

- Штаба инженерного корпуса,
- Инженерного корпуса или полка,
- минерных, пионерных и мастеровых рот,
- чинов, служащих при Главных управлениях (в КГАиФ с ее чертежною и при Инженерной конторе).

В 1792 г. учреждена **Экспедиция строения южных крепостей** (в ее ведении – Тирасполь, Одесса, Овидиополь, Кинбурн, Очаков, Симферополь, Перекоп, Феодосия, Севастополь, Фанагория, Керчь и Еникале). Руководство осуществлял сначала екатеринославский губернатор Каховский, затем граф Суворов-Рымникский, позже (до 1797) – генерал-фельдцейхмейстер князь Зубов.

10 января 1797 г. Экспедиция была упразднена, все оставшиеся материалы и средства, по высочайшему повелению, поступили в фортификационное ведомство, в распоряжение Артиллерийской экспедиции при Военной коллегии.

В царствование Павла I (1796–1801) произошли очередные преобразования в инженерном и артиллерийском ведомствах. Звания генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инженера упразднены. Дела по артиллерийской части вел генерал Меллисино, а по инженерной – генерал-поручик Тучков. 21 января 1797 г. закрыта Инженерная контора в Москве.

С 1796 г. Канцелярия от артиллерии и фортификации была присоединена к Военной коллегии под названием Артиллерийского департамента, который позже (в 1797 г.) переименован в **Артиллерийскую экспедицию**.

В царствование императора Павла I преобразования не означали всего лишь переименования должностей или смены руководителей Инженерного управления, но коснулись самих обязанностей инженеров. Государь принял на себя все заботы главного управления по инженерной части. Намерение императора Павла отделить от артиллерии инженерную часть видно из писем государя. Вот что, к примеру, он пишет инспектору артиллерии генералу Мелиссино:

«Господин генерал от артиллерии Мелиссино. С удивлением увидел я..., что вы входите в распоряжение по инженерной части до вас совсем не принадлежащей... Запрещаю ...мешаться в дела не вашего ведомства, а инженерная часть, будучи отделенная и особая, должна быть в моем собственном распоряжении.

15 сентября 1797 г.

Гатчина ПАВЕЛ».

27 февраля 1797 г. приказом Павла I велено было при артиллерии иметь пионерный полк из 10 рот пионеров и 2 рот минерсаперов (каждая из 150 чел.). А также 2 понтонные роты, в каждой – по 200 понтонов. Депо для понтонов – разместить в Петербурге, Риге, Смоленске, Киеве, Азове, Казани, Москве и Херсоне. В каждом депо – по 50 понтонов.

В 1798 г. было составлено стратегическое описание границ России, по которому крепости в южном краю и линиям Кавказской, Оренбургской и Сибирской причислены были в общее заведование и был утвержден штат на 49 крепостей и 3 осадных депо (в Петербурге, Риге и Киеве). (См. «Высочайшие приказы императора Павла I». ПСЗ. № 18798).

Инженерная служба в целом продолжала оставаться в составе артиллерии, что не отвечало принципам стратегии массовых армий.

В 1798 г. вновь учреждено звание генерал-фельдцейхмейстера, которое пожаловано было новорожденному великому князю Михаилу Павловичу.

Значительные преобразования в 1801 г. претерпевает Инженерная часть Артиллерийской экспедиции, состоявшая из инженерных, крепостных и экономических дел, «исправлявшихся под наблюдением инженер-генерала Князева» (И.И. Князев – инженер-генерал, возглавлял Артиллерийскую экспедицию со 2 марта 1798 г. по 25 января 1809 г.). 12 января 1801 г. Корсаков (управля-

ющий Артиллерийской экспедицией) распорядился Инженерное управление разделить на 2 части и каждой ведать отдельному генералу, под общим наблюдением Князева, а в 1802 г. все крепостные и инженерные дела предложил разделить на 3-х присутствующих в Экспедиции инженерных генералов по регионам:

- Тучков принял Финляндский и Лифляндский департаменты;
- Пруссон – Киевскую, Каменец-Подольскую, Елисаветградскую, все по южной границе в Крыму и на Кавказской линии, крепости;

- Вознов – крепости Астраханскую, Енотаевскую, Черноморскую, Царицынскую и по линиям Оренбургской и Сибирской.

А «инженер-генерал и кавалер Князев, яко главный член инженерной части» должен был иметь «генеральное ко всем делам наблюдение».

С 1802 г. инспектором всего Инженерного департамента становится Петр Корнильевич Сухтелен.

С 1797 г. Сухтелен начальник Департамента водных коммуникаций. Принимал непосредственное участие в создании русского «Депо карт» Генерального штаба, ведавшего всеми геодезическими, топографическими и картографическими работами. Участник войн со Швецией (1788–1790 и 1808–1809) и войны с Наполеоном (1806–1807).

В организации инженерного дела П.К. Сухтелен сыграл большую роль: в частности, в самоотделении инженерного ведомства от артиллерийского в самостоятельный департамент, директором которого он был до 1802–1812 гг. В истории фортификации он также оставил свой след: составил проект крепости Модлин (Новогеоргиевск) (1791) – в его бастионном фронте вводились потери. В проекте крепости Сиротск (1794) – явно выражена капонирная система и др. Проекты Сухтелена показали, что русская фортификация этого периода (конец XVIII – начало XIX) шла впереди Европы.

В 1802 г. в связи с образованием Военного министерства Артиллерийская экспедиция была разделена на 2 самостоятельных ведомства: артиллерийскую и инженерную экспедиции. С этого времени инженерная служба окончательно отделилась от артиллерии, в ведении последней остались только понтоны.

В формировании **Инженерного департамента** огромная роль принадлежит инженер-генералу, графу Карлу Ивановичу Оп-

перману (1765–1831). *К.И. Опперман* – один из замечательнейших инженеров, известный своими важными преобразованиями по инженерной части. Член Государственного совета, директор Инженерного и Строительного департаментов (с 1812). Был заведующим инженерным и артиллерийским училищем, школой гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, почетный член Академии наук. В 1797–1799 гг. заведовал Депо карт (работал над составлением подробной карты России). В 1803 г. в чине генерал-майора (произведен был в 1795 г.) командирован в Финляндию для приведения пограничных крепостей в оборонительное состояние. С 1809 г. – назначен инспектором Инженерного корпуса, особое внимание обратил на состояние крепостей Западного края. До 1818 г. *К.И. Опперман* оставался директором Инженерного департамента. Он приложил много усилий к созданию **Главного Инженерного училища** в 1819 г.

С 1816 по 1822 гг. совершился переход к батальонной системе в инженерных войсках, из расчета один пионерный или саперный батальон на армейский корпус. В 1819 г. саперные и пионерные батальоны были сведены в 3 пионерные бригады. Важным звеном в реорганизации была передача в 1822 г. понтонных рот из артиллерийского ведомства в инженерное. Понтонные роты организационно были введены в состав саперного и пионерных батальонов.

Саперы и минеры занимались постройкой долговременных укреплений и работами, производившимися при атаке или обороне крепостей. Пионерные подразделения трудились на устройстве дорог, мостов, полевых укреплений, над разрушением неприятельских заграждений по ходу наступления своих войск. Понтонеры наводили наплавные мосты.

В 1829 г. пионерные батальоны были переименованы в саперные, а с 1844 г. и минерные роты стали саперными. С этого времени все бригады начали именоваться саперными.

В 1830 г. начальником штаба генерал-инспектора по инженерной части назначен Александр Клавдиевич Геруа. *А.К. Геруа (1784–1852)* – инженер-генерал, генерал-адъютант. Сражался в Отечественной войне 1812 г. в составе корпуса графа Витгенштейна, был командиром 6-го пионерного батальона. В 1818 г. произведен в полковники, переведен в лейб-гвардии Саперный батальон и назначен адъютантом к Великому князю Николаю Павловичу.

В 1837 г. назначен управляющим Инженерным департаментом, на этом посту оставался до 1849 г., когда его сменил И.И. Ден.

Государь император 11 февраля 1857 г. утвердил правила о передаче строительной части Департаментом военных поселений в Инженерный департамент. В приказе военного министра от 25 февраля 1857 г., № 56, было объявлено: «Государь Император, по случаю присоединения Корпуса Военных поселений к Инженерному корпусу Высочайше повелеть соизволил: Инженерный корпус именовать Корпусом Военных инженеров».

В 1861 г. было образовано Общее присутствие Инженерного департамента, по искусственной части, которое имело совершенно то же значение, что присвоено было состоящему при Главном инженерном управлении Инженерному комитету, а затем – Техническому комитету Главного военно-технического управления.

24 декабря 1862 г. высочайшим повелением Инженерный департамент был преобразован в **Главное инженерное управление (ГИУ)**. Утверждено Положение Военного совета (приказ военного министра от 28 декабря 1862 г., № 375) о соответствующем преобразовании. В ГИУ также вошли: Штаб генерал-инспектора по инженерной части и Инженерное отделение Военно-ученого комитета. Главное в «Положении о Главном инженерном управлении» 1862 г. заключалось в следующем:

1) в Главном инженерном управлении сосредоточивалось заведование и производство дел (по личному составу, по строевой, учебной и технической частям, по управлению инженерным хозяйством);

2) ГИУ входило в состав Военного министерства и находилось в ведении генерал-инспектора по инженерной части;

3) обязанности Главного инженерного управления включали в себя: инспекторскую, техническую, ученую, учебную и хозяйственную части инженерного ведомства;

4) генерал-инспектор назначался по непосредственному высочайшему усмотрению высочайшими приказом и указом Правительствующему Сенату;

5) обязанности генерал-инспектора: а) как генерал-инспектора всех инженерных войск, б) как начальника Главного инженерного управления, входящего в состав Военного министерства;

б) к общему составу ГИУ принадлежали также: а) чертежная с литографией, металлографией и модельной мастерской; б) типография; в) казначейская, экзекуторская и журнальная части; г) архив дел и планов.

Великий князь Николай Николаевич Старший занимал пост генерал-инспектора по инженерной части – с 25 января 1856 г. по 13 апреля 1891 г.

Приказом военного министра № 103 от 30 марта 1867 г. объявлен основной штат Главного инженерного управления. В ГИУ имелись: 4 отделения и технический комитет с двумя делопроизводствами (отделениями) и чертежной. При ГИУ положено было иметь и редакцию Инженерного журнала.

С преобразованием Инженерного департамента в Главное инженерное управление личный состав его за время с 1862 по 1867 гг. был следующим:

- генерал-инспектор по инженерной части – великий князь Николай Николаевич, товарищ его – гвардии инженер генерал-лейтенант Эдуард Иванович Тотлебен;

- вице-директора (посты, соответствующие по должностям помощникам начальника ГИУ) – генерал-майоры Н.А. Рыдзевский, Л.И. фон-Миллер и полковник лейб-гвардии Саперного батальона Р.А. Зейме.

Существенные изменения в ходе военных реформ претерпели и инженерные войска. В их составе появляются специальные железнодорожные подразделения и телеграфные части: военные железнодорожные команды (1870); железнодорожные батальоны (с 1876); 9 военно-походных телеграфных парков. Завершается процесс переформирования понтонных парков в понтонные батальоны, получившие на оснащение металлический парк Томиловского.

Из «Дела Главного Инженерного Управления» № 170, 1872 г.: «Историческая справка, представленная в Военный Совет в 1872 г.

С 1822 г., когда последовало перемещение нашей понтонной части из Артиллерийского ведомства в Инженерное, не имелось до 1832 г. официального наблюдательного Управления этой частью, равно как и прочими подвижными инженерными запасами (парки полевые и осадные и инструментальные обозы батальонов...). Изготовление как понтонных, так и общих мостовых при-

надлежностей и их фур, производилось по-прежнему, в Брянском Артиллерийском Арсенале, а постройка прочих обозов – на частных заводах».

Упразднение должности генерал-инспектора по инженерной части произошло в 1891 г. Восстановление должности – с 11 сентября 1904 г. На эту должность назначен Е. И. В. великий Князь Петр Николаевич и состоял в ней до 6 февраля 1909 г.

11 сентября 1904 г. на эту должность назначен Е. И. В. великий князь Петр Николаевич и состоял в ней до 6 февраля 1909 г.

Еще во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было признано необходимым снабдить шанцевым инструментом и полевые армейские войска, сперва пехоту, затем кавалерию и, наконец, артиллерию. Снабжение этим имуществом было возложено на Главное инженерное управление. Уже после войны последовало введение на вооружение русской армии малого шанцевого инструмента. В 1883 г. издано «Положение о саперных командах в пехоте», согласно которому руководство инженерными работами в пехоте возлагалось на офицеров и солдат, прошедших специальную подготовку при саперных бригадах.

Военные инженеры и изобретатели внесли большой вклад в развитие различных отраслей военно-инженерного искусства. Так, в области фортификации плодотворно работал А.З. Теляковский. В своих трудах «Полевая фортификация» (1839) и «Долговременная фортификация» (1846) он предполагает, что деление фортификации на полевую и долговременную должно определяться прежде всего стратегическими и тактическими соображениями, независимо от применяемых материалов. В течение длительного времени труды А.З. Теляковского оставались основным учебным пособием по фортификации как в России, так и за рубежом, оказав значительное влияние на развитие военно-инженерного искусства.

Аркадий Захарович Теляковский – военный инженер, генерал-лейтенант, преподаватель и писатель, член Технического комитета ГИУ (с 1863). Известен как «дедушка русской фортификации». Его научные труды получили за свою оригинальность вторую поощрительную премию от Академии наук.

Большую роль в становлении минного дела и военной электротехники сыграли предложения П.Л. Шиллинга, получившие

дальнейшее развитие в трудах генерала К.А. Шильдера, академика Б.С. Якоби и др.

(Карл) Александр Андреевич Шильдер (1785–1853) – инженер-генерал, изобретатель. Служил в инженерных войсках: во 2-м Пионерном полку, в Саперном полку, 1-м саперном батальоне (1813–1814). Был командиром 2-го Пионерного батальона (в 1820–1826), с 1826 г. – в лейб-гвардии Саперном батальоне. Участник Отечественной войны 1812 г., войны с Турцией 1828–1829 гг., с Польшей. Среди его изобретений проект канатного моста новой конструкции, с помощью которого в войну 1828–1829 гг. наводились переправы через овраги; гальванический способ взрывания минных горнов; контрминная система, основанная на принципе закладки трубы в просверленных в грунте скважинах; фугасные ракеты новой конструкции (1838); гальвано-ударные подводные мины (совместно с Якоби) и др.

Шильдеру принадлежит честь постройки первой подводной лодки (бронированной, снабженной мостовыми минами для взрыва под водой морских судов). За свои личные качества Шильдер получил прозвище «Баярд русского инженерного искусства» (Баярд Пьер дю-Террайль (1476–1524) – французский военачальник, приобрел славу своими подвигами).

В 80–90-х гг. XIX в. продолжилась эра крупнейших изобретений и открытий – появились дирижабли О.С. Костовича, К.Э. Циолковского, самолет А.Ф. Можайского, радио А.С. Попова. Всеобщее признание получили и труды известных фортификаторов А.Ф. Плюцинского, К.И. Величко и др., разработавших систему сооружений большой маневренной (фортовой) крепости применительно к новым условиям, т. е. в период появления и развития тяжелой нарезной артиллерии с мощными фугасными снарядами и увеличившейся дальностью стрельбы орудий.

В отношении инженерных войск в 1889–1895 гг. проведены следующие мероприятия:

составлены новые положения, инструкции, программы по специальному образованию;

пересмотрена «Табель мостового имущества» и разработаны меры для увеличения мостовых средств;

разработаны инструкции для обучения кавалерийских команд в инженерных войсках и для устройства переправ на плотках и бурдюках;

пересмотрены табели материальной части полевой военно-телеграфной роты, испытания сформированных кабельных и шестовых отделений;

определены штаты и табели материальной части железнодорожных батальонов;

создан проект организации телеграфа в кавалерии;

пересмотрен проект организации крепостных инженерных войск и т. п.

В период Русско-японской войны (1904–1905) деятельность одного из отделений ГИУ заключалась в организации снабжения армии. За период войны заготовлено:

- Лопат (с чехлами к ним) – 928 тыс. шт.
- Топоров – 449 тыс. шт.
- Кирок и мотыг – 364 тыс. шт.
- Инструментов для минных работ – 6 тыс. 500 шт.
- Металлических инструментов – 1 тыс. 400 шт.
- Легких мостовых парков – 9 шт.
- Железных понтонов – 350 шт.
- Ножниц для резки проволоки – 76 тыс. шт.
- Поплавков Полянского – 1 тыс. шт.

В ходе войны 1904–1905 гг. выявилась необходимость в инженерных частях резерва Главного командования.

Была практически доказана невозможность сочетать в одном лице должности командира корпусного саперного батальона и корпусного инженера. В связи с этим после Мукденского сражения корпусными инженерами уже назначались военные инженеры.

Оборона Порт-Артура (июль 1904 – январь 1905) наглядно показала значение полевых и долговременных фортификационных сооружений в общей системе обороны приморской крепости. Был накоплен большой опыт подземно-минной борьбы и использования фугасов и морских шаровых мин для поражения противника.

Русские саперы впервые применили удлиненные заряды для устройства проходов в проволочных заграждениях, создали новые средства минирования, электризуемые проволочные заграждения, шрапнельные и автоматические мины. Кроме того, нашли широкое применение новые способы укрепления местности с использованием траншей и ходов сообщения.

У Ляояна под руководством профессора Инженерной академии генерала К.И. Величко были подготовлены три оборонительные позиции: арьергардная, передовая и главная – на глубину 20–25 км. Арьергардная полевая позиция состояла главным образом из стрелковых окопов, передовая – из люнетов и окопов полного профиля для стрельбы стоя со дна рва. На главной позиции оборудовались форты, редуты, люнеты. Все позиции усиливались волчьими ямами, проволочной сетью, засеками, рогатками, фугасами и камнеметами.

С 6 февраля 1909 г. по 2 мая 1912 г. должность генерал-инспектора по инженерной части занимал инженер-генерал Вернандер. Затем, до 1914 г. этот пост оставался вакантным.

По приказу № 328 от 1909 г. – согласно Положению о Главном инженерном управлении – начальник ГИУ (помимо исполнения обязанностей, присвоенных генерал-инспектору по инженерной части), в частности, нес ответственность за:

направление частей Инженерного корпуса к усовершенствованию;

наблюдение за правильным исполнением порядка службы в Инженерном корпусе и в инженерных войсках;

производство смотров частям;

представление назначений на должности;

назначение офицеров и гражданских чиновников приказом по Инженерному ведомству.

Из ведения инженерного ведомства было исключено воздухоплавательное дело (находилось в сфере ответственности ведомства с 1860-х гг.) – см. Приказ по военному ведомству № 194 от 1911 г. Это произошло по инициативе Генерального штаба, вопреки мнению инженерного ведомства. Вскоре оно было возвращено в ведение инженерного ведомства. Произошло это 17 декабря 1913 г. – при преобразовании Главного инженерного управления в **Главное военно-техническое управление (ГВТУ)**. Генерал-инспектором по инженерной части был назначен инженер-генерал Александров. Из «Журнала Военного Совета от 12 декабря 1913 г.»: «Переименовать Главное Инженерное Управление в Главное Военно-Техническое Управление и соответственно ему Инженерный комитет в Технический комитет.

Подчинить начальнику ГВТУ школы: железнодорожную и воздухоплавательную, учебную автомобильную роту и управле-

ние Ковель-Владимир-Волынской железной дороги»... Основные функции ГВТУ заключались в следующем:

возведение всех фортификационных сооружений,
заготовка специального технического имущества: телеграфного, телефонного, автомобильного, воздухоплавательного, железнодорожного, саперного, понтонного и минного, а также специального инженерного обоза с сбруей к нему,
снабжение всех частей армии и хранение вышеперечисленного технического имущества, разработка и разрешение всех технических вопросов.

Начальником ГВТУ высочайшим указом от 21 декабря 1913 г. назначен барон Евгений Эдуардович фон-дер Ропп, с производством в генерал-лейтенанты.

Е.Э. фон-дер Ропп родился 4 августа 1867 г. Учился во 2-м Военном Константиновском училище (1885), переведен в Николаевское Инженерное училище 31 августа 1887 г. Служил в Туркестанском Саперном полубатальоне (1886–1891). Зачислен в число обучающихся в Николаевской Инженерной академии офицеров 6 ноября 1891 г. По окончании полного курса переведен в военные инженеры (1894).

За отличие по службе (служил на строительстве Закаспийской военной железной дороги, на постройке Красноводского участка этой дороги) неоднократно повышался в звании: звание капитана было присвоено в 1896 г., произведен в подполковники в 1900 г., а с 23 ноября 1900 г. находился в распоряжении начальника инженеров Туркестанского военного округа. Назначен начальником Северной Китайской железной дороги, был командиром батальона, получил звание полковника в 1903 г. С января 1907 г. – командующий Заамурской железнодорожной бригадой, произведен в генерал-майоры в 1907 г.

К Первой мировой войне Россия подошла с достаточно подготовленным, но крайне малочисленным корпусом военных инженеров (в 1914 г. всего 820 чел. солдат и офицеров).

Можно было ожидать, что военное руководство примет меры к ускорению подготовки инженерных кадров, однако, этого не случилось. Более того, в начале войны Инженерная академия была закрыта, а ее слушатели направлены в действующую армию.

Еще в 1910 г. полевые Саперные бригады были упразднены, а полевые инженерные части включены в состав армейских кор-

пусов. Для технического контроля и руководства в военных округах вводились должности инспекторов инженерных войск со штабами при них.

Железнодорожные войска к этому времени были выделены в подчинение отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба. Стало намечаться выделение в отдельную службу и авиации.

Уже перед войной ГВТУ ведало только техническими вопросами, а организационные функции были переданы Главному управлению Генерального штаба.

В ходе Первой мировой войны на основе накопленного боевого опыта переработаны основные наставления для инженерных войск:

- Наставление по войсковому инженерному делу для офицеров всех родов войск (изд. 1916 г.);
- Указания по укреплению позиции (изд. 1916 г.);
- Наставление для борьбы за укрепленные полосы (изд. 1916 г.);
- Наставление по подрывным работам (изд. 1916 г.);
- Наставление по мостам и переправам (изд. 1914 г.) (строительство мостов и переправ).

Разработка и издание этих наставлений стали серьезным шагом в развитии военно-инженерного искусства того времени.

Руководство боевой деятельностью инженерных частей и подразделений, а также мероприятия по инженерному обеспечению боя и операции в годы Гражданской войны осуществлял инспектор инженеров при Полевом штабе Республики, во фронтах – начальники инженеров фронтов, в армиях – начальники инженеров армий.

Центральное военно-техническое управление выполняло снабженческие функции.

Инспектором инженеров штаба Высшего Военного совета с марта по июль 1918 г. был В.В. Малков-Панин, с 24 июля до сентября 1918 г. – опытный военный инженер, строитель крепостей А.П. Шошин.

2 сентября 1918 г. образовался Реввоенсовет Республики, инспектором инженеров Полевого штаба которого до конца 1921 г. был А.П. Шошин.

Начальником Центрального военно-технического управления (ЦВТУ), а с 15 июня 1918 г. – **Главного военно-инженерного управления (ГВИУ)** и до конца Гражданской войны был военный инженер А.К. Овчинников (перед Первой мировой войной – комендант и главный строитель Брестской крепости). Комиссарами ГВИУ были К.Н. Жуков и И.Е. Коросташевский.

При ЦВТУ в марте 1918 г. была образована Коллегия по инженерной обороне для оперативного руководства вопросами инженерной обороны Советской республики. Председателем Коллегии стал военный инженер, профессор К.И. Величко, старшим инженером – военный инженер Д.М. Карбышев. Под руководством К.И. Величко новая программа предстоящих работ по созданию инженерной обороны страны вырабатывается в виде «Положения о коллегии по инженерной обороне страны». В обязанности Коллегии входило:

- изучение театров военных действий в инженерном и техническом отношении;
- изучение технических средств страны (для инженерной обороны);
- разработка общего плана инженерной обороны страны и вытекающих из него частных задач;
- разработка общей организации инженерных и технических войск и военно-технических учреждений; инструкций, наставлений, руководств и пособий по разного рода специальностям и военной технике; штатов, положений и табелей; общих технических условий на заготовку имущества и материалов; образцов предметов снабжения и материалов;
- надзор за проведением в жизнь всех распоряжений и за исполнением мер, принимаемых Коллегией.

Главной задачей Коллегии, которой были подчинены все остальные, являлась разработка мероприятий по организации инженерной обороны в войсках и проведение ее в жизнь. В соответствии с этим Коллегией, под непосредственным руководством К.И. Величко, был составлен развернутый план инженерной подготовки к обороне страны.

В конце 1918 г. Коллегия была расформирована. К.И. Величко назначается председателем фортификационной секции Инженерного комитета.

13 ноября 1918 г. Реввоенсовет Республики приказом № 220 утвердил штаты стрелковых дивизий, бригад и полков. Вместе с тем устанавливалась твердая организация военно-инженерных частей и подразделений:

- учебно-опытная огнеметная рота (в подчинении ГВИУ);
- управления, находившиеся в трудармии и в подчинении ГВИУ.

В годы Гражданской войны выдвигаются перспективные технические проблемы, разрабатываются мероприятия для технического перевооружения армии и флота. Были начаты крупные научные и проектно-конструкторские работы, подбирались специалисты и изобретатели военной техники, в том числе инженерной. Например, в июле 1919 г. ГВИУ выделило крупные средства радиотехнической лаборатории на проведение опытов по производству взрывов на расстоянии с помощью радио. В сентябре 1919 г. при ГВИУ организуется Военно-инженерный полигон, развившийся впоследствии в Научно-исследовательский институт инженерной техники (НИИИТ) РККА, в котором была начата разработка новых образцов средств инженерного вооружения.

В соответствии с решением Реввоенсовета Республики, принятым в феврале 1921 г., Главное военно-инженерное управление подчинялось по оперативно-строевым вопросам непосредственно Главнокомандующему всеми Вооруженными силами Республики, а по вопросу снабжения – главному начальнику снабжения. Инспекция инженеров расформировывалась. Начальник ГВИУ являлся одновременно начальником инженерных и технических сил Рабоче-крестьянской Красной армии. Этим решением в одном лице объединялись функции инспектора инженеров и начальника управления. Новый штат ГВИУ был введен 1 августа 1921 г. 2 июля 1921 г. утверждено положение о ГВИУ, по которому оно состояло из:

- 14-ти отделов,
- инженерного комитета,
- финансовой части.

Отделы ГВИУ назывались: организационно-мобилизационный; отчетно-распределительный; складов и мастерских; административно-хозяйственный; фортификационно-строительный; инженерно-позиционный; минно-судовой; маскировочный;

электротехнический; металлургический; автомобильный; подрывной; необоронительных сооружений.

На ГВИУ возлагались все вопросы военно-инженерного и военно-технического дела РСФСР, а именно: вопросы обороны Республики в инженерном отношении; оперативно-строевая подготовка; инспекторская деятельность; организационно-техническая деятельность; научная; учебная; хозяйственно-заготовительная часть военного ведомства; специальное образование войск; снабжение армии военно-инженерным и техническим имуществом; обеспечение армии всеми видами квартирному довольствия.

Командный состав инженерных войск с высшим военным образованием проходил подготовку в Военно-инженерной и Военно-электротехнической академиях. В августе 1923 г. эти две академии слились – образовалась Военно-инженерная и электротехническая академия. Спустя два года в результате военной реформы Военно-инженерная и электротехническая и Военно-артиллерийская академии объединились в одну – Военно-техническую академию. Военные инженеры готовились на фортификационно-строительном (инженерном) факультете. Командиры взводов готовились в инженерных школах.

В ведении Главного управления военно-учебных заведений к концу 1923 г. имелось 4 таких школы – Петроградская, Московская, Киевская и Казанская, со сроком обучения 4 года. В каждой школе обучалось 400 курсантов. Кроме того, была одна электротехническая школа (Петроградская) на 500 курсантов со сроком обучения 5 лет.

В ведении ГВИУ находилась школа повторной подготовки среднего комсостава в учебном электротехническом батальоне (Петроград) на 20 чел. со сроком обучения 9 месяцев.

В 1922–1923 гг. происходит частичная реорганизация ГВИУ: инженерно-позиционный, подрывной и маскировочный отделы сливаются в инженерный; электротехнический и минносудовой – в технический отдел.

Начальником и военкомом ГВИУ с 1920 г. до его расформирования в 1924 г. был И.Е. Коросташевский, его помощниками – Н.Ф. Попов и Г.Г. Невский, председателем Инженерного комитета ГВИУ до марта 1923 г. был А.К. Овчинников, затем – Д.М. Карбышев.

На базе ГВИУ, ведавшего инженерной службой, а также инженерным имуществом, были образованы:

- Военно-строительное управление (во главе с Я.И. Вестником);
- Военно-техническое управление (во главе с И.А. Халепским).

На них возлагалось снабжение войск инженерным и техническим имуществом и разработка новых образцов технических средств. Оба новых управления освобождались от строевых функций и были подчинены начальнику снабжения РККА.

Проведенная в 1924–1925 гг. военная реформа реорганизовала военно-инженерные органы управления, сняв с инженерных начальников функции руководства оборонительным строительством и снабжением войск инженерным имуществом. Из подчинения военно-инженерного ведомства были выведены автомобильные части, что позволило усилить руководство боевой подготовкой инженерных частей и инженерной подготовкой родов войск. В 1928 г. во всех кадровых стрелковых дивизиях были сформированы отдельные саперные роты со штатом 20 чел. кадрового начальствующего состава и 240 чел. временного состава.

В 1930-е гг. большое внимание уделялось инженерной подготовке театров военных действий. В западных округах и на флотах началось широкое строительство укрепленных районов, сети дорог, аэродромов, военно-морских баз и объектов береговой обороны. Широкий объем этих мероприятий требовал реорганизации центрального управления. Военно-техническое управление было преобразовано в Военно-инженерное управление РККА, в функции которого входило снабжение армии средствами инженерного вооружения и решение проблем применения научно-технических достижений для нужд обороны страны.

10 февраля 1932 г. создается Управление начальника инженеров РККА на базе слияния инспектората инженерных войск с отделами оборонительного строительства Военно-строительного управления.

В 1934 г. военно-инженерное ведомство претерпело дальнейшие организационные изменения. Управление начальника инженеров РККА и Военно-инженерное управление слились в одно – Инженерное управление РККА (из 8 отделов). Начальник управления являлся и начальником инженеров РККА.

С мая 1930 г. по май 1937 г. должность инспектора инженерных войск, а в последующем – начальника инженеров РККА – занимал Н.Н. Петин.

Расширялась работа над новой военно-инженерной техникой. Создание новых инженерных средств проводилось на основе опыта прошедших войн и с учетом требований быстро развивающегося военно-инженерного искусства.

Первые исследования по созданию специализированных средств инженерной разведки относятся к 1935–1940 гг.:

- в 1935 г. на вооружение поступил комплект средств разведки и преодоления электризуемых заграждений;

- в 1938 г. появился первый отечественный миноискатель ИЗ (индукционный зонд), представлявший собой радиотехническое устройство для обнаружения противотанковых мин на глубине до 10 см. Автор – Б.Я. Кудымов;

- в 1930-е гг. создан механизированный разборный мост из специальной стали повышенного качества. Он обеспечивал механизированную наводку одно- и многопролетных мостов с помощью специальной монтажной установки, смонтированной на тракторе;

- в начале 1940-х гг. была разработана конструкция и изготовлен механизированный мост ИТ-28 на базе среднего танка Т-28.

Исследовательская и изобретательская работа в отношении средств преодоления минно-взрывных заграждений началась в 1930-е гг.

- 1934 г. – созданы первые образцы ножевых тралов к танку Т-26;

- 1936 г. – разработан трал бойкового типа к танкам Т-26 и БТ;

- 1937–1939 гг. изобретены опытные образцы каткового трала к танкам Т-26 и Т-28.

Средства преодоления водных преград развивались по пути создания переправочно-десантных средств, понтонных парков и мостостроительных средств:

- 1931 г. – разработана новая надувная лодка А-3 (использовалась в качестве десантной, а также для сборных перевозных паромов и мостов);

- 1931 г. – разрабатывается комплект труднозатопляемого имущества ТЗИ (он является табельным переправочным средством стрелкового полка);

- 1930–1932 гг. – разработан тяжелый понтонный парк («парк Н2П»). Работы велись под руководством профессора И.Г. Попова группой военных инженеров – С.В. Завацким, Б.Н. Корчемкиным, Н.А. Тренке и А.И. Угличининым. Парк позволял собирать мосты грузоподъемностью 16, 20, 35, 40 и 60 т;

- 1934–1935 гг. – закончена работа над модернизированным парком на лодках А-3 (МДПА-3). Грузоподъемность паромов и мостов, собираемых из парка, – 5, 9 и 14 т;

- 1939 г. – поступил на вооружение специальный понтонный парк СП-19 для устройства мостовых и паромных переправ на широких реках.

Были разработаны и внедрены разборные металлические мосты (РММ-1, РММ-2, РММ-4), а также висячие мосты для обеспечения действий войск в горах.

В предвоенные – 30-е – 40-е гг. – военные инженеры, в числе которых были И.В. Волков, Б.А. Эпов, Д.В. Чернышев, А.Д. Подшивалкин, А.И. Куличихин, И.А. Шпилов, Б.М. Ульянов, В.П. Ястребов, разработали принципиально новые инженерные боеприпасы и другие виды средств минно-взрывных заграждений, не уступавших лучшим зарубежным образцам.

Средства взрывания разрабатывались на военно-инженерном полигоне. Итогом этой работы явилось внедрение в производство и в войска: азидотетриловых капсулей-детонаторов № 8 ТАТ; электродетонаторов, а затем азидосвинцового детонирующего шнура ДШ-27.

В 1934 г. поступили на вооружение подрывные машинки ПМ-1 и ПМ-2.

Новейшие сведения по средствам и способам взрывания вошли в наставление для инженерных войск – «Подрывные работы», составленное Е.В. Антулаевым и вышедшее в 1934 г.

В области минных средств:

- 1935 г. – закончилась отработка противотанковой мины ТМ-35 (Мина – в металлическом квадратном корпусе с нажимным устройством, связанным с модернизированным упрощенным взрывателем (МУВ). Общий вес – 5,3 кг);

- К началу Великой Отечественной войны разработаны антиклиренсная мина АКС; металлические мины ТМ-39 и ПМЗ-40; деревянная мина ТМД-40.

Последняя предвоенная реорганизация центрального аппарата инженерных войск была проведена в середине 1940 г. Накануне Великой Отечественной войны руководство инженерной деятельностью в Красной армии осуществляло **Главное военно-инженерное управление Красной армии (ГВИУ КА)**. Начальниками управления были: комдив И.П.Михалин (с мая 1937 по октябрь 1939); полковник И.А. Петров (по июль 1940); комбриг А.Ф. Хренов (по 12 марта 1941); генерал-майор инженерных войск Л.З. Котляр (по апрель 1942).

В состав ГВИУ входили управления: военно-инженерной подготовки; оборонительного строительства; инженерного вооружения и заказов.

Основными направлениями деятельности ГВИУ являлись:

- разработка планов инженерного оборудования театров военных действий;
- решение вопросов инженерного обеспечения операции;
- руководство инженерной подготовкой родов войск и боевой подготовкой инженерных войск;
- участие в разработке штатов инженерных войск;
- руководство оборонительным строительством;
- снабжение, учет и обеспечение войск средствами инженерного вооружения.

В Наркомате обороны руководство Главным военно-инженерным управлением и Управлением строительства укрепленных районов осуществлял в этот период заместитель наркома маршал Б.М. Шапошников.

Во временном Полевом уставе РККА 1936 г. (ПУ-36), в ст. 178 отмечалось, что инженерное обеспечение увеличивает темп наступления танков и пехоты и обеспечивает продвижение вперед артиллерии. Уставы требовали при подготовке к прорыву обороны противника оборудовать исходные районы в инженерном отношении. Главное внимание в ходе наступления уделялось вопросам инженерного обеспечения продвижения танков, непосредственной поддержки пехоты и эшелонов развития успеха армии и фронта. Соответствующее внимание в уставах отводилось и инженерному оборудованию позиций войск при переходе их к обороне. Инженерное оборудование позиций войск должно было обеспечить упорство и активность обороняющихся войск.

В соответствии с этими требованиями ГВИУ в июне 1941 г. издало инструкцию об укреплении полевых позиций. Вся система обороны армии в инженерном отношении должна была представлять ряд оборонительных полос (глубина обороны армии – 60–100 км) из укрепленных районов обороны и из полос заграждений по всей глубине обороны армии. Задачи по инженерному оборудованию местности должны были выполнять части, занимающие оборону. Инженерные части и подразделения использовались для возведения самых сложных сооружений.

Перед Великой Отечественной войной ГВИУ, занимавшееся преимущественно инженерным снабжением и боевой подготовкой, не имело органа по инженерной разведке, а также управлению инженерными войсками в ходе боевых действий. Приказом Ставки Верховного Главнокомандования от 28 ноября 1941 г. «О недооценке инженерной службы и о неправильном использовании инженерных войск и средств» определялись важнейшие принципы боевого применения инженерных войск – строго по назначению и массированно на важнейших направлениях. Приказом вводилась новая организационная структура органов управления инженерными войсками. Новые органы управления инженерными войсками, созданные в конце 1941 г., организационно сложились к лету 1942 г.

Задача обеспечения оборонительных действий потребовала от инженерных войск широкого применения инженерных заграждений всех видов, особенно минно-взрывных. Поэтому организация массового производства, прежде всего минно-взрывных средств, с первых дней войны явилась важнейшей задачей ГВИУ КА. За военный период было принято и освоено производством более сорока типов и вариантов мин и взрывателей. Всего войска получили:

- 24 837,5 тыс. противотанковых мин;
- 40 443,8 тыс. противопехотных мин;
- свыше 34 тыс. т ВВ.

За период войны было создано и модернизировано в общей сложности 186 наименований различных инженерных средств.

Постановление СНК СССР от 6 августа 1941 г. о поставке средств инженерного вооружения послужило толчком для быстрого увеличения производства переправочных средств.

Из основных средств инженерного вооружения за годы войны было произведено:

- грейдеров тяжелых ГТМ – 314;
- скреперов – 543;
- миноискателей типа ВИМ – 246 112;
- подрывных машинок – 30 371;
- лопат пехотных, саперных и др. – 34 652 400;
- топоров военных и плотничных 7 309 100.

Центральным органом, ведавшим вопросами инженерного вооружения и снабжения, являлось Главное военно-инженерное управление. К концу 1941 г. в его составе создается два самостоятельных управления: Управление заказов инженерного вооружения (УЗИВ) и Управление инженерного снабжения (УИС).

Увеличение количества боевой техники в войсках обуславливало дальнейшее совершенствование форм и способов ведения боевых действий, что, в свою очередь, вызывало потребность в проведении ряда организационных мероприятий в Красной армии. Эти мероприятия коснулись и инженерных войск. В первой половине 1942 г. была проведена реорганизация центральных органов управления. С апреля 1942 г. начальником инженерных войск Красной армии становится генерал-майор инженерных войск М.П. Воробьев. Ему были подчинены все органы центрального аппарата управления инженерными войсками. Вопросами заказов средств инженерного вооружения и инженерного снабжения ведало ГВИУ, которым руководил генерал-майор И.А. Петров. В ГВИУ входило также Управление оборонительного строительства, возглавляемое генерал-майором Б.А. Оливетским.

Структура органов управления инженерными войсками в первый послевоенный период была в основном такой же, что сложилась в ходе Великой Отечественной войны. Начальником инженерных войск Советской армии до мая 1951 г. был маршал инженерных войск М.П. Воробьев. С мая 1951 г. по февраль 1965 г. – генерал-полковник (впоследствии маршал) инженерных войск А.И. Прошляков.

В «Сборниках материалов по изучению опыта войны (1941–1945 гг.)» и «Сборниках исторических материалов», «Сборниках тактических примеров», «Информационных бюллетенях» и других изданиях, трудах военных академий, в военно-исторических монографиях, в «Военно-инженерном журнале», дру-

гих публикациях нашел свое отражение комплекс вопросов боевой деятельности инженерных соединений, частей и штабов инженерных войск фронтов и армий в годы Великой Отечественной войны. Большой вклад в исследование и пропаганду боевой деятельности инженерных войск в годы войны и послевоенное время внес профессорско-преподавательский состав Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева – при разработке учебников, пособий и написании монографий по различным областям военно-инженерного искусства.

Уже в первые послевоенные годы была проделана значительная работа по созданию и освоению новых образцов инженерной техники и разработке новых способов выполнения инженерных задач:

- созданы новые и усовершенствованы действующие средства инженерной разведки – в частности, оптические приборы (ПИР, ПИР-20, ПФП-5, ПДФ, ДСП-30 и др.); а для обнаружения мин и снарядов – миноискатели (ВИМ-625, позднее – ВИМ-625-В2). С 1949 г. – УМИВ-1;

- для преодоления узких препятствий в 1948 г. была начата разработка мостокладчика на танковой базе – МТУ (мост танковый универсальный). Мост устанавливался за 2–3 мин. и был предназначен для установки 50-тонного однопролетного моста через препятствие шириной до 11 м;

- получили дальнейшее развитие средства преодоления водных преград: надувная лодка НЛ-5, десантные лодки НДЛ-10, НДЛ-20 (из прорезиненной ткани); десантная складная лодка ДЛ-10 (из бакелизированной фанеры: состояла из 2-х полулодок со складывающимися бортами. Грузоподъемность полулодки – 1,5 т, а лодки – 3 т);

- для десантной переправы пехоты, легких артиллерийских систем и других войсковых грузов массой до 3,5 т – разработан большой плавающий автомобиль БАВ;

- совершенствовались понтонно-мостовые парки. Создан новый понтонный парк ТПП (усовершенствованный ТМТ), разработан легкий понтонный парк ЛПП;

- к 1949 г. разработана и принята на вооружение противотанковая мина ТМ-46 (ТМН-46). Корпус мины – металлический, масса – 8,6 кг, масса заряда ВВ – 5,7 кг; а также противопехотные мины ПМН (1949), ОЗМ-3 (1951) и ОЗМ-УВК (1952);

- дорожные машины заменялись более совершенными. Так, например, были приняты для использования новые бульдозеры Д-271 и Д-259, скрепер Д-222. В дальнейшем в результате модернизации войска получили ЭТР-152 (экскаватор траншейный роторный).

Управление начальника инженерных войск (УНИВ) – прямой последователь ГИУ. В сложнейших условиях реформирования Вооруженных сил УНИВ внес достойный вклад в дело сохранения и приумножения оборонного потенциала страны. Продолжалось становление и развитие инженерных войск, оснащение их современными образцами военной техники. Неоценим вклад коллектива Управления в развитие науки и образования, совершенствование техники и тактики инженерных войск. Разрабатывались и внедрялись в войска отвечающие требованиям современности концепции подготовки инженерных кадров, использования частей и подразделений для обеспечения выполнения поставленных задач.

Благодаря этому инженерные войска принимают в настоящее время активное участие во всех войнах и военных конфликтах по защите независимости нашего Отечества и установления и поддержания конституционного порядка в России. Так, инженерные войска принимали участие в:

- обеспечении боевых действиях на земле Афганистана. Полковник инженерных войск Г.К. Лошкарев – первым в Вооруженных силах стал кавалером ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР»;
- ликвидации последствий землетрясения в Армении (1988);
- ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС;
- обеспечении боевых действиях по ликвидации незаконных бандформирований в Чеченской республике.

Таким образом, и в настоящее время под руководством УНИВ инженерные войска продолжают принимать активное участие в решении поставленных перед ними задач, в преодолении чрезвычайных ситуаций и в обеспечении действий войск в вооруженных конфликтах и миротворческих операциях. В ноябре 2002 г. Управление начальника инженерных войск отметило свой юбилей – 200-летие образования (как правопреемник ГИУ, Инженерного департамента, ГВИУ и пр.).

1. Исторический очерк Главного инженерного управления за время его существования с 24 декабря 1862 г. по 20 декабря 1913 г., т. е. времени переименования его в Главное военно-техническое управление (ГВТУ).
2. Положение и штат Главного ВИУ ВК КА. 1921 г. 42 с. // ВИМАИВиВС. Фонд инженерно-документальный. Инв. 22/1494.
3. Биография генерала Шильдера К.А., написанная Ц. Кюи // Там же. Инв. 22/2997.
4. Биография Э.И. Тотлебена, написанная профессором Ц. Кюи // Там же. Инв. 22/2998.
5. Дело об организации военно-инженерного управления в действующей армии. 1914–1918 гг. // Там же. Инв. 22/446.
6. Ивков Д.П. Исторические записки // Инженерный журнал. 1911. № 9.
7. Копии документов Канцелярии Главной артиллерии и фортификации об изобретении понтонов А. Немым в 1758 г. // ВИМАИВиВС. Фонд инж.-док. Инв. 22/889.
8. Маршалы инженерных войск. М., 1997 г. // Там же. Инв. 22/А-16237.
9. ПСЗРИ. Т. XLII. Ч. 1. СПб., 1830.
10. Положение о Главном военно-техническом управлении с подлинными подписями начальника ГВИУ Ропша и начальника административного отдела Ивкова // ВИМАИВиВС. Фонд инж.-док. Инв. 22/559.
11. Послужной список помощника начальника ГИУ военного инженера генерал-лейтенанта К.И. Величко. Март 1908 г. // Там же. Инв. 22/533.
12. Приказ Народного Комиссариата по военным делам № 568 от 20 июня 1918 г. по личному составу. На 2-х л. // Там же. Инв. 22/А-10005.
13. Приказ Народного Комиссариата по военным делам от 15 июля 1918 г. о переименовании ЦВТУ в Главное военно-инженерное управление. На 2-х л. // Там же. Инв. 22/А-9997.
14. Проекты, доклады о реорганизации инженерных войск // Там же. Инв. 2/448.
15. Проект Положения о Главном инспекторе инженеров. // Там же. Инв. 22/457.
16. Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России. Ч. IV. СПб., 1889.
17. Фабрициус И.Г. Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра 1. Очерк 1. СПб., 1903.
18. Фабрициус И.Г. Главное инженерное управление. – Столетие Военного Министерства. СПб., 1902. Т. VII.
19. Штейнгель. Хронологический указатель постановлений относительно до устройства вооруженных сил с 1550 по 1890 гг. СПб., 1890.
20. Энциклопедия Сытина. Т. 10. 12. СПб., 1904.
21. Юшкова Л.А. Военные инженеры XVIII столетия // Бомбардир. № 12. 2000.

Документы из Инженерно-документального фонда (номенклатуры 22 и ВС):

- 22/225 (кеу 2165) – Дело № 6. Начальник инж.-в 5 арм. Минно-подрыв. Работы в армии. 1916 (19/1)
- 226 – Дело № 5. Руководящие приказы разных частей войск за 1916 г. (19/1)
- 231 – Дело № 12. Начальник инж. 5-й армии. Наставления, брошюры и описания 1916–1917 гг. (19/1)
- 254 – Наставления, приказы, инструкции и т. д. армиям Сев. Фронта. 1916–1917 гг. (19/2)

- 258 – Доклад члена комиссии л 1, постоянного члена инжкома ГВИУ – Веселого – по инспектированию 5-го отдела ЦУ ПВОСО 1922 г. (6/2/1)
- 296 – Тетрадь. Памятки и листовки, изданные нач-ком инженерных войск Центр. Фронта г-м Прошляковым. 1943 г. (2/2/13)
- 309 – Журнал № 200 Инж. к-та ГВИУ за 1924 г. об устройстве подземных артилл. складов. (19/3)
- 322 – Вступительная речь ген-инженера по инженерной части при открытии совещания для доработки вопросов и влияния современного воен. искусства на развитие инж-го дела. 1905 г. (19/3)
- 323 – Программа занятий особого совещания, учрежд. г/инсп-м по инж. части приказом по Гл. инж. управлению от 11 мая 1905 г. № 1. (19/3)
- 324 – Журнал инж. ком-та ГВИУ по вопросу о предложении Белинского «Крепость-лес» 1923 г. (19/3)
- 326 – Доклад 4-й бюджет подкомиссии по сметам воен. м-ва на 1908 г. со сметой Гл. Инж. управления на 1908 г. (19/3)
- 406 – Доклад гл. инженера Управления о реорганизации и обучении ж/д войск. 1908 г. (19/3)
- 424 – Доклады п-ка Новикова комиссии при ГВИУ об устройстве артиллерийских 1905 г. (19/3)
- 446 – Дело об организации военно-инженерного управления в действующей армии 1914–1918 гг. (20/4)
- 448 – Проекты, доклады, о реорганизации инж. войск РА 1903 г. (20/4)
- 449 – Доклад по автомобильному делу ГВИУ РККА 1923 г. (20/4)
- 457 – Проект положения о главном инспекторе инженеров. (20/4)
- 528 – Рапорт Величко в ГИУ о состоянии издания справочной книги для инженеров и саперов офицеров 1896 г. (19/3)
- 533 – Послужной список пом. нач-ка ГИУ в/инж-ра г/.....Величко. Март 1908 г. (19/3)
- 544 – Величко 1911 г.
- 550 – Дело. Приказы по ГИУ за 1908 г. (134 л.) (5/3/11)
- 551 – Дело. Приказы по ГИУ за 1911 г.
- 557 – Журнал заседаний комитета ГВИУ за 1911, 1912, 1913 гг. с прилож. чертежами. (6/2)
- 559 – Положение о Гл. военно-техн. Управлении с подлинными подписями нач-ка ГВИУ Роппа и нач-ка административного отдела Ивнова. (6/4/11)
- 561 – Дела. Расходные док-ты по типографии ГИУ за 1901–1906 гг.
- 562 – Журналы вход. исход. бумаг по типографии ГИУ за 1906–1909 гг. (6/4/1)
- 564 – Журнал вход. и исход. бумаг генерала для особых поручений при ГВИУ Беленченко за 1898 г. и 1900–1902, 1905 г. (5/4/1)
- 566 – Приказ по инж. корпусу от 13 мая 1853 г. о практич. работах в саперных б-нах в 1852 г. (5/4/2)
- 568 – Журнал заседания комиссии ГИУ для обсуждения вопроса о мерах к улучшению 4 мая 1882 г. (5/4/2)
- 609 – Доклад, записка генер. для поручений при ГВИУ Беленченко по вопросу снабжения войск инж-м имуществом с историч. обзором (13 л.). (5/3/9)
- 615 – Дело Гл. Управ. Генштаба сношения с ГИУ по общим вопросам. (12/3)
- 705 – Брошюра. Как замаскировать окоп зимой. Памятка бойцу и мл. командиру. ГВИУ КА изд. 1942 г. (2/2/12)
- 813 – Записка о состоянии нашего крепост. дела (комиссия при ГИУ) 1900 г. (12/1)

- 815 – Дело. Сношение с ГИУ 1913 г. (12/1)
- 842 – Книга, гл. III «О минах для памятной книги, издаваемой Воен.-учен. Комитетом инженерного отделения для инж. и саперн. инж. 1641 г. Перевод с франц. Э. Тотлебена. 20/2
- 889 – Копии док-тов канцелярии Гл. арт. и фортификации об изобретении понтонов А. Немым в 1758 г. (6/4/4)
- 1063 – Тезисы докладов по ГВИУ к съезду командующих. Авг. 1921 г. (пом-к нач-ка ГВИУ Невский). (3/2)
- 1065 – Приказ № 251 по ГВИУ РККА с назначением на должности лиц, служащих в ГВИУ 19 сент. 1922 г. (3/2)
- 1069 – Копия № 569 инж. ком-та ГВИУ РККА (предс. В/инж. Карбышев) 1 август. 1923 г. (32)
- 1207 – Подшивка журналов технич. Комитета Главного военно-технич. Управления за 1916 г. (18/4)
- 1208 – Подшивка журналов технич. Комитета Главного военно-технич. Управления за 1918–1921 гг. (19/2)
- 1210 – Журналы (подшивки) инж. комитета ГВИУ за 1923 г. (19/2)
- 1212 – Журналы (подшивки) инж. комитета ГВИУ за 1922 г. (19/2)
- 1213 – Журналы (подшивки) инж. комитета ГВИУ за 1917 г. (19/2)
- 1214 – Журналы (подшивки) инж. комитета ГВИУ за 1915 г. (19/2)
- 1418 – Удостоверение личности п-ка Оливетского Б.А. – нач-ка Управления оборонительного строительства в ГВИУ КА 1942 г.
- 1494 – Брошюра «Положение и штат Глав. ВИУ РККА» 1921 г. 42 стр. (3/3/1)
- 1495 – Приказ № 251 по ГВИУ РККА от 19 сент. 1922 г. о назначении на должности согласно штата ГВИУ. (3/3/1)
- 2134 – Журнал крепостной комиссии № 30 1913 г. о выработке новых эспланадных правил для крепостей империи.
- А-6609 (22/155) – Копия письма нач-ку отдела изобретений при «ВИУКА тов. Цигельнику».
- А-6610 (22/156) – Копия письма нач-ку отдела изобретений ГВИУ КА п-ку Цигельнику, подпись конструктор Белов Н.П. 1943 г.
- А-6615 (22/157) – Копия. Выписка из письма УЗИ ВГВИУ КА от 14 июня 1945 г. нач-ку 6 Гл. Упр. Наркомата боеприпасов ген-майору Землеруб за подписью ген.-майора инж. войск Пименец.
- А-8768 (22/267) – Копия письма Эроша Н.И. – нач-ку ГВИУ.
- А-8899 (22/306) – Удостоверение № 84589 Волкова П.М. выдано в декабре 1919 г. ГВИУ.
- А-8908 (22/308) – Удостоверение ВТУ. Выдано Волкову П.М. в июне 1918 г.
- А-12137 (1056) – «Управление инж. службой в обороне», «Задачи инж. службы» – ст. в газ. «Красная Звезда». Машинопись.
- А-15081 – Материалы, посвященные 100-летию со Дня рождения первого начальника инженерного управления РККА комкора ПЕТИНА Н.И. Машинопись, копия.
- А-15344 – (Фонд В.Н. Ускова). Временное «Положение о строительных колоннах на оборонительном строительстве УОС». ГВИУ РККА. 1942 г.
- А-16237 – Очерк «Маршалы инженерных войск». М., 1997 г.

Е.В. Бей (Москва)

ВОЕННЫЙ МИНИСТР ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ А.А. ПОЛИВАНОВ И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА ВООРУЖЕНИЯ 1915–1916 ГОДОВ

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ ПОЛИВАНОВ – известная фигура в отечественной историографии Первой мировой войны (1914–1918). К личности этого военного и государственного деятеля последнего десятилетия монархии историки в общем относятся благожелательно, характеризуя генерала как принципиального, ответственного сторонника реформ и блестящего администратора. Принято считать, что за недолгое время управления Поливановым Военным министерством (с июня 1915 по март 1916) острый кризис в снабжении армии был в целом преодолен. В данной статье мы постараемся выяснить, насколько верны данные утверждения, поставив рассматриваемую персоналию отечественной истории на должное место.

Алексей Андреевич родился 4 марта 1855 г. в семье потомственных дворян Костромской губернии¹. Получил прекрасное образование, окончив Николаевское инженерное училище в 1874 г., Николаевскую инженерную академию в 1880 г. (по 1-му разряду) и Николаевскую академию Генерального штаба в 1888 г. (первым в своем классе). Участвуя в Русско-турецкой войне (1877–1878) был тяжело ранен пулей навылет в правую сторону груди в бою под Горным Дубняком². Последствием ранения оказалась утрата подвижности в плече и шее, «лицо Алексея Андреевича было свернуто несколько набок, его часто всего передергивало»³.

Однако, несмотря на физический недостаток, Поливанов уверенно поднимался по ступеням военной карьеры и с успехом

служил сначала в Киевском военном округе, а потом в Главном штабе, где был редактором официальных ведомственных изданий: журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид». Следует отметить, что до пятидесятилетнего возраста карьера Алексея Андреевича ничем особенным не отличалась от карьеры заурядного офицера Генерального штаба того времени.

Русско-японская война (1904–1905) отвлекла существенную часть офицеров Генерального штаба на фронт, и этот фактор в том числе повлиял на стремительный карьерный рост генерал-майора (произведен за отличие в 1899 г.)⁴, достигшего всего за полтора года поста товарища (помощника) военного министра империи. В этой должности Поливанову приходилось обычно выступать представителем Военного министерства в законодательных учреждениях. Начиная с 1906 г. генерал сблизился с членами комиссии Государственной думы по обороне, особенно с А.И. Гучковым – одним из основателей и председателем либерально-консервативной партии «Союз 17 октября». Ум, высокая работоспособность, а также блестящие административные навыки способствовали популярности Алексея Андреевича в среде представителей Думы и общественности. В свою очередь такое положение значительно облегчало проведение законопроектов, однако в придворных кругах вызвало обвинения Поливанова в «левизне».

Чем ближе он становился к А.И. Гучкову, тем дальше отстранял его на задний план военный министр генерал В.А. Сухомлинов. В конце концов, в 1912 г. товарищ военного министра был отстранен от занимаемой должности с оставлением членом Государственного совета. Основной причиной послужил скандал, раздутый Гучковым при содействии Поливанова вокруг жандармского подполковника С.Н. Мясоедова с целью пропаганды «заслуг» октябристов в деле государственной обороны, дискредитации военного министра и последующей его замены генералом Поливановым. В 1912 г. эта интрига провалилась, но во время войны у ее авторов появился шанс добиться реванша⁵.

В 1915 г. выявившийся острый недостаток боевого снабжения и другие недочеты Военного министерства стали предметом усиленной критики думских либералов, упрекавших военные и государственные структуры в коррупции и неспособности наладить дело. Персональная же ответственность возлагалась на военного министра В.А. Сухомлинова.

Помощник военного министра генерал-лейтенант А.А. Поливанов и товарищ морского министра вице-адмирал И.К. Григорович. 1910 г.

В начале мая председателю Государственной думы М.В. Родзянко удалось добиться от Николая II осуществления предложения торгово-промышленных кругов по созданию Особого совещания по обороне под председательством военного министра⁶. Эта инициатива была немедленно поддержана Верховным главнокомандующим – великим князем Николаем Николаевичем, так как задуманное Совещание должно было стать связующим центром между общественными организациями, военной промышленностью и фронтом (т. е. Главковерхом).

Ближайший сотрудник председателя Госдумы Я.В. Глинка в своем дневнике отмечал, что «Сухолинов сперва противодействовал утверждению этого Совещания, потом ухватился за него, думая таким образом упрочить... свое положение»⁷. 14 мая генерал Сухолинов внес в Совет министров проект Положения об Особом совещании.

Создание «Особого совещания для объединения мероприятий по усилению снабжения действующей армии главнейши-

ми видами довольствия», где председательствовал Сухомлинов, еще более обострило давние противоречия между ним и Николаем Николаевичем, поскольку последний стремился к тотальному подчинению себе тыла армии. Планы Ставки были решительными – там искали опоры в общественности, причем иногда этот поиск слабо маскировался соображениями тактического характера⁸. В итоге, Верховный главнокомандующий сумел добиться отставки Сухомлинова, скомпрометировав его «шпионским» мясоедовским «делом», которое было организовано при сильнейшем давлении на суд со стороны великого князя и генерала Поливанова. «Доверие к Сухомлинову окончательно подрывалось, говорили даже об измене. Непокколебимой оставалась только вера в верховного главнокомандующего в. к. Николая Николаевича», – вспоминал М.В. Родзянко⁹.

При поддержке Верховного главнокомандующего Поливанов назначен сначала управляющим Военным министерством, а с 10 сентября 1915 г. военным министром, возглавившим по должности Особое совещание по обороне государства. В Ставке ликовали, там уже открыто обсуждались подробности нового политического курса «на общественность», принятого по настоянию Главковерха¹⁰. Думские друзья Алексея Андреевича рекламировали нового министра как безупречно честного и принципиального человека, приписывая ему все положительное, что было сделано в армии в предвоенные годы. Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов отмечал, что качества политика были в высшей степени присущи личности Поливанова: «Знающий себе цену и честолюбивый, он с нетерпением ожидал благоприятной минуты, чтобы выдвинуться на первый план и занять подобавшее ему место. По убеждениям своим он примыкал к либеральным партиям»¹¹. Подобная замена была явной уступкой общественности, тем более ожидалось скорое открытие четвертой сессии Государственной думы IV созыва, и было очевидно, что деятельность Сухомлинова – преданного монархиста и доверенного лица императора – была бы подвергнута в ней беспощадной критике.

Почти сразу же по вступлении в должность военный министр заявил французскому послу Ж.М. Палеологу о том, что русские смогут снова начать двигаться вперед уже «к концу декабря»¹². Поражения России в военной кампании 1915 г. практически

обескровили русскую армию. Поэтому для выполнения таких громогласных заявлений требовалось привести в надлежащее состояние систему подготовки и пополнения личного состава. Чтобы обеспечить призываемый контингент и Действующую армию всем необходимым, следовало разрешить проблемы плохого материально-технического обеспечения войск, нехватки оружия и «снарядного голода».

**Российский политический деятель
А.И. Гучков. 1910 г.**

Ответом Поливанова стало поднятие призывных квот и призыв групп запасников, прежде освобожденных от службы (единственных кормильцев, ратников II разряда и т. д.). В результате за сравнительно короткий срок русская армия получила дополнительно около двух миллионов человек¹³.

Другой вопрос, насколько подготовленными оказались поставленные под ружье новобранцы, которых даже стали называть «поливановцами»? Специалист по российской военной истории У. Фуллер справедливо замечает, что далеко не все были в хорошей физической форме, учитывая увеличенный призывной возраст; более того, путь от призывного пункта до маршевой роты и далее в окопы на передовую был столь стремительным, что новые рекруты успевали пройти лишь первичную подготовку¹⁴. Сложившуюся ситуацию усугублял острый недостаток унтер-офицеров и офицеров – за первый год войны выбыл из строя едва ли не весь кадровый офицерский состав¹⁵. Естественно, что

в отсутствие компетентных инструкторов новые рекруты и на фронте мало чему могли научиться.

Следует отметить, что ситуация с артиллерийским снабжением, военной амуницией также улучшилась. Возглавив Особое совещание по обороне, Поливанов сразу же расширил его состав, делая упор на представителей «общества», в том числе и только что возникшее детище А.И. Гучкова – Военно-промышленный комитет.

В августе 1915 г. работало уже пять Особых совещаний – государственных учреждений для руководства различными отраслями военной экономики. Они имели многочисленные комитеты и комиссии, а также своих представителей на местах. При необходимости согласования действий всех Совещаний собирались объединенные заседания под председательством военного министра¹⁶.

Теперь, по примеру других воюющих стран, экономика (и практически вся тяжелая промышленность) страны была сосредоточена на удовлетворении потребностей армии. К концу 1916 г. 1800 фабрик и заводов были заняты исключительно в военном производстве; 604 из них изготавливали боеприпасы, причем за год стоимость их продукции (с учетом инфляции) утроилась¹⁷. В 1916 г. отечественной промышленностью было произведено 3721 трехдюймовое орудие, по сравнению с 1349 в 1915 г. Столь же впечатляющие результаты были достигнуты в производстве снарядов – в 1915 г. с конвейеров сошло почти 10 млн штук, и почти 31 млн в следующем году¹⁸.

Говоря о недостатках аппарата Особых совещаний, следует отметить его громоздкость. «Совещание было слишком многоголовым, чтобы быть рабочим и достаточно продуктивным: 50–60 человек, да еще такого разношерстного состава», – вспоминал бывший начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал А.А. Маниковский¹⁹. К тому же работа Совещаний затруднялась сложной системой прохождения дел и взаимодействия с военным ведомством.

В результате эта система не привела ни к рационализации, ни к централизации экономики и, напротив, стала источником дублирования функций, злоупотреблений и непроизводительных расходов. В своем военно-историческом исследовании Е.З. Барсуков так охарактеризовал вышеозначенную проблему: «Воен-

Заседание Государственной думы. 1915 г.

ный министр, как председатель особого совещания, которое было при нем лишь “совещательным” органом, являлся якобы полным хозяином дела, но на самом деле, как ставленник инициаторов и других более влиятельных членов совещания, он был послушным орудием в их руках и они делали, что хотели и что сулило им извлечь побольше личных выгод из войны. Особое совещание состояло главным образом из таких “общественных деятелей”, которые ставили себе задачу – доказать во что бы то ни стало, во-первых, полную несостоятельность военного ведомства в деле обеспечения армии боеприпасами, а во-вторых, что “спасение родины” находится в их руках»²⁰.

Для оптимальной работы промышленности в условиях Первой мировой войны требовалась экономическая диктатура, но в широких кругах общества, как и в промышленных кругах, даже сама эта идея вызывала резко отрицательное отношение. В ежегоднике газеты «Речь» за 1915 г. – центральном органе кадетской партии – между прочим заявлялось, что «свободная промышленность, опирающаяся на принципах личной инициативы

и свободной предприимчивости, скрывает в себе гораздо больше творческих сил, более действенных, чем промышленность, находящаяся под режимом принуждения и внешней регламентации»²¹. Налицо была слабость государственной власти, в целом, и ее экономической политики, в частности, не позволявшая изменить складывающуюся тенденцию.

Когда в декабре 1914 г. и феврале 1915 г. ГАУ и военный министр В.А. Сухомлинов вновь, как и в первые дни войны, обратились в Совет министров с предложением утвердить проект «об особом положении» в государственной военной промышленности, правительство опять не поддержало его²². В итоге Совет министров трижды отклонял законопроект о милитаризации заводов, работавших на оборону. «Несомненно, что он боялся рабочих. Так же точно он не смел по-настоящему бороться со злоупотреблениями промышленников», – заключал в своем исследовании известный военный теоретик Н.Н. Головин²³.

В целом нельзя отрицать положительной роли созданных Особых совещаний, в особенности «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства», ставшего ключевым институтом в расширении участия российской промышленности в работе на нужды фронта.

Совершенно другое дело – военно-промышленные комитеты (ВПК). Идея их создания была провозглашена во время IX торгово-промышленного съезда, проводившегося в Петрограде в конце мая 1915 г. Организованные буржуазией ВПК стали важным событием, как в экономической, так и в политической жизни страны. Созданные под лозунгами помощи в деле снабжения армии, они быстро разрослись в мощную общероссийскую организацию, претендующую в своей деятельности на исполнение ряда государственных функций и руководившую работой многих тысяч предприятий России.

Еще одним важным следствием съезда стало создание 27 июля Центрального ВПК под председательством единогласно избранного А.И. Гучкова. Комитеты очень быстро начали возникать в разных городах. В целях установления своего контроля над политической жизнью страны Военно-промышленные комитеты создавались даже там, где не было не только военной, но и вообще любой промышленности (в Андижане Ферганской обл., Кургане Тобольской губ., Петропавловске Акмолинской губ., Дагес-

тане и др.). Бесполезность этих учреждений для нужд обороны признавалась даже их организаторами²⁴. К 1916 г. было создано 220 местных ВПК, объединенных в 33 областных.

С приходом генерала А.А. Поливанова в Военное министерство кредиты, отпускаемые ВПК, постоянно росли. На 15 сентября 1915 г. комитетам было отпущено 7500 тыс. р. На 1 октября – 8500 тыс. р. На 1 ноября – 12 619 тыс. р. Резко и совершенно непропорционально росли и выдаваемые авансы. В результате к декабрю 1915 г. из выделенных ВПК 15 954 457,25 р. авансом было выплачено 12 932 346,81 р., т. е. свыше 81 %²⁵. Насколько оправдано было такое доверие? Учитывая то, что колос-

**Управляющий Военным министерством генерал А.А. Поливанов, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и Начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич в Ставке.
13 июня 1915 г.**

сальная нажива частных предпринимателей на военных поставках ни у кого не вызывала сомнений, и ее не отрицали даже сами поставщики. На заседании Совета министров 3 ноября 1915 г. была отмечена «чрезмерная преувеличенность цен по передаваемым частной промышленности заказам». В журнале заседаний это подтверждалось сопоставлением тех цен, которые назначали частные заводы, с теми, по которым работали казенные заводы горного ведомства. Был приведен и самый разительный пример «непомерного подъема цен»: «стоимость 3-дюймовых полевых пушек, изготовляемых казенными заводами по нормальной цене 3750 руб.», обходилась при заказе час-

тным заводам «в 7000 руб., 9000 руб. и даже 12 000 руб. за оружие»²⁶. Более того, производимая для нужд армии продукция зачастую была низкого качества, а то и вовсе не годной. Так, хотя в 1915 и 1916 гг. военно-промышленные комитеты действительно отгрузили фронту более 14 млн ручных гранат – почти половину всех поставок за эти годы, – проведенные в 1916 г. полевые испытания показали, что до 65 % полученных гранат были браком: они не взрывались²⁷.

Свои недочеты вынуждены были признавать и сами представители военно-промышленных комитетов. 10 мая 1916 г. на заседании ЦВПК руководство организации докладывало о выполнении комитетами к 1 мая всего 25 % обусловленных к этому времени заказов по предметам артиллерийского снаряжения и 50 % – по предметам интендантского снабжения²⁸.

По замечанию бывшего министра промышленности и торговли В.Н. Шаховского, из достижений ВПК вместо работы «по восполнению армии» «на первое место следует отнести организацию широкой и бессовестной рекламы»²⁹. Например, для пропаганды своей продуктивной деятельности ЦВПК специально открыл в Сибири ящичный завод, изготавливающий ящики для боевого снаряжения, отправляемого на фронт. Ящики поставлялись почти на все заводы России, работавшие на оборону, и таким образом почти все боевое снаряжение, получаемое на фронте в ящиках с инициалами ЦВПК, создавало ложное понятие о необыкновенной продуктивности этой общественной организации, являющейся чуть ли не единственной полезной в деле снабжения армии³⁰. При том, что по данным Главного артиллерийского управления к осени 1915 г. от ЦВПК не было получено ни одного снаряда, а боеприпасы в ящиках с надписью «Снарядов не жалеть – Центральный Военно-Промышленный Комитет» – появились уже в августе 1915 г.³¹

Чрезвычайно важно отметить и тот факт, что до августа 1915 г. комитеты действовали вообще без официально утвержденного положения. Особенно если учесть, что за счет казны стала возникать неконтролируемая государством параллельная система управления, которая сразу же поддержала великого князя Николая Николаевича в его борьбе с В.А. Сухомлиновым. Все это было фактически первым шагом для взрыва власти изнутри³². Впоследствии истинную картину «работы на фронт»

**Военный министр генерал от инфантерии
Алексей Андреевич Поливанов. 1915 г.**

отразил А.И. Гучков, когда в январе 1917 г. была арестована Рабочая группа ВПК: «И вот таким образом мы, мирная, деловая, промышленная, хотя и военно-промышленная организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей практической программы переворот, хотя бы и вооруженный»³³.

Добравшись до министерского кресла, Поливанов все дальше углублялся в политику, в то время когда армии нужен был военный министр – интендант и организатор. В итоге все возрастающее недоверие Николая II к генералу вылилось в его увольнение. В письме от 13 марта 1916 г., которым император извещал Поливанова о своем решении, значилось: «К сожалению, я пришел к заключению, что мне нужно с Вами расстаться. В эту великую войну военный министр является, в действительности, главным начальником снабжения армии по всем видам довольствия. Кроме того, ему приходится объединять и направлять деятельность военно-промышленных комитетов для той же единой цели... Деятельность последних мне не внушает доверия, а руководство Ваше этой деятельностью недостаточно властно в моих глазах...»³⁴

«Причина ухода Поливанова родилась в день назначения его на должность военного министра, царь не мог спокойно принять этого своего шага, сделанного как уступка Государственной Ду-

ме по политическим соображениям. Такие министры у нас не терпят долго», – отмечал в своем дневнике бывший военный цензор в Ставке М.К. Лемке³⁵.

Но помимо этой очевидной была и еще одна причина увольнения столь популярного в обществе министра. По мнению современного историка О.Р. Айрапетова, отставка Поливанова тесно связана с провалом Нарочской операции (5 (18) – 17 (30) марта 1916), когда обнаружился тот факт, что снарядный голод не был преодолен в той мере, какая необходима для успешного наступления. «Неудивительно, что эта неудача совпала с отставкой военного министра, который пришел в свое ведомство под лозунгом решения проблемы снабжения фронта всем необходимым»³⁶.

Подводя итог сказанному, еще раз отметим, что генерал от инфантерии А.А. Поливанов представлял собой одну из крупных фигур в высших военно-административных сферах русской армии. Летом 1915 г. этот человек стал символом «нового курса» во внутренней политике государства. Восстановление российской военной мощи традиционно приписывается мудрости Алексея Андреевича, а также экономической рационализации, достигнутой созданием системы особых совещаний. Бесспорно, что за время его министерства была частично решена проблема пополнения армии личным составом, улучшены поставки вооружения и боеприпасов. Однако не стоит упускать из виду и тот важный фактор, повлиявший на очевидное восстановление русской армии, что германский Восточный фронт с осени 1915 до весны 1916 гг. был относительно неподвижен.

Экономический и военный подъем 1916 г. часто приводится в качестве доказательства того тезиса, что царскому правительству следовало с самого начала войны подключить общественность к работе на нужды фронта и именно это решение было бы единственным шансом императорской России на победу в Великой войне. Однако эффективность военно-промышленных комитетов, покровительство которым оказывал генерал Поливанов, была гораздо ниже, нежели это пытались представить руководители организаций. ВПК часто не выполняли свои задачи, участвовали в противоправительственной политической деятельности, открыто соперничали с официальными государственными организациями, отвоевывая у них технический персонал и без того скудные запасы сырья³⁷.

Пользуясь своим льготным положением, часть крупных предпринимателей находила в военных заказах источник получения сверхприбыли, не останавливаясь перед махинациями финансового и политического характера. Союзы предпринимателей и либералов продемонстрировали свою несостоятельность уже в 1915 г. Гораздо удачней была их деятельность, направленная на расшатывание государственных устоев. Это и создание структуры управления, параллельной органам государства; дискредитация верховной власти как неспособной решать проблемы воюющей страны; наконец, пропаганда своих «достижений», довольно искусная и вполне современная по приемам³⁸.

Заканчивая статью, уместным будет акцентировать внимание на некоторых биографических подробностях последних лет жизни генерала.

После Февральской революции первый военный министр Временного правительства А.И. Гучков назначил А.А. Поливанова своим главным советником, председателем Особой комиссии по построению армии на новых демократических началах и председателем Комиссии по улучшению быта военных чинов. Как минимум странный выбор председателя, учитывая тот факт, что практически вся многолетняя служба генерала прошла в центральных управлениях Военного министерства в полном удалении от войск. «Ко мне правительством был командирован генерал, имя которого после возрождения нашей армии будет записано на позорную доску...», — отмечал в своем дневнике Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев в 1917 г.³⁹ Речь шла о Поливанове, активно работавшем в комиссии по выработке «Декларации прав солдата». Позже он так объяснил свою готовность преобразовывать армию вместе с Гучковым: «Что ж поделаешь?! Надо действовать в духе времени!»⁴⁰ Как отмечали составители дневников Поливанова, «Алексей Андреевич ... взял на себя эту работу и, связав свое имя со всеми реформами этого неудачного министра, поколебал к себе то уважение, которым он законно пользовался в рядах русской армии»⁴¹.

После Октябрьской революции некоторое время он оставался не у дел. Несмотря на демонстрацию своей лояльности новой власти, бывшему военному министру не удалось избежать арестов, проводимых ВЧК в рамках массовых репрессий, направленных против бывших царских офицеров и генералов. Первое за-

держание состоялось в конце июля – начале августа 1918 г.⁴² Два месяца Алексей Андреевич пробыл в заключении без предъявления каких-либо обвинений. После чего вышел из тюрьмы «с особым потрясением нервной системы»⁴³.

При советском правительстве отставному генералу назначили пенсию, вдобавок к этому он подрабатывал на дому – переводил книги для Комиссариата народного просвещения, оставаясь полезным и новой власти.

Второе задержание состоялось 28 мая 1919 г., но теперь арестованного уже выслали в Москву, где продержали в заключении вплоть до начала 1920 г. Выдержки из письма Поливанова в отделение Московского Политического Красного Креста, документы которого хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, позволяют в очередной раз убедиться, что в области политической интриги бывший военный министр был настоящим хамелеоном. В своем обращении он заявлял, что из-за неодобрения его политики по рабочему вопросу высшей властью «13 марта 1916 г. я был от должности министра уволен, оказавшись первым в России министром, уволенным за открытое выступление на пользу рабочего класса»⁴⁴. После ходатайства Политического Красного Креста бывшего генерала освободили.

Летом 1920 г. А.А. Поливанов вступил в Красную армию, получив должность члена военно-учебной редакции отдела службы, члена Военно-законодательного совета и особого совещания при главкоме. Во время войны с Польшей он в числе других членов совещания подписал воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», в котором призывал выступить на защиту Советской России. Во время советско-польских мирных переговоров, проводившихся в том же году в Риге, Алексей Андреевич, назначенный в состав советской делегации военным экспертом, заразился тифом, от которого и скончался 25 сентября 1920 г.⁴⁵ «Рассказывают, что перед смертью он завещал положить себя в гроб в генеральском мундире, со всеми пожалованными ему Государем отличиями», – вспоминал один из современников⁴⁶.

¹ Селиванов А.В. Род дворян Поливановых XIV–XX вв. Владимир-на-Клязьме, 1902. С. 44.

- ² Столетие военного министерства. 1802–1902. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. СПб. Т. III. Отд. VI. С. 305–306.
- ³ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. II. С. 360.
- ⁴ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1901 года. СПб., 1901. С. 998.
- ⁵ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914 год. Начало. М., 2014. С. 143.
- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
- ⁷ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 138.
- ⁸ Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция. 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 155; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1915 год. Апогей. С. 269.
- ⁹ Родзянко М.В. Крушение империи (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Русский архив. М., 1993. Т. 17–18. С. 88–89.
- ¹⁰ Айрапетов О.Р. Апогей. С. 282.
- ¹¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 356.
- ¹² Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания. 1914–1918. М., 1936. Кн. 2. С. 20.
- ¹³ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в Мировую войну. М., 1937. С. 263.
- ¹⁴ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 237.
- ¹⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 112.
- ¹⁶ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. II. С. 55.
- ¹⁷ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 369.
- ¹⁸ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 91, 105.
- ¹⁹ Маниковский А.А. Указ. соч. С. 72.
- ²⁰ Барсуков Е.З. Артиллерия Русской армии (1900–1917 гг.). М., 1948. Т. 1. С. 25.
- ²¹ Цит по: Марголин С. Мобилизация промышленности // Великая война. М., 2014. Т. 2. С. 184.
- ²² Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 48.
- ²³ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 61.
- ²⁴ Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 87.
- ²⁵ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 17; Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 138. Л. 31, 35–36.
- ²⁶ Особый журнал Совета министров от 3 ноября 1915 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 год. М., 2008. С. 483–484.
- ²⁷ Фуллер У. Указ. соч. С. 238.

- ²⁸ Речь. 11 мая 1916 г. № 128 (3511). С. 4; Айрапетов О.Р. 1916 год. Сверхнапряжение. С. 89.
- ²⁹ Шаховской В.Н. «Sic transit Gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917. Париж, 1952. С. 103.
- ³⁰ Айрапетов О.Р. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 7. С. 122–126.
- ³¹ Яхонтов А. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.) Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. № 7. СПб., 1996. С. 270.
- ³² Айрапетов О.Р. 1915 год. Апогей. С. 304; Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 98.
- ³³ Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике 1908–1917. Пг., 1917. С. 114.
- ³⁴ Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 205.
- ³⁵ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Мн., 2003. С. 396.
- ³⁶ Айрапетов О.Р. 1916 год. Сверхнапряжение. С. 80.
- ³⁷ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 193–201; Фуллер У. Указ. соч. С. 237–238.
- ³⁸ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003. С. 228.
- ³⁹ Из дневника генерала М.В.Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1927. С. 16, 55.
- ⁴⁰ Наумов А.Н. Указ. соч. С. 360.
- ⁴¹ Алексей Андреевич Поливанов // Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. / под ред. А.М. Зайончковского. М., 1924. Т. 1. С. 14.
- ⁴² Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 178.
- ⁴³ Обречены по рождению. По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб., 2004. С. 184.
- ⁴⁴ Там же. С. 96–97; ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 8409. Оп. 1. Д. 236. С. 184–187.
- ⁴⁵ Советская Военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 409.
- ⁴⁶ Наумов А.Н. Указ. соч. С. 360.

А.Н. Белков (Москва)

«БОЕВОЙ ПУТЬ» – ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ (1943–1944)

ПРОШЛО УЖЕ БОЛЕЕ 70 лет с момента окончания Великой Отечественной войны. И, тем не менее, в истории этого, пожалуй, самого кровопролитного противостояния до сих пор остается много «белых пятен», спорных и неоднозначных моментов. Одним из них является служба советских людей в антисоветских вооруженных формированиях, созданных нацистской Германией.

Что толкнуло их на этот шаг? Как они мотивировали свои поступки? Чего хотели добиться и на что вообще рассчитывали? Одним из источников, проливающих свет на эти вопросы, является периодическая печать этих формирований.

Рис. 1. К.П. Воскобойник

История Русской Освободительной Народной Армии (РОНА) началась осенью 1941 г., когда стремительное продвижение немецких войск и критическое положение сталинского правительства позволили активизироваться различного рода антисоветским элементам. Преподаватель лесотехнического техникума Константин Павлович Воскобойник (рис. 1) (в прошлом отбывший три года в исправительно-трудовых лагерях за участие в Тамбовском восстании 1921 г.) и инженер спиртзавода Бронислав Владиславович Каминский (также судимый, за участие в «чаяновской контр-

революционной группе»¹⁾ до войны проживали в пос. Локоть Брасовского района Орловской (ныне Брянской) обл. Эти люди изъявили желание помочь оккупантам в установлении «нового порядка», сформировав местное самоуправление и небольшой вооруженный отряд полиции²⁾. Постепенно самоуправление (главой которого был утвержден К.П. Воскобойник) и его «вооруженные силы» с одобрения германского командования увеличивались. Они же развернули и активную политическую деятельность – 25 ноября 1941 г. в локотской типографии отпечатали манифест, в котором сообщалось: «Сего часа приступила к работе Народная социалистическая партия России»³⁾. Программа этой партии предусматривала ликвидацию колхозного строя и развитие частного предпринимательства, что отвечало чаяниям некоторой части местного населения, в особенности крестьянства. Несколько позже был отпечатан приказ К.П. Воскобойника, предлагавший «...всем партизанам, оперирующим в Брасовском районе и ближайших окрестностях, а также всем лицам, связанным с ними, в недельный срок, т. е. не позднее 1 января 1942 г., сдать старостам ближайших селений все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации в Управление районного старосты в пос. Локоть... Все неявившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться без всякой пощады. Пора давно прекратить безобразие и приступить к организации мирной трудовой жизни...»⁴⁾ Отечественный исследователь И.Г. Ермолов сообщает, что реакция на этот приказ превзошла все ожидания: сотни партизан вышли из лесов и сдались вместе с оружием, многие из них пополнили ряды полиции⁵⁾. Такое положение встревожило партизанское руководство, и было принято решение ликвидировать «змеиное гнездо контрреволюции». Утром 8 января 1941 г. партизанские отряды А.Н. Сабурова, З.А. Богатыря, К.И. Погорелова, И.Ф. Боровика, отряды им. Сталина и «За Родину» совершили нападение на пос. Локоть⁶⁾. В результате этой операции К.П. Воскобойник был смертельно ранен. После его смерти округ возглавил Б.В. Каминский (рис. 2). Сосредоточив всю власть Локотского района в своих руках, он назвал борьбу с партизанами «одной из первоочередных задач народной власти»⁷⁾. Новый бургомистр увеличил численность своей полиции и переименовал ее в «народную милицию»⁸⁾. Эти отряды регулярно принимали участие в антипартизанских операциях.

**Рис. 2. Б.В. Каминский с чинами немецкой полиции
во время антипартизанской операции**

Успехи Б.В. Каминского не остались незамеченными. В мае 1942 г. под его руководством немцы передают территории Навлинского и Комаричского районов Орловской обл., а также Дмитровского района Курской обл. и санкционируют создание так называемого Локотского окружного самоуправления. Контролировать эту территорию добровольная «народная милиция» уже не могла, и осенью 1942 г. была проведена первая мобилизация мужского населения 1922–1925 гг. рождения. По ее результатам «под ружье» было поставлено несколько тысяч человек. Это позволило переформировать отряды «народной милиции» в подобие регулярной армии, которая и получила название РОНА⁹. К 1943 г. это формирование достигало численности 12 тыс. человек и получило статус бригады.

Долгое время это соединение не имело своего печатного органа. И первоначально информационно-пропагандистские потребности своей «армии» обер-бургомистр и комбриг Б.В. Каминский частично удовлетворял за счет публикации отдельных материалов и официальных документов в газете «Голос народа»¹⁰ (рис. 3) и «Бюллетене Локотского окружного самоуправления»¹¹. Однако, потребности в информационном сопровождении данного антисоветского вооруженного формирования оказались более высокими. В связи с этим, осенью 1943 г. при поддержке

Рис. 3. Фрагмент страницы газеты «Голос народа»

немецких органов пропаганды в Лепеле Витебской обл. (ныне Республика Беларусь)¹² был создан печатный «орган штурмовой бригады РОНА», под названием «Боевой путь» (рис. 4). Он выходил под лозунгом «Большевизм ведет страну к гибели. Только свержение Сталина и его клики спасет Родину».

Газета выходила один раз в пять дней на четырех страницах формата А3. Печаталась в типографии им. Г. Скоблякова. Если судить по штампам на газете, издателем было подразделение пропагандистов вермахта в Лепеле («Propaganda abteilung der Wermacht. Staffel Lepel»).

Следует отметить, что полиграфическое качество издания было достаточно низким, некоторые номера были выпущены на кальке. Однако, несмотря на это, тираж «Боевого пути» был достаточно высок — 10 тыс. экземпляров. Это объясняется двойным назначением издания. С одной стороны, «Боевой путь» был предназначен для информационного обеспечения бригады Каминского, а с другой — для пропаганды среди партизан.

Рис. 4. Фрагмент страницы газеты «Боевой путь»

По штату в редакции было 11 человек. На июнь 1944 г. ответственный редактор – старший лейтенант РОНА К.М. Калиновский (его предшественником на этом посту был бывший командир батальона 341-й стрелковой дивизии старший лейтенант Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) Г.Е. Хомутов); ответственный секретарь – П.И. Семиютин; корректоры – З.Г. Гладилин, Т.М. Реутова и Г.Г. Хорев; фотокорректор – Н.А. Бакушанская; стенографист – Л.В. Селезнева; художник – С.П. Симонян; литературный сотрудник – И.Д. Юров; машинистка – Н.М. Амбросимова; посыльный – Н.А. Буканов¹³.

Материалы в газете нередко публиковались без подписи или под псевдонимами. Во многом это делалось для того, чтобы авторы оставались неизвестными для советских спецслужб. Однако были публикации и под настоящими фамилиями. Так, например, начальник отдела разведки РОНА майор Б.А. Костенко не скрывал своего авторства.

Передовица, как правило, посвящалась важным событиям, праздничным мероприятиям (к примеру, статья «Наш комбриг»

к 45-летию Б.В. Каминского или «Торжественное мероприятие» о праздничном собрании в честь второй годовщины «русского самоуправления»¹⁴) или могла быть общепропагандистской направленности. Так, № 15 (27) открывала статья без подписи «Довольно хныканья!» В ней указывалось на «опасную привычку» русского народа – привычку страдать. Именно ее, по мнению автора, нещадно эксплуатировали большевики, и это «было бесплодное, темное, унижительное страдание». После перечисления всех тягот и невзгод, которые выпали на долю народа по вине советской власти, безымянный публицист заявлял: «История дает нам возможность освобождения от большевизма, вероятно последнюю». Естественно, эта возможность связывалась с Германией и ее вооруженными силами. Поэтому работа в немецкой промышленности или служба в антисоветских вооруженных формированиях рассматривались не как коллаборационизм, а как «стремление к национальному возрождению и освобождению». Тут же была приведена идеологическая установка, которая должна была оправдывать такую модель поведения: «... большевизм – непримиримый враг русского народа»¹⁵. Даже в этой небольшой статье просматривается один из основных постулатов редакционной политики «Боевого пути»: большевики – главные враги русского народа, а немцы – его «друзья-освободители». Эта формула, по мнению редакции и органов, курировавших ее деятельность, должна была оправдывать сотрудничество с оккупантами во всех сферах жизни.

На первой же странице могли размещаться выступления руководства бригады РОНА и окружного самоуправления, программные или идеологические статьи, а также сводки «Верховного Командования Германской Армии» и новости о событиях в мире, предоставляемые немецкими военными пропагандистами. На второй странице размещались материалы постоянных рубрик «Дела “партизанские”...», «В помощь бойцу РОНА», а также небольшие статьи идеологического характера. Третью страницу занимали материалы из повседневной или боевой деятельности бойцов РОНА, пропагандистские статьи антисоветского содержания и публикации на исторические темы. На четвертой странице велась постоянная рубрика «Уголок юмора», публиковались объявления о бракосочетаниях и розысках, а также карикатуры, стихи и материалы развлекательного характера. Кроме

этого могли размещаться методические рекомендации по организации досуга военнослужащих бригады.

Все материалы газеты «Боевой путь» можно разделить на две неравные части. Первая (не более 10 %) – это публикации, которые предоставляли немцы, а вторая (остальной объем) – те, которые были подготовлены штатными или внештатными сотрудниками редакции.

Материалы первой части освещали события в мире, положение на фронтах и заявления высокопоставленных должностных лиц Третьего рейха. Они публиковались без редакционной правки. Их характеризует крайняя тенденциозность и фрагментарность в подаче материала и тиражирование мифов геббельсовской пропаганды. Типичным примером может служить заявление «руководителя германской прессы господина Дитриха» о готовности применения «вновь изобретенных средств» в войне против Англии¹⁶.

Публикации, подготовленные сотрудниками редакции, отличались большей объективностью, степень которой менялась в зависимости от тематического направления. В целом, данные материалы можно разделить на несколько тематических направлений. Первое из них – пропагандистские материалы и идеологические статьи. Второе – методические материалы по предметам военной подготовки. Третье – партизаны и борьба с ними.

Первое тематическое направление было построено с учетом двойного назначения издания. Поэтому статьи антисоветской пропаганды чередовались с материалами, которые, по мнению редакции, должны были показать альтернативную модель общественного устройства.

Для критики сталинского правительства и проводимой им политики нередко использовалось содержание публикаций в советских или партизанских средствах массовой информации. Типичным примером такого материала может служить статья «“Дар патриота” (По страницам большевистской прессы)», в которой за основу для критического анализа взята одноименная публикация из печатного органа Щучинского райкома КП(б) Белоруссии «Красное знамя». Проведенные исследования показали, что такая газета и упомянутый номер реально существовали¹⁷. Сначала автор материала дает весьма не лестную характеристику самому изданию: «скверный серенький листок, изда-

ваемый в лесу». Такое определение сразу должно было настроить читателя на скептическое отношение к партийной газете, однако, при этом стоит отметить, что сам «Боевой путь» высоким качеством полиграфии не отличался. Далее А. Дятлов (вероятнее всего, это псевдоним) цитирует саму заметку: «Саратовский колхозник Ферапонт Петрович Головатый за 100 000 рублей из своих сбережений купил и передал своему земляку – майору Еремину – второй самолет-истребитель». Далее автор выражает сомнение в существовании этого «зажиточного колхозника» и «нового кулака». И даже после гипотетического принятия факта существования этого Ферапонта Петровича А. Дятлов задается вопросом: «Откуда он мог взять 100 000 рублей?» После чего автор рисует весьма неутешительную картину нищенского существования советских крестьян, которые, по его мнению, еле-еле сводят концы с концами и не способны не то что к жертвованию, а даже к накоплению такой суммы. После всего вышесказанного автор объявляет анализируемую заметку «жидовским вымыслом» и сообщает читателям о двух целях, ради которых, по его мнению, «патентованные кремлевские обманщики» прибегли к «такой жульнической махинации». Первая – «подстегнуть остальных колхозников» и вторая – «втереть очки недоверчивым союзникам, англо-американцам», что в СССР крестьянство живет достаточно богато и легко может купить самолет для своих нужд или подарить его государству¹⁸.

Материалы такого плана, по мнению редакции, должны были убедить читателей во «лжи» советского правительства и тем самым подорвать веру в победу над нацистской Германией.

В качестве примера материала, пропагандировавшего иную, не советскую модель государственного устройства, может выступить статья «Классовая борьба или единение нации?» В ней безымянный автор после небольшого анализа причин, приведших человечество к «глубочайшему идейно-духовному кризису», показывает выход из сложившейся ситуации. Если главным виновником тяжелого положения в мире объявляется «человеконенавистническое учение марксизма», то выход предлагается по формуле: «Не классовая борьба..., а единение, как одно из естественных человеческих свойств и стремлений». Далее после пространных рассуждений о преимуществах такого подхода было заявлено, что «новая власть Национально-Трудовой России

обеспечит преодоление неизбежных общественных противоречий передового и социального законодательства». Каким будет это законодательство и как оно будет разрешать общественные противоречия, автор указывает только общими фразами, намекая на идеологию национал-социалистической партии Б.В. Каминского (которая во многом копировала своих немецких коллег), а также теоретические наработки Национально-трудового союза (НТС)¹⁹. Заканчивается статья, как и положено агитационному материалу, громким лозунгом: «Не борьба внутри нации, а единение ее ведет общество к социальной справедливости»²⁰.

Именно такими статьями пропагандисты бригады РОНА пытались убедить своих бойцов в правильности выбранных идеалов, а партизан соблазнить некой «альтернативой советской идеологии».

Если говорить о втором тематическом направлении, публиковавшиеся в газете методические материалы по предметам военной подготовки должны были стать пособием командирам и начальникам «армии» Б.В. Каминского для проведения занятий с подчиненным личным составом, а также для самостоятельного совершенствования профессиональных навыков всех военнослужащих бригады. Потребность в этом объяснялась тем, что значительная часть бригады состояла из мобилизованных лиц 1925–1926 гг. рождения, ранее в армии не служивших. Командные должности занимали военнослужащие, чья подготовка не соответствовало их рангу (младший политрук РККА в РОНА – подполковник, рядовой шофер РККА в РОНА – старший лейтенант)²¹.

Одним из важнейших являлось третье тематическое направление – партизаны и борьба с ними. Оно состояло из двух основных частей. Первая – антипартизанская пропаганда, которая должна была выставить партизан и их командование в неприглядном свете и побудить рядовой состав «лесных солдат» отказаться от своей борьбы и перейти на сторону каминцев. Вторая – описание боевых операций, проводившихся бригадой РОНА против партизан.

Для ведения антипартизанской пропаганды в газете «Боевой путь», редакция использовала широкий спектр методов. Так, в публикации майора Б.А. Костенко «О партизанах» использовалось несколько способов манипуляции сознанием. В первой час-

ти своего материала автор повествует о некоем младшем командире Красной армии, который в качестве радиста был заброшен в партизанскую бригаду Кириллова в районе Бешенкович. Там «ему пришлось познакомиться с ужасами партизанских будней», так как «сам радист ... не сумел сразу стать заправским грабителем и ... ему приходилось часто голодать». Чтобы избежать голода, как сообщал Б.А. Костенко, радист менял у партизан на еду свое обмундирование, снаряжение и оружие, пока не «остался раздетым, голодным и безоружным»²². Чтобы читатель поверил в подлинность этой истории, автор использует метод «очевидцы события», сообщив, что все это ему поведал сам радист, взятый в плен бойцами РОНА.

Далее, с использованием метода «ложная аналогия», рассказывалось, что из-за больших потерь в партизанских отрядах в ходе боев с каминцами было принято решение «расформировать мелкие ...отряды и влить их в ... крупные». Но из-за того, что, по мнению автора статьи, «командиром хочется быть каждому» и «быть в подчинении у другого – значит отдать ему большую часть награбленного», среди партизан «начались междоусобицы». Все это, как уверяет Б.А. Костенко, привело к ежедневному появлению пленных и перебежчиков из партизанских отрядов. Подводя итог своей статьи, ее автор от победных реляций переходит к достаточно смелым прогнозам, используя метод «констатация фактов»: «Большое количество их (имеются в виду партизаны. – *Прим. авт.*) уже честно сражается против лесных бандитов. Для них уже кончилась голодная волчья жизнь. И недалек уже тот день, когда тысячи новых бойцов нашей Бригады, покончив с бандитизмом, откроют путь в новую жизнь измученному русскому народу»²³.

Кроме пропагандистских статей в арсенале «Боевого пути» были и более серьезные материалы для идеологической борьбы с партизанами. Так в № 15 (27) от 28 июня 1944 г. на второй полосе были опубликованы трофейные «совершенно секретные» приказы штаба «партизанской» бригады им. Ворошилова». В этих приказах приводились факты грубого нарушения воинской дисциплины, неисполнения приказов и аморального поведения в отдельных партизанских подразделениях. Конечно, подлинность этих документов могла быть поставлена под сомнение, однако общий тон, конкретные примеры с фамилиями участников

событий с указанием населенных пунктов должны были производить впечатление достоверности. Такой метод «авторитетного источника» представляется очень действенным для подрыва авторитета «лесных солдат» не только в глазах местного населения, но и внутри самих партизанских соединений. Естественно, он одновременно должен был укреплять уверенность бойцов бригады РОНА в правильности своей борьбы.

С другой стороны – боевой дух военнослужащих соединения поднимался путем публикации материалов об успешных антипартизанских действиях. Так, в статье А. Белого «Остроглядовцы на операции» рассказывается о боях остроглядовского батальона в мае 1944 г. По рассказам командира батальона Слепухина, приведенным в публикации, «бандиты (имеются в виду партизаны. – *Прим. авт.*) из леса бежали, бросая оружие, амуницию и даже собственную одежду»²⁴.

Однако, несмотря на более чем оптимистичные заявления печатного органа штурмовой бригады РОНА, общая обстановка на советско-германском фронте складывалась явно не в пользу коллаборационистов и их хозяев. Поэтому 23 февраля 1944 г. был получен приказ о передислокации «армии» Б.В. Каминского и органов местного самоуправления в район Дятлово, близ Лиды (Западная Белоруссия)²⁵. Смена места дислокации бригады существенных изменений в работу исследуемого печатного органа не внесла. «Боевой путь» продолжал выпускаться в прежнем формате. Но и на новом месте каминцам долго задержаться не удалось. Из-за стремительного наступления Красной армии в июле 1944 г. части РОНА были переброшены на запад в район Ратибора (Верхняя Силезия)²⁶.

С июля 1944 г. бригада Каминского была включена в состав войск СС, а с 1 августа РОНА развернута в 29-ю ваффен-гренадерскую дивизию СС (русская № 1) [29. Waffen-Grenadier-Division der SS (Russische Nr. 1)]. В связи с последней передислокацией и сменой подчиненности соединения, выпуск газеты «Боевой путь» был прекращен. Всего вышло не более 30 номеров.

Таким образом, просуществовав менее года, газета штурмовой бригады РОНА оставила свой след как в истории русских антисоветских вооруженных формирований, так и в их информационной борьбе с партизанами. При ее выпуске использовался

опыт, приобретенный немцами и коллаборационистами за время вооруженного и идеологического противостояния на советско-германском фронте. Несмотря на низкое качество полиграфии издания, оно выпускалось достаточно большим тиражом и использовало весьма эффективные приемы идеологического воздействия. Однако, реальный эффект от достаточно высокого информационного потенциала «Боевого пути» был сведен к минимуму активной пропагандой партизан и успехами Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны.

¹ Группа была названа по фамилии известного российского и советского ученого экономиста профессора Александра Васильевича Чаянова (1888–1937). В действительности такой организации не существовало.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 102.

³ Там же. Д. 913. Л. 80.

⁴ Фотокопия документа. Цит. по: Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009. С. 34.

⁵ Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941–1943. М., 2009. С. 171.

⁶ Подробнее об этом см.: Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. С. 23–46.

⁷ РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 72.

⁸ Там же. Д. 750. Л. 103; Там же. Оп. 9. Д. 19. Л. 22.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 750. Л. 103.

¹⁰ «Голос народа» – печатный орган Локотского окружного самоуправления (начиная с № 55 – орган оргкомитета НСПР (Национал-социалистической партии России) в Локотском округе, затем орган оргкомитета НСТПР (Национал-социалистической трудовой партии России) и Лепельского окружного самоуправления). Выходил с марта 1942 по январь 1944 гг. с периодичностью от двух до шести раз в месяц. Тираж не был постоянным: первый номер – 250 экз., на начало 1943 г. – 8000 экз., а с марта 1943 г. – 14 000 экз. Редакторы: С.В. Мосин, М.В. Васюков, Н.Ф. Вошило.

¹¹ Бюллетень Локотского окружного самоуправления – официальное издание, публиковавшее приказы, инструкции и положения о самоуправлении. Выходил с января по август 1943 г., первоначально с периодичностью два раза в месяц, позже – два раза в неделю.

¹² Сюда были эвакуированы части РОНА и гражданская администрация Локотского окружного самоуправления осенью 1943 г.

¹³ Сведение-табель по редакции газеты «Боевой путь» для начисления зарплаты за июнь 1944 г. Частная коллекция. Копия в личном архиве автора.

¹⁴ Отсчет велся с 16 октября 1941 г., когда официально было объявлено о создании Локотской особой волости.

¹⁵ Довольно хныканья! // Боевой путь. 1944. № 15 (27). С. 1.

¹⁶ Война до победного конца // Там же.

¹⁷ I паёстаё народ... / уклад. А.В. Стэфанович, В.А. Ракоё. Минск, 2005. С. 630.

¹⁸ Дятлов А. «Дар патриота» (По страницам большевистской прессы) // Боевой путь. 1944. № 15 (27). С. 3.

¹⁹ Национально-трудовой союз (НТС) – российская антикоммунистическая политическая организация, идеология которой опирается на принципы христианского солидаризма. Основан в июле 1930 г. и действует по настоящее время.

²⁰ Классовая борьба или единение нации? // Боевой путь. 1944. № 15 (27). С. 2.

²¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 9. Д. 913. Л. 78.

²² Костенко Б. О партизанах // Боевой путь. Цит. по: Страница добровольца. 1944. Февраль. С. 3.

²³ Там же.

²⁴ Белый А. «Остроглядовцы на операции» // Боевой путь. 1944. № 15 (27). С. 3.

²⁵ Даллин А. Бригада Каминского. М., 2011. С. 53.

²⁶ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. С. 156.

О.А. Белозерова (Санкт-Петербург)

**«ДВОЕВЛАСТИЕ» НА СУХОПУТНОМ
ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ (1904–1905).
ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН О ВОЗМОЖНОСТИ
ПОРТ-АРТУРА ОБОРОНЯТЬСЯ**

В ПОНИМАНИИ ИТОГОВ русско-японской войны такие факторы, как «двоевластие» в командовании на сухопутном театре военных действий (ТВД), расхождение во взглядах и на оценку командованием возможности укрепленного района Порт-Артур обороняться, следование принятой стратегии сдерживания противника до полного сосредоточения Маньчжурской армии и преждевременное подписание Портсмутского мира, все еще уступают место критике «оперативной упадочности» и поискам виновных, в частности тенденции перекладывать ответственность за неудачный исход войны на генерала А.Н. Куропаткина¹, при том, что его точка зрения и деятельность большей частью остаются малоисследованными, а главнокомандующим он был лишь немногим более 4-х месяцев.

Вскоре после подписания Портсмутского мира вышел в свет четырехтомный отчет А.Н. Куропаткина, в котором он дал «посильные» ответы на обвинения в его адрес и наметил главные выводы с целью исправления имевших на войне место «духовных и материальных недочетов»². Как офицер и человек долга и чести, он не снимал с себя ответственности за исход войны и полагал «насуточным» разобраться в причинах случившегося: «Я смотрю на свой труд лишь как на материал, который поможет историкам минувшей войны правдиво выяснить причины наших неудач и этим дать возможность определить средства избежать их в будущем»³.

Генерал считал, что Маньчжурская армия не была побеждена и Портсмутский мир был подписан преждевременно, а создав-

шаяся «двойственность» в командовании явилась одной из главных причин, изначально обусловивших ход военных действий, при этом последнее слово оставалось за императором и часто за великими князьями. Бывший министр финансов С.Ю. Витте, хотя и являлся одним из главных оппонентов А.Н. Куропаткина, в связи с этим писал: «Я не знаю подробностей первой части кампании, покуда Алексеев не был вызван в Петербург и Куропаткин не был назначен главнокомандующим, но могу безошибочно утверждать, что первая часть кампании разыгралась бы совершенно иначе, если бы не было этой двойственности; она была бы более для нас благоприятной. А неудача вначале, несомненно, имела влияние на вторую часть действий!»⁴

В связи с вышесказанным представляется важным более подробно остановиться на том, как сложилось «двоевластие» на ТВД, а также на взглядах и решениях генерала А.Н. Куропаткина в связи с положением и обороной укрепленного района Порт-Артур и на их отличии от позиции, занимаемой адмиралом Е.И. Алексеевым⁵.

А.Н. Куропаткин, находясь еще на посту военного министра и ссылаясь на предшествующий опыт назначений, не одобрял выбор адмирала, а не генерала, в качестве главнокомандующего всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. С началом военных действий им был предложен императору ряд кандидатур на должность командующего Маньчжурской армии⁶. Узнав, что выбор пал на него, и понимая всю сложность создававшегося положения, генерал А.Н. Куропаткин по собственной инициативе отказался от поста военного министра⁷, тем самым перейдя в подчинение адмирала Е.И. Алексеева. Перед отъездом в армию 25 февраля 1904 г. А.Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «Его Величество обещал, если возникнет со стороны наместника то или другое нареkanie на меня, ранее решения затребовать мое объяснение»⁸.

От совместной работы с адмиралом Е.И. Алексеевым многие воздерживались, и на то были основания. В архивном фонде адмирала имеются свидетельства его обращений к императору, например, в связи с назначениями генерала Д.И. Субботича, адмирала Н.И. Скрыдлова и, конечно, генерала А.Н. Куропаткина, прослеживающиеся со времени Боксерского восстания (1898–1902). Адмирал Е.И. Алексеев не раз обращался к императору с просьба-

ми, вплоть до октября 1904 г. (когда он отошел от дел и передал главнокомандование генералу А.Н. Куропаткину), выражая нежелательность для него «получения назначения главнокомандующим» и об освобождении от этой должности, объясняя это плохим здоровьем в результате 40-летней службы и длительного пребывания на Дальнем Востоке и неподготовленностью к столь ответственной должности, которую он был вынужден принять «по долгу». Из переписки членов группы А.М. Безобразова следует, что адмирал фактически, не желая того, стал их «ставленником», поскольку его мнения доводились до сведения императора в преломленной, согласно их интересам, интерпретации⁹.

Изначально стратегия адмирала Е.И. Алексеева была рассчитана на «битву флотов». Затем с вступлением в должность адмирала С.О. Макарова расчет был на поддержку армии флотом. После 31 марта 1904 г., в силу трагических событий, Маньчжурская армия практически осталась без поддержки флота.

Генерал А.Н. Куропаткин считал, что исход войны будет решаться на суше, а не «битвой флотов»¹⁰, «достаточными силами и при том снабженными всем необходимым для непрерывного наступления в течение довольно продолжительного времени»¹¹. Его стратегия была построена с учетом знания противника, уникальности и удаленности театра военных действий и имеющихся материальных и людских ресурсов. В своей стратегии А.Н. Куропаткин исходил из конечных целей войны, однако от него ждали немедленных побед¹². При защите КВЖД как первостепенной задачи, недостаточных разведывательных данных, ограниченных возможностях в маневрировании и при концентрическом наступлении противника генералу приходилось принимать решения государственной важности в условиях «двоевластия» и расхождения во взглядах с главнокомандующим и его штабом. Так, расхождение среди представителей высшего командования в оценке мест возможной высадки японцев сказалось на ходе сосредоточения сухопутных сил. В течение апреля 1904 г. командующий был оставлен без подкрепления пехоты, тем не менее его усилиями сосредоточение прошло успешно, и к 13 июля генерал «указал», что наступил новый период кампании – «надо искать боя».

С учетом сопряженных рисков ответственность, лежавшая на плечах командующего армией, была огромной. Сверх того адми-

рал стал возлагать на генерала и ответственность за участь Порт-Артура. В связи с потерями на флоте и изменением мнения главнокомандующего о способности укрепленного района Порт-Артур обороняться и выдержать осаду, расхождения во взглядах на Порт-Артур между ними дошли до крайности к июню – июлю 1904 г. Адмиралом также было предложено передать управление гарнизоном крепости от командующего армии в подчинение адмирала С.О. Макарова.

Толчком, проявившим глубину этой проблемы, скрытой от глаз ряда подчиненных и общественности того времени, явилась последовавшая с подачи адмирала Е.И. Алексеева и генерала Я.Г. Жилинского высочайшая телеграмма на имя Е.И. Алексеева от 22 мая 1904 г., в которой император, не уточняя «ни способа, ни направления, ни средств для осуществления помощи Порт-Артуру, так как это принадлежит власти лица, облеченного полномочиями Главнокомандующего», указывал, что переход к активной деятельности являлся «назревшим», так как дальнейшее выжидание подкреплений могло привести к тому, что «к началу периода дождей мы все будем в выжидательном положении и Порт-Артур никакого содействия со стороны Армии не получит». Император просил передать генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину, что ответственность за участь Порт-Артура он возлагал всецело на него¹³. Предвидя последствия предлагаемых действий, генерал был вынужден обратиться к адмиралу Е.И. Алексееву, излагая свое положение и видение ситуации в двух депешах – за № 714 от 26 мая 1904 г. и за № 724 от 29 мая 1904 г.: «...в спокойной форме документально изобличаю, как менял он свои мнения о плане действий, о силе Порт-Артура, как отказывался последовать моему совету усилить гарнизон Порт-Артура, как он ошибся в роли нашего флота. Заключаю вопросом: насколько командующий Маньчжурской армией может быть ответственен за бездействие флота при высадке в Бицзыво и при атаке японцами Цзиньчжоуской позиции, а также за перемену взглядов на крепость Порт-Артур? В феврале адмирал в депеше государю (от 12 февраля) признавал желательным, чтобы японцы напали на Порт-Артур, ибо эта крепость надолго задержит японцев. Теперь адмирал заявляет, что Порт-Артур и не крепость и держаться не может»¹⁴.

Одно из наиболее распространенных обвинений ряда современных военно-морских историков в адрес А.Н. Куропаткина – это то, что он не предпринял соответствующих действий для помощи укрепленному району Порт-Артур. Анализ архивных документов в сочетании с дневниковыми записями показывает, что генерал признавал важным идти на выручку Порт-Артура, о чем свидетельствует его депеша из Ляояна за № 714 от 26 мая 1904 г.¹⁵ Генерал обратился к адмиралу Е.И. Алексееву, ссылаясь на доработанный в ноябре 1903 г. штабом заместителя план стратегического развертывания войск и на последующие соображения адмирала в начале кампании. В этой депеше генерал выдвинул обвинения адмиралу в непоследовательности в планировании, что и привело к создавшемуся положению в укрепленном районе Порт-Артур. Согласно плану адмирала высадка японцев могла последовать не ближе Цинампо, а в Инкоу признавалась «немыслимой». Согласно этому для Порт-Артура назначался «только его крепостной гарнизон с самыми незначительными добавлениями», а главной целью действий японцев была принята «наша полевая армия, собираемая в Южной Маньчжурии», однако начав действия без объявления войны, японцы «нарушили наши расчеты по отношению к роли нашего флота»¹⁶.

В депеше адмирала Е.И. Алексеева от 12 февраля были представлены соображения о том, что 3-й японской армии могла быть поручена отдельная операция против Порт-Артура, а помешать высадке японцев было возможно только действиями флота, а также, что если высадка состоится, то сначала японцы встретят «сильное сопротивление на Цзинчжоуской позиции, а после нее серьезный отпор на сухопутном фронте Порт-Артура»¹⁷. В результате в феврале 1904 г. адмирал и его штаб признавали, что «при боевой силе гарнизона в 20 тыс. ускоренная атака Порт-Артура не обещает японцам успеха и что вообще действия японцев против Порт-Артура в общих наших интересах могут быть признаны выгодными»¹⁸. Затем наиболее опасным представлялось направление японцами «двух армий со стороны Ялу и высадка третьей армии в Инкоу или вблизи этого порта», в связи с чем адмирал не считал необходимым перевести на Квантун 9-ю стрелковую бригаду, как предлагал А.Н. Куропаткин в своей депеше от 27 января 1904 г. за № 111¹⁹.

Генерал А.Н. Куропаткин, по назначении командующим 7 февраля 1904 г., в депеше за № 1 от 11 февраля снова телеграфировал, что «важнейшею задачей на Маньчжурском ТВД представляется укрепление обороноспособности Порт-Артура против возможной осады и штурма его 4–5 дивизиями»²⁰, предупреждая, что иначе армия могла быть вынуждена к переходу в наступление еще не сосредоточенными силами, идя на помощь гарнизону крепости – проблема, с которой генералу пришлось столкнуться. Это не встретило сочувствия наместника. Генерал впоследствии писал: «Начиная войну, мы возлагали чрезмерные надежды на наш Тихоокеанский флот <...> мы сократили на треть против признававшейся нормы силы, предназначенные для защиты Квантуна и Порт-Артура. Флот не оправдал надежд, а падение Порт-Артура было преждевременным»²¹.

В депеше от 13 февраля за № 19 А.Н. Куропаткин вновь указывал, что если «осажденный Порт-Артур не будет иметь достаточного гарнизона, то командующий армией, тревожась за участь этой крепости, может быть вынужден к переходу в наступление еще не сосредоточенными силами». Ввиду этих соображений он снова советовал 9-ю стрелковую бригаду сосредоточить на Квантуне вместо 3-й стрелковой бригады²².

В своем ответе от 17 февраля за № 41 адмирал сообщал об усилении сухопутного фронта крепости, указывая, что боевая сила гарнизона в течение трех месяцев уже превысила 40 тыс. человек и что возросла конструктивная сила укреплений.

А.Н. Куропаткин также обращал внимание адмирала Е.И. Алексеева на то, что его взгляд на обороноспособность Порт-Артура резко изменился, ссылаясь на депешу адмирала от 22 мая за № 2921, в которой тот утверждал, что «Порт-Артур нельзя признать ныне крепостью» и что он едва ли может выдержать даже осаду в течение 2–3 месяцев, в отличие от того, что предполагалось адмиралом еще возможным 3 мая в депеше за № 2491. Генерал объяснял «такие резкие изменения во взглядах на крепость» временными неудачами русского флота и сухопутной армии и тем, что отсутствие содействия флота облегчило японцам высадку у Бицзыво и овладение Цзинчжоуской позицией, а также тем, что «при дальнейшем бездействии флота японцы без затруднений могли перенести свою базу с севера Цзинчжоуского перешейка на юг от него»²³. Известно, что пози-

ция адмирала до и в начале войны была «воинственной», и генерал отметил, что «мы от преувеличенного умаления сил японцев перешли к преувеличенной оценке их сил и достоинств»²⁴.

А.Н. Куропаткин признавал, что положение Порт-Артура стало тревожным и крепости требовалась действительная «выручка» Маньчжурской армией, но, по его мнению, в мае 1904 г. главной причиной тревоги была «потеря веры начальствующих лиц в неприступность Порт-Артура, защищаемого многочисленным и обильно снабженным продовольствием, патронами и снарядами гарнизоном», и нервное отношение к делу генерала А.М. Стесселя, сквозившее в его докладах. При этом еще год назад генерал А.М. Стессель «с гордостью и мужеством утверждал, что Порт-Артур может отстояться продолжительное время против всей японской армии», а получалось, что теперь Порт-Артур «уже не крепость, и японцы могут овладеть им в самое короткое время»²⁵. В связи с этим А.Н. Куропаткин, приводя примеры, писал: «Военная история учит, что нет такой твердыни, которая могла бы устоять против энергичного и храброго противника, если вера в возможность отстоять эту твердыню исчезла из сердца начальника, если недоверие к своим силам и преувеличенное мнение о силе противника сообщились от начальника войскам»²⁶. Не признавая в конце мая 1904 г., что «...положение Порт-Артура могло бы вызывать особую тревогу, если бы генерал Стессель и войска были вполне готовы встретить противника грудью и исполнить свой долг бестрепетно до конца в строю», А.Н. Куропаткин считал, что русские войска «...в тех условиях, в которых они ныне находятся в Порт-Артуре, нельзя победить, несмотря ни на какие жертвы, на которые готовы японцы»²⁷. Иначе представлялся вопрос генералу в том случае, «...если генерал Стессель сам потерял веру в возможность отстоять со славою вверенный ему русский оплот на Дальнем Востоке и успел сообщить войскам свои сомнения и подорвать их мужество и энергию. Тогда мы действительно должны ожидать относительно Порт-Артура самых тяжелых неожиданностей»²⁸.

Причины, по которым генерал считал, что армия не могла идти *немедленно* на выручку крепости, заключались в том, что для освобождения Порт-Артура требовалось следующее: «...продвинуться от района сосредоточения свыше 300 верст и, главное, требовалось взять Цзинчжоускую позицию, защищаемую

не только сухопутными войсками, но и флотом. Для взятия этой позиции потребуются энергичное содействие осадной артиллерии. Движение к Порт-Артуру, растягивая расположение Маньчжурской армии по линии железной дороги до 300 верст, причем на фланге этой линии расположена армия Куроки, численностью не менее 70–90 тысяч, представляет большие трудности и опасность. Поэтому, как значится и в письме Вашем 8 мая № 2617, это движение должно быть надежно обеспечено оставлением сильного заслона против армии Куроки с резервами в Ляояне и Хайчене. Но если Порт-Артур будет держаться сообразно с силою своего гарнизона и запасами, а главное сообразно с историческою доблестью русских войск, – то все трудности, каких бы то жертв ни потребовало, будут преодолены и мы выручим славный гарнизон его»²⁹. А.Н. Куропаткин полагал, что «умаление нашей веры в силу Порт-Артура не осталось без влияния хвастливых замечаний японцев, что они возьмут Порт-Артур в двухнедельный и даже недельный срок»³⁰.

Отстаивая свою точку зрения, 29 мая 1904 г. в депеше за № 724 командующий Маньчжурской армией дал очередной ответ главнокомандующему на его телеграмму № 11 от 23 мая, в котором он обращал внимание также на несоответствие указаний главнокомандующего и военного министра. Генерал считал, что выделение в то время для активных действий 32 батальонов с выдвижением их к югу не соответствовало данному ему главнокомандующим указанию в письме от 8 мая за № 2617 о «выставлении на перевалах вполне обеспечивающего нашу коммуникационную линию заслона против армии Куроки», а также переданным ему генералом В.В. Сахаровым в депеше от 19 мая следующим Высочайшим указанием о дальнейших действиях: «Необходимо принять энергичные меры для противодействия японцам и для вырочки Порт-Артура, при чем какие бы действия с этой целью ни предпринимались, они должны быть так рассчитаны, чтобы в пункте решительного столкновения мы обладали достаточными силами для обеспечения за собой успеха, не подвергая наши войска поражениям по частям»³¹.

Оценив риск таких действий, командующий опасался, что если Маньчжурская армия была бы атакована армией Куроки, то могло произойти решительное столкновение, при котором российские войска, с выделением войск к Порт-Артуру, могли ока-

заться «не обладающими достаточными силами для обеспечения за собой успеха», а главное генерал стремился всеми силами избежать прорыва неприятеля к железнодорожной магистрали.

Генерал обращал внимание главнокомандующего на то, что «по объявлении войны сосредоточение Маньчжурской армии происходило согласно представленному Наместником и Высочайше утвержденному плану сосредоточения, в основании которого лежало предположение, что главная опасность угрожает не к стороне Порт-Артура, а по отношению к Маньчжурской армии со стороны высадки японских войск у Инкоу и Гайчжоу, как то значилось и в депеше Е.И. Алексеева Николаю II от 12 февраля 1904 г.» Рассматривая возможные варианты действий, генерал А.Н. Куропаткин всегда признавал опасным выдвижение еще слабых сил на р. Ялу, поэтому он неоднократно «предписывал» не ввязываться в бой с превосходящими силами противника, а отходить постепенно назад, принимая все меры для того, чтобы русские войска не потерпели отдельных поражений. По мнению А.Н. Куропаткина, Маньчжурская армия не могла производить никаких активных действий в течение апреля, поскольку не было определено, куда японцы направляли свои 9 полевых дивизий. Из дневниковых записей также следовало, что подкреплений пехоты Маньчжурская армия с конца марта по май 1904 г. не получала.

Деятельность флота, с назначением вице-адмирала О.С. Макарова, давала основания полагать, что расчет, согласно совместно разработанному плану сосредоточения, на «недопуск японцев к высадке в ближайших к Порт-Артуру окрестностях» мог быть осуществлен, однако места высадки оставались неизвестными, а противник мог предпринять действия и совместно с китайскими войсками. Маньчжурская армия, еще полностью не сосредоточенная, могла ожидать удара с обоих флангов и, по мнению генерала, должна была оставаться в оборонительном положении, пока не было выяснено направление главных сил противника.

Генерал признавал, что гибель «Петропавловска» и адмирала О.С. Макарова и последовавшая неудача на р. Ялу негативно отразились на ходе дел на ТВД. В расчетах действий Маньчжурской армии не признавалось возможным оказать сопротивление высадке, столь отдаленной от района сосредоточения, в то время как флот «ничем не препятствовал высадке» у Бицзыво. Од-

нако высадка у Бицзыво второй японской армии вначале также «вполне не предreshала направление главного удара японских сил на Порт-Артур».

Возможен был и другой план: «Концентрическое наступление в то время трех японских армий против Маньчжурской армии, особенно при условии разрушения железной дороги и поднятия против нас местного населения, могло обещать японцам успех», а при полном перерыве в подвозе к армии пехотных частей «армия заключала в себе 78 ½ батальонов, считая и 2 ½ батальона 1-ой Сибирской дивизии».

Генерал также предвидел вероятность неудачи против превосходящих сил противника при разрыве железнодорожного сообщения и движении значительных японо-китайских сил правым берегом р. Ляохе и готовился к возможному отступлению из Ляоянского еще слабо укрепленного района, для чего шла подготовка позиций у Мукдена и Телина.

После отступления от р. Ялу войска заняли перевалы через Феньшуйлинский хребет и на флангах занимали Саймадзы и Сюянь, чтобы по возможности раскрыть силы и направление главного удара японских войск в случае, если бы неприятель перешел в наступление и его расположение оказалось вынужденно разбросанным³². В создавшейся ситуации 29 апреля 1904 г. император повелел Маньчжурской армии в кратчайший срок завершить сосредоточение.

Генерал А.Н. Куропаткин, в интересах всей кампании, не считал возможным оставить Феньшуйлинский хребет и «оттянул назад» частичные силы. Район близ Гайчжоу некоторое время был занят только конницей, а Инкоу, с согласия главнокомандующего, продолжал быть занятым русскими войсками.

В мае, с прибытием подкреплений сила Маньчжурской армии дошла до 94 батальонов, и при благоприятной обстановке было возможно с «...надеждой на успех выдержать напор двух и даже трех японских армий; равно мог обещать результаты и переход в наступление против армии Куроки», но усиленная армия генерала Куроки могла составить от 70 до 80 батальонов при многочисленной артиллерии. Движение против этой армии до р. Ялу и обратно (согласно предложению главнокомандующего от 8 мая за № 2617, указывавшему на своевременность перехода Маньчжурской армии к активным действиям к стороне р. Ялу или по

направлению к Порт-Артуру) составляло до 500 верст по трудным горным дорогам. Из них только лишь некоторые допускали движение русской артиллерии и обозов, что затруднялось недостаточным количеством «...горной артиллерии, горного обоза, парков и в особенности недостатком огромным транспортных средств, которые потребовались бы для питания армии при движении по местности, почти совершенно лишенной продовольственных средств».

По получении этого указания А.Н. Куропаткин с учетом заявлений, что Порт-Артур нуждается в быстрой помощи, предпочел второе предложение. Имея на фланге армию Куроки, командующий понимал риск и трудность движения к Порт-Артуру (движение к р. Ялу эту помощь отдаляло).

Еще месяцем ранее, 26 апреля, генерал отмечал, что Е.И. Алексеев, при существующем расположении и неизвестности, куда японцы могли направить остальные силы, признал, что направление за 300 верст 18 батальонов из Южно-Маньчжурского отряда (которые, по расчетам генерала, можно было выделить) составляло весьма опасную задачу. По мнению генерала, выделение этих сил лишило бы Маньчжурскую армию активности, в то время как эти силы могли оказаться недостаточными, чтобы помешать японцам блокировать Порт-Артур, а в случае отступления эти 18 батальонов могли лишиться своих сообщений, так как им «надо было идти клином, имея море с двух сторон»³³.

Как известно, в течение мая произошла высадка трех японских армий: 2-я армия генерала Оку начала высадку 26 апреля у Бицзыво, 3-я армия генерала Ноги – у Дальнего и 4-я армия генерала Нодзу – у Дагушаня. С тем чтобы отрезать Порт-Артур, 25 мая 2-я японская армия перешла в наступление. Армии генерала Ноги предписывалось взять Порт-Артур. 11 мая А.Н. Куропаткин сделал следующую запись: «Вчера наместник прислал ко мне Жилинского с письмом, в котором указывает, что, по его мнению, наступило время Маньчжурской армии перейти в наступление или к Ялу, или к Порт-Артуру для выручки его. И этот совет дан, когда еще не определилось, куда высадится третья армия японцев! Воистину, мы создаем авантюристическую стратегию. Дали расшатать свой флот. Теперь принимаемся за армию. Ответил Жилинскому, что мы готовимся

встретить удар трех японских армий. Что если удар определится не на нас, то помощь Порт-Артуру будет оказана, но что прежде всего надо определенно знать, куда японцы направят удар своих главных сил. Жилинский, сам подсчитав, признал, что более 20–24 батальонов мы не можем отделить для действий к Порт-Артуру»³⁴.

16 мая А.Н. Куропаткин приехал к главнокомандующему в Мукден с письмом, чтобы обосновать, что для собственных нужд Маньчжурской армии (при условии, что Порт-Артур мог бы продержаться не двухмесячный срок) не следовало переходить в наступление ни против генерала Куроки, ни против 2-й армии, а продолжать сосредоточиваться. Но по заявлению Е.И. Алексеева, что Порт-Артур может продержаться лишь 2–3 месяца, А.Н. Куропаткин был вынужден признать: «...как ни рискованно, как ни противно обычной (по книжкам) стратегии, но придется двинуться на помощь Порт-Артуру, как только определится, что японцы главный свой удар направляют на Порт-Артур. Движение полагал начать после прибытия к армии 3-й Сибирской дивизии. Если бы против нас высадилась 3-я армия, то такое движение признавал бы рискованным до прибытия дальнейших подкреплений. Может получиться невероятный слоеный пирог, если мы наступлением японцев от Ялу будем отрезаны от корпуса войск, высланных к Квантуну»³⁵.

Анализируя положение, А.Н. Куропаткин отмечал: «Просто удивляться надо, как одна ошибка ведет за собой массу тяжелых последствий. Выходит, что наш флот не только не помог в должной мере и в мере, как то рассчитывалось сухопутной армией, но еще может послужить причиною нового и тяжелого частного поражения части наших сил, двинутых к Квантуну. Мы, в сущности, что не скрывает и Алексеев, пойдем на выручку не крепости, а флота. Тяжело. Поживем – увидим, но жертву принести надо»³⁶.

Сосредоточение армии в 10 тысячах верст вдали от основной базы требовало времени, выдержки и терпения, но от генерала ожидали быстрых действий и результатов: «Из Мукдена все тянут ту же ноту: скорее, скорее и побольше. Если бы их послушаться, то мы уже теперь нарвались бы на беду. “Прости им, боже, ибо не ведают, что творят” – невольно стоит в уме. Стыдно Жилинскому, проявившему такую податливость адмиральским

бредням! Адмиралу, привыкшему плавать по морям, проходя сотни верст в сутки, простительно забывать, что пехотный батальон не быстроходный крейсер, но Жилинскому забывать это стыдно»³⁷.

Генерал А.Н. Куропаткин, опасаясь прорыва расположения русских войск от Сюня на Гайчжоу, принимал также меры дать отпор, собирая у Вафангоу корпус генерала Г.К. Штакельберга в 32 батальона, о чем упоминается в его депеше от 20 июня 1904 г. из Ташичао наместнику Е.И. Алексееву в Мукден³⁸. Опасения генерала в отношении отряда генерала Г.К. Штакельберга, к сожалению, оправдались: 2 июня появилась запись о том, что опять выпал «несчастный» день³⁹.

Факт, что Порт-Артур оказался в тяжелом положении, указывает на недостаточную проработку «Плана стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией», возложенную на наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева. Принятый вариант плана от 5 ноября 1903 г. рассматривался без участия военного министра, который только в самом конце 1903 г. получил возможность высказать по нему свои замечания, а рекомендации Особого совещания по вопросу укрепления обороноспособности Дальнего Востока в Порт-Артуре 24–25 июня 1903 г. под председательством А.Н. Куропаткина не были приняты наместником и его штабом во внимание. План этот, «ограничивавший силы, назначенные для обороны Порт-Артура и всего Квантунского полуострова 16 батальонами», основывался на преувеличенном мнении о силе и непобедимости Тихоокеанского флота. На начальном этапе кампании действия генерала были ограничены соображениями защиты Владивостокского района и Порт-Артура. На протяжении всего времени, даже по назначении главнокомандующим со 2 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г., генерал не имел свободы действий: едва закончив отвод войск под Ляояном, 7 сентября 1904 г., командующий был поставлен наместником в известность об образовании 2-й армии, а позднее и третьей. При вытянутости войск вдоль КВЖД, необходимости наступательных действий на р. Шахе (позиции у Мукдена были рискованными из-за близости к КВЖД и представляли трудность в удержании при обороне)⁴⁰, идти «срочно» на помощь Порт-Артуру, следуя очередному указанию императора от 10 ноября 1904 г., представля-

ло огромный риск, особенно с только что сформированными армиями и новым командным составом и пополнением, что подтвердили события на р. Шахе и под Мукденом.

В завершение важно подчеркнуть, что в штабе Маньчжурской армии разрабатывались планы как движения против армии Куроки, так и наступления к Порт-Артуру. Ход развития военных действий внес свои коррективы.

¹ Деревянко И.В. «Белые пятна» русско-японской войны. М., 2005. С. 10–31.

² Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: [в 4 т.]. СПб., 1906; Его же // URL: <http://militera.lib.ru/h/kuropatkin/pre1.html> (Электронный ресурс).

³ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 16.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. С. 496–497. (Электронный ресурс). URL: <http://world5.ru/a3/aass-productID=494.htm>

⁵ Белозерова О.А. Во главе Маньчжурской армии и обороны Дальнего Востока // Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны. 1903–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 211–256.

⁶ Дневник генерала А.Н. Куропаткина / Вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 232.

⁷ Там же. С. 285.

⁸ Там же. С. 242.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6; Д. 8; Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е годы – 1905 год). СПб., 2012.

¹⁰ Стейнберг Д. Причины поражения русской армии в Русско-японской войне: оперативная точка зрения // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: междунар. ист. сб. / Под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 236–238.

¹¹ Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Русско-японская война 1904–1905 гг. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. СПб., 1910. Т. 1. С. 4.

¹² Сахаров А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Реальность и вымыслы. С. кафедры президиума РАН // Вестн. Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 4. С. 302.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 230. Л. 22.

¹⁴ Дневник генерала... С. 286.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 26–32.

¹⁶ Там же. Л. 26 об.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ Там же. Л. 27 об.–28.

¹⁹ Там же. Л. 28.

²⁰ Там же.

²¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 139. Л. 47 об.

²² РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 28 об.

²³ Там же Л. 30.

²⁴ Там же. Л. 29 об.

²⁵ Там же. Л. 30 об.

²⁶ Там же. Л. 30–30 об.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Там же. Л. 31–31 об.

²⁹ Там же. Л. 31 об.–32.

³⁰ Там же. Л. 31.

³¹ Там же. Л. 33–52.

³² Письмо Н.А. Линевича Военному министру А.Ф. Редигеру от 23 авг. 1905 г. // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. 1925. № 21. С. 169–174.

³³ Дневник генерала... С. 279.

³⁴ Там же. С. 284.

³⁵ Там же. С. 285.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 286.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 48–50.

³⁹ Дневник генерала... С. 287.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 23.

В.Н. Бенда (Санкт-Петербург)

**К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ПЕТРОВСКИХ ПРАВИЛ И ПРИНЦИПОВ
ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
ВО ВРЕМЕНА ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
(На примере взаимодействия
Государственной Военной коллегии и
Канцелярии Главной артиллерии и фортификации)**

ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, что в период царствования императрицы Елизаветы Петровны работа органов главного военного управления была крайне вялой и безынициативной. Это можно объяснить тем, что с 1746 по 1760 гг. посты президента Военной коллегии, а с 1748 по 1756 гг. и генерал-фельдцейхмейстера оставались вакантными.

Очевидно, что, в отсутствие главного начальника в артиллерийском и инженерном ведомствах, Военная коллегия (ВК) рассматривала главный орган управления артиллерией и инженерным корпусом как нижестоящую управленческую структуру, находящуюся в ее подчинении, что было совершенно правильным и законным. Управленческие функции и власть отсутствующего генерал-фельдцейхмейстера всецело сосредотачивались в руках ВК. Так, например, после смерти генерал-фельдцейхмейстера князя В.А. Репнина исключительно в ведении Военной коллегии находились вопросы руководства деятельностью Канцелярии Главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) в технических и экономических областях, а также полное и независимое управление командной частью артиллерии.

Однако, КГАиФ не особенно признавала верховенство власти Военной коллегии и не только стремилась сохранять свои права, хотя и чисто формальные, но позволяла себе даже не исполнять указы и предписания ВК, а иногда поступать вопреки им.

Ниже приведенные примеры дают отчетливое представление о степени напряженности во взаимоотношениях между ВК и КГАиФ. В частности, недовольная медлительностью КГАиФ по предоставлению необходимой отчетной документации, ВК в 1754 г. вынуждена была в целях фактического надзора за деятельностью КГАиФ откомандировать туда своего экзекутора, «...дабы покуда оныя ведомости сочинены не будут той Канцелярии секретарей и служителей держать без выпуска», а равно и для крепкого понуждения канцелярских чинов к работе¹.

Особенно любопытным подтверждением вышесказанного может служить история с «инвенцей» некоего капитана артиллерии Бишева², которая причинила КГАиФ немало неприятностей и из-за которой возникли напряженные отношения между КГАиФ и Военной коллегией.

С начала второй половины XVIII в. и на протяжении многих лет капитан Бишев доставлял немало беспокойства и хлопот органам государственного и военного управления своими обвинениями и упреками в адрес главного органа управления артиллерийским и инженерным корпусами, в том числе и советника артиллерии А.К. Нартова.

Суть «дела» Бишева условно можно разбить на две части. Первая часть касается конструкторских разработок Бишевым новых типов артиллерийских орудий³.

Вторая часть включает в себя совместные с полковником артиллерии Плимаком утверждения о том, что, якобы, новшества, разработанные А.К. Нартовым и используемые при производстве артиллерийского вооружения, не пригодны для этого. Плимак с Бишевым настаивали также на том, что применяемый до этого времени артиллерийский масштаб не однообразен при производстве артиллерийского вооружения и боеприпасов к нему, из-за чего наносится большой ущерб государственной казне⁴.

Что касается «инвенций» Бишева в области создания новых типов артиллерийских систем, то, не вдаваясь в подробности этого дела, скажем, что суть идеи Бишева заключалась в том, что *он предлагал заменить все образцы пушек, гаубиц и мортир одним универсальным образцом орудий*. В марте 1752 г. Бишев, минуя артиллерийскую канцелярию, подал в ВК рапорт с приложением к нему чертежа изобретенного им особого орудия – «мор-

тир-канона» – и объяснительной записки из десяти пунктов, поясняющих преимущества его «инвенции»⁵.

Другим своим донесением Бишев предлагал Военной коллегии завести «настоящий государственный непоколебимый масштаб», которого, якобы, не существовало на тот момент.

15 апреля 1752 г. ВК провела совместное с членами артиллерийской канцелярии заседание, по результатам которого поручила КГАиФ провести испытания новой конструкции артиллерийского орудия, для чего вылить три орудия разных калибров, и пристально изучить вопрос о неверности артиллерийского масштаба⁶.

Весьма вероятно, что КГАиФ, раздосадованная таким образом действий подчиненного ей капитана Бишева, предумышленно оставила без исполнения распоряжение коллегии. По крайней мере, в мае 1752 г. Бишев снова пожаловался ВК на то, что его проект так и не был рассмотрен. Обиженная уже, в свою очередь, неисполнением ее указа КГАиФ, Военная коллегия 27 мая 1752 г. дала строгое указание канцелярии об исполнении определения ВК о создании специальной комиссии под руководством генерал-майора А.П. Ганнибала, которая рассмотрела бы проект Бишева и вынесла бы свое заключение по этому поводу⁷. Кстати, по очередной жалобе Бишева Военная коллегия настояла на том, чтобы в состав вышеуказанной комиссии, созданной для «...освидетельствования неверности артиллерийского масштаба», включить полковника артиллерии Плимака, который был солидарен с мнением Бишева по поводу «неверного» артиллерийского масштаба⁸. По всей видимости, КГАиФ решила, как говорится, отослать от греха подальше Плимака из Санкт-Петербурга и направила его в командировку для осмотра артиллерии в Рижской цитадели, а также в городах Динамент, Пернов, Ревель и Рогервик. Теперь уже Плимаком в Военную коллегию было подано донесение о том, что «...он к рассмотрению артиллерийского масштаба вместе с артиллерийскими штаб и обер-офицерами не допущен», а отправлен в командировку, о которой мы упомянули выше⁹. ВК своим указом от 6 июля 1752 г. дала указание КГАиФ полковника в командировку не отправлять, а оставить в Санкт-Петербурге для участия в работе специальной комиссии¹⁰.

Наконец 16 июля 1752 г. КГАиФ подала в ВК краткий «мемориал», в котором объяснила, что представленные Бишевым чер-

тежи мортир-канонов «по рассмотрению оказались с чертежами пушечными, по которым во дни блаженной и вечно достойной памяти Государя Императора Петра Великого литье было, так же и с ныне употребляемым масштабом не сходны, но сочинены не знаемо на какой масштаб. Ныне же употребляемый масштаб утвержден в 1737 г. ... и означенный Бишев о негодности масштаба в продолжение своей при артиллерии не малолетней службы нигде не представлял и поныне молчал, а ныне тот масштаб негодным называть и такой высокий характер, яко артиллерийский генералитет и Канцелярию артиллерийскую поносить или незнающими называть отваживается напрасно...»¹¹

11 ноября 1752 г. в ответ на свой «мемориал» артиллерийская канцелярия получила очередной указ из ВК, которым предписывалось: во-первых, в самом скором времени приступить к отливке образцов артиллерийских орудий по чертежам, представленным капитаном Бишевым, для чего канцелярии следовало отпустить на это дело все необходимые материалы и припасы¹², а во-вторых, еще раз подтверждена необходимость создания специальной комиссии для рассмотрения вопроса об артиллерийском масштабе.

В конце указа Военной коллегии говорилось, что КГАиФ вместо добросовестного и скорейшего исполнения предписаний и указов ВК занимается «противными отговорками» и ведет себя по отношению к вышестоящему государственному органу военного управления «неосмотрительно, грубо и ...дерзновенно»¹³.

Эта история с взаимными упреками и жалобами Бишева, с одной стороны, и КГАиФ – с другой, затянулась до конца декабря 1753 г., и закончилась она совершенно неожиданным исходом. Военная коллегия, так настойчиво поддерживавшая оппозицию КГАиФ в лице капитана Бишева и некоторых других офицеров, 29 декабря 1753 г., к полному удивлению артиллерийской канцелярии, прислала указ следующего содержания: «...так как капитана Бишева на Контору артиллерийскую и фортификационную представление последовало от единого его, Бишева, безпкойного состояния, да и Военной Коллегии, якобы в наставление представляет о учреждении в артиллерийской Конторе других членов, для одних его только прихотей, чего было ему чинить отнюдь не надлежало; того ради означенного Бишева, призвав в Военную Контору, учинить ему крепкий выговор».

Очевидно, Военная коллегия поняла, наконец, кого она под-держивала, и, разочаровавшись в Бишеве, 11 мая 1754 г. на осно-вании своего указа предала Бишева военному суду¹⁴.

Что же касается идеи Бишева, предлагавшего заменить ар-тиллерийские орудия различного типа и назначения одним уни-версальным образцом, то ее нереальность была подтверждена весной 1757 г. Тогда по проекту капитанов Рожнова и Жукова, спроектировавших на основе идеи Бишева 6-, 8- и 12-фунто-вые орудия («новоинвентованные» пушки), были отлиты пер-вые 12 орудий. Предполагалось, что они будут приняты на воо-ружение полевой артиллерии обсервационного корпуса и поле-вой артиллерии действующей армии. После выступления обсер-вационного корпуса в поход новые образцы пушек были остав-лены в Пскове, где они и находились вплоть до конца Семилет-ней войны. В боевых условиях испытаны не были, а после завер-шения Семилетней войны было принято решение отказаться от них вообще¹⁵.

Кстати, отметим, что о проекте Бишева вспомнили благода-ря вниманию к нему со стороны генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова, посчитавшего конструкцию нового орудия ти-па «мортир-канона» перспективной¹⁶. Тем не менее, такая кон-струкция артиллерийских орудий, как было сказано выше, не бы-ла принята на вооружение русской армии.

Освещая вопросы развития артиллерийского дела в 40-е гг. XVIII столетия, нельзя обойти стороной продуктивную деятель-ность по усовершенствованию материальной части артиллерии и боеприпасов к ней известного русского изобретателя и ме-ханика А.К. Нартова. В одной из своих предыдущих работ мы рассматривали вопрос о вкладе А.К. Нартова в развитие рус-ской науки и артиллерийского дела¹⁷. Тем не менее, напомним, что еще в 1738 г. он предложил новый способ отливки «глухих» стволов, в которых затем на специальном станке, сконструиро-ванном им же, высверливался канал ствола заданного калиб-ра. Одновременно высверливалось и обтачивалось два ствола¹⁸. В 1741 г. изобретатель предложил новый станок, для обточки цапф и шлифовки ядер (артиллерийских снарядов). Такой ста-нок значительно повышал производительность и качество об-работки, что существенно улучшало точность артиллерийского огня. Нартов также сконструировал инструмент для проверки

правильности расположения частей ствола. И изобрел способ заделки раковин в канале ствола, который был принят не только в России, но и в Австрии, а затем и в других странах.

Суть основных претензий артиллерии полковника Плимака и капитана Бишева к нововведениям А.К. Нартова заключалась в том, что заделка в пушках, мортирах и фузеях раковин с помощью специальной сверлильной машины делает их, якобы, менее прочными, что соответственно приводит к уменьшению времени их эксплуатации или же они вообще становятся непригодными¹⁹.

Но по этому поводу в указе Ее императорского величества из Государственной Военной коллегии в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации, изданном еще в июле 1751 г., говорилось, что в донесении КГАиФ в Правительствующий Сенат от 25 августа 1746 г. было объявлено, что советником Нартовым была произведена заделка раковин не только в медных пушках, но и чугунной 3-фунтовой пушке методом сверления. После этого были произведены испытательные стрельбы усиленными пороховыми зарядами – «...по 10 выстрелов с ядер и картечи»²⁰. Пушки успешно выдержали испытание и были готовы к боевому применению. Было также отмечено, что даже после заделки раковин чугунные пушки оставались намного крепче медных, так как чугун намного жестче, чем медь, и из-за такой жесткости чугунные пушки в артиллерии никогда не переливались так, как медные²¹.

Более того, и Плимаку, и Бишеву к моменту выдвижения ими в середине 50-х гг. XVIII в. обвинений в адрес А.К. Нартова о якобы непригодности его «инвенций» в производстве артиллерийского вооружения и боеприпасов было хорошо известно, что метод заделки раковин в стволах артиллерийских орудий различного типа был апробирован еще в 40-е гг. и широко использовался на практике. Например, к 1751 г. в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Белгороде и Выборге была произведена зачинка (заделка) раковин в 300 пушках разного калибра, а также обточка (отделка) 14 бомб и ядер²².

Учитывая вышеизложенное, нам трудно объяснить причину, по которой Плимак и Бишев попытались «опровергнуть» производящие советником артиллерии Нартовым инвенции²³ и представить бесполезными для практического использования. Пли-

мак и Бишев упрекали А.К. Нартова вкупе со всем артиллерийским генералитетом и другими должностными лицами КГАиФ в том, что они, якобы, знали о том, что употребляемый в то время артиллерийский масштаб, используемый еще со времен Петра Великого, являлся негодным и он ничего не предпринял для устранения этой проблемы²⁴.

Конечно же, А.К. Нартов не мог стерпеть таких незаслуженных и не обоснованных обвинений в свой адрес и обратился в Правительствующий Сенат с жалобой на действия Плимака и Бишева и с требованием о защите чести и достоинства²⁵. Уже после смерти А.К. Нартова, скончавшегося в апреле 1756 г., Сенат дал поручение генерал-фельдцейхмейстеру П.И. Шувалову провести в очередной раз разбирательство по всем донесениям и рапортам Плимака и Бишева, поступившим в Сенат и ВК в период с 1752 по 1756 гг., в том числе и по поводу их обвинений в адрес А.К. Нартова.

П.И. Шувалов поручил Канцелярии Главной артиллерии и фортификации провести соответствующее разбирательство, потребовав перед этим «...всем присутствующим в артиллерийской канцелярии учинить присягу и помянутые о масштабе и о прочем дела им по сущей справедливости как того присяжная должность и польза государственная требует рассмотреть»²⁶. Он также велел канцелярии, чтобы в ходе расследования по всем пунктам, касающимся «...нареканий и поношений объявленных Плимаком и Бишевым артиллерийскому генералитету, штаб и обер-офицерам...», в том числе и А.К. Нартову, провести разбирательство с указанием каждого «преступления и в чем оно состоит и что ему за то и по каким законам сделать должно»²⁷. По результатам расследования П.И. Шувалов должен был принять соответствующее решение с предоставлением всем оскорбленным Плимаком и Бишевым «...по справедливости ... сатисфакции»²⁸.

Разбирательство затянулось почти на три года, в конце июля 1759 г. КГАиФ представила генерал-фельдцейхмейстеру П.И. Шувалову свои выводы и предложения. Она вновь перечислила все «грехи» капитана Бишева, среди которых и лжедонительство на офицеров артиллеристов, что они якобы злоупотребляют служебным положением, и попытка убийства из артиллерийских орудий генерал-лейтенанта артиллерии Глебова и полковника Мартынова, а также грубое и нетактичное по-

ведение со старшими по званию и должности (по отношению к тем же Глебову и Мартынову) и ряд других проступков²⁹. И, конечно же, канцелярия в очередной раз отвергла все абсурдные обвинения и нарекания как в адрес А.К. Нартова – по поводу невозможности использования на практике его изобретений, так и самой канцелярии – о применении якобы неверного артиллерийского масштаба. Ознакомившись с выводами и предложениями КГАиФ, 2 августа 1759 г. П.И. Шувалов решил, «...что хотя к скорейшей остановке озорничества, наглых и вредительных поступков ...всемерно надлежало б учредить над ним (т. е. Бишевым. – В. Б.) военный суд, но в рассуждение того что многое уже вероятно доказывается и грубость и неучтивство ... к тому и наперед сего многократно он судим бы и приговорен к жесточайшим наказаниям, ... а особливо уважая изъяснение артиллерийской канцелярии, что сие ныне учиненные худые поступки сделал он Бишев может быть будучи в несовершенном разуме...», отстранить Бишева от исполнения служебных обязанностей и арестовать. Было также предложено устроить медицинское освидетельствование на предмет годности Бишева к дальнейшему прохождению военной службы³⁰.

Канцелярии было поручено после выздоровления Бишева или подтверждения его годности по состоянию здоровья к военной службе, самым тщательным образом – если нужно, то и в присутствии свидетелей – потребовать от него объяснений по каждому его рапорту или донесению: «...чтобы ни малейшей разности в показаниях не было» – тем самым закрыть это дело раз и навсегда³¹ и «наказать преступника», дабы не предоставлять больше Бишеву возможность «...умножать подобные нынешние беспокойства»³².

П.И. Шувалов направил рапорт в Государственную Военную коллегия о результатах расследования. В частности, в нем было сказано, что «...полковник Плимак и капитан Бишев представили, что ныне при артиллерии имеется масштаб негодный», который как бы против «...его императорского величества блаженной и вечно достойной памяти государя императора Петра Великого» был утвержден артиллерийской канцелярией, «...а не коронованной персоной». И, якобы, из-за того, что не было точного масштаба, «...все беспорядки происходили и еще происходят». Были такие случаи, что «...ядра к своим пушкам и бомбы к мортирам не

годились и от того крайнишее бесчестие и неповоротные убытки артиллерии, крепостям и государству чинится могут». Якобы, и канцелярия, и весь артиллерийский командный состав целых 23 года знали о неверности артиллерийского масштаба и не предпринимали для устранения этого недостатка никаких мер. А в ответ на решение специально учрежденной для разбирательства вопроса о неверности артиллерийского масштаба комиссии, которая «...в собрании генералитета и артиллерийских штаб и обер-офицеров» ныне употребляемый масштаб утвердила и признала правильным, они – Плимак и Бишев – *«...протестовали и канцелярию злобной называли и прочие как на оную канцелярию так и на генералитет и штаб и обер-офицеров нарекания и поношения чинили»*³³.

Оскорбленная таким отношением канцелярия, а также практически весь артиллерийский генералитет и офицерский состав вынуждены были обратиться к П.И. Шувалову с требованием о сатисфакции и переводе полковника Плимака и капитана Бишева в любое другое место службы – «кроме артиллерии». Более того, устав от постоянных и назойливых претензий и упреков в адрес КГАиФ и других должностных лиц, канцелярия предложила генерал-фельдцейхмейстеру П.И. Шувалову рассмотрение всех дел, касающихся Плимака и Бишева, «...поручать кроме канцелярии кому за благо рассуждено будет»³⁴. В своем донесении Военной коллегии П.И. Шувалов поддержал все предложения КГАиФ, касающиеся Плимака и Бишева.

Заметим, что полковник Плимак, вероятно, в конце 1759 г. скончался, так как генерал-лейтенант артиллерии Глебов в своем докладе П.И. Шувалову о результатах работы комиссии по проверке правильности артиллерийского масштаба, датированном декабрем 1759 г.³⁵, упоминает о Плимаке как «умершем полковнике Плимаке»³⁶. При новом генерал-фельдцейхмейстере, А.Н. Вильбоа, история развивалась дальше.

В своем представлении КГАиФ от 27 марта 1762 г. А.Н. Вильбоа писал, что «...артиллерии капитан Бишев за учиненные артиллерии господину генерал-лейтенанту Глебову, ныне генерал-аншефу, артиллерии полковнику Мартынову *обиды содержитя под арестом*, а как и Бишев сии поступки учинил будучи в беспамятстве и о всем оным принес извинения, и потом генерал-аншеф Глебов мне объявил, что его Бишева прощает, в рассуж-

дение чего, данным от меня артиллерии господину генерал-поручику Бороздину ордером велено *ему Бишеву шпагу отдать, а что принадлежит до его объявленных в помянутом представлении преступлений, о том рассмотрение учинено будет впредь*»³⁷.

5 ноября 1762 г. капитан артиллерии Бишев подал на имя вступившей на престол императрицы Екатерины II челобитную³⁸, в которой просил вернуть ему удержанные из его жалованья по решению суда 430 р.³⁹ Основанием для этого послужил указ Екатерины II, которая по вступлении на всероссийский престол все судебные дела по долгам казенных денег, не превышающих 500 р., приказала прекратить.

Принятие решения по челобитной было поручено генерал-фельдцейхмейстеру А.Н. Вильбоа. Он распорядился вернуть Бишеву только 11 р. 41 и $\frac{3}{4}$ к., так как начиная с 1742 и по сентябрь 1752 гг. надо было взыскать с того в доход государственной казны незаконно присвоенных или растраченных 919 р. 86 к. А с учетом уже полученных от него денег и оставшейся к взысканию суммы ему и выплатили вышеуказанную небольшую сумму⁴⁰.

Не согласный с таким решением, Бишев в начале 1764 г. подал прошение на имя генерал-фельдцейхмейстера А.Н. Вильбоа с просьбой об отмене этого решения. А.Н. Вильбоа дал указание КГАиФ еще раз обстоятельно проверить, правильно ли были произведены начеты на удержание денежных средств из жалованья Бишева, и все другие нюансы, представив на его имя подробный рапорт⁴¹.

Интересно то, что в феврале 1764 г. Бишев подал в Сенат очередную жалобу, суть которой сводилась все к тому же – якобы, изобретенный им новый тип артиллерийского орудия так и не применяется на практике, артиллерийский масштаб не пригоден, а новшества уже давно умершего А.К. Нартова на самом деле не могли быть реализованы⁴².

В заключение отметим, что нам не удалось обнаружить каких-либо архивных источников, проясняющих дальнейшую судьбу двух последних жалоб Бишева, и какие были приняты по ним решения. Что касается личности самого Бишева, то изученные нами архивные источники позволяют однозначно утверждать, что этот офицер не обладал высокими морально-деловыми качествами. С начала 40-х гг. XVIII в. вплоть до конца 50-х гг. им

было совершено достаточно много дисциплинарных проступков, среди которых, выражаясь современным языком, и использование служебного положения⁴³, и бесконтрольное использование подотчетных ему денежных средств с их незаконным присвоением⁴⁴ и т. д. Кстати, за последние проступки, по решению военного суда, капитан Бишев в 1744 г. был «лишен чести своего имени»⁴⁵. Помимо этого случая, в период с 1739 и по 1749 гг. он был еще несколько раз привлечен к военному суду⁴⁶.

Трудно объяснить, почему Военная коллегия, прекрасно знавшая моральные и деловые качества капитана Бишева, в начале 50-х гг. целиком и полностью приняла его сторону, в том числе и в обвинениях по поводу якобы непригодности новшеств А.К. Нартова для производства артиллерийского вооружения. Еще в 1741 г. за заслуги в области развития артиллерии А.К. Нартову было присвоено почетное звание «советника артиллерии» и он стал принимать участие в заседаниях Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, в ходе которых принимались решения по важнейшим вопросам производства артиллерийского вооружения. За новшества и изобретения в области артиллерии в 1754 г. Андрею Константиновичу был присвоен чин «статского советника», соответствующий генеральскому званию. Может быть, нападки указанных лиц на Андрея Константиновича стали одной из причин его преждевременной кончины в 1756 г.

С 1748 по 1756 гг., пока в артиллерийском и инженерном ведомстве и главном органе их управления не был назначен его главный начальник – генерал-фельдцейхмейстер, ничего существенного и нового в развитии артиллерийского и инженерного дела не произошло: ни улучшения организации ее делопроизводства, ни улучшения системы управления подчиненными ей артиллерийскими и инженерными частями и подразделениями. Практически в течение всего указанного периода канцелярия занималась, если можно так сказать, выяснением отношений с вышестоящим органом – Государственной Военной коллегией.

Упадок двух центральных органов военного управления негативно отразился на многих вопросах организации повседневной жизнедеятельности русской армии в целом, и артиллерийского и инженерного корпусов, в частности.

Хотя императрица Елизавета Петровна в первые годы своего царствования и заявляла о том, что в области военного строительства она будет руководствоваться правилами, предусматривающими восстановление в армии порядка, существовавшего во времена ее отца – Петра Великого,⁴⁷ тем не менее, она не допускала каких-либо кардинальных нововведений и реформ. Только в начале второй половины XVIII столетия при Государственной Военной коллегии была образована комиссия для обсуждения реформ в области военного дела, а затем 24 августа 1754 г. учреждена аналогичная комиссия при Правительствующем Сенате. В начале 1755 г. она была соединена с аналогичной комиссией, созданной при Военной коллегии⁴⁸. К началу Семилетней войны свою работу вышеозначенная комиссия завершить не успела.

В докладе высшего органа государственного управления – Конференции, поданном 31 мая 1756 г. на имя императрицы, который подписали Петр, Великий князь, граф Алексей Бестужев-Рюмин, граф Михаил Бестужев-Рюмин, князь Трубецкой, А. Бутурлин, граф Михаил Воронцов, князь Михаил Голицын, Степан Апраксин и граф Александр Шувалов, говорилось, что «...артиллерия не имеет многие годы к ряду главного командира т. е. генерала фельдцейхмейстера. При частых переменах нижних командиров для случающихся при том почти неминуемо многих неисправностей и упущений, *ныне в такое слабое и не выгодное состояние пришла,...* и *важный артиллерийский корпус без скорого определения к нему главного командира легко может вместо нужного теперь поправления, до того дойти, что и самое поправление будет не весьма поздно*, то однако ж крайне трудно будет, *ибо сила сего корпуса не во множестве скоро набираемых но паче в искусных и способных людях состоять имеет*»⁴⁹ (орфография документа сохранена).

Кстати, что касается самой Конференции, образованной в 1756 г., ее деятельность для военного управления, кроме вреда, ничего не принесла. В ее состав входило много лиц, совершенно некомпетентных в военном деле, что в свою очередь только усложняло взаимодействие между главнокомандующими армиями и ухудшало общее положение дел. Опыт Семилетней войны как раз и показал многие недостатки всей системы военного управления.

Мы полагаем, что вплоть до середины 50-х гг. XVIII столетия полной преемственности в отношении петровских правил и принципов в области военного строительства и управления армией не произошло. В этом плане многое из заявленного Елизаветой I при ее вступлении на российский престол так и осталось на декларативном уровне.

¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. 574 с. С. 214.

² История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М.: Центральная типография МО, 1960. 686 с. С. 184–185.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3157. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 3154. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Оп. Генеральное Повытье. Д. 41. Л. 235.

⁷ Там же. Л. 236 об.

⁸ Там же. Л. 236.

⁹ Там же. Л. 270.

¹⁰ Там же.

¹¹ Столетие военного министерства... С. 218–219.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Генеральное Повытье. Д. 41. Л. 375.

¹³ Там же. Л. 378.

¹⁴ Столетие военного министерства... С. 220.

¹⁵ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 185.

¹⁶ Нилус А.А. История материальной части артиллерии. В 2-х т. Т. 1. История материальной части артиллерии от первобытных времен до XIX века. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1904. 299 с. С. 260–261.

¹⁷ Бенда В.Н. К вопросу о вкладе Андрея Константиновича Нартова в развитие науки и артиллерийского дела во второй четверти XVIII в. // Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami – 2013» 07–15 listopada 2013 roku. Vol. 14. Historia: Przemysł. Nauka i studia. 80 str. С. 52–59.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 249. Л. 18–19.

¹⁹ Там же. Д. 3157. Л. 1–22.

²⁰ Там же. Д. 3151. Л. 3.

²¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 203. Л. 1об.–2.

²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3151. Л. 63 об.–64.

²³ Там же. Д. 3157. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 3153. Л. 5об.

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

- ²⁹ Там же. Л. 8.
³⁰ Там же. Л. 8–9.
³¹ Там же. Л. 9–9 об.
³² Там же. Л. 9 об.
³³ Там же. Л. 10 об.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же. Д. 3154. Л. 1–34.
³⁶ Там же. Л. 1 об.
³⁷ Там же. Д. 3153. Л. 25.
³⁸ Там же. Л. 31–32.
³⁹ Там же. Л. 30.
⁴⁰ Там же. Л. 33 об.
⁴¹ Там же. Д. 3157. Л. 2.
⁴² Там же. Л. 1.
⁴³ Там же. Д. 3153. Л. 10 об.
⁴⁴ Там же. Л. 1–2 об.
⁴⁵ Там же. Л. 1 об.
⁴⁶ Там же. Д. 3156. Л. 1–8.
⁴⁷ Там же. Оп. ШГФ. Д. 862. Л. 158–159; ПСЗ. Т. XI (1740–1743). СПб., 1830. 988 с. № 8480. С. 544–546.
⁴⁸ Там же. Оп. Сборная. Д. 3312. Л. 13–13 об.
⁴⁹ Там же. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 15 об.

С.Н. Бирюк (Псков)

**ПРИЗРЕНИЕ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ,
ПРИЗВАННЫХ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ
ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В ХОДЕ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.
НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

МОБИЛИЗАЦИЯ в Псковской губернии для войны с Японией довоенными планами не предусматривалась. Однако первое столкновение с японской армией на реке Ялу показало, с каким серьезным противником предстоит борьба. Для усиления русской армии в Маньчжурии было решено направить 1-й армейский корпус из Петербургского военного округа¹.

С выступлением многих частей на фронт и призывом запасных нижних чинов на военную службу жены и дети многих нижних чинов, а также их престарелые родители, бывшие иждивенцами призванных, остались без достаточных средств к жизни. Утвержденный 1 января 1874 г. Устав о воинской повинности, кроме того, что устанавливал порядок исполнения населением этой личной повинности, предполагал призрение семейств чинов запаса и ратников ополчения, призванных в военное время на действительную службу. Пункт 35 Устава гласил: «Семейства чинов запаса, призванных в военное время на действительную службу, призываются земством, равно как городскими и сельскими обществами, в среде коих сии семейства находятся. Тем обществам, которые не в состоянии будут своими средствами обеспечить нуждающиеся семейства, выдается необходимое пособие из казны». В отношении ратников ополчения действовал пункт 41 Устава².

Эти положения получили развитие в утвержденных 25 июня 1877 г. Правилах «О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное вре-

мя на службу». В соответствии с Правилами семейства должны поступать на попечение земства, городских и сельских обществ. Правом на призрение от земства, городских и сельских обществ, при отсутствии достаточных средств к существованию, пользовались жена и дети призванного на службу. Также правом на призрение могли воспользоваться близкие родственники, бывшие на иждивении призываемого. Они могли рассчитывать на следующую помощь:

1) от города или селения, в зависимости от места жительства – получение бесплатного помещения, с отоплением, если не было собственного помещения или дарового приюта;

2) от земства, в пределах которого находились на жительстве, – получение продовольствия натурой или деньгами, из расчета на каждого иждивенца не менее пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы и 4 фунтов соли в месяц.

Кроме того Правила устанавливали, что в дополнение к довольствию земство и общества «принимают и другие возможные по обстоятельствам и средствам меры для обеспечения семейств» призванных в вооруженные силы. Определение мер «предоставляется ближайшему усмотрению земских собраний, городских дум, волостных и сельских обществ, по принадлежности»³.

Призрение также касалось семейств воинских чинов, убитых или без вести пропавших на войне, или же умерших от ран, полученных в сражениях, впредь до получения ими согласно примечанию п. I к статье 37 Устава о воинской повинности особых пенсий из сумм Александровского комитета о раненых⁴.

Жена и дети, нуждавшиеся в призрении, должны были заявлять об этом устно или письменно: проживавшие в городских поселениях – уездной земской или городской управам либо полицейскому управлению, проживавшие в уезде – волостному старшине, уездной земской управе или становому приставу. За лиц, не имевших возможности сделать о себе заявление лично или через родственников, с соответствующей просьбой обращались владельцы домов, в которых те проживали, а в селениях – сельские старосты. Заявления вносились в особую шнуровую книгу и далее, не позже трех дней со времени поступления, передавались в уездную земскую или городскую управы. С заявлениями передавались сведения о семейном и имущественном по-

ложении семьи. Обязательным было уведомление губернатора о заявлениях. Отчеты об израсходованных суммах должны были предоставляться МВД каждые три месяца.

Министр внутренних дел Плеве в циркуляре № 3 от 25.02.1904 г. просил губернаторов принять все меры на «своевременное удовлетворение всех поступающих от упомянутых семейств заявлений о призрении, кои заслуживают уважения»⁵.

2 июля Псковское губернское по воинской повинности присутствие разослало земским начальникам Холмского и Порховского уездов требования предоставить сведения о семейном положении всех призванных на действительную службу запасных во время частной мобилизации, проведенной в июне 1904 г., по следующим категориям:

1) сколько семейств, состоящих из жены и детей, остались без работника за уходом отца или мужа на службу;

2) сколько семейств, состоящих из отца, матери, деда, бабки, братьев, сестер, остались без работника за уходом на службу сыновей, внуков, старших братьев;

3) сколько многосемейных, за уходом одного из членов семьи на службу, остались без достаточного количества работников;

4) сколько таких семей, где уход на службу одного из членов семьи не повлиял на работоспособность семьи, сюда же должны были быть причислены обеспеченные в имущественном положении.

Оговаривалось, что сведения должны быть представлены в цифровых данных, сумма которых будет равняться количеству запасных⁶.

В фондах Государственного архива Псковской области (ГАПО) обнаружены сведения Островского, Порховского и Холмского уездов. Порховский и Холмский уезды предоставили сведения по волостям и участкам. Всего в списках числилось 4682 семейств, из них 1962 были отнесены к 1-й и 2-й категориям. Согласно разнарядке по 18 Мобилизационному расписанию в ходе третьей частной мобилизации было призвано 4699 запасных нижних чинов. Таким образом, количество семейств практически соответствует количеству запасных. Чуть менее половины семейств нуждались в призрении.

МВД Порховской городской управы 10 июля 1904 г. докладывало губернатору о принятых мерах по помощи нуждающимся

семьям. Из капитала, собранного по подписке в честь 5-летнего юбилея священно-архимандрита Псково-Печерского монастыря отца Мефодия, управа выдавала семействам нижних чинов из местных жителей, предоставляющим удостоверения бедности от полиции, пособие в следующем размере: матерям, отцам и женам – по 2 пуда ржаной муки, 10 фунтов круп и 5 фунтов соли – и детям – 1 ½ пуда ржаной муки, 10 фунтов круп и 5 фунтов соли каждый месяц. Управа, так как средств не хватало, приступила к проверке имущественного и семейного положения призванных⁷.

Порховский уездный начальник 20 июля 1904 г. в письме земскому начальнику Порховского уезда сообщал о бедственном положении семей военнослужащих: «...но заявления не прекращаются, а принимают только другой характер – заключая в себе глухой ропот на оставление без призрения по тем соображениям, что у призванного запасного числятся живущие в отделе братья, которые должны кормить и заботиться об оставленных семьях»⁸.

Губернатор выслал в Порхов члена Псковского губернского по воинской повинности присутствия надворного советника А.В. Назимова для проверки. Выяснилось, что Псковская губернская земская управа выслала в Порховскую уездную управу авансом 500 р. Этих денег было недостаточно, и из Порхова запросили 11 801 р. 74 к. Губернская управа отказала, так как, согласно постановлению, деньги выдавались по частям и следующая часть должна была произведена только после отчета об использовании аванса⁹. Уездная управа, не имея возможности суммой 500 р. удовлетворить все прошения, выдала 3000 р. из средств, ассигнованных на содержание личного состава. Согласно спискам по Порхову и уезду, насчитывалось 2500 едоков, каждому из них выдано без различия возраста 1 р. 60 к., итого 3500 р. 23 июля отчет об израсходовании этих средств был направлен в губернскую управу, и было запрошено вернуть израсходованные 3010,4 р. и ассигновать на август аванс в 500 р.¹⁰

Что касается циркуляра Порховского уездного воинского начальника, то он, по рапорту Назимова, «...был выслан... по оплошности писца. Вызван этот циркуляр был тем, что пока уездная управа переписывалась с губернской об ассигновании денег на продовольствие семей запасных, нуждающиеся семьи масса-

ми приходили к воинскому начальнику с просьбами о пособии, почему он и решил обратиться с воззванием к земским начальникам для ускорения обеспечения нуждающихся в пособии, но в то время раздача пособия уже производилась»¹¹.

Жалоб на неправильную выдачу пособий не получалось, но большое количество просьб о пособии, «по мнению должностных лиц, поступает ввиду того, что многие из солдаток по своему семейному положению получают по 8-12 руб. в месяц, т. е. такие деньги, которые никогда мужья их не зарабатывали»¹².

В пособии иногда отказывалось, и на имя губернатора поступали прошения. Так, 10 августа поступило прошение от крестьянки д. Клинь-Кошаки Столопенской волости Холмского уезда Домники Ивановой. У нее было четверо детей, старшему было 14 лет. Иванова сообщала, что земский начальник 3 участка Холмского уезда отказал в пособии, так как у нее оказался деверь Яков Тимофеев, который может позаботиться о ней. У деверя на иждивении находились трое детей, престарелые мать и отец, по мнению Ивановой он, «имея лишь наделенную землю и такую семью, может мне в прокормлении отказать, что в будущем и будет, так что я, не получая пособия, должна прокармливать детей именем Христа». Иванова просила губернатора сделать распоряжение о выдаче ей и детям пособия, которое ей положено¹³.

5 августа 1904 г. император повелел образовать губернские и уездные комитеты по призрению семейств нижних чинов. Исполняющий должность губернатора вице-губернатор барон Медем на основании циркуляра МВД от 23 августа 1904 г. просил земских начальников губернии оказывать поддержку семьям призванных нижних чинов не только согласно закону (Устав о Воинской повинности, ст. 38, приложение, статья 3), но и всем миром. Циркуляр № 3778 от 23 августа гласил: «Вполне для сельского общества доступным способом оказания семье нижнего чина ..., являлась бы общественная всем миром помощь в хозяйстве нуждающейся семье, при уборке поля, посеве озимого хлеба, молотье урожая, рубке дров на отопление, починке избы и хозяйственных построек и т. п., что вменять сельским обществам такую помощь в виде натуральной повинности невозможно, ибо закон доставляет дополнительное восполнение семьям нижних чинов — усмотрению самих обществ, по мере воз-

возможности имеющихся средств, и нежелательно, так как подобная мера могла обострить отношения к членам семьи, в пользу которой она бы применялась, их односельчан и что достигнуть того же результата, путем разъяснений крестьянам со стороны их ближайшего начальства и приходского духовенства обязанности приходить всем обществом на помощь в хозяйстве тех своих односельчан, которые призваны к высокому подвигу служения родине на ратном поле, представлялось бы возможным и желательным»¹⁴.

В фондах ГАПО наиболее полные данные о получавших пособия имеются только за 1904 г. Сумма пособия в среднем была чуть выше установленных 1 р. 60 к. Среднемесячное количество семейств, получающих пособие – чуть более 2000, а мобилизовано было свыше 4500 человек.

Естественно, что ходатайства на получение пособия продолжали поступать. Так, крестьянка из д. Сельцо Торопецкой волости Марья Симанова просила губернатора о пособии для себя и двух детей. В письме губернатору земский начальник 1-го участка Холмского уезда сообщал, что братья ее мужа, с которыми нераздельно живет Симанова, «имеют хорошее крестьянское хозяйство и материально вполне обеспечены». Согласно приложению к этому письму, у них имелось 27 десятин земли, 2 лошади и 7 коров. Семья состояла из свекрови 55 лет, семей двух братьев с двумя малолетними детьми и сестры мужа. В пособии Симановой было отказано¹⁵.

Не все заявления получали отказ. Так, 9 апреля 1905 г. с прошением обратилась солдатка Холмского уезда Екатерина Емельянова. Она сообщала, что на ее попечении 5 детей и при семье из 10 человек работоспособен только ее свекор, «а посему и дети мои в тягость для остальных членов семьи». Емельянова указывала, что выдаваемое ей пособие в 6 р. 75 к. меньше нормы. Губернатор поручил разобраться с этим вопросом. Оказалось, что постановлением предводителей уездных земских управ Псковской губернии от 16.02.1905 г. решено «пайки назначать не по числу членов призреваемого семейства, а по степени нужды, испытываемой семейством». Управа провела повторное обследование материального положения и назначила четыре пайка 31 августа 1905 г.¹⁶

Запасные нижние чины и по собственному почину могли подавать ходатайства губернатору о выдаче их семействам посо-

бия. Уездные земские управы собирали необходимые сведения о семейном и имущественном заявителей. Решения, принятые гражданскими властями по ходатайствам через командиров войсковых частей, доводились до заявителей.

В фондах ГАПО сохранился ряд документов подобного рода. Уже через два-три месяца после призыва на действительную службу запасные начали подавать прошения псковскому губернатору на получение пособия. В прошении указывалось количество детей и писалось: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о выдаче жене моей с детьми пособия». Например, 147-го пехотного Самарского полка Михаил Иванов просил выдавать его жене пособие. Порховская управа на запрос губернатора отвечала, «...что жене просителя Михаила Иванова пособие не выдается ввиду того, что он, Иванов, принят на службу не запасным, а новобранцем при общем наборе»¹⁷. Здесь произошло нарушение прав, так как семейства нижних чинов, которых приведение войск застало на действительной службе, также пользовались призрением на основании Временных правил о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения.

Призрение продолжалось до возвращения призванных к своим семействам и было обязательным не более истечения годичного срока со дня объявления Высочайшего повеления о приведении армии на мирное положение. Призрение со стороны земства, городских и сельских обществ прекращалось с момента увольнения из войск призванных на службу нижних чинов и ратников государственного ополчения или со времени получения гражданскими властями официальных извещений о ссылке нижних чинов в арестантские роты, или об исключении их из войск за преступления, совершенные на службе. Согласно Правилам, семейства, мужья и отцы которых по увольнении из войск не возвратились домой, пользовались призрением в течение годичного срока со времени приведения в мирный состав части, в которой служил призываемый. Мирный договор с Японией был ратифицирован в сентябре 1905 г., и в ряде мест прекратили выдачу пособий. Это было сделано преждевременно, так как части войск не были приведены в состав мирного времени.

По поручению Главного штаба, Петербургский военный округ 12 ноября 1905 г. посылает запрос псковскому губернатору:

«Ввиду заявлений некоторых округов и частных лиц о прекращении пособий семьям запасных до возвращения их из войск, необходимо выяснить точно, в каких именно уездах и волостях, а также, по возможности, кому именно прекращено пособие»¹⁸.

Псковская уездная земская управа сообщила губернатору «что случаев прекращения выдачи пособий семействам запасных до возвращения их из войск, в Псковском уезде не было»¹⁹. Аналогичный ответ дала Островская управа, отметив, что «Выдача временно задерживалась лишь в тех случаях, когда не получались деньги из Губернской управы, по получении которых тот час же восстанавливалась»²⁰.

Опочецкая управа сообщала, что выдача прекращалась только в случае возвращения призванного домой, при условии, если возвратившийся работоспособен. Как и в Островской управе, отмечалось, что «...жалобы на прекращение выдачи пособия могли возникнуть вследствие того, что деньги, необходимые для выдачи пособий, несвоевременно переводятся губернским земством». В начале декабря 1905 г. Опочецкая управа сообщала, что «...выдает пособие только за первую половину октября месяца, т. е. с запозданием на 1 ½ месяца, что естественно вызывает недовольство среди населения»²¹.

Подводя итог, можно отметить, что Русско-японская война обусловила значительную нагрузку на земство и гражданские власти Псковской губернии. Хотя в Российской империи имелись законы о призрении семейств чинов запаса и ратников ополчения, призванных в военное время на службу, на практике они были связаны со множеством недоразумений. В частности, критерии имущественного и семейного положения не были четко установлены. Правила от 25 июня 1877 г. не были направлены на поддержание хозяйственной деятельности населения, ограничиваясь призрением. Солдатке нередко отказывали в пособии на тех основаниях, что она жила с родственниками, которые ее могли поддержать; либо жила отдельно, но имела средства к содержанию своих детей; либо имела дом и взрослых сыновей. Очевидным было желание земства и властей уменьшить число тех, кому надо было помогать. В ходе войны было создано несколько благотворительных организаций, Алексеевский главный комитет. Эти организации взяли на себя материальные расходы по помощи семействам, однако на местах сбором дан-

ных и выдачей пособий занимались земства и местные власти. И деятельность эта продолжалась в течение длительного времени после окончания войны.

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1910. С. 27.

² ПСЗРИ. Собр. II. Т. XLIX. Отд. I. С. 7.

³ Там же. Т. LII. Отд. I. С. 751–752.

⁴ Государственный архив Псковской области (далее ГАПО). Ф. 77. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 10. Л. 35.

⁸ Там же. Л. 37 об.

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 38 об.

¹¹ Там же. Л. 39.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 25. Л. 4–4 об.

¹⁴ Там же. Ф. 79. Оп. 2. Д. 524. Л. 10–10 об.

¹⁵ Там же. Л. 123–125 об.

¹⁶ Там же. Ф. 77. Оп. 2. Д. 7. Л. 88–88 об.

¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 145–146.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 5–5 об.

²¹ Там же. Л. 6–6 об.

В.А. Бобков (Брянск)

ОКРУЖНЫЕ АРСЕНАЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

ОБШИРНАЯ ТЕРРИТОРИЯ Российской империи имела много стратегически важных мест. При учреждении нового опорного пункта, особенно территориально отдаленного от уже существующих центров промышленного производства, в нем устраивали артиллерийские (пушечные) дворы. Так, в период добровольного присоединения к России Младшего жуза казахов, на прошение Абулхаир хана царица Анна Ивановна прислала «статского советника Ивана Кирилова и нашего же полковника мурзу Маметя Тенкелева, и указала город при устье Орь реки построить, и людьми и артиллериею – пушками и мортирами и прочим воинским снарядом снабдить»¹.

В ходе реализации решения Анны Ивановны по созданию в Оренбургской крепости артиллерийского производства в 1734 г. туда для создания артиллерийского двора направили артиллерийских служителей: бомбардиров – двух, канониров – четырех. Впоследствии здесь основали окружной арсенал военного ведомства России. По сведениям военно-статистического обозрения Российской империи, на первую половину XIX в. «артиллерийских арсеналов в крае два: 1) окружной арсенал в г. Оренбург и 2) арсенал при Златоустовском заводе»².

В других городах Сибири ситуация была аналогичной. В Омске и близлежащих военных сооружениях организованного производства артиллерии не существовало. Работы по производству артиллерии не носили системный характер. Так, в 1714 г. по указу Петра I в Омске основали крепость³. На этапе строительства крепости мастеровая команда для организации защиты готовила пушки, лафеты и другие элементы материальной части

артиллерии. В дальнейшем крепость существовала без литейного двора или мастерских.

В разных местах государства создавали новые укрепленные центры обороны. В 1784 г. был основан арсенал в Херсоне. Строили арсенал с 1784 по 1788 гг. Руководил строительством инженер Иван Струговщиков, а проект подготовил Викентий Ванрезант. Первоначально в арсенале Херсона хранили артиллерию, оружие и боеприпасы для армии, дислоцированной в Новороссийском крае, а позднее он стал именоваться окружным арсеналом и занимался еще ремонтом материальной части артиллерии. Вероятно, в конце XIX в. Херсонский окружной арсенал утратил свое значение и был упразднен. Здание перестроенного арсенала сохранилось до наших дней.

При ремонте здания арсенала в 1971 г. была найдена медная закладная доска с надписью: «Оружейная в Херсоне Палата Заложена лета господня: 1784 августа в 8 день. Екатерина II Основательница Града Августейшая Благочестивая Благодеиствующая Великая Россов обладательница. Григорий Александрович Потемкин Князь Священной Римской Империи Губернии Наместник»⁴.

В 1784 г. был основан и еще один арсенал – в Севастополе. К началу Крымской войны Севастополь, был главным военным портом на юге России. Помимо прочего, там находился «окружный арсенал»⁵.

Через Прибалтику шло вторжение в Россию немцев, поляков, шведов в различных военно-политических «комбинациях». В результате стремления к самосохранению и защите своих национально-государственных интересов, в упорной борьбе за выход к Балтийскому морю «Россия овладела Прибалтикой»⁶.

В начале XVIII в. Латвия (в те годы Лифляндия) вошла в состав России. «Рига, главный город в Лифляндии, по соизволенной капитуляции нам сдался и в подданство подвергся»⁷. В конце XVIII в. военное значение Риги усилили. В ходе работы реконструировали Рижскую цитадель, построили дом коменданта, жилье для офицеров, казармы, православную церковь. В «Риге и Динабурге сооружаются здания военных госпиталей и арсеналы»⁸.

Здание окружного артиллерийского арсенала расположили на территории цитадели. Арсенал строили по плану инженер-генерал-майора Я.-Э. де Витте. План содержал схему расположе-

ния артиллерийских цейхгаузов с мастерскими и службами. В 1799 г. в Риге «заложили фундамент, а уже через два года арсенальный комплекс сдали военному ведомству»⁹.

В рассматриваемый период происходили существенные изменения в международной обстановке, что требовало усиления внимания к обороноспособности государства. Все большее значение придавалось развитию артиллерийского производства.

Военное руководство государства понимало сложность существующего положения и активно усиливало имеющиеся и создавало новые крепости. При этом создать целостную систему крепостей для обороны государства к началу войны 1812 г. не удалось. Многие положительные планы не воплотили в жизнь. Так, не получил движения «обширный проект возведения целой системы крепостей на западной границе»¹⁰.

Вплоть до конца XVIII в. существовали артиллерийские дворы, которые в значительной степени были автономными центрами производства, не входящими в единую систему артиллерийского производства в России.

На волне военных реформ начала XIX в. проходили преобразования и в артиллерии. Была реформирована гарнизонная артиллерия, которую организовывали по принципу округов, число которых колебалось в зависимости от территориальных приобретений и потерь России. Стараниями графа А.А. Аракчеева в 1809 г. прошли преобразования крепостной артиллерии, «нестройной массе артиллерийских гарнизонов был дан прочный состав»¹¹.

Обстановка требовала от военного руководства государства упорядочить систему ремонта артиллерии в России. Реформировали и арсеналы, в результате переименовывали артиллерийские дворы, включали их в систему арсеналов. Так, артиллерийский двор в «Оренбурге переименовали в окружной арсенал»¹².

Важной датой становится 1809 г., фактически это был год создания единой системы окружных арсеналов России. В 1809 г. части гарнизонной артиллерии были разделены на 10 артиллерийских округов: «С.-Петербургский, Старофинляндский, Новофинляндский, Лифляндский, Киевский, Южный, Кавказский, Астраханский, Оренбургский, Сибирский»¹³.

По решению 1809 г. окружные арсеналы должны были состоять: Финляндского – половина в Выборге, а другая в Свеабор-

ге, Лифляндского – половина в Риге, а другая в Динабурге, Южного – в Херсоне, Западного – в Новогеоргиевске, Оренбургского – в Оренбурге, Сибирского – в Омске¹⁴.

Во главе округа стояло окружное артиллерийское управление. В состав округа входили артиллерийские гарнизоны, гарнизонные артиллерийские роты, сведенные в бригады, лабораторные роты и арсеналы. Если общее управление местных, а в мирное время и подвижных артиллерийских арсеналов было вверено особому инспектору, то окружные арсеналы состояли в ведении начальников тех округов артиллерийских гарнизонов, при которых они были учреждены.

С момента создания в России системы артиллерийских округов были необходимы и предприятия, обслуживающие нужды артиллерии того или иного округа. Этими предприятиями стали оформившиеся окружные арсеналы.

На законодательном уровне закрепили функции окружных арсеналов. В Своде Военных Постановлений было сказано: «Окружные арсеналы учреждены для исправления крепостной артиллерии и прочих вещей артиллерийского ведомства в крепостях тех артиллерийских округов, в которых они устроены»¹⁵.

Создание окружных арсеналов явилось завершающим этапом создания более крупной системы арсеналов военного ведомства России. В указанной системе окружные арсеналы являлись подсистемой. Во главе большой системы были наиболее крупные, так называемые местные арсеналы (в С.-Петербурге, Киеве и Брянске)¹⁶, при местных в 1808 г. создали подвижные арсеналы (№ 1, 2, 3)¹⁷, и, наконец, создание в 1809 г. окружных арсеналов, ремонтирующих артиллерию в артиллерийском округе, стало итогом. В последующие годы шел процесс укрепления, перегруппирования и количественного увеличения системы окружных арсеналов России.

В 1810 г. по указу императора Александра I в городе Даугавпилс (Динабург, Витебской губ.), как и в Риге, начали строительство цитадели. Руководил работами военный инженер, генерал-майор Е.Ф. Теккель. Однако вторжение Наполеона в Россию прервало их ход. 12 марта 1813 г. по указу императора Александра I строительство продолжили, так как крепость была «на пути любого потенциального противника, идущего из Западной Европы по направлению на С.-Петербург»¹⁸.

Основное строительство было закончено в 1833 г., второстепенные работы завершили лишь к 1878 г. Территорию внутри крепости разделили на двадцать кварталов, «здесь поставили казармы, жилые дома командного состава и гражданских лиц, госпиталь на 500 коек, здание штаба, дом коменданта, инженерный и артиллерийский арсеналы»¹⁹.

После изгнания из России французской армии укрепили окружной арсенал и в Вильно. География размещения арсеналов зависела от военно-стратегического значения населенного пункта. Вильно был важным стратегическим узлом и находился «на кратчайших путях от границы на Петербург и Москву»²⁰. Точная дата создания Виленского арсенала неизвестна. Из материалов переписки военного ведомства России начала XIX в. следовало, что Виленский окружной арсенал «учрежден, когда и кем, по имении дел до 1813 г. неизвестно, но оный состоит в губернском городе Вильно при реке Вильне, по которой судоходства никакого не имеется, кроме того впадает при г. Ковно в реку Неман»²¹.

С началом кампании 1812 г. подвижные арсеналы России отсоединились от местных арсеналов и направились к армии для ремонта артиллерии на театре военных действий. После окончания войны Брянский подвижной арсенал № 2 к местному арсеналу не вернули, а вплоть до 1833 г. расположили в Вильно. Разумно предположить, что опытная мастеровая команда Брянского подвижного арсенала и составила кадровое ядро Виленского окружного арсенала.

С присоединением к России новых территорий увеличивали и количество окружных арсеналов, обслуживающих армию. В результате к «1820 г. количество округов увеличили до 12»²².

Окончательная победа России над Францией привела к перебазированию армии. Россия активно закрепляется на стратегически важных территориях. Для поддержки армии в новых регионах дислокации создавали новые окружные арсеналы. Так, Грузинский окружной арсенал был «учрежден в г. Тифлисе в 1816 г. неподалеку от реки Куры, на коей судоходство не учреждено»²³.

Кавказский окружной арсенал появился несколько позднее и был «построен в 1819 г. в Кавказской области Георгиевского уезда в заштатном г. Георгиевск, от губернского города в 178-ми верстах, при реке Подкушке, которая никакого сообщения с общею системою судоходства не имеет»²⁴.

Кавказский регион, присоединенный к России, в промышленном отношении был слабо развитым. Характеризуя крупную промышленность на Кавказе, в делопроизводственной переписке указывали: «...промышленность в здешнем крае почти не существует»²⁵.

При этом мелкое производство оружия на Кавказе и за Кавказом существовало с давних времен. В.Е. Маркевич отмечал, что еще «...в средние века получили известность армянские оружейники в Эрзуруме, Тифлисе и Ахлате; изделия их вывозились в Дамаск и иные города. В Тифлисе и других городах Грузии отличное оружие изготовляли и грузинские оружейники, а также оружейники многих других северокавказских племен»²⁶.

Появление окружных арсеналов было связано с непростой военно-политической ситуацией в этом недавно присоединенном к России регионе. «Ни Стамбул, ни Тегеран не желали признавать акты присоединения кавказских народов и областей к России, настойчиво требуя отвода русских войск аж за Терек. В таких требованиях они находили поддержку Британии и Франции»²⁷.

О значительности указанной поддержки свидетельствуют целый ряд фактов. В частности, когда в 1826–1828 гг. в период войны России с Персией русские взяли Тавриз, то помимо прочего они захватили сорок орудий, «богатый арсенал, а главное, пороховой и литейные заводы, на которых в последнее время так деятельно работали англичане»²⁸.

Более того, среди пленных были пять офицеров-инженеров из персиян, учившихся в Англии. Все это свидетельствовало о том, что создание российской стороной окружных арсеналов в кавказском регионе было своевременным и необходимым явлением в целях поддержания военно-технического баланса.

Волей судьбы Тавризский арсенал, созданный против России, работал на интересы русской армии. Так, для организации движения обозов и артиллерии армии России по глубоким снегам, в Тавризском арсенале из толстых, сплоченных между собой бревен, окованных железом, делали особые треугольники, употребляемые в Финляндии для расчистки дорог. Треугольники разгребали снег, «оставляя за собой сглаженную дорогу, по которой колесный обоз, поставленный на зимние полозья, и пушки могли двигаться»²⁹.

С начала XIX в. ведется отсчет времени военного присутствия России в Тифлисе. По свидетельствам современников, с приходом новых управляющих город изменился к лучшему. Немец Мориц фон Коцебу писал в 1817 г.: «Своим нынешним благоустроенным обликом этот город обязан генералу Ермолову. За короткое время он построил дома, улицы, тротуары, площади»³⁰. Англичанин Кер Портр тогда же вспоминал, что дом управляющего, арсенал, больница, церковь и «несколько вилл в окрестности – единственные здания в городе, которые в какой-то мере напоминают Европу»³¹.

После окончания наполеоновских войн к России окончательно присоединили Польшу. В силу повышенного внимания военного руководства к проблемам безопасности в Европе наиболее мощным среди других окружных арсеналов было предприятие в Варшаве.

Варшавский окружной арсенал возник на базе ранее существовавшего производства. Еще 19 мая 1638 г. Речь Посполитая за 300 злотых выкупила пустые поля, принадлежащие братству св. Бенона. На выкупленных землях «под управлением генерала артиллерии Павла Гроджицкого начато строение арсенала»³².

Как утверждает в историческом исследовании польского историка Збигнева Бани, в конце XVIII в. артиллерия и артиллерийское производство Речи Посполитой не уступали «своими возможностями подобным арсеналам в других странах Европы»³³. Вероятно, к концу XVIII в. – первой четверти XIX вв. Варшавский арсенал действительно был крупным военно-промышленным предприятием. Известно, что здесь внедряли передовые технические новинки. Так, «в 1825 г. была установлена паровая машина»³⁴.

На момент присоединения Польши к России арсенал в Варшаве, хотя и являлся мощным предприятием, не мог обеспечить все имеющиеся потребности в артиллерии. Более того, даже несколько десятилетий спустя производительность Варшавского арсенала оставляла желать лучшего. Это подтверждают ряд фактов. Варшавский окружной арсенал попал в центр событий русско-польского противостояния в 1830–1831 гг. Так, «17 (29) ноября 1830 г. отряд инсургентов напал на Бельведерский дворец (варшавскую резиденцию наместника)... Одновременно мятежники овладели арсеналом и призвали варшавян к восстанию»³⁵.

Для вооружения сторонников независимости Польши потребовалось оружие. В арсенале имелись запасы огнестрельного оружия, но его явно было недостаточно, судя по тому, что часть повстанцев вооружили косами. В силу потребности в артиллерии, которую не восполнял Варшавский арсенал, к ее производству привлекли и другие заводы Польши, но и этого было недостаточно. А.К. Пузыревский отмечал по этому поводу: «Наибольшие затруднения поляки встретили в изготовлении орудий: литейные заводы в Кельцах, Кракове и Маримонте не могли справиться с заказами»³⁶.

Россия не испытывала проблем с нехваткой артиллерии, вся необходимая помощь армии была оказана. В 1831 г. для похода на Польшу сформировали артиллерийские парки, к чему привлекли арсеналы России. Так, № 3-й парк формировали в Брянске, а «№ 5 парк при арсенале в Вильне»³⁷.

Со временем Варшавский арсенал увеличил производительность, но вплоть до середины XIX в. предприятию оказывали помощь. Так, 21 декабря 1845 г. инспектор местных арсеналов генерал-лейтенант Александр Иванович Вальц предписал командиру Брянского арсенала изготовить и передать легкую батарею «в действующую армию в Варшаву»³⁸. Из этого следовало, что для обеспечения своего артиллерийского округа в целях создания нужного объема артиллерии мощности Варшавского арсенала и близлежащих предприятий было недостаточно. «18 августа 1850 г. – Варшавский временный арсенал переименован в Варшавский артиллерийский деловой двор»³⁹.

Со времени своего учреждения окружные арсеналы снабжались всем необходимым благодаря более крупным местным арсеналам. Период конца первой – второй четверти XIX в. можно характеризовать как время укрепления взаимодействия между всеми арсеналами России, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы. Укрепление контактов шло по нескольким направлениям.

Во-первых, это помощь окружным арсеналам со стороны местных квалифицированными мастеровыми кадрами. В 1817 г. руководитель Киевского и Брянского арсеналов, генерал-майор Ф.Е. Бухмейер направил 30 человек под присмотром фейерверкера 3 класса Степанова, с потребным для исправления оружия слесарным, кузнечным и ложевым инструментом из Брянска в

Ригу, «для исправления в Рижском арсенале отправленных туда из С.-Петербурга водою 15 тысяч ружей»⁴⁰.

Подобные командировки мастеровых были регулярными. Так, по повелению генерал-фельдцейхмейстера 10 марта 1824 г. из Брянского местного в Рижский окружной арсенал для чистки ружей были командированы 14 мастеровых. В рапорте начальнику артиллерийских гарнизонов Лифляндского округа от 3 мая за № 658 было указано, что в Рижский арсенал мастеровых отправили с «фейерверкером Киреевым»⁴¹.

От Брянского арсенала регулярно выделяли мастеровых лафетного и кузнечного дела, которых отправляли «на укомплектование грузинского окружного арсенала»⁴².

Работники окружных арсеналов были подготовлены для внесения предложений по техническому совершенствованию элементов вооружений. Так, на Кавказе юнкером Чаевским был поднят вопрос о введении поддона Базина. И хотя предложение оставили без движения, «начальники Тифлисского арсенала отметили, что поддон особенно пригоден для наиболее меткой стрельбы»⁴³.

Были переводы мастеровых из окружных арсеналов в местные, чем обеспечивали двусторонний обмен опытом. Так, 25 августа 1821 г. из рапорта подвижного № 2 арсенала поручика Нестерова следовало, что зачислили «из Виленского арсенала в таковой Брянский слесаря Варласова»⁴⁴.

Во-вторых, взаимодействие между арсеналами выражалось в производстве материальной части артиллерии на местных арсеналах для артиллерийских округов при недостаточной мощности окружного арсенала. Так, 14 февраля 1824 г. в соответствии с предписанием артиллерийского департамента было необходимо построить патронные ящики для вновь формируемого при кавказском отдельном корпусе подвижного парка. Для их изготовления из С.-Петербургского в Брянский арсенал отправили необходимые инструменты с «2 патронными ящиками для образца»⁴⁵.

С.-Петербургский арсенал выполнял отдельные заказы в целях помощи Кавказскому окружному арсеналу в комплектовании «горных батарей Кавказского корпуса»⁴⁶. Аналогичную помощь получал и Оренбургский окружной арсенал, о чем свидетельствуют следующие факты: «...в Оренбургском окружном арсенале и крепостном штате ... конные единороги и 6-фунтовые

пушки взяты были из казачьих № 14 и 15 батарей; батарейные и горные единороги доставлены из Брянского арсенала»⁴⁷.

Окружные арсеналы не имели достаточной технической мощности для ремонта орудий, поэтому были вынуждены отправлять их в местные арсеналы. Так, 27 марта 1825 г. командир Виленского арсенала генерал-майор С.М. Бушуев направил «негодные 13 орудий на вольнонаемных конных подводах за просмотром 3-й лабораторной полуроты фейерверкера 4-го класса Коломытченки к арсеналу (Брянскому)»⁴⁸.

В-третьих, от местных арсеналов отправили и необходимые другим арсеналам материалы. Так, от Брянского арсенала в Вильно к Брянскому подвижному арсеналу отправили обоз с «различными дубовыми лесами, материалами ... через города Стародуб, Бобруйск и Минск»⁴⁹.

В-четвертых, местные арсеналы являлись учебными полигонами для офицеров артиллерии отдаленных артиллерийских округов. Так, в 1825 г. командиру Кавказской гренадерской артиллерийской бригады «господину подполковнику и кавалеру» Долгово-Сабурову сообщили, что находившийся при Брянском арсенале для «познания искусственной части подпоручик Белецкий-Носенко отправлен от арсенала к своему месту сентября 3-го числа прошлого 1824 г.»⁵⁰

Офицеры, подготовленные при местных арсеналах, с успехом применяли свои знания на практике. На это косвенно указывает, к примеру, то, что командир именно этой бригады, «полковник Долгово-Сабуров, заслужил в Персии георгиевский крест»⁵¹. И другие офицеры Кавказской гренадерской артиллерийской бригады обучались в Брянском арсенале. В этом же 1824 г. знакомился с «арсенальными работами подпоручик Бриммер»⁵².

При окружных арсеналах не было специализированных учебных заведений для детей работников. В результате детей работников окружных арсеналов мужского пола обучали в школах, существующих при местных арсеналах. Так, дети мастеровых Варшавского делового двора поступают в школы, при местных арсеналах учрежденные⁵³.

Во второй четверти XIX в. оформлялось правовое положение окружных арсеналов. 12 августа 1828 г. законодательно закрепили подчиненность арсеналов России. Общее управление местных, а в мирное время и подвижных артиллерийских арсеналов

было в руках особого инспектора. Единство управления всеми арсеналами достигали тем, что 26 апреля 1838 г. юридически закрепили их подчинение генерал-фельдцейхмейстеру. В частности, было отмечено, что «инспекторы местных арсеналов и командиры всех арсеналов избираются генерал-фельдцейхмейстером и утверждаются Высочайшим приказом»⁵⁴.

В ряде артиллерийских округов помимо окружных арсеналов существовали и ремонтные артиллерийские мастерские, законодательно названные особыми арсенальными учреждениями. «Особые арсенальные учреждения были подчинены начальникам артиллерии 1-й и кавказской армий и Восточной Сибири»⁵⁵.

19 июля 1839 г. последовал указ Сената о перемещении из Тобольска в Омск главного военного и гражданского управления Западной Сибири. В результате из Тобольска в Омск переместили следующие части: «Управление Сибирского округа артиллерийских гарнизонов и находящиеся в его ведении вторую половину Оренбургского окружного арсенала, окружную школу и учебную команду»⁵⁶. В Омске был создан окружной артиллерийский арсенал. В сравнении с другими арсеналами, предприятие в Омске существовало относительно недолго, так как в «1864 г. приказом по военному ведомству Омская крепость была упразднена»⁵⁷.

К середине XIX в. количество особых арсенальных учреждений увеличили. Теперь к их числу относили: 1) Варшавский временный деловой двор, 2) небольшие арсеналы, учрежденные на Кавказе и за Кавказом, и 3) Окружной арсенал Восточной Сибири.

С конца 40-х до середины 60-х гг. XIX в. в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве были реорганизованы государственные управленческие структуры⁵⁸. Окружной арсенал Восточной Сибири был учрежден в декабре 1855 г. в Чите. Целью создания арсенала была необходимость приготовления новой и ремонта старой материальной части артиллерии «в линейной забайкальской пешей артиллерийской бригаде и в конно-артиллерийской бригаде забайкальского войска»⁵⁹.

Количество и должностной состав этого арсенала, его содержание были определены особым штатом, на основании которого четырем фейерверкерам, наблюдающим за работами, и 55 мастеровым, производящим работы, выдавали заработную плату за 278 дней, по две копейки в день каждому.

Наиболее крупным из всех окружных арсеналов в начале второй половины XIX в. был Варшавский временный деловой двор. Количество и должностной состав Варшавского двора определили штатом. Командир предприятия был подчинен начальнику артиллерии 1-й армии, а в его отсутствие – начальнику Западного артиллерийского округа. Убыль мастеровых в Варшавском деловом дворе пополняли назначением рекрут, знающих те мастерства, которые были нужны.

На временное или переходное состояние особых арсенальных учреждений указывают факты. Так, Варшавскому деловому двору предписывали новых строений не возводить, а, ввиду существовавших планов, переместить деловой двор в Новогеоргиевск или Брест-Литовск.

Вероятно, реформированию особых арсенальных учреждений и усилению их до мощности окружных арсеналов или иной реорганизации помешала Крымская война. В результате, как показывают документы, и после войны Варшавский деловой двор продолжал существовать. Это подтверждается тем, что в 1856 г., когда перевели на мирное положение подвижные № 2 и 3 арсеналы, их причислили: первый – «к Варшавскому деловому двору, а последний к Киевскому местному арсеналу»⁶⁰.

После окончания Крымской войны было понятно, что в армии России необходимы глубокие преобразования. Требовались изменения и в системе окружных арсеналов отечественного военного ведомства.

Переход на мирное положение войск вызвал существенные трансформации. Так, учрежденные для ускорения снабжения батарей всеми предметами артиллерийского довольствия в период войны «два передовых депо в Бериславле и Вознесенске были упразднены, и оставшаяся в сих складах артиллерия свезена в Херсонский артиллерийский гарнизон»⁶¹.

В период Крымской войны арсеналы России были включены в дело обороны государства, так как при них находились необходимые запасы или с их помощью производили новые необходимые предметы материальной части артиллерии. Так, артиллерия осадного артиллерийского № 1 парка, не приводимого в военное положение, находилась: 1-е отделение – в Риге, а 2-е – при С.-Петербургском арсенале, обоз этих отделений, перевезенный для безопасности от неприятеля «из Ри-

ги в Динабург, по приказанию военного министра возвратили в Ригу»⁶².

Артиллерия осадного артиллерийского № 2 парка находилась: 5 и 6 отделений – на вооружении Бендер, Аккермана, Одессы и Николаева, а 7 и 8 отделений – в Киеве. Обоз этих «отделений» состоял в распоряжении главнокомандующего 2 армией для перевозок тяжестей, и часть его, из принадлежавшего 5 и 6-му отделениям, доставлена для исправления в Киевский арсенал»⁶³.

В 1858 г. на законодательном уровне закрепили усиление и переформирование артиллерии и арсеналов на Кавказе и за Кавказом. В результате расширили и сеть ремонтных учреждений, к которым относили окружные арсеналы. В положении, в частности, отметили, что «для успешного снабжения войск, крепостей и укреплений предметами артиллерийского довольствия учреждаются арсеналы: на правом крыле кавказской линии в Усть-Лабе; на левом крыле кавказской линии в крепости Грозной; в Прикаспийском крае в крепости Петровской; на лезгинской линии в новых Закаталах; в Кутаисском генерал-губернаторстве в Усть-Цхенис-Цхал; для закавказских крепостей и войск, там расположенных, в Тифлисе»⁶⁴.

Значение артиллерии в вооруженном противостоянии столетие за столетием возрастало, как реакция на это в России создавали производства для ее изготовления. В XVIII в. деятельность по созданию центров для производства и ремонта артиллерии в нашем государстве активизировали, о систематизации работы в этом направлении говорит процесс создания артиллерийских округов.

Итак, с 1809 г. в России для ремонта артиллерии внутри артиллерийского округа создали систему окружных арсеналов. Окружные арсеналы были подсистемой более крупной системы арсеналов военного ведомства России и достаточно эффективно осуществляли свою деятельность. За время своего существования система окружных арсеналов зарекомендовала себя с положительной стороны, ее работа была востребована со стороны армии России. На базе окружных арсеналов сформировали слой подготовленных технических специалистов и мастеровых. Даже в отдаленных от центра государства арсеналах проводили опыты, высказывали предложения по техническому совершенствованию оружия и артиллерии.

- ¹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Издание Оренбургского Губернского статистического комитета. Оренбург, 1896. С. 15.
- ² Военно-статистическое обозрение Российской империи. 1837–1854. Т. 14. Оренбургский край. 1848. Ч. 2. Оренбургская губерния. 1848. СПб. С. 102.
- ³ Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск, 2009. С. 19.
- ⁴ Пиворович В.Б., Дяченко С.А. Улицами старого Херсона. Херсон, 2002. С. 25.
- ⁵ Зайончковский А.М. Операции в Крыму: театр военных действий // История русской армии. СПб., 2003. Т. 3. С. 90.
- ⁶ Воробьева Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. М.: Изд-во «ФИВ», 2011. С. 23.
- ⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 4. № 2302 от 30.09.1710 г. С. 577 // Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права). М.: «Военный университет», 1996. С. 23.
- ⁸ Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710–2010). Рига, 2010. С. 16.
- ⁹ Там же. С. 91.
- ¹⁰ Яковлев В.В. История крепостей. СПб., 2000. С. 137.
- ¹¹ Хроника рот крепостной и осадной артиллерии. Издание ГАУ / Сост. Я.Я. Вакар. СПб., 1908. С. 6.
- ¹² Рахимов Р.Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окранны в николаевскую эпоху // Русский сборник. Т. VII. / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Иванович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2009. С. 167.
- ¹³ Хроника рот крепостной ... С. 4.
- ¹⁴ Свод Военных Постановлений (СВП). Ч. I. Образование военных учреждений. СПб., 1859. С. 141.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ О подробностях создания системы местных арсеналов в России см.: Бобков В.А. Российские арсеналы в XVIII – начале XIX века // Воен.-истор. журнал. 2010. № 8. С. 35–41.
- ¹⁷ О подробностях создания системы подвижных арсеналов в России см.: Бобков В.А. Брянский подвижной арсенал: путь от Брянска до Вильно // Проблемы славяноведения. Брянск, 2010. С. 118–130; Его же. Подвижные арсеналы России // Воен.-истор. журнал. 2013. № 5.
- ¹⁸ Прибалтийские русские... С. 147.
- ¹⁹ Там же. С. 148.
- ²⁰ Шеин И.А. Разгром Наполеона в России // Воен.-истор. журнал. 2012. № 6. С. 3.
- ²¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 503. Оп. 3. Д. 339. Л. 83 об.
- ²² Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1911. С. 186–187.
- ²³ РГВИА. Ф. 503. Оп. 3. Д. 339. Л. 75.
- ²⁴ Там же. Л. 79.
- ²⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 130.
- ²⁶ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие / Под общей ред. Н.Л. Волковского. СПб.: Изд-во «Полигон», 2005. С. 21.
- ²⁷ Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М.: Вече, 2007. С. 160.

- ²⁸ Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 3. Персидская война 1826–1828 гг. М., 2007. С. 266.
- ²⁹ Там же. С. 280.
- ³⁰ Карапетян С. Мэры Тифлиса (Тбилиси). Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2003. С. 10.
- ³¹ Там же.
- ³² Krolkowski L. Warszawa – Dzieje Fortyfikacje. Warszawa, 2011. S. 98.
- ³³ Bania Z. Arsenal Warszawski. Warszawa, 1978. S. 41.
- ³⁴ Krolkowski L. Op. cit. S. 139.
- ³⁵ Прибалтийские русские... С. 476.
- ³⁶ Пузыревский А.К. Польско-Русская война 1831 г. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1886. С. 12.
- ³⁷ Там же. С. 36.
- ³⁸ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 221. Оп. 1. Д. 395. Л. 1–1 об.
- ³⁹ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1902. Т. 19. С. 114–127.
- ⁴⁰ ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 2. Л. 351 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 115. Л. 106.
- ⁴² Там же. Д. 2. Л. 513.
- ⁴³ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 155.
- ⁴⁴ ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 197. Л. 62 об.
- ⁴⁵ Там же. Д. 115. Л. 90.
- ⁴⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3. Оп. 109. Д. 585. Л. 468.
- ⁴⁷ Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. С. 60.
- ⁴⁸ ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 108. Л. 185.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2. Л. 540.
- ⁵⁰ Там же. Д. 108. Л. 9 об.
- ⁵¹ Потто В.А. Указ. соч. С. 147.
- ⁵² ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 108. Л. 78 об.
- ⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 553. Л. 216.
- ⁵⁴ СВП. Ч. I. Образование военных учреждений. Кн. VI. СПб., 1859. С. 110.
- ⁵⁵ Там же. С. 124.
- ⁵⁶ Из истории Омска (1716–1917 гг.). Очерки, документы, материалы. Омск, 1967. С. 93.
- ⁵⁷ Энциклопедия города Омска... С. 28.
- ⁵⁸ Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. Авт. дисс... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. С. 22.
- ⁵⁹ СВП. Ч. I. Образование военных учреждений. С. 145.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 503. Оп. 3. Д. 961. Л. 8.
- ⁶¹ Там же. Л. 9.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 10.
- ⁶⁴ СВП. Ч. I. Образование военных учреждений. С. 144.

Л.А. Бобров (Новосибирск)

**ДЖЕХАНШАХ-БЕК – ВЕЛИКИЙ «БАХАДУР»
НА СЛУЖБЕ АМИРА ТИМУРА
(К вопросу о высшем командном составе армии
среднеазиатского завоевателя)¹**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, охватывающий последнюю треть XIV – начало XV вв., неразрывно связан с именем великого завоевателя Амира Тимура, военно-политическая деятельность которого оказала значительное влияние на исторические судьбы многих народов и государств Средней, Центральной, Южной и Западной Азии, а также Восточной Европы и Сибири. Не будет большим преувеличением сказать, что держава Тимура была основана железом и кровью, а ее доминирование в мусульманском мире базировалось на уникальных боевых качествах реформированной чагатайской армии и военном гении самого завоевателя.

Возвышение Тимура совпало по времени с укреплением позиций многих ближних и дальних соседей (и геополитических конкурентов) Чагатайского Улуса. Золотая Орда, Османская империя, Мамлюкский Египет, племенные объединения туркмен и мооголов находились в прекрасной военно-политической форме. Однако прямое военное столкновение с Тимуром закончилось для врагов Мавераннахра сокрушительным поражением. Победы над столь разными, но исключительно сильными противниками позволяют считать Амира Тимура самым выдающимся азиатским полководцем эпохи Древности, Средневековья и Нового времени.

Практически все современные исследователи признают ту огромную роль, которую играла армия в государстве Тимура. Однако, историографический парадокс заключается в том, что если

история военных походов владыки Турана исследуется давно и плодотворно, то собственно военное искусство Тимура изучено крайне слабо. Вплоть до сегодняшнего дня не систематизированы и не подвергнуты комплексному анализу вещественные источники по среднеазиатскому доспеху, оружию ближнего и дистанционного боя второй половины XIV – начала XV вв. Практически не исследованы особенности военной организации, тактики ведения боя, фортификации, осадного искусства и военной стратегии чагатайской армии. Отдельным и весьма важным вопросом является изучение командного состава армии Тимура рассматриваемого исторического периода.

Большинство военных историков сходятся на том, что исключительная боеспособность чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв. была в значительной степени обусловлена опытными и хорошо подготовленными командными кадрами, как высшего, так и среднего звена. Однако, если маршалам Наполеона или полководцам Чингиз-хана посвящена обширная литература, десятки монографий и сотни научных статей, то военные биографии чагатайских эмиров периода Кондурчинской битвы вплоть до недавнего времени не становились объектом специального научного исследования. Это затрудняет всесторонний анализ военного искусства Тимура и негативно сказывается на изучении чагатайского военно-культурного наследия периода развитого и позднего Средневековья.

В 2015 г. нами была опубликована обзорная работа, посвященная военачальникам Тимура, принявшим участие в Кондурчинской битве 1391 г.² В настоящее время созданы условия для более детального изучения военных биографий полководцев Турана второй половины XIV – начала XV вв.

Целью настоящей работы является реконструкция боевого пути одного из лучших полководцев Амира Тимура, получившего известность под именем Джеханшах-бахадур ибн Джаку-бек барлас (Джеханшах-бек) (?–1405).

Основными источниками по теме исследования являются «Зафар-наме» («Книга Побед») Низам ад-Дина Шами (завершена в 1404 г.) и, особенно, «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди (завершена в 1424–1425 гг.). Данные произведения содержат подробные и детализированные описания походов и сражений Амира Тимура и его военачальников. Основой для обоих

текстов «Зафар-наме» послужили «придворные дневники времен Амира Тимура», отчеты чагатайских военачальников, сообщения участников и современников описываемых событий, а также другие источники³. Ценные сведения о военной и политической деятельности, а также личной жизни Джеханшаха содержат «Дневник похода Тимура в Индию» Гийасадинна Али и «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1405–1406)» испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо. Данные о сражениях, в которых принимал участие Джеханшах, зафиксированы на страницах так называемого «Анонима Искандера» Муин ад-Дина Натанзи (составлен в 1413–1414 гг.), сочинении «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» Шихабеддина Ахмеда ибн Мухаммеда, более известного под именем Ибн Арабшаха (1388–1450), а также некоторых других произведений.

Джеханшах-бахадур являлся представителем второго поколения военачальников Амира Тимура. Точную дату его рождения в настоящее время установить не удалось. Судя по некоторым косвенным данным, он родился во второй половине 50 – середине 60-х гг. XIV в. в семье одного из лидеров племени барласов (отюреченных монголов) Джаку-бека. Отец Джеханшаха еще в 50-х гг. XIV в. сблизился с сыном вождя барласов – Тимуром – и стал его верным сподвижником и практически неизменным участником его походов⁴. Оба военачальника возводили свою родословную к полубогатырскому Карачар-нойону (полководцу Чингиз-хана) и испытывали друг к другу искреннюю симпатию. Стремясь еще сильнее привязать к себе влиятельного сородича, Тимур женился на дочери Джаку Барласа (сестре нашего героя, Джеханшаха) Турмиш ага⁵. Новоиспеченный тесть оказался надежным боевым товарищем, готовым поддержать Тимура даже в самых сложных жизненных обстоятельствах. Так, например, когда в 1360 г. большинство воинов «...пошли по пути неповиновения, бежали и присоединились к Хаджи-беку, при государе Сахибкиране никто не остался, кроме Джаку-бек(а)...»⁶ Личную преданность Тимур ценил исключительно высоко. Неудивительно, что по мере формирования его державы Джаку-бек занял в новой государственной иерархии одно из ведущих мест. О степени влияния Джаку-бека при дворе Амира говорит тот факт, что при выделении «областей и должностей» в 1370 г. он стоял первым в списке военачальников Тимура⁷. В 1372 г. Джаку-бек

был назначен правителем особой «афганской» провинции, в состав которой входили Кундуз, Баглан и Кабул⁸.

После смерти Джаку-бека зимой 1384 г. Тимур «его место предоставил Джахан-шаху, сыну Джаку-бека»⁹. К этому времени эмир Джеханшах был уже известным воином, проявившим себя в ряде военных кампаний.

К сожалению, первые этапы военной карьеры Джеханшаха не были зафиксированы тимуридскими историографами. Можно предполагать, что юный барлас (как и его сверстники из числа сыновей соратников Тимура) принимал активное участие в военных походах своего родителя. По всей видимости, склонность юноши к военному искусству была достаточно рано подмечена Амиром Тимуром. Если началом стремительной карьеры Наполеона Бонапарта стала осада Тулона, то для Джеханшаха таким событием стал поход на Нишапур в 1381 г., в котором молодой военачальник получил под свое начало отдельный армейский корпус¹⁰. Вероятно, Тимур остался доволен действиями эмира, так как в 1383 г. Джеханшаху была поручена уже 10-тысячная конная армия. В качестве помощников и советников Джеханшаха были определены опытные полководцы – Элчи Буга, Шамс ад-Дин Учкара, Сайин Темур Бахадур. В этот раз Тимур повел решительное наступление против кочевников Моголистана (Джете), которые много лет терзали Мавераннахр своими разорительными набегами. Главной целью вторжения 1383 г. был разгром влиятельного племени бахринов, вождь которых, неутомимый Камар ад-Дин («акула в море заговоров и смут») являлся главным противником Тимура в степях Восточного Дашт-и Кипчак. Войска Джеханшаха двигались во втором эшелоне чагатайской армии. Уже на начальном этапе военной кампании ополчения бахринов были разбиты, но молодому Джеханшаху была поручена особая задача «добраться до Камар ад-Дина и постараться поймать его»¹¹. Честолюбивый эмир бросился в погоню за стремительным бахрином в самую глубь вражеских земель. Пытаясь настичь степняков, Джеханшах проник вплоть до Кок-Табы (возвышенность к востоку от озера Иссык-Куль), но так и не смог найти следов Камар ад-Дина¹².

Неудача с поимкой вождя бахринов, вероятно, сильно раздосадовала молодого военачальника, и Джеханшах стал искать способ реабилитироваться в глазах Тимура. Такая возможность

представилась уже в следующем 1384 г. В этом году великий завоеватель избрал объектом вторжения афганские земли. Одной из главных целей военной кампании был древний город Кандахар (Кандагар) в Южном Афганистане, занимавший стратегическое положение на дороге, связывавшей Хорасан (Восточный Иран) с Индией. Эмир Джеханшах, вместе с Мубаширом и Искандаром окружили город и еще до подхода главных сил взяли его штурмом, причем в руках чагатаев оказался *даруга* (управитель) Кандахара. Тимур повесил *даругу* и «...много похвалил Джахан-шах Джаку, оказав ему царскую милость». Не давая молодому военачальнику расслабиться, Тимур тут же бросил его на штурм мощной крепости Келат. Окрыленный похвалой повелителя, Джеханшах с ходу «с боем взял и эту крепость, разрушил ее и с победой возвратился к государю»¹³. В ходе афганской кампании 1384 г. Джеханшах показал себя талантливым полководцем, способным на быстрые и решительные действия. Свое право на пост наместника «афганской провинции» он подтвердил не только как наследник Джаку-бека, но и как человек, способный вооруженной рукой навести порядок в своих новых владениях.

Испытав Джеханшаха на восточных и южных границах Турана, Тимур в 1387 г. перебросил корпус эмира на запад, где врагами чагатаев выступали свирепые кочевники-туркмены. В этом походе эмиру снова сопутствовала удача: «Государь Сахибкиран еще Джахан-шах Бахадура отправил против туркмен с большим войском. Тот добрался до туркмен, подверг их избиению и возвратился с большой добычей»¹⁴.

В туркменском походе 1387 г. к личному имени Джеханшаха уже был добавлен титул «бахадур» (т. е. богатырь). Получить такой титул по праву рождения было невозможно, им награждали лишь тех воинов, которые сумели проявить личное мужество в ходе сражения. Известные материалы позволяют утверждать, что Джеханшах получил титул «бахадура» далеко не случайно. Как и другие полководцы Тимура, он не только командовал войсками, но и нередко лично участвовал в битве, подчас демонстрируя неподдельный героизм. Так, например, при подавлении восстания в Мавераннахре в 1388 г. Джеханшах-бахадур во главе отряда из 60 воинов был атакован трехтысячным отрядом мятежников¹⁵. Отступать было некуда, так как позади чагатаев бы-

ла река Амударья. Однако Джеханшах и его воины не впали в отчаянье: «...не суетясь, положившись на Бога, спины обратили в сторону реки, головы прикрыли щитами и сетями и стали сражаться». По всей видимости, Джеханшах и его соратники расположили заграждения из деревянных станковых щитов и рыбачьих сетей таким образом, что всадники мятежников не могли приблизиться к ним вплотную, чтобы смять и растоптать немногочисленных чагатаев. Вместо этого эмир навязал атакующим дистанционный бой: «Град стрел, летящих с обеих сторон, сделал еще более темной ту ночь»¹⁶. Лидеры мятежников Бурулдай и Баязид, вероятно, не захотели предпринять штурм позиций эмира в темное время суток, так как это могло привести к значительным потерям среди атакующих. Данное промедление стало для них роковым. Чагатаи с другого берега Амударьи сумели передать Джеханшаху весть, что утром к нему придет подмога: «У Джаханшаха-бека и его йигитов, вставших лицом к лицу с врагом и сражавшихся, услышав эту весть, силы возросли во сто крат, и они сражались еще ожесточеннее, на своих ногах они стояли подобно Искандерову валу». Под утро сотне воинов Тимура удалось переправиться через реку и присоединиться к отряду Джеханшаха. С первыми лучами солнца эмир неожиданно контратаковал врага: «Когда наступил истинный рассвет на горизонте неба, это стало рассветом победы. На рассвете, благодаря счастью государя Сахибкирана, многочисленное вражеское войско, в котором на одного воина [Джеханшаха] приходилось по двадцать человек, не смогло устоять перед натиском победоносного войска, отступило и, переправившись через реку, бежало в сторону Баглана»¹⁷. Получив подкрепление от Тимура, Джеханшах настойчиво преследовал беглецов, прошел насквозь территорию нынешнего Афганистана и Пакистана, частично уничтожил, а частично пленил бунтовщиков. Только двум их лидерам «с малочисленными людьми» удалось бежать в Индию¹⁸. Бой на берегу Амударьи в 1388 г. открыл еще одну грань военного таланта молодого эмира – способность хладнокровно действовать в экстремальной ситуации. Умение сочетать выдержку с быстрыми и точными тактическими действиями стало отличительной особенностью «военного почерка» Джеханшаха.

В конце 80-х гг. XIV в., готовясь к предстоящей войне с Золотой Ордой, Амир Тимур решил обезопасить восточные границы

своего государства, нанеся превентивный удар по могольским кочевникам. Решающей стала военная кампания 1389 г., когда войска чагатаев буквально наводнили степи Моголистана. Под начало Джеханшах-бахадура была определена целая конная армия, насчитывавшая до 30 тысяч всадников¹⁹. На протяжении года эмир дважды ходил в поход на Джете, громил могольские улусы и планомерно уничтожал местных кочевников. Во время первого вторжения отряды корпуса Джеханшах-бахадура даже форсировали Иртыш, а затем «...шли вдоль берега реки и искали врага. Где бы ни нашли врага, там его убивали и отбирали его вещи. Таким способом рассеяли население Моголистана и взяли бесчисленно много добычи, пленили девушек и, с победой возвратившись, присоединились к государю Сахибкирану»²⁰. Данный поход Джеханшаха на правобережье Иртыша обозначил крайнюю северо-восточную точку экспансии державы Тимура. Ни до него, ни после чагатайские войска не продвигались так далеко на северо-восток, к самым границам Южной Сибири. Во время второго вторжения в Моголистан, эмир мощным встречным ударом опрокинул степняков, пытавшихся бежать от главных сил Тимура, что поставило точку в окончательном разгроме могущественного хана Хизр Ходжи Оглана, который много лет угрожал восточным границам Мавераннахра²¹. Военные кампании против кочевников-моголов дали эмиру богатый опыт степной войны, который оказался весьма востребован во время большого похода на Золотую Орду в 1391 г.

Многолетнее противостояние с ханом Тохтамышем стало важным этапом в жизни Амира Тимура. В свое время он сам поспособствовал воцарению данного потомка Туга-Тимура на золотоордынском престоле. Новый хан вооруженной рукой объединил (впервые за много десятилетий) раздраемый междоусобицами Улус Джучи, расправился с беклярибеком Мамаем (1380), а затем сжег столицу его недавнего победителя – Дмитрия Донского (1382). При этом новый золотоордынский хан не пожелал быть марионеткой Самарканда и вместо благодарности объявил Тимуру войну. В ходе военных кампаний 80-х гг. XIV в. чагатаи отразили несколько ордынских походов на Закавказье и Мавераннахр. В 1391 г. Амир Тимур принял решение перенести боевые действия на территорию Золотой Орды. Большая чагатайская армия прошла с юга на север сте-

пи нынешнего Казахстана и атаковала войска Тохтамыша, собиравшиеся к востоку от Волги.

В этом походе через Дашт-и Кипчак войска Джеханшах-бахадур, по всей видимости, были приписаны к корпусу давнего соратника и друга Тимура, выдающегося чагатайского военачальника Хаджи Сейф ад-Дин-бека²². Вместе они составили великолепный тандем, в котором опыт Хаджи Сейф ад-Дина сочетался с напором молодого Джеханшах-бахадура.

Как мы отмечали выше, эмир Джеханшах унаследовал от своего отца «афганскую» провинцию, включавшую Кундуз, Баглан и Кабул. Это дает основание полагать, что в составе *кошун*²³ Джеханшаха были не только родственные ему барласы, но и турки, таджики и пуштуны с территории его афганского наместничества. Воины Джеханшах-бахадура были обучены ведению как дистанционного, так и ближнего боя, что они наглядно продемонстрировали в ходе военной кампании 1391 г.²⁴

В знаменитом Кондурчинском сражении (18 июня 1391) отряды Джеханшах-бахадура составляли второй эшелон правого флангового *канбула*²⁵ и размещались на самом краю правого крыла чагатайской армии²⁶. В начале битвы командир *канбула* Хаджи Сейф ад-Дин-бек мощным контрударом остановил ордынскую конницу, пытавшуюся совершить маневр *тулгана*²⁷ и охватить правый фланг армии Тимура. Однако крылья ордынских войск были длиннее чагатайских, поэтому Хаджи Сейф ад-Дин во время контратаки невольно оголил свой правый фланг. Это заметил мангытский Иса-бий, который бросил вперед свои отряды с целью окружить вырвавшегося вперед Сейф ад-Дина и его воинов. Именно в этот момент в бой вступили *кошун*ы Джеханшаха, которые стремительной копейной атакой опрокинули мангытов: «Эмир Хаджи-Сейф-ад-дин в силу счастья победоносного Тимура, прежде всех, обнажив меч, произвел нападение, разбил и погнал левое крыло неприятеля, находившегося против него... В то время мимо головного отряда (канбул) правого крыла стало проходить войско врага, чтобы зайти в тыл войску [Тимура] и удержать берег Черной реки (?)... Несколько кошунов, которыми неприятельская армия превосходила [армию Тимура], двинулись, чтобы зайти в тыл войску эмира Хаджи-Сейф-ад-дина. Когда Джеханшах-бахадур заметил это обстоятельство, то со своим войском, опередил их и отбросил ударами сверкающего ме-

ча и огненосных копий» (здесь и далее курсив наш. – Л. Б.)²⁸. Таким образом, своими оперативными действиями Джеханшах-бахадур не только спас командира *канбула* и старшего товарища, но и поучаствовал в срыве ордынской левофланговой *тулгамы*, что ликвидировало опасность охвата правого крыла чагатайской армии на начальном этапе сражения и, в конечном счете, сыграло важную роль в победе Амира Тимура.

После битвы на Кондурче Джеханшах-бахадур смог в полной мере реализовать свои воинские способности и талант полководца. Практически ни одна большая кампания не обходилась без его непосредственного участия. Казалось, что Джеханшах поспевает везде. Так, например, в 1394 г. он успел поучаствовать в осаде и взятии иракской крепости Хамид, считавшейся «неприступной», затем громил туркменские улусы и, наконец, присоединился к войскам, ведущим «газават» против грузин²⁹. Интересно, что в Грузинском походе, а также во время вторжения на территорию Золотой Орды в 1395 г. Джеханшах, как и в походе 1391 г., часто взаимодействовал с Хаджой Сейф ад-Дином³⁰. В 1395 г., в сражении на Тереке, он повторно выручил своего командира по *канбулу*, который был окружен превосходящими силами мангытской конницы: «Эмир Ходжа-Сейф-ад-дин, находившийся на крайнем фланге правого крыла, оказался в более затруднительном положении, потому что левое неприятельское крыло, на крайнем фланге которого находился эмир Иса-бий и Бахши-ходжа, одолело и, обойдя его, окружило. Он также, не заботясь о жизни, спешился со своим туманом, поставил перед собой щиты и, припав на колено (сукдамиши карде), они храбро стали отбивать и отражать неприятеля, стоя крепко, как гора, и проявили мужественные усилия. Сколько неприятели ни приходили на помощь друг другу и сколько они ни делали нападений копьями, мечами и метательными копьями, те отражали их ударами стрел»³¹. Тем не менее, напор мангытов усиливался. На помощь Иса-бию подошли татарские кошуны с правого фланга армии Тохтамыша, прошедшие по тылам войск Тимура. Казалось, что сошедшие с коней чагатаи не смогут выстоять против бешеного натиска ордынской конницы. Однако в этот решающий момент в схватку ворвался Джеханшах-бахадур во главе своего тумана. Умело координируя свои действия, Хаджи Сейф ад-Дин и Джеханшах-бахадур обратили мангытов в бегство: «Вдруг с

другой стороны подошел эмир Джеханшах-бахадур, обратился на врагов и произвел храбрую атаку. Так как они, оказывая друг другу помощь и поддержку, воздали долг мужества, то враги бежали»; «Наконец с другой стороны подошел Джеханшах-бахадур со своим туманом, бросился на врагов, и завязался великий бой. Когда эти два мудрых эмира согласованными действиями подкрепили друг друга, то они обратили в бегство противостоящий им крайний фланг левого неприятельского крыла»³². Отражение данной атаки ордынцев, создавшей серьезную угрозу правому крылу чагатайской армии, сыграло важную роль в конечной победе Амира Тимура над войсками хана Тохтамыша в битве на реке Терек. После данного сражения отряды Джеханшах-бахадур, Мираншах и мирзы Пир-Мухаммед-бахадур разгромили и разграбили окрестности Сарая, а также области населенные русскими и черкесами³³.

После завершения ордынского похода 1395–1396 гг. Тимур не дал Джеханшаху сколько-нибудь длительного отдыха. Уже в том же 1396 г. эмир был приписан к корпусу Мираншах и отправлен в Азербайджан³⁴.

Последние годы XIV в. Джеханшах провел практически в непрерывных военных походах. За это время он успел повоевать в Иране, Афганистане, Индии, Ираке и Сирии³⁵. Вероятно, во второй половине 90-х гг. XIV в. в состав корпуса Джеханшах были влиты хорасанские части, ранее находившиеся под командованием опального Мираншах. Во всяком случае, в начале 1399 г. авангардный корпус Джеханшах именовался «войском Хорасана»³⁶.

Свои таланты военачальника Джеханшах-бахадур смог в очередной раз проявить во время похода Тимура в Индию в 1398–1399 гг. В ходе индийской кампании эмир осаждал крепость Луни, совершил неожиданный и стремительный набег на «южную часть Дели», по поручению Тимура форсировал Ганг и развернул масштабную «священную войну» с племенами гебров, проживавших по рекам Ганг, Джаун, Карасу³⁷. В решающей битве у Дели, Джеханшах, вместе с другими полководцами, «стяжал большую славу». Находясь на левом фланге чагатайской армии, эмир опрокинул войска индусов и прорвался прямо к воротам города³⁸. В другом сражении с гебрами, Джеханшах вместе с хорасанцами, находясь на левом крыле армии Тимура, стремитель-

но атаковал и прорвал боевые построения противника, что, в конечном счете, привело к разгрому вражеских войск³⁹. Индийская кампания интересна тем, что в ней Джеханшах действовал исключительно гибко и проявил себя, как талантливый тактик и стратег. Будучи командиром автономного корпуса, он последовательно выполнял боевые задачи, поставленные верховным командованием, а в случае необходимости быстро присоединялся к основной армии, усиливая ее потенциал перед решающими сражениями.

Первые годы XV в. Джеханшах провел в походах на Грузию, Сирию и Малую Азию⁴⁰. Если в начале своей карьеры Тимур обычно поручал Джеханшаху место на правом крыле армии, то в 1398, 1399, 1400, 1401 и 1402 гг. *кошуны* Джеханшаха, напротив, все чаще размещаются на левом фланге чагатайских войск⁴¹. В грандиозной битве под Анкарой (20 июля 1402) Джеханшах был назначен одним из командиров левофлангового *канбула* армии Тимура. В самом сражении Джеханшах-бек и Кара Усман-бек «... пустили коней и потеснили левое крыло войск врага», что сыграло важную роль в победе Амира Тимура над войсками Османской империи⁴².

После малоазиатской кампании Джеханшах находился на пике своей военной и политической карьеры. Испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо, совершивший путешествие в Мавераннахр в 1403–1406 гг., называет Джеханшаха в своем дневнике «главным начальником», «самым храбрым и доблестным человеком во всей Тамурбековой родне», «уважаемым» полководцем, «владевшим большими угодьями и содержащим большое войско, которое постоянно [находилось] при нем»⁴³. Всем этим Джеханшах был обязан своим собственным воинским талантам, а также той благосклонности, которую Тимур открыто проявлял к своему лучшему бахадуру: «Тот, который теперь главный начальник, называется Янса (Джеханшах) Мирасса; это один из тех, кто был заодно с Тамурбеком, когда умер император самаркандский. Этому человеку он оказал большие милости, отдал много земель и сделал важным сеньором»⁴⁴. Вряд ли в тот момент Джеханшах подозревал, что находится в одном шагу от пропасти.

В 1404 г. Тимур принял решение передать своему внуку «царевичу» Умару (сыну Мираншаха) «улус Хулагу-хана», включивший Сирию, Азербайджан и Малую Азию. Отборный 10-ты-

сячный корпус («войско Мираншаха»), призванный быть военной опорой Умара в его новых владениях, Тимур поручил Джеханшаху, который должен был стать главным наставником «царевича» и фактическим управителем западной части империи⁴⁵. Данное назначение превращало Джеханшаха в одного из самых влиятельных людей Турана, под контролем которого находилась большая армия, богатые города и густонаселенные сельские территории. Напутствуя своего 21-летнего внука, Тимур строго наказал ему: «Делай, что скажет Джаханшах-бек, делай так, как он тебе посоветует!»⁴⁶

Несмотря на однозначный приказ грозного деда, отношения Джеханшаха и его молодого подопечного с самого начала были весьма напряженными. По всей видимости, Умар откровенно побаивался могущественного эмира. Страх рождал агрессию, которую умело разжигали люди из окружения принца. Согласно сообщению Клавихо (который в разгар противостояния находился неподалеку от развернувшихся событий), Умар сам провоцировал конфликт со своим наставником. Не имея возможности противостоять Джеханшаху по принципиальным политическим вопросам, принц пытался отыгаться на других фронтах. Катализатором конфликта стала женщина. Джеханшах обратил внимание на некую девушку и пожелал жениться на ней. По всей видимости, потенциальная невеста эмира происходила из знатного рода, и для заключения брака требовалось формальное согласие «царевича» Умара. Однако тот не только отказал эмиру, но и демонстративно выдал девушку за своего приближенного «молу, как они называют ученого доктора... который разрешал дела, случавшиеся в войске»⁴⁷. Стоит ли удивляться, что этот демонстративный жест принца привел Джеханшаха в бешенство. Эмир был не из тех людей, кто прощал подобные оскорбления.

События резко ускорились после смерти Амира Тимура в 1405 г. Трагическая развязка наступила в марте того же года. Когда весть о кончине повелителя Мавераннахра дошла до Джеханшаха, он «...сам вооружился, взяв некоторых из своих людей, и явился в шатер, где обычно заседал совет». Обнаружив там ненавистного молу, он собственноручно заколол его, а затем отправился к шатру Умара. Джеханшах и его воины, якобы, шли по лагерю с обнаженным оружием, что вызвало переполох в войсках. Кто-то пустил слух, что на принца пытаются напасть татары

и грузины, и к шатру Умара сбежались его многочисленные телохранители и доверенные офицеры⁴⁸.

Именно на пороге «царского шатра» разыгрался последний акт кровавой драмы. Клавихо излагает две версии гибели Джеханшаха. Согласно первой, Умар приказал убить наставника «... из-за боязни, что после кончины деда он мог искать его [Умара] смерти и воевать со всем своим войском, как и с войском Тамурбека, его деда, так и со всеми чакатаями, которые его уважали и желали ему добра; и даже многие говорили, что раз великий сеньор [Тамурбек] умер, то он достоин быть сеньором»⁴⁹. Таким образом, Умар опасался, что популярный эмир может попытаться сосредоточить в своих руках всю полноту власти, физически устранив молодого «царевича». Не будет большой ошибкой предположить, что именно о такой опасности непрестанно твердили Умару его приближенные, ненавидевшие влиятельного бахадура. Согласно второй версии, Джеханшах якобы сам собирался покуситься на жизнь «царевича». Последнее кажется маловероятным. Если бы опытный полководец и командир большой армии действительно решил бы расправиться с Умаром, то он вряд ли стал бы ходить из одного шатра в другой в окружении лишь небольшой группы своих людей. А между тем, Джеханшах последовательно посетил шатер совета, затем «шатер, где хранилось царское оружие» и лишь затем отправился к «царскому шатру». Скорее всего, расправившись с молотом, эмир не собирался (по крайней мере, сразу) избавляться от своего царственного подопечного. Он лично отправился к Умару, чтобы сказать, что тому ничего не угрожает. Однако появление эмира вызвало у принца приступ паники, что во многом и предопределило кровавую развязку: «Тогда, говорят, один знатный кавалер при оружии и со всей своей свитой подошел к Ханса Мирассе и спросил его, чего он добивается. А этот Ханса Мирасса попросил его сказать неправду Омару Мирассе: “Пусть он ничего не боится, так как я поступил так, чтобы убить моего врага молу”. Кавалер пошел передать слова Ханса Мирассы сеньору, застав его в большом страхе и унынии. Он сказал: “Господин, не бойтесь, если хотите, то я убью этого Ханса Мирассу за вас”. И тотчас [тот кавалер] бросился на врага и сильным ударом отрубил ему голову»⁵⁰. Таким образом знаменитый бахаdur и военачальник Тимура, участник десятков походов и доброй сотни сражений, всю жизнь поло-

живший на укрепление Чагатайской державы, в конечном счете пал от руки чагатайского воина.

Весть о смерти Джеханшаха всколыхнула его армию и стала причиной ожесточенного столкновения с отрядами, сохранившими верность Умару. Однако офицеры Джеханшаха, лишившись своего предводителя, не нашли в себе сил для полномасштабного восстания. Они покинули военный лагерь, после чего все войско бахадура, по словам Клавихо, «разбежалось». Ликующий «царевич» отправил отрезанную голову эмира своему отцу – Мираншаху. Когда тот получил этот устрашающий подарок, то «стал побаиваться своего сына»⁵¹. Вскоре за этими событиями был убит и сын Джеханшах-бека⁵². Однако смерть бахадура и его наследника оказалась не концом, а лишь началом смуты. «Царевич» Умар не на жизнь, а на смерть схватился со своим отцом Мираншахом и братом Абу Бакром. Конец ожесточенной войне Тимуридов положил взбунтовавшийся вождь «черно-баранных» туркмен Кара-Юсуф, который в 1408 г. разгромил чагатайскую армию, убил Мираншаха и отнял у Тимуридов весь Южный Азербайджан вместе с Тебризом.

Давая характеристику Джеханшах-бахадуру и его роли в военной системе Чагатайского ханства, не будет большим преувеличением сказать, что он относился к числу лучших и наиболее одаренных военачальников Тимура. Он одинаково успешно действовал как в составе большой армии, так и в качестве командира отдельного корпуса, эффективно выполняя боевые задачи как в обороне, так и в наступлении. Ареал военной активности Джеханшах-бахадура даже сейчас поражает воображение. За свою недолгую жизнь он успел повоевать на огромных просторах Евразии от берегов Средиземного моря на западе до Иртыша на востоке, и от Поволжья на севере до Индии на юге. На протяжении своей военной карьеры противниками Джеханшах-бахадура были туркмены, персы, моголы, грузины, хорезмийцы, тюркские кочевники Дашт-и Кипчак, татары, черкесы, русские, индусы, арабы, мамлюки, турки, афганцы и многие другие. За свою жизнь он дал десятки сражений и практически во всех одержал победу. Нельзя не отдать должного и его личному мужеству, которое он неоднократно демонстрировал в ходе боевых действий.

Особо отмечая воинские таланты Джеханшаха, в то же время стоит подчеркнуть, что он сыграл весьма мрачную роль в ис-

тории многих народов Восточной Европы, Кавказа, Центральной и Южной Азии. Так, выполняя приказы командования, он занимался планомерным истреблением моголов в конце 80-х гг. XIV в., а в 1399 г. язычников-гебров в Индии⁵³. Сложно сказать, что из этих действий было продиктовано четким следованием инструкциям⁵⁴, а что являлось личной инициативой военачальника. Ясно лишь, что эмир, по всей видимости, не был прирожденным бездушным палачом и садистом. Так, в частности, именно Джеханшах, вместе со своими боевыми товарищами, обратился к Тимуру с просьбой пощадить жителей многолюдного Дели после захвата города чагатайскими войсками в 1398 г.⁵⁵ При всей своей жесткости и даже жестокости, Джеханшах-бахадур не был лишен некоторой сентиментальности, хотя и весьма специфического свойства. Когда в 1404 г. Тимур назначил Джеханшаха главным наставником своего внука Умара, отправлявшегося на западные границы империи, он сказал бахадуру «хорошие слова», которые должны были «поднять его дух». Однако попытка подбодрить знаменитого полководца произвела неожиданный эффект – Джеханшах разрыдался прямо во время аудиенции. Как с удивлением отметил автор «Зафар-наме» Шараф ад-Дин Али Йазди, «Джеханшах-бек из-за разлуки с Сахибкираном много плакал и причитал»⁵⁶. Возможно, что слезы бахадура были вызваны не только расставанием со своим повелителем, но и предчувствием того, что новое назначение не принесет ему добра.

В целом, биография Джеханшаха представляет собой яркий пример карьеры чагатайского военачальника-«самородка» эпохи Амира Тимура, родившегося в семье профессионального военного, выросшего на войне и сделавшего войну своей главной профессией. В отличие от ситуации с Сулейман-шахом, Тимуру не потребовалось специально «взращивать» в Джеханшахе таланты полководца. Он лишь последовательно создавал условия для самореализации молодого эмира на воинском поприще, к которому подопечный Тимура проявлял явную склонность. Во время «туркменского ренессанса» начала XV в. Тимуридам очень не хватало полководцев уровня Джеханшаха и Мухаммед-Султана. Если бы эти военачальники продолжили свою карьеру в первой трети XV в., судьба тимуридской державы могла бы сложиться совершенно иначе.

- ¹ Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.
- ² Бобров Л.А. Командный состав армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Золотая Орда: история и культурное наследие. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 111–134.
- ³ Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 307, 367; Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Ташкент, 2008. С. 3, 4.
- ⁴ Йазди. Указ соч. С. 24, 31, 34, 36, 38, 41, 44, 47, 50, 51–53, 66, 69, 70, 75, 359, 367.
- ⁵ Дочь Джаку-бека стала матерью второго сына Тимура – знаменитого мирзы Омар-шейха (1354–1394) (Йазди. Указ. соч. С. 379).
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ Там же. С. 70.
- ⁸ Там же. С. 75.
- ⁹ Там же. С. 107.
- ¹⁰ Там же. С. 95.
- ¹¹ Там же. С. 102, 103.
- ¹² Там же. С. 103.
- ¹³ Там же. С. 107.
- ¹⁴ Там же. С. 118.
- ¹⁵ Возможно, численность повстанцев преувеличена, однако их значительное численное превосходство над отрядом Джеханшаха не вызывает сомнений.
- ¹⁶ Йазди. Указ. соч. С. 129.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 129, 130.
- ¹⁹ Для сравнения – схожую (а по другим данным, даже меньшую) численность имел монгольский корпус Джебе и Субедея, который во время похода 1220–1224 гг. прошел через Кавказские горы, последовательно разгромил аланов и половцев, а затем нанес поражение русско-половецкой армии в битве на реке Калка в 1223 г.
- ²⁰ Там же. С. 134, 136.
- ²¹ Там же. С. 136.
- ²² Там же. С. 143, 146; Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 346, 349.
- ²³ *Кошун* – отряд переменной численности. Основная тактическая единица армии Тимура. Обычно численность кошуна составляла от 50 до 300 чел. Однако отдельные отборные отряды (напр., *кошун* гвардейцев-*кавчинов*) насчитывали до 1 тыс. воинов (Бобров Л.А. Указ. соч. С. 114).
- ²⁴ Бобров Л.А. Армия Амира Тимура в Кондурчинской битве // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016 (в печати).
- ²⁵ *Канбул* – специальное тактическое соединение, размещавшееся на самом краю боевого построения армии, впереди под углом к фланговым корпусам. Подобное расположение позволяло *канбулу* выполнять роль флангового авангарда и одновременно флангового охранения, не позволяя противнику с ходу атаковать крыло с фронта или обойти его с фланга (Бобров Л.А. Командный состав... С. 114).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Тулгاما* – тактический прием, предусматривавший охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям. Название приема происходит от тюркского глагола «тулгамак», т. е. «окружить, обернуть, обратить, кружить, крутить».

- ²⁸ Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 298, 299, 349.
- ²⁹ Йазди. Указ. соч. С. 184, 186, 191.
- ³⁰ Там же. С. 193, 197.
- ³¹ Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 355, 356.
- ³² Там же. С. 302, 356.
- ³³ Йазди. Указ. соч. С. 200, 201; Золотая Орда в источниках. Т. I. С. 305.
- ³⁴ Йазди. Указ. соч. С. 206.
- ³⁵ Гийасаддин А. Дневник похода Тимура в Индию. М., 1958. С. 41; Йазди. Указ. соч. С. 209, 221, 231, 235, 238, 242, 243, 247, 266, 267, 271.
- ³⁶ Йазди. Указ. соч. С. 243.
- ³⁷ Гийасаддин А. Указ. соч. С. 102, 103, 114, 117, 121, 155, 159.
- ³⁸ Там же. С. 117.
- ³⁹ Там же. С. 159.
- ⁴⁰ Йазди. Указ. соч. С. 281, 287, 288, 293, 297, 298, 305, 307, 312, 324, 326.
- ⁴¹ Там же. С. 232, 271, 275, 276.
- ⁴² Там же. С. 297–299.
- ⁴³ Клавихо Р.Г. Дневник путешествия ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990. С. 145.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Ведущая роль Джеханшаха в вопросах управления «улусом Хулагу-хана» не была секретом не только для самих чагатаев, но даже для иностранцев. Так, в частности, об этом прямо сообщает испанский посланник Руи Гонсалес де Клавихо: «А когда Тамурбек сделал императором своего внука Омара Мирассу, пожаловал этого Хансу (Джеханшаха) [чином] управителя его дома и земель, [повелел] жить ему вместе с ним. *И таким образом он управлял всей его землей*» (Клавихо Р.Г. Указ. соч. С. 151).
- ⁴⁶ Йазди. Указ. соч. С. 326; Клавихо Р.Г. Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁷ Клавихо Р.Г. Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 152.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Йазди. Указ. соч. С. 134, 136, 238, 242.
- ⁵⁴ Так, напр., инструкция 1399 г. гласила: «Джаханшах-беку с людьми левого крыла отправиться в газават. Сделать набег по верхнему течению реки Джавн, везде, где встретятся гебры, уничтожить!» (Йазди. Указ. соч. С. 238).
- ⁵⁵ Гийасаддин А. Указ. соч. С. 121.
- ⁵⁶ Йазди. Указ. соч. С. 326.

Л.А. Бобров (Новосибирск)

ОЙРАТСКИЙ ШЛЕМ С БУДДИЙСКОЙ СИМВОЛИКОЙ ИЗ ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹

ПЕРИОД ПОЗДНЕГО Средневековья и раннего Нового времени является самостоятельным и весьма важным этапом эволюции военного искусства монголоязычных кочевников Центральной Азии. В условиях нарастающей конфронтации с оседло-земледельческими народами комплекс вооружения nomadов региона стремительно эволюционировал, приспособляясь к меняющимся условиям эпохи «Пороховой революции». Данные изменения затронули не только оружие дистанционного и ближнего боя, но и доспех степняков, пик развития которого пришелся на период «Малого монгольского (ойратского) нашествия» XVII – первой половины XVIII вв.²

Актуальным направлением современных археологических, оружейведческих и этнографических исследований является публикация эталонных боевых и парадных шлемов, система оформления которых позволяет с высокой степенью достоверности определить этническую принадлежность заказчика данных изделий. Подобные наголовья играют важную роль при датировке и атрибуции других шлемов, происходящих из числа случайных находок и старых оружейных собраний.

В фондах Южно-Казахстанского Областного историко-краеведческого музея (ЮКОИКМ, г. Чимкент, Республика Казахстан) хранится железный шлем (ЮКОМ КП 187), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейведов и военных историков. Поскольку ранее данный шлем не публиковался, целью настоящей статьи является

Рис. 1. Шлем (ЮКОМ КП 187) – вид спереди (фото К.З. Ускенбай; без масштаба)

Рис. 2. Шлем (ЮКОМ КП 187) – вид слева (фото К.З. Ускенбай; без масштаба)

ся введение наголовья в научный оборот, описание его конструкции и системы оформления, а также датировка и атрибуция.

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по форме купола – к типу сфероконических. Общая высота шлема (без не сохранившегося навершия) – 18,0 см, диаметр – 21,0 см.

Низкая цельнокованая тулья шлема имеет ярко выраженную сфероконическую форму (рис. 1–2). На макушечной части купола проделано большое округлое отверстие, вокруг которого вбиты три медные заклепки с полусферическими шляпками (рис. 3). Это позволяет предположить, что навершие шлема состояло из пластины-основания (подвершия) полусферической или конической формы и, вероятно, трубки-втулки для плюмажа.

К налобной части шлема приклепан так называемый «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пластины – «полки» – и вертикального «щитка» (рис. 2). «Полка» козырька имеет полукруглую форму и гладкую поверхность

Рис. 3. Шлем (ЮКОМ КП 187) – вид сверху (фото К.З. Ускенбай; без масштаба)

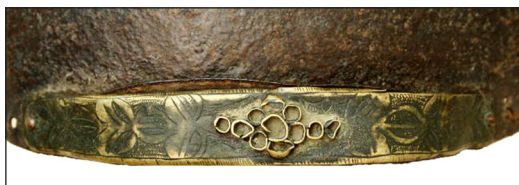

Рис. 4. Шлем (ЮКОМ КП 187) – «щиток» козырька (фото К.З. Ускенбай; без масштаба)

сгруппированных в виде ромба (рис. 1; 4). В настоящее время «гнезда» пусты, но первоначально в них вставлялись драгоценные или полудрагоценные камни (скорее всего, кусочки кораллов и (или) бирюзы)³. Основное поле «щитка» украшено оригинальным орнаментом, выполненным в технике гравировки по металлу. Рисунок представляет собой гирлянду из «бутонов» необычной формы. Центральные «бутоны» выполнены в виде ременной пряжки с язычком (рис. 4; 7, 1). Их малые боковые аналоги снабжены одинарными полуовальными прорезями (возможно, это стилизованное изображение все той же «пряжки»). Пространство между «бутонами» заполнено точечным орнаментом. По краю «щиток» козырька снабжен неширокой окантовкой, покрытой частой мелкой насечкой (рис. 4).

Вдоль нижнего края тульи шлема пробиты сквозные отверстия, служившие для крепления обруча и, возможно, пластинчат

Рис. 5. Шлем (ЮКОМ КП 187) – вид сзади (фото К.З. Ускенбай; без масштаба)

то-нашивной или кольчатой бармицы. Собственно обруч сохранился фрагментарно. Он представляет собой узкую металлическую полосу, крепившуюся к куполу с помощью медных заклепок. Концы обруча соединены встык на затылочной части шлема и зафиксированы заклепками (рис. 5). Поверхность обруча украшает упомянутый выше орнамент с «бутонами» пряжкообразной формы (рис. 6; 7, 1).

(рис. 3), в то время как «щиток» покрыт тонкой рельефной пластиной желтого металла и украшен орнаментом. По центру «щитка» приварены одиннадцать округлых медных «гнезд»,

К сожалению, установить время и условия поступления шлема в ЮКОИКМ не удалось. Но он может быть датирован и атрибутирован на основе анализа конструкции и системы оформления тульи, козырька и обруча.

Цельнокованные шлемы, в целом, не типичны для комплекса защитного вооружения монголоязычных кочевников Центральной Азии, а конструкция и система оформления известных образцов значительно отличается от рассматриваемого экземпляра⁴.

Анализ технологии изготовления, отделки и силуэта купола шлема позволяет сделать вывод, что тулья наголовья была выполнена в рамках западно-азиатской военно-культурной традиции, которая в позднем Средневековье и раннем Новом времени доминировала во всем мусульманском мире, а в XVI – первой половине XVII в. оказывала сильное влияние на эволюцию русского доспеха⁵. В XV–XVIII вв. такие низкие цельнокованные шлемы сфероконической формы были весьма популярны среди воинов Малой, Передней, Средней и Южной Азии⁶. В Московском государстве они традиционно именовались «шишаками»⁷.

Важным датирующим признаком шлема является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». Козырек данной конструкции является характерным элементом оформления шлемов монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии XV–XVIII вв.⁸

Особый интерес представляет декоративное оформление шлема. Традиция украшать предметы вооружения множеством округлых «гнезд», инкрустированных кусочками кораллов и бирюзы, характерна для изделий мастеров Мавераннахра позднего Средневековья и раннего Нового времени⁹. Однако схожее оформление встречается также на продукции казахских, уйгурских, ойратских, монгольских и тибетских ремесленников¹⁰. Что касается рисунка на «щитке» козырька и обруче, то есть основание полагать, что перед нами не растительный орнамент, а ори-

Рис. 6. Шлем (ЮКОМ КП 187) – фрагмент обруча (фото К.З. Ускенбай; без масштаба)

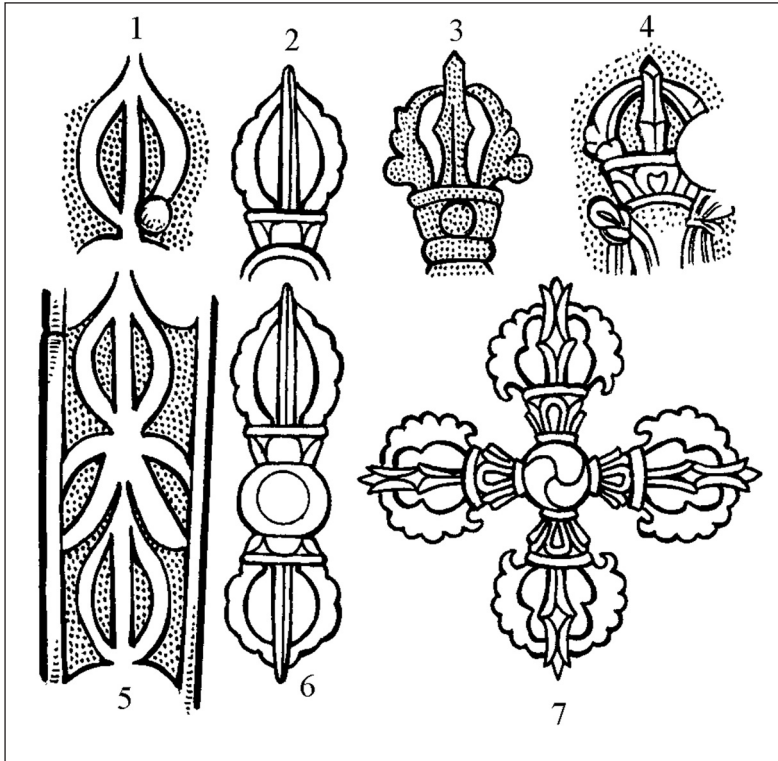

Рис. 7. Прорисовка изображения «Ваджры» на предметах вооружения и тибетских иконах-«танка» XV–XIX вв. (без масштаба): 1, 5 – изображения «Ваджры» на джунгарском шлеме из ЮКОИКМ (ЮКОМ КП 187); 2, 6 – изображение «Ваджры» на иконе-«танка» «Мандала Хеваджры», начало XIX в. (Государственный музей Востока); 3 – изображение «Ваджры» на иконе-«танка» «Меч – символ Манджушри», XIX в. (Государственный музей Востока); 4 – изображение «Ваджры» на кожаном тибетском шлеме XV–XVII вв. (Музей искусств Метрополитен); 7 – изображение «Ваджры» на стальной пластине тибетского зеркального доспеха XVIII–XIX вв. (частная коллекция)

гинальное изображение одного из важнейших символов ламаистской ветви буддизма – «Ваджры». Первоначально «Ваджра» («алмаз», «молния») – оружие Индры, изображавшееся в виде трезубца. В тибетской традиции боковые клинки «Ваджры»

(тиб. «дордже», «дорже») стали изображать загнутыми к центральному острию. В результате, трезубец стал визуально напоминать «ременную пряжку с язычком» (рис. 7, 2–7). Известны многочисленные варианты изображения «Ваджры»: одинарная, двойная (в виде креста), в виде цветка ириса и т. д. (рис. 7). Судя по данным буддийской иконографии, «Ваджры» могли изображаться не только по отдельности, но и собираться в «гирлянды» (как на шлеме из ЮКОИКМ). Такие «гирлянды» зафиксированы на многочисленных тибетских иконах – «танка» XVIII–XIX вв.¹¹ Обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с большими трезубцами, «Ваджры» на шлеме имеют и малые (боковые) элементы. Скорее всего, мастер, наносивший узор, предполагал изобразить двойную (крестообразную) «Ваджру» (рис. 7, 7), однако не очень точно рассчитал ширину пластины и был вынужден показать боковые трезубцы в наклонном положении (рис. 3; 4, 5; 5). Если наше предположение верно и шлем действительно украшен буддийской символикой¹², то наиболее вероятно, что его владельцем являлся состоятельный ойратский воин из числа подданных Джунгарского государства (1635–1758).

Ойраты приняли буддизм (в его ламаистской версии) в конце XVI – начале XVII в. и стали ревностными сторонниками «Желтого учения»¹³. Помимо прочего, это проявилось и в оружейной сфере. До нашего времени дошли ойратские шлемы и панцири, украшенные разнообразной буддийской символикой¹⁴. Характерно, что в большинстве случаев буддийские символы (как и на рассматриваемом шлеме) выполнены в технике гравировки, а фон убран точечным орнаментом¹⁵. В пользу ойратского происхождения наголовья из ЮКОИКМ свидетельствует и тот факт, что шлем происходит с территории Южного или Юго-Восточного Казахстана. Более столетия данный регион являлся объектом военной экспансии джунгар, которые сумели установить свой политический контроль над значительной частью этих земель. Неудивительно, что среди предметов вооружения, найденных на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана, нередко попадаются изделия джунгарских мастеров¹⁶.

Не противоречит джунгарской версии происхождения шлема и цельнокованая сфероконическая тулья «мусульманского» образца. На протяжении позднего Средневековья и ранне-

го Нового времени ойраты поддерживали с народами Средней Азии тесные военно-политические и экономические контакты¹⁷. Во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. изделия казахских, узбекских и таджикских ремесленников поступали в Джунгарию в качестве военных трофеев и дани, а непосредственно на территории ойратского государства трудились многочисленные среднеазиатские мастера-оружейники¹⁸. Начиная с последней трети XVII в., защитное и наступательное вооружение в джунгарские войска начали поставлять мастерские Восточного Туркестана, а в конце первой половины XVIII в. доспехи, ружья, сабли и боеприпасы стали массово импортироваться в Джунгарию из городов Мавераннахра («Большой Бухарии»). Интересно, что работу среднеазиатских ремесленников контролировали специально прибывшие в регион ойратские мастера: «...порох, свинец, ружья, турки, сабли и панцыри [джунгары] при прежнем владельце Галдан-Чирине делали. А ныне де оное получают из Большой Бухарии, где и мастера их, зенгорцы, имеются»¹⁹. Данные факты позволяют предполагать, что хотя вооружение для джунгарской армии и изготавливалось среднеазиатскими ремесленниками, но оформлялось и украшалось с учетом вкусов заказчиков и будущих владельцев²⁰. Это объясняет сочетание на шлеме из ЮКОИМ западноазиатских технологических решений (цельнокованный сфероконический купол) с типичным «коробчатым» козырьком центральноазиатского типа и стилизованной буддийской символикой.

Таким образом, анализ конструкции и системы оформления шлема из ЮКОИМ позволяет датировать его периодом позднего Средневековья и раннего Нового времени и соотнести с комплексом вооружения кочевников Центральной Азии. Наиболее вероятно, что наголовье было изготовлено среднеазиатскими мастерами по заказу знатного джунгарского воина во второй половине XVII – середине XVIII вв. Впоследствии шлем мог применяться казахскими батырами вплоть до первой половины XIX в. включительно.

Список сокращений

ЦГМРК – Центральный Государственный Музей Республики Казахстан

ЮКОИМ – Южно-Казахстанский Областной историко-краеведческий музей

¹ Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 2718).

² Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: СПбГУ, 2008. С. 327–524, 532–535, 556, 567–569, 589–590.

³ Бобров Л.А., Анисимова М.А. Центральназиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 204. Рис. 14, 16.

⁴ LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale University Press, 2006. P. 78–79, 81; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 446, 450–452, 462.

⁵ Бобров Л.А., Анисимова М.А. Указ. соч. С. 201.

⁶ Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М.: Центрполиграф, 2006. Табл. IXa, г; The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. P. 327, 331; Бобров Л.А., Анисимова М.А. Указ. соч. С. 198–201.

⁷ Бобров Л.А., Анисимова М.А. Указ. соч. С. 201.

⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; LaRocca D. Op. cit. P. 73–75, 77–79, 91, 99. Подобные козырьки также широко представлены в цинских и корейских материалах XVII–XIX вв. Однако восточноазиатские мастера, в отличие от центральноазиатских оружейников, практически всегда дополняли «коробчатый» козырек специальной наlobной пластиной, которая отсутствует на рассматриваемом шлеме из ЮКОИКМ.

⁹ Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. С. 96, 97; Бобров Л.А., Анисимова М.А. Указ. соч. С. 206; Анисимова М.А. Оружие Востока XV– первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. С. 255, 261, 271, 276, 277.

¹⁰ Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алматы: Онер, 1986. Т. 1. С. 180; Его же. Казахское народное прикладное искусство. Резьба по дереву и кости. Художественная обработка металла и тиснение по коже. Алматы: Онер, 1994. Т. 3. С. 134–136, 217, 225, 229; Anthony C. Tirri. Islamic Weapons. Magrib to Moghul. New York: Indigo Publishing, 2003. P. 383; Каримова Р.У. Традиционные художественные ремесла и промыслы уйгуров. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005; Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Peking, 2008. 131–133; LaRocca D. Op. cit. P. 195, 216, 217; Бобров Л.А., Анисимова М.А. Указ. соч. С. 206.

¹¹ Священные образы Тибета. Традиционная живопись Тибета в собрании Государственного музея Востока. Самара: Агни, 2002. С. 170–181

¹² Сам по себе факт нанесения изображения «Ваджры» на поверхность шлема не уникален. Так, напр., до нашего времени дошли монгольские и тибетские шлемы, украшенные изображениями одинарных и двойных «Ваджр» (LaRocca. Op. cit. P. 81, 117; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 419, рис. 148, 2). Изображение «Ваджры» встречается также на зеркалах, топорах и другом вооружении центральноазиатского производства XVII–XIX вв. (LaRocca. Op. cit. P. 131, 185).

¹³ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Герел, 2009. Т. 3. С. 218–232

¹⁴ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 370, рис. 121, 9–11; 440–441, 444, 446

¹⁵ Там же.

¹⁶ Так, напр., в фондах ЦГМРК хранится сфероцилиндрический ойратский шлем (КП 2067), в ЮКОИКМ – джунгарский кольчато-пластинчатый панцирь (ЮКОМ КП 746) и т. д.

¹⁷ Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 3–65

¹⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 328–331

¹⁹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М.: Наука, 1983. С. 240.

²⁰ Бобров Л.А., Анисимова М.А. Указ. соч. С. 203–207

А.В. Бодров (Санкт-Петербург)

**СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ И США
В ПОДГОТОВКЕ АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК
К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ (1917–1918)***

ВСТУПЛЕНИЕ США в Первую мировую войну на стороне Антанты в апреле 1917 г. в условиях осложнения положения союзников на Западном фронте после провала так называемого наступления Нивеля поставило вопрос о полномасштабном участии в боевых действиях американских экспедиционных сил. Однако американская армия весной 1917 г. не соответствовала поставленной перед ней задаче ни в численном отношении, ни своим вооружением, ни в том, что касалось опыта ведения современной войны¹.

Всё вместе это обусловило широкое сотрудничество американцев со своими европейскими союзниками. Одним из направлений этого сотрудничества стала помощь в вооружении американского экспедиционного корпуса (АЭК). В годы Первой мировой войны американские солдаты фактически сражались французским и английским оружием; исключение составляли лишь винтовки. Значительным было участие англичан и французов также в теоретической и практической подготовке рядового и офицерского состава АЭК к реалиям современной позиционной войны. При этом именно франко-американские союзные военно-технические и чисто военные связи имели первостепенный и наиболее масштабный характер².

Координация франко-американского военного, политического и экономического сотрудничества была возложена на бюро

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15–01–00220.

верховного комиссара Третьей республики со штаб-квартирой в Вашингтоне, обязанности которого с апреля 1917 г. и до конца войны исполнял известный французский политик А. Тардье. Военное управление в рамках комиссариата под руководством французского военного атташе генерала Виньяля было призвано познакомить еще на начальной стадии подготовки американских офицеров и солдат с французским оружием и азами окопной войны. В 1917–1918 гг. в США было организовано 36 лагерей подготовки призывников, куда было направлено, по меньшей мере, по 5 французских офицеров-инструкторов, общее число которых вскоре превысило 200 человек³.

Предполагалось, что после начального обучения на родине американские дивизии будут перебрасываться во Францию для завершения своей подготовки. Программа трехмесячной подготовки американских войск во Франции была разработана французами с учетом замечаний американского командования и состояла из трех основных этапов. Первый предусматривал обучение в тренировочных лагерях по родам войск, второй – стажировку побатальонно на спокойном участке фронта среди французских войск, третий – дивизионные маневры и стрельбы в военном лагере в Нёфшато. Параллельно создавалась целая сеть офицерских школ по различным родам войск, курс обучения в которых был рассчитан на два-три месяца⁴. Программа подготовки американских войск должна была взять лучшее из того, что предлагал военный опыт союзников. Однако полноценный цикл прошли только дивизии, прибывшие на европейский континент первыми: 1, 2, 26 и 42-я. Все они оказались во Франции до конца 1917 г. Череди наступлений германских армий с марта 1918 г. скомкала программу подготовки последующих дивизий АЭК.

Обучение американских войск во Франции направлялось Третьим бюро французской военной миссии, организованной при штабе командующего американских экспедиционных сил в Европе генерала Д. Першинга. С сентября 1917 по август 1918 гг. миссию возглавлял генерал Камиль Рагено. Именно им были определены рамки деятельности французских офицеров, приданных американским подразделениям в качестве инструкторов. Их первой задачей было способствовать дальнейшему обучению американских войск, второй – выступать в роли советников при

командирах. Французским офицерам-инструкторам строго запрещалось навязывать свое мнение, а инициатива в получении «советов» всегда должна была исходить от командира подразделения – американца.

Инструкторы подчинялись главе группы при командующем той или иной американской дивизией. Два раза в месяц глава группы инструкторов должен был направлять в Третье бюро миссии свой отчет о ходе обучения поднадзорного ему подразделения. Целью их деятельности объявлялось «способствовать насколько только возможно скорейшему достижению американскими подразделениями способности сражаться бок о бок с нами в условиях современной войны»⁵.

Важной задачей французское командование также считало полное единообразие обучения. Французским инструкторам строжайше воспрещалось отходить от действующих во французской армии официальных регламентов и инструкций, критиковать их, привносить в обучение собственные идеи. Подобное расхождение во взглядах французских наставников грозило подорвать авторитет всего обучения среди американских солдат и офицеров⁶.

Самостоятельную роль играли так называемые офицеры связи, подотчетные напрямую главе французской военной миссии. Их задачей было служить важным каналом информации обо всем происходящем в рамках АЭК. Генерал Рагено подчеркивал важность того, чтобы французские «офицеры связи» рассматривались в качестве неотъемлемой части американской армии, ибо в противном случае они стали бы выглядеть в глазах американцев «соглядатаями французского командования». Последствия этого оказались бы самыми губительными для французских интересов: «Не допущенные более в штабной ближний круг, вместе с доверием они потеряли бы львиную долю своего влияния»⁷.

Между тем, французы хотели добиться того, чтобы их доктрина стала если не официальной для американских экспедиционных сил, то хотя бы хорошо здесь известной. В задачу французским советникам вменялось «изучить и понять менталитет тех, среди кого им предстояло работать». Им предписывалось «высказываться со всей четкостью и открытостью, но в то же время скромно и осторожно, дабы не задеть вполне естественную и понятную национальную гордость. Избегать менторского то-

на, заумных и туманных формул. Приводить в пример конкретные случаи, стремиться убедить на основе собственного опыта»⁸. Французские инструкторы должны были также выступать в роли посредников во всех вопросах, которые могли возникнуть у американцев с французскими гражданскими и военными властями.

Франко-американское сотрудничество было далеко не безоблачным с самого начала. Во-первых, командующий американскими экспедиционными силами генерал Д. Першинг последовательно отвергал идею включения отдельных американских подразделений в состав французской армии на Западном фронте, даже на временной основе и в порядке обучения. Во-вторых, Першинг кардинально расходился с европейскими союзниками в том, что касалось стратегии и тактики. Он был приверженцем полномасштабного наступления, которое должно было как можно скорее поставить точку в войне. Он не особенно высоко ставил оплаченный столь дорогой ценой опыт позиционной войны англичан и французов, поскольку те так и не сумели достичь видимых успехов. Американские солдаты должны были полагаться на свою винтовку и штык, высокий боевой дух и напор⁹. В-третьих, целью Першинга было не скорейшее вовлечение американского корпуса непосредственно в боевые действия, а подготовка миллионной армии с собственными танковыми и авиационными частями, способной сыграть решающую роль на завершающем этапе войны и обеспечить США политический вес в решении судьбы послевоенного мира¹⁰.

В течение первых двух месяцев после прибытия 1-й американской дивизии на европейский континент взаимодействие американцев и французов в деле боевой подготовки было достаточно тесным и вполне отвечало желанию Парижа. В роли наглядного примера для 1-й дивизии АЭК на первом этапе ее обучения выступала французская элитная 47-я дивизия альпийских стрелков. Бойцы последней демонстрировали свои навыки по созданию, размещению, обороне и штурму оборонительных позиций, а американцы затем пытались в буквальном смысле скопировать их действия¹¹. Однако отвечавший в 1-й дивизии за подготовку будущий госсекретарь США Джордж Маршалл отмечал, что командование АЭК во главе с Першингом с самого начала «не одобряло французские методы подготовки, но приказание пре-

рвать их не отдавало. В то же время нам были даны очень решительные приказы отрабатывать определенные элементы подготовки, руководствуясь американскими принципами». Это приводило к тому, что рядовой 1-й дивизии АЭК « всю первую половину дня пел французские песни и был совершеннейшим французом, а всю вторую половину его вовсю костерили как какого-нибудь американского “салагу” »¹².

Уже с конца лета 1917 г. стремление Першинга минимизировать французское влияние на ход подготовки прибывающих на континент американских дивизий стало проявляться все более очевидным образом. Практика обучения новых американских дивизий в прямой связке с опытными французскими была прекращена, проводниками французского влияния остались лишь инструкторы. Как Першинг заявил генералу Рагено в январе 1918 г., « нам лучше судить об обучении своих войск » и « оно продвигается быстрее и более удовлетворительно без французской опеки, нежели чем с ней », « наши методики различны, и языковой барьер препятствует полному взаимопониманию »¹³. Языковой барьер и впрямь был одной из существенных проблем, которой американцы не имели при взаимодействии с англичанами. Французские советники далеко не всегда владели английским достаточно свободно. Дополнительной сложностью подготовки АЭК было то, что примерно 18 % американцев-новобранцев, призванных на основе всеобщей воинской повинности, не говорили по-английски¹⁴.

Курс Першинга на «американизацию» подготовки АЭК проявился также в том, что к началу 1918 г. целый ряд армейских школ для подготовки американских офицеров самых различных военных специальностей был объединен в единый центр, размещенный во французском Лангре. Целью этого объединения, словами французской исследовательницы Р. Отрик, было воздвигнуть «неприступный американский бастион против всякого французского влияния»¹⁵. Если это и было так, то полной победы здесь Першингу одержать не удалось. Во главе образовательного центра встал эльзасец полковник Кёхлин-Шварц. В инструкциях Кёхлин-Шварца своим подчиненным подчеркивалась необходимость избегать противопоставления французской доктрины позиционной войны американской доктрине маневренной войны, поскольку фронтовые реалии допускали сочета-

ние обороны и контрнаступления. Именно поэтому в обучении следовало отходить от практики отдельных «французских учений» и «американских учений», поскольку сами эти выражения быстро приобрели негативную окраску¹⁶. Он призывал к тесному сотрудничеству американских и французских инструкторов на всех этапах подготовки молодых офицеров.

Еще одним способом повлиять на умы американских офицеров были организованные французской военной миссией ознакомительные поездки на французские участки фронта. Здесь американцы должны были наглядно убедиться в полной правомерности и адекватности обстановке французских методов ведения войны. В частности, речь шла о предпочтении массового применения гранат и мин в противовес американской ставке на штыковую атаку и снайперов. Французы также стремились наглядно продемонстрировать американцам всю действенность интенсивной артиллерийской поддержки, которой последние, по мнению первых, пренебрегали¹⁷.

В этой связи неудивительно, что французские наблюдатели не скупались на критику, анализируя образ действий американских подразделений в боевых условиях. Полковник Кёхлин-Шварц по итогам своего турне летом 1918 г. подытоживал: «В целом, от генерала до солдата – бесподобная храбрость и огромное желание проявить себя, но слишком часто при этом полное неведение относительно того как»¹⁸. После атаки 2-й американской дивизии под Сент-Этьеном 3 октября 1918 г. французский наблюдатель генерал Гуро отмечал, что американцы себя показали «превосходной боевой силой», они «подобны минутной вспышке, их порыв поразителен; но они очень быстро морально и материально истощаются и тотчас дезорганизуются»¹⁹. Симптоматичным было и то, что американские войска в ходе своих первых наступательных операций следовали собственным предписаниям и полагались в ходе штурма немецких позиций больше на штык, чем на гранаты и траншейную артиллерию.

Французы также явно рассчитывали на благотворный эффект, который имели высокие потери и обескураживающе скромные результаты по итогам этих атак на умонастроения внутри АЭК. Кёхлин-Шварц докладывал начальнику французской военной миссии о недовольстве собственным командованием, распространившемся среди многих американцев по итогам

первых боев: «...все буквально ополчились на генерала Першинга и его генеральный штаб». При этом американские офицеры, прошедшие стажировку в организованных французами штабных училищах, не допускались на руководящие позиции. Французам оставалось уповать на то, что причины недовольства станут известны конгрессменам в Вашингтоне. Кёхлин-Шварц подытоживал: «Нет никаких сомнений: вся армия, за исключением главной квартиры и генерального штаба, отдает себе отчет в том, что спасение заключается в отстранении нынешнего командования и в теснейшем единении с французами»²⁰. Среди американских офицеров даже распространился слух, согласно которому американская 92-я дивизия была временно отозвана с фронта из-за криков «долой американских генералов, мы хотим французских!»²¹.

Однако этим надеждам, как известно, не суждено было сбыться. В результате, ко второй половине 1918 г. французское представительство существенно сократилось, а прямое влияние ослабло. В подчинении французской военной миссии при АЭК оставалось порядка 300–320 французских офицеров-инструкторов, рассредоточенных между так называемым армейским центром в Лангре, отдельными училищами и американскими дивизиями²². С учетом стремительного и неуклонного роста численности американских войск с весны 1918 г. во Франции, это число не выглядит особенно значительным.

Таким образом, французское влияние на ход подготовки американских экспедиционных сил неуклонно ослабевало как в силу сознательного курса генерала Першинга, так и в силу объективных обстоятельств, скомкавших первоначальные планы. Все большее значение приобретал реальный боевой опыт, нежели обучение. Самые опытные американские дивизии после первых же серьезных боев негласно отбрасывали официальную американскую доктрину широкомасштабных наступательных действий в пользу тех методов позиционной войны, которые сам Першинг называл «французскими». Наиболее высоко себя рекомендовавшие летом – осенью 1918 г. 1, 2 и 26-я американские дивизии относились к числу тех, что получили наиболее обстоятельную подготовку во Франции под сильным же французским влиянием. Впрочем, как показывает сравнительное исследование М. Гротлеэсена, успешно действовал и ряд дивизий

«второй волны» (в частности, 77-я), основная часть подготовки которых проходила в США под французским же и британским надзором²³.

Борьба Першинга с «французской опекой» была, по-видимому, продиктована не только его приверженностью устаревшей доктрине. «Слияние» французских и американских методик подготовки прибывавших в Европу войск, за которое ратовало французское командование и руководство французской военной миссии при АЭК, воспринималось американской главной квартирой в качестве опасного шага, могущего повлечь «поглощение» американцев армиями союзниц. Соображения политического порядка, таким образом, существенно повлияли на восприятие американцами сотрудничества с французами в сфере обучения АЭК. Тем не менее, франко-американские разногласия здесь не стоит абсолютизировать. Несмотря на все заявления Першинга, 28 из 34 американских дивизий на Западном фронте прошли свою подготовку в 1917–1918 гг. именно с французскими войсками²⁴.

¹ Grotelueschen M.E. *The AEF Way of War: The American Army and Combat in World War I*. Cambridge, 2007. P. 11–17.

² Bruce R.B. *America Embraces France: Marshal Joseph Joffre and the French Mission to the United States, April-May 1917* // *The Journal of Military History*. 2002. Vol. 66. No. 2. P. 440–441.

³ Haut commissariat de la République Française aux États-Unis. Washington, 1918. P. 9.

⁴ См. подробнее: Pershing J.J. *My Experiences in the World War*. Vol. I. N.Y., 1931. P. 264–265.

⁵ *Rôle et attributions des officiers instructeurs dans les D.I.A. (Confidentiellement), [1917]* // Service historique de la Défense, Département de l'armée de Terre (далее SHD/DAT, бывший S.H.A.T.). 17 N 84 *Missions militaires françaises (Matériel)*.

⁶ Note pour les instructeurs, 20 февраля 1918 г. // SHD/DAT. 17 N 84.

⁷ Цит. по: Keene D.J. *Uneasy Alliances: French Military Intelligence and the American Army during the First World War* // *Knowing Your Friends: Intelligence Inside Alliances and Coalitions from 1914 to the Cold War* / Ed. by Martin S. Alexander. London, 2013. P. 22.

⁸ *Rôle et attributions des officiers instructeurs dans les D.I.A.*

⁹ Pershing J.J. *Op. cit.* P. 151–152.

¹⁰ Grotelueschen M.E. *Op. cit.* P. 35.

¹¹ Odom W.O., Col. *Under the Gun: Training the American Expeditionary Forces* // *Military Review*. 2000. July–August. P. 103.

¹² Marshall G.C. *Memoirs of my services in the World War, 1917–1918*. Boston, 1976. P. 20.

- ¹³ Report on Relations with the Allies // United States Army in the World War, 1917–1919. Vol. XII. Washington, 1991. P. 79.
- ¹⁴ Odom W.O., Col. Op. cit. P. 101.
- ¹⁵ Autric R. La rivalité franco-américaine: l'instruction des soldats américains en France (1917–1918) // Revue historique des armées. 2007. Vol. 246. P. 25-26.
- ¹⁶ Koehlin-Schwartz, Col. Note aux officiers, 4 avril 1918 // SHD/DAT. 17 N 84.
- ¹⁷ Cremer P. Impressions d'une visite aux O.A. en Secteur française (Rapport Confidentiel), 3 avril 1918 // SHD/DAT. 17 N 84.
- ¹⁸ Rapport sur une tournée aux 4e, 5e, et 6e Armées faite par le Colonel Koehlin-Schwartz (Конфиденциально), [октябрь 1918] // SHD/DAT. 17 N 84.
- ¹⁹ Rapport sur un voyage fait par le Colonel Koehlin-Schwartz (Конфиденциально), [октябрь 1918] // SHD/DAT. 17 N 84.
- ²⁰ Кёхлин-Шварц – Рэгено, 27 октября 1918 г. (Конфиденциально) // SHD/DAT. 17 N 84.
- ²¹ Кёхлин-Шварц – Рэгено, 30 октября 1918 г. (Конфиденциально) // Ibid.
- ²² Autric R. Op. cit. P. 29.
- ²³ Grotelueschen M.E. Op. cit. P. 346–347.
- ²⁴ Keene D.J. Op. cit. P. 23.

Л.А. Болокина (Тверь)

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ФОНДАХ ТВЕРСКОГО ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

СОТРУДНИКИ КАФЕДРЫ истории СССР Калининско-го государственного педагогического института приступили к сбору материалов о Великой Отечественной войне почти сразу же после ее начала. В рамках этой работы составлялась хроника событий по районам, формировались коллекции вырезок из газет и писем, в период с июля 1941 г. по июль 1942 г. в госпиталях были записаны более ста воспоминаний бойцов и командиров Калининского фронта. Позднее организовывались экспедиции в освобожденные районы, в ходе которых собирались рассказы, воспоминания, фольклорные материалы, вещи. Часть рукописей затем была передана в Центральный дом народного творчества в Москве для использования в сборнике, который планировалось издать к 25-летию создания Красной армии.

Наряду с этими усилиями по сохранению памяти и формированию корпуса источников по военному периоду в Калининской (ныне Тверской) обл. была образована комиссия для сбора материалов по истории Великой Отечественной войны, направившая своих уполномоченных в районы и на важнейшие областные предприятия, в учреждения. В фондах Тверского центра документации новой и новейшей истории отложились некоторые документы, явившиеся результатом деятельности уполномоченных. В частности, сохранились направленные в отдел агитации и пропаганды Калининского обкома ВКП(б) тексты, составленные пропагандистом Емельяновского РК ВКП(б), по совместительству уполномоченным комиссии по данному району Еленой

Сергеевной Цинзерлинг. Эти документы представляют собой записи рассказов жителей разных населенных пунктов Емельяновского района, переживших сравнительно короткий период оккупации. Район был занят противником в середине октября 1941 г., освобожден в второй половине декабря 1941 г. Записи сделаны на больших плотных листах бумаги, в основном низкого качества, обрезанных или аккуратно оторванных по краям. В начале каждого рассказа есть слова о том, что материал предназначен для книги «Великая Отечественная война по Калининской области». В конце текстов после письменного подтверждения правильности изложенных фактов всегда присутствуют подписи рассказчика и двух свидетелей, в обществе которых велась беседа и произнесенное фиксировалось на бумаге. Их подписи, в свою очередь, заверяли председатели или секретари сельских советов, ставившие печать. В некоторых случаях воспоминания записывались на общих собраниях колхозников, что говорит о том, какое серьезное значение имели данные мероприятия в глазах населения. Вероятно, этому способствовало исключительно ответственное отношение пропагандиста к выполнению порученного дела, а оно проявлялось в обращениях Е.С. Цинзерлинг к вышестоящему руководству с просьбами дать отзыв, сформулировать замечания и пожелания по представленным записям.

Архивное дело, материалы которого стали основой данной статьи, содержит 7 записей бесед с жителями Емельяновского района, проведенных в период с июля 1943 г. по февраль 1944 г.¹ Четверо из очевидцев – женщины в возрасте от 37 до 48 лет, каждому из троих мужчин на тот момент уже было больше 50 лет. Двое из собеседников уполномоченного занимали должности председателей колхозов, одна женщина оказалась после оккупации назначенной председателем сельского совета.

Начинаются рассказы, как правило, с короткого или более обстоятельного «экскурса» в предвоенное время, и основной смысл его – прославление колхозного строя, при котором люди «дружно работали», «хорошо и спокойно жили». Для убедительности приводятся данные о количестве скота, птицы, различных построек, например оборудованного клуба и «богатой» фермы. С особой гордостью называются виды современной техники, присутствовавшей в колхозах: полуплужная молотилка с двигателем, льномялка, льнотрепалка и др. Упомянув о росте личного благососто-

яния колхозников, рассказчики подчеркивают наличие пчел у некоторых семей; очевидно, в представлениях людей это символизировало достаток. Встречаются утверждения о том, что селяне часто повторяли вслед за Сталиным «жить стало лучше, жить стало веселее» и полностью поддерживали его призыв «сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными»².

Эти замечания наводят на мысль о «подсказках» со стороны уполномоченного, однако составить окончательное мнение о том, по чьей инициативе в текстах появлялись такие фрагменты явно пропагандистского характера, довольно трудно, так как подобное могло произойти по воле рассказчика. Данное предположение подкрепляет тот факт, что некоторые записи не содержат хвalebных слов в адрес предвоенной колхозной жизни, а вот текст воспоминаний одного из председателей колхоза включает не только красочное описание и положительную оценку коллективных хозяйств, но и завершается краткой справкой о текущем состоянии дел в колхозе, успешном выполнении плана государственных поставок, а заодно пафосными словами в адрес советской власти. Легко понять, что таким образом руководитель напоминает о собственных заслугах в период после освобождения от оккупантов. Только в словах председателя сельского совета находим сведения о том, как на траурном митинге в день похорон погибших красноармейцев присутствовавшие поклялись мстить врагу своим трудом, верностью партии и советской власти, преданностью родине. Достаточно подробный рассказ о выборе места захоронения, дне похорон и последующем уходе за братской могилой объясняется тем, что женщина являлась организатором этих дел. Личность каждого из информантов уполномоченного так или иначе обязательно проявилась в ходе бесед, к примеру, в объеме повествований и явно самостоятельном выборе некоторых неординарных сюжетов. Если большинство собеседников Е.С. Цинзерлинг просто пересказывали события, случившиеся в их деревне, чаще передавая сведения о поведении и настроениях соседей, родственников, связывая свои суждения с мнениями окружающих, то двое рассказчиков намеренно сконцентрировали внимание на собственных поступках и переживаниях.

В воспоминаниях очевидцы, упоминая советских и немецких военнослужащих, естественным образом использовали два набора слов, неизменно обращаясь к приему противопоставления.

Так, самыми частыми выражениями в отношении противника являются «проклятые немцы», «фрицы», «подлые», «звери»; один из рассказчиков употребляет одновременно взаимоисключающие понятия, иронично называя немца «“культурный” солдат-бандит». Красноармейцы являлись для жителей «спасителями», «славными», а Красная армия «доблестной» и «любимой». Даже у офицеров противника оказывались «старые рваные сапоги», которые они мечтали обменять на более подходящую к условиям русской зимы обувь, а вот у колхозников валенки «новые теплые да с галошами». Период оккупации оценивается как «страшные дни», зато время освобождения воспринималось всеми «как праздник», «великий день», навсегда оставшийся в памяти населения. Все информанты отмечают, что в минуту встречи со своими бойцами, услышав «простые чистые русские слова», люди непременно начинали плакать. Сложно поверить, но даже звуки выстрелов, в обычной жизни ассоциирующиеся прежде всего с опасностью и тревогой, в условиях оккупации могли вызывать у людей совсем иные чувства, о чем как минимум дважды говорят свидетели. Так, в ожидании наступления советских войск жители с надеждой прислушивались к усиливавшейся канонаде и уточняли, что «не боялись мы этой стрельбы, чувствовали в ней мы свое спасение», хотя при этом «как дули неслись снаряды»³.

В процессе повествования очевидцы называли те эмоции и ощущения, которые испытывали в описываемый период. Иногда это сугубо личные переживания: «Я испугалась, даже за стол не села» – так описывала Т.М. Крайнева свою реакцию на известие о появлении немцев в деревне⁴. М.Н. Пугачев объяснил, что при требовании обменяться обувью с немецким офицером после сопротивления все же сам снял сапоги и отдал врагу, потому что «не желал, чтобы немец до меня дотрагивался»⁵. В некоторых фразах просматривается оценка собственных поступков, например, когда мужчина утверждал, что «имел храбрость» протестовать против немецких указаний. Ф.В. Быстров подробно пересказал сцену допроса, на протяжении которого его унижали, били, ставили на колени, прикладывали револьвер ко лбу, стреляли в стену чуть выше головы. Информант поделился своими мыслями: «Я в этот момент только думал, как кошку убьют, хоть бы морду выцарапать, отомстить, но я один был бессилен».

Далее он признался, что еще более сильное волнение пережил позже: «Когда я пошел домой, то больше поимел страха, ожидал, что мне в затылок пустят пулю»⁶.

Чаще рассказчики словно говорили от имени всех односельчан, характеризуя их восприятие событий. Так, на исходе декабря 1941 г. людям «не верилось» в приход семнадцати сибирских дивизий, которые, по слухам и разговорам самих немцев, уже освободили Калинин; жители буквально «онемели», увидев тела жертв свирепых фашистских расправ накануне бегства нацистов из деревни; после освобождения «колхозники только удивлялись» темпам последующего строительства и восстановления разрушенного.

Изучение воспоминаний позволяет сделать вывод о том, что в районе не было попытки организовать эвакуацию сельского населения, а эвакуацию скота и колхозного имущества удалось провести лишь в единичных случаях, так как «немец неожиданно к нам стал подходить, даже мы не сумели наш скот эвакуировать»⁷, хотя трактора перегонять иногда успевали. Местами жители предпринимали попытки действовать самостоятельно, что, однако, оказывалось малорезультативным: «Ожидали мы приказа районного об отправке скота, но не дождавшись, сами погнали. Но немец настиг, и все обратно в деревню было возвращено»⁸.

Рассказы помогают составить представление о режиме, установленном нацистами и просуществовавшем в районе на протяжении двух месяцев. Сразу же после прихода оккупанты заявляли, что из домов можно выходить с утра и до 18.00, а хождение в другие населенные пункты запрещается даже днем. Видимо, не все поняли эти приказы буквально, потому что приводится случай, когда крестьянка отправилась в другое селение. Сначала патруль пропустил ее, решив, что она идет в соседний дом, но увидев дальнейшее продвижение, стал стрелять, после чего женщина бросилась бежать, падала, однако осталась жива и скрылась.

В некоторых деревнях немцы проводили собрания жителей, на которые допускались только мужчины. Участникам мероприятий представляли старост, назначенных новой властью, и разрешали задавать вопросы. Присутствующих интересовали проблемы будущего устройства системы управления, денежного обращения. В ответ звучали обещания сформировать русскую ад-

министратию и рекомендации беречь как германские, так и советские деньги.

В воспоминаниях председателя колхоза Ф.В. Быстрова значительное место занимает свидетельство о том, каким образом обиженные на советскую власть люди воспользовались ситуацией в корыстных целях, для сведения счетов с партийными и колхозными активистами. Так, еще до появления немцев в деревне к Быстрову пришла односельчанка, у которой в 1931 г. за неуплату сельхозналога и твердого задания отобрали имущество, в том числе постройки, часть которых приобрел колхоз. От председателя женщина потребовала отдать ей корову из колхозного стада взамен взятой при раскулачивании, угрожая пожаловаться в немецкий штаб, располагавшийся на расстоянии 7 км. Вскоре после этого эпизода в деревне расселились немцы, в сопровождении которых Быстрова посетила дочь раскулаченной, уехавшая в свое время в Ленинград, осужденная, но накануне оккупации явившаяся в родную деревню. Нацисты приказали бывшему председателю колхоза освободить дом, предоставив его семье, пострадавшей от действий советской власти. Примечательно, что спустя несколько минут переводчик предложил мужчине улучшить свое положение, добровольно отдав мед, мясо и хлеб. Тем временем заявительницы, получив овцу с ягнятами и хлеб, удалились, демонстративно крестясь и желая «освободителям» здоровья и скорейшей победы над большевиками. Донес на Быстрова и староста, житель той же деревни, доложив немцам о продуктах, укрытых председателем. В конце разговора информант с недоумением констатирует, что некоторые земляки, активно помогавшие немцам, арестованы, а иные все еще «ждут, чтобы немцы пришли, почему-то и сейчас живут в деревне...», хотя очевидно, что, по его мнению, они заслуживали наказания⁹.

В ходе бесед рассказчики делились собственными наблюдениями за особенностями поведения немцев, их отношениями между собой и внешним видом. С первых минут появления в селениях солдаты противника не скрывали своего желания поскорее отыскать пищу, и тут же «полетели замки со всех амбаров, клетушек». При расселении оккупантов люди подмечали, что артиллеристы-зенитчики разместились в деревне до 30 человек в доме, привели с десятков лошадей во двор, и «только начальники устроились жить посвободнее». Спустя год 37-летняя женщина

помнила: «Одеты они были в холодных сапогах с широкими голенищами, в темно-зеленых суконных шинелях со светлыми металлическими пуговицами. С погонами такого же цвета, как и шинели, т. е. темно-зелеными с одной белой блестящей металлической, как и на шинели, пуговицей и с малиновым кантом»¹⁰.

Собственными глазами калининцы убеждались в характерной для немецкого народа привычке к порядку, вот только проявлялась она в том, что «ежедневно, как только часовая стрелка показывала 10 часов, на машинах к нам являлись бандиты», снова в поисках продовольствия, ради чего методично «искали скот и ловили его в лесу, в кустарниках, во дворах»¹¹. Одна из рассказчиц посчитала нужным привести свидетельство знакомой старушки, в доме которой пытался развести огонь немецкий солдат. Пожилая женщина просила поджигателя остановиться, указывая, что то же самое может произойти с его собственной матерью. В ответ военнослужащий прослезился, но постоянно твердил, что это «приказ большого начальника», и он обязан его выполнить. Получалось, что дисциплинированность германского солдата пересиливала едва заметное человеческое милосердие и доходила до беспрекословного исполнения беспримерных по жестокости приказов.

Самые печальные воспоминания очевидцев относятся к тем дням, когда Красная армия наступала, а немцы покидали деревни. Отмечается, что жители всегда чувствовали по поведению оккупантов, а также судили по их разговорам, что готовится отступление противника. В этот момент мужчины старались уйти в лес, чтобы избежать уонов в Германию и не участвовать в дорожных работах, а вот женщинам и подросткам чаще приходилось выполнять эти тяжелые работы, ведь с детьми подолгу скрываться на морозе невозможно. Попытки переждать отступление немцев в лесах заканчивались возвращением в родные дома по причине голода и обморожений, детского плача. Нередко в избах еще хозяйничали фашисты. Иногда они допускали присутствие женщин, стремившихся хоть немного согреться и накормить детей, но в ряде случаев приход в деревню оборачивался тем, что ничего не понимавших советских граждан сгоняли в холодные сараи и оставляли там на неопределенное время. Их состояние отражено в рассказе Н.Я. Ивановой: «Перепуганы были все мы. Кто говорит, нас к немцам в рабство угонят, кто ду-

мал, что на передовую пошлют. Один ужас только стоял перед нами. [...] Обо всем думали мы, но и в мысли не приходило, что немцы нас живыми сжечь хотят»¹². К счастью, в описанных ситуациях людям удалось спастись.

Педантично выполняя один из бесчеловечных приказов Гитлера, солдаты вермахта при уходе из советских селений сжигали их, выгнав людей на мороз и конфисковав уцелевшее имущество. Вот как говорили об этом очевидцы: «Один обливает дома и постройки бензином, другой на ходу поджигает, а третий прикладом выбивает рамы и стекла в домах. Загорелась наша деревня»¹³. Удивительно, но в воспоминаниях люди сходились в том, что, когда они видели уничтожение своих жилищ, слез не было: «Все жители стоя и сидя на улице с ужасом смотрели на обворованную, догорающую деревню, никто не плакал»¹⁴. Покинувшие селения колхозники не в силах были находиться в глубине леса, выходили на опушки и обнаруживали пожар: «Мы глядели с ужасом, как огромное пламя охватило нашу деревню. В тот момент ничего не жалели, только с волнением ждали, удастся ли нас спасти нашей родной Красной Армии»¹⁵. Измученные до предела люди со всей ясностью осознавали, что настоящее избавление возможно только в случае прихода советских войск, и именно эта мысль, на которой было полностью сосредоточено внимание, несколько притупляла остроту восприятия горестных событий, словно отдаляя полноценное осознание случившегося.

В одной из деревень восемь человек отказались убегать в лес и остались, в том числе пять местных стариков, две старушки-беженки из других мест и один красноармеец, скрывавшийся от немцев среди жителей. В то время, пока остальные односельчане со страхом и бессильным волнением наблюдали картину пожара из лесного массива, эти «восемь смельчаков» сумели потушить 6 домов, подожженных и покинутых гитлеровцами, боролись с огнем прежде всего при помощи одеял. Вернувшимся жителям представилась следующая картина: «Когда мы шли по деревне, то, несмотря на мороз, вода от растаявшего снега была нам по колено. Деревня еще горела. На улицах в воде валялось много убитых лошадей, коров, овец»¹⁶.

Иногда освобождение затягивалось, вблизи населенных пунктов разворачивались бои, и жители, спрятавшись в блиндажах, в полях за стогами и других укрытиях, с нетерпением ожидали ис-

хода противостояния, рассуждая о том, кто занял более выгодные позиции, из каких орудий идет стрельба и т. д., испытывая неимоверное напряжение, а затем облегчение, «когда, вдруг, большая радость, видим – немец побежал»¹⁷. Люди с такой любовью и благодарностью встречали своих освободителей, что забывали о собственных горестях, потере жилья, имущества, об отсутствии продуктов. Сами находясь в критической по сути ситуации, селяне тут же проявляли заботу о бойцах, разводили костры, пытаясь обогреть и накормить спасителей. В сожженных деревнях найти место для отдыха военнослужащих было фактически невозможно, о чем с сожалением вспоминали позднее свидетели событий.

Порой вместе с красноармейцами жители обнаруживали во время возвращения в населенные пункты жертвы казней, совершенных фашистами перед уходом. В деревне Иванишенские Горки из 93-х домов сохранился всего один, и именно в него забились вернувшиеся люди. Из-за тесноты всю ночь пришлось провести стоя, а наутро они отправились разыскивать оставшихся в селении больных и стариков. В ходе поисков очевидцы пережили еще один шок, увидев обугленные кости сгоревших заживо в своих домах мужчин, расчлененные и обезображенные трупы женщин. После перенесенного современники были единоклужны в отношении к немцам, которые, по их мнению, «кроме проклятия и жестокой расправы ничего не заслуживают»¹⁸.

Предчувствие грядущего освобождения вкупе с многократно возросшей за время оккупации ненавистью к захватчикам и непреодолимым желанием отомстить за страдания родных и близких помогало решиться на шаги, схожие с поступком 63-летнего П.М. Гурина, который Е.С. Цинзерлинг назвала героическим. Отступавшие через его родную деревню немцы приказали мужчине проводить их до соседнего селения, указывая дорогу и любыми способами избегая встречи с частями советской армии. Далее приводится отрывок из воспоминаний Гурина.

«Это было 13 октября 1941 г., неожиданно в нашу деревню Пономарьково ворвались проклятые немцы. Начали все грабить, все обирать. С тех пор ни днем ни ночью покоя мы не знали. Возражать им мы не смели, за слово удары получали. Постоянно не жили они у нас: одни уходили, другие приходили. Тяжелое было то время. Не думали мы, что так скоро освободит нас наша любимая Красная Армия.

Но желанный день наступил. Это было 22 декабря 1941 г. уже вечером. Днем проклятые звери последних наших кур доедали, а к вечеру все скрылись куда-то, один фриц только остался. [...]

Тут сразу же мысль меня озарила. Отомстить проклятым фашистам. Уже поозоровали, награбили, наиздевались они в нашей деревне. За все решил им я отомстить. Хотя бы и самому пришлось бы погибнуть. Нашу деревню и деревню Бесково по прямой линии разделяет болото “Хвошня”. Человек по этому болоту еще пройдет, а лошади никогда не ездили. Опасное место истари считалось. Топкое оно, да плохо замерзает. За болотом лесок небольшой, а кругом этого леса опять топкие болота. И решил я их в этом болоте утопить.

Согласился их провести, а сам думаю, если догадаются, стрелять начнут, буду в лес убегать. Убьют так убьют, но и сами не выскочат. Пошел я впереди, за мною поехали 20–30 повозок с людьми и оружием, далее ехала легковая машина, за нею два танка, две грузовые машины со снарядами, за ними без конца повозки.

Пошел я по самому топкому месту, вышел на твердую почву, за которой опять лежало еще топче болото. Смотрю, глазам не верю, повозки едут, только лед трещит, а не проваливается. Лед выдерживает. Показав рукой вперед, я повернул и пошел обратно. Ехавшая за повозками легковая машина вдруг остановилась. Лед затрещал. Кругом темнота. Сидевшие офицеры выскочили из машины, бросили ее, а сами скорее бежать. Из танков люди и выскочить не успели, крепко затянуло болото два танка с людьми. Враги, наверно, захлебнулись. Так и сейчас вместе с танками проклятые фрицы сидят в этом болоте “Хвошня”. Следовавшие за танками две грузовые машины остановились. Немецкие солдаты бросили исправные машины со снарядами, а пешком спастись бросились. Повозки свернули в другую сторону. В это время была сильная паника здесь, крики, ругань. Но темнота меня спасла, бегом я бросился к своей деревне, боясь попасться им на глаза.

Видя все это, видя панику, которая здесь создавалась, видя как два танка с живыми фрицами были проглочены болотом “Хвошня”, я был счастлив, что все же, хотя и немного, да смог отомстить проклятым фрицам.

Но, взглянув на деревню, я другое увидел. Яркое зарево на небе, огненные языки подымались ввысь от наших домов. Я быст-

рее побежал в деревню [...]. Остались мы, что нищие, ни построек, ни скота, все ограбили и уничтожили гады, ни одной курицы на деревне не осталось.

Долго будем помнить этих зверей фашистских. С утра 23 декабря 1941 г. смотрим, опять едут. Испугались мы, но наш испуг был короткий. Страх сменился огромной радостью, когда увидели мы, что едут наши бойцы. Вышли все мы им навстречу. Заплакали все слезами радости. Как праздник этот день, день 23 декабря 1941 г. будем мы почитать.

Впервые за два месяца десять дней свободно вздохнули мы. Но нашим бойцам обогреться было негде. Все сожжено, а в уцелевших семи домах окна были выбиты, печки не топлены, двери все открыты. Скорей костры на догорающих углях мы стали разводить, чтобы хоть как-нибудь обогреть наших славных бойцов и их командиров.

В тот же день красноармейцы, сделавши мост, сумели грузовые две машины и легковую машину из болота переправить в деревню, а два танка с фрицами и на сегодняшний день сидят в этом болоте «Хвошня»¹⁹.

Освобожденные от врага территории представляли собой весьма печальное зрелище. Пережившим оккупацию предстояло новое испытание – восстановление разоренного вчистую хозяйства. Об этом М.Л. ИONOва выразилась так: «Тяжелая была работа: ни семян, ни клона сена, почти нет лошадей»²⁰. В одном из хозяйств первым делом отремонтировали молотилку и обмолотили чудом уцелевшее в скирдах зерно, чтобы обеспечить колхозников продовольствием. В лесах ловили беспризорных лошадей, хотя в большей части они оказались непригодны для тяжелых сельскохозяйственных работ из-за истощения, ранений, болезней. В результате весной 1942 г. десятки гектар колхозники района вскопали вручную. Отсутствие семян заставило перетаскать на себе из Калинина, расположенного в 60 км, множество мешков с зерном. Колхозники делились сохранившимся картофелем, пригодным для посадки. Однако из слов информантов можно понять, что эти трудности переживались людьми по-иному, ведь после страданий оккупации «работали лучше, чем до войны», к тому же поступала помощь из других регионов в виде скота, семенного фонда. Приезжали плотники из восточных районов области и понемногу отстраивали сгоревшие помеще-

ния. П.М. Гурин с гордостью сообщил, что в начале 1944 г. уже проживал в доме «в 5 окон да с двумя печками». Но следует добавить, что все же значительная часть селян еще долго вынуждена была размещаться в приспособленных под жилье амбарах, ригах и других строениях.

Таким образом, анализ текстов записанных в годы войны бесед с очевидцами событий приводит к выводу о том, что документы нарративного характера, хранящиеся в региональных архивах, помогают гораздо подробнее осветить малоизученные аспекты военной повседневности. Они содержат информацию о взаимоотношениях между людьми, эволюции настроений и поведенческих реакциях, позволяют лучше понять мотивы разнообразных поступков, воссоздают атмосферу ушедшей эпохи. В повествованиях можно обнаружить специфические факты, отсутствующие в других источниках, что способствует более полной реконструкции военной действительности. Именно это обусловило повышенное внимание современных историков к подобным материалам, которые ранее рассматривались, скорее, как вспомогательные. Думается, что в ближайшие годы исследовательский интерес не иссякнет и будет реализовываться через различные методологические практики.

¹ Тверской центр документации новой и новейшей истории. Ф. 147. Оп. 3. Д. 552.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 18 об., 20.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 20 об.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Там же. Л. 8, 8 об.

¹³ Там же. Л. 16 об.

¹⁴ Там же. Л. 39 об.

¹⁵ Там же. Л. 5 об.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 16 об.

¹⁸ Там же. Л. 11 об.

¹⁹ Там же. Л. 23–25.

²⁰ Там же. Л. 6 об.

А.Р. Бормотова (Курск)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (По материалам Центрального Черноземья)

ПРОЦЕСС ИССЛЕДОВАНИЯ периодической печатной пропаганды и агитации в период Великой Отечественной войны нельзя представить без опоры на соответствующие исторические источники. Возможность провести глубокий анализ во многом определяется состоянием и полнотой источниковой базы.

В настоящее время историки получают доступ к большому количеству рассекреченных архивных материалов, массив источников расширяется, благодаря чему дополняются и уточняются некоторые гипотезы и научные предположения.

В этой связи представляется весьма важным изучение состояния и специфики исторических источников по проблеме пропаганды и агитации в печатных средствах массовой информации, которыми располагают как центральные, так и местные архивы.

В фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде Центрального комитета ВКП(б)¹ находятся директивные материалы, постановления и положения Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), содержащие весьма ценные сведения, касающиеся регулирования основных аспектов деятельности как центральной, так и региональной печати².

Источники, представленные в архивных учреждениях Центрального Черноземья, содержат точное описание ситуации, сложившейся в местных средствах массовой информации.

Фонды Государственного архива общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО)³, Центра документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИБО)⁴, Государственного архива Белгородской области (ГАБО)⁵, Государственного архива Орловской области (ГАОО)⁶ располагают обширной информацией о деятельности областной и районной печати, работе редакций газет⁷. Протоколы заседаний бюро обкома, райкомов, исполкомов, постановления и директивы партийных органов отражают широкий круг вопросов функционирования печати в годы Великой Отечественной войны⁸. Особо значимой для изучения проблемы является документация фонда Курского обкома ВКП(б) (ГАОПИКО. Ф. П-1)⁹, в первую очередь, материалы отдела по пропаганде и агитации. В нем имеются не только справки, информации, но и переписка с Управлением пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) о деятельности редакций газет, о печатной пропаганде¹⁰.

В Государственном архиве Курской области (ГАКО) содержится весьма обширный фонд областного Управления издательств и полиграфии (Ф. Р-4952), занимавшегося вопросами материально-технического обеспечения местных периодических изданий¹¹. В названном фонде в виде переписки и отчетной документации представлены сведения о восстановлении зданий редакций, оборудования типографий после освобождения области от немецкой оккупации¹². Вышеназванные материалы весьма важны для анализа состояния полиграфической базы печати Курской области в условиях военного времени.

Говоря о сохранности документов, необходимо отметить, что специфика военного времени наложила свой отпечаток на состояние многих материалов. В частности, в вышеназванном фонде областного Управления издательств и полиграфии отчетные материалы зачастую содержали неполные сведения. Данные по некоторым районам области не были представлены в общих сводках, так как на момент их составления эти районы либо находились в оккупации, либо же там еще велись локальные боевые действия. Информация из ряда районов по причине условий военного времени не была доставлена в областной центр, где формировалась отчетная документация. Такие случаи нашли отражение в служебных записках Управления издательств и полиграфии, хранящихся в делах одноименного фонда.

Отдельные сведения о функционировании оккупационных газет, издававшихся на территории Курской области, имеются в фондах учреждений периода немецко-фашистской оккупации, в частности, областных и районных управлений сельского хозяйства (Ф. Р-3483)¹³, сельских и районных управ (Ф. Р-3579¹⁴, Ф. Р-3580¹⁵), районных комендатур (Ф. Р-3484)¹⁶.

Особый интерес представляет фонд Курского областного управления по охране государственных тайн в печати (Ф. Р-3679), документы которого выявляют основные механизмы государственной цензуры печатных органов Курской области в период Великой Отечественной войны¹⁷.

В фондах архива Управления ФСБ РФ по Курской области (АУФСБ РФ КО) представлена документация о редакциях оккупационных газет, издававшихся на территории Курской области¹⁸, а также немецкие пропагандистские листовки и брошюры¹⁹, адресованные местному населению²⁰.

Ценная информация представлена не только в архивных документах, но и в источниках, опубликованных в различных сборниках.

В неоднократно переиздававшемся сборнике «Преступные цели – преступные средства»²¹ опубликованы документы, изобличавшие античеловеческие цели захватчиков и их действия на оккупированных территориях и раскрывающие основные направления немецкой пропагандистской политики. Проанализировав опубликованные материалы, можно сделать вывод, что большое внимание немецкое командование уделяло печатной пропаганде.

В начале 1960-х гг. в свет вышел двухтомный сборник документов «Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.»²². В нем были представлены документы о руководстве партийных структур печатью, о борьбе населения и партизан с врагом. Публикации о ходе восстановления хозяйства региона позволяют получить более полное представление об основных направлениях и темпах этого процесса.

Материалы о работе местных партийных и советских органов пропаганды и агитации, о функционировании периодической печати содержатся также в сборнике документов «В суровую пору (Белгородчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)»²³.

В 1978 г. был опубликован сборник «Подвиг народный. Участие трудящихся Курской области в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)»²⁴. Это небольшое по объему издание включило в себя ряд материалов из прессы военных лет, и его появление свидетельствовало о продолжении изучения различных аспектов Великой Отечественной войны на местном материале.

Однако документы, представленные в этих сборниках, освещали лишь позитивные стороны деятельности органов власти и работы периодической печати. Большей объективности в подборе документов удалось достичь составителям трехтомника «Суровая правда войны», выпущенного в Курске в 2000-е гг.²⁵ В издание включен широкий круг источников из местных и центральных архивов, а также широко представлены и документы, раскрывающие различные направления пропагандистской работы партийных органов, и ключевые документы, касающиеся работы местной периодической печати.

В сборнике «Из истории Курской битвы», вышедшем в Белгородской области, наряду с документальными материалами о Курской битве, о ходе освобождения Белгородчины от оккупантов, содержатся публикации из «Белгородской правды» и других районных газет²⁶.

Важным видом источников для изучения исследуемой проблемы является периодическая печать 1941–1945 гг. На страницах «Правды» и ряда других центральных газет публиковались разнообразные материалы, посвященные вопросам пропаганды и агитации. Значительный пласт источниковой базы составила областная и районная партийная печать. Особо ценными при исследовании проблемы являются партизанские подпольные газеты.

К отдельной группе можно отнести оккупационную печать, издававшуюся на территории Центрального Черноземья. Это газеты «Новый путь», «Рыльский новый путь», «Курские известия», «Посев и жатва», орловская газета «Речь» и др. Анализ данных изданий выявляет основные направления фашистской оккупационной пропаганды по отношению к местному населению.

На территории Центрального Черноземья в разное время публиковались сборники воспоминаний участников²⁷ и очевидцев событий войны²⁸. Отметим, что использование опубликованных

мемуаров в исследовательской работе требует сопоставления с архивными документами и другими источниками, поскольку на изложение фактов влияла осведомленность авторов, их личное отношение к происходящему.

В заключение следует отметить, что фактический материал из названных источников отражает различные аспекты работы печатных периодических изданий Центрального Черноземья в период Великой Отечественной войны и значительно расширяет возможности историков.

¹ Российский Государственный архив общественно-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Центральный комитет ВКП(б).

² Там же. Оп. 3. Д. 1041; Оп. 125. Д. 60, 66, 113, 136, 144, 167, 178.

³ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1045, 2611, 2623, 2671, 2681, 2682, 2684, 2836, 2851, 2852, 2866, 2872, 2873, 2955, 3039, 3059, 3060, 3077, 3214, 3218; Оп. 27. Д. 1033; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 29, 223, 309, 499; Ф. П-82. Оп. 1. Д. 278; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 828, 870, 1090.

⁴ Центр документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИБО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 155.

⁵ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-137, Р-1819.

⁶ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 1591, П-73, П-76, П-133, П-154, Р-2575.

⁷ ЦДНИБО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 155; Ф. 14. Оп. 1. Д. 187; Ф. 21. Оп. 1. Д. 146; Ф. 33. Оп. 1. Д. 197.

⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 187; Ф. 21. Оп. 1. Д. 146; Ф. 33. Оп. 1. Д. 197.

⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2681, 2682, 2684, 2836, 2851, 2852, 2866, 2872, 2873, 2955, 3039, 3059, 3060, 3077, 3214, 3218.

¹⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1045, 2611, 2623, 2671; Оп. 27. Д. 1033.

¹¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 1, 7, 11, 25; Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 11; Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 38, 50; Ф. Р-3483. Оп. 1. Д. 119; Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 6; Ф. Р-3508. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 49; Ф. Р-3580. Оп. 1. Д. 54; Ф. Р-3679. Оп. 1. Д. 66–68, 70, 72, 78, 79, 81, 84; Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 5; Ф. Р-4952. Оп. 1. Д. 1, 6.

¹² Там же. Ф. Р-4952. Оп. 1. Д. 1, 6.

¹³ Там же. Ф. Р-3483. Оп. 1. Д. 119.

¹⁴ Там же. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 66–68, 70, 72, 78, 79, 81, 84.

¹⁵ Там же. Ф. Р-3580. Оп. 1. Д. 54.

¹⁶ Там же. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 6.

¹⁷ Там же. Ф. Р-3679. Оп. 1. Д. 66–68, 70, 72, 78, 79, 81, 84.

¹⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 228, 229, 237.

¹⁹ Там же. Ф. Архив уголовных дел (АУД). Д. 9515.

²⁰ Там же. Ф. Архив уголовных дел (АУД). Д. 9515; Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 228, 229, 237.

- ²¹ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). М.: Экономика, 1985. 328 с.
- ²² Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Сб. док. и мат-лов. Т. 1 / ред. комис.: Т.И. Архипова (предс.) и др. Курск: Курское кн. изд-во, 1960. 487 с.
- ²³ В суровую пору (Белгородчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Сб. док. и мат-лов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1978. 151 с.
- ²⁴ Подвиг народный. Участие трудящихся Курской области в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Курск, 1978. 440 с.
- ²⁵ Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Ч. I: Сб. док. Курск, 2002; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле. Ч. II: Сб. док. Курск, 2004; Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III: Сб. док. Курск, 2007.
- ²⁶ Из истории Курской битвы (Изгнание немецко-фашистских захватчиков с территории Белгородчины, освобождение Харькова): Сб. док и мат-лов. Белгород: Везелица, 2003. 240 с.
- ²⁷ Война и женская судьба / под ред. А.Ю. Друговской. Курск: Изд-во КГМУ, 2000. 400 с.
- ²⁸ У Победы есть имена. К 55-летию Курской битвы. Сб. статей и воспоминаний / под. ред. А.Ю. Друговской. Курск: Изд-во КГМУ, 1998. 188 с.; Человеческие документы войны. Воспоминания. Письма. Стихотворения. Статьи / под. ред. А.Ю. Друговской. Курск: Изд-во КГМУ, 1998. 422 с.

М.Ю. Бородин (Москва)

ЦАРСКАЯ ПОБЕДА

*«Прошу вас, будьте всегда православными, не будьте
торгашами, будьте всегда верны своей Родине и никогда ее
не предавайте. Если будете воевать, воюйте на стороне России».*

*Генерал от артиллерии М.В. Ханжин
(Из напутствия своим детям)*

ФОРМАТ СТАТЬИ не позволяет мне даже кратко изложить события жизни моего деда – Михаила Васильевича Ханжина – полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем, военного министра правительства адмирала А.В. Колчака, генерала от артиллерии, начальника Дальневосточного отдела Русского общевойскового союза, председателя Попечительского совета по охране и приведению в порядок Порт-Артурского и других русских военных кладбищ в Маньчжоу-Го и Квантунской обл. Передо мной стоит задача подтвердить, что именно мой дед разработал получивший название «образца воинского искусства» план атаки Луцкого прорыва. Для этого я проанализировала военную карьеру М.В. Ханжина с точки зрения наличия или отсутствия следующих фактов:

1) имелись ли у М.В. Ханжина некие уникальные качества, в силу которых именно он был избран Ставкой на роль основного автора плана Луцкого прорыва? Если да, то в чем они заключались и чем это подтверждается;

2) кто, когда и почему являлся инициатором привлечения М.В. Ханжина к разработке плана луцкой операции;

3) чем подтверждается несопоставимо значимый по сравнению с другими участвовавшими в операции генералами вклад М.В. Ханжина в операцию Луцкого прорыва;

4) согласуется ли дальнейшая военная карьера М.В. Ханжина как артиллериста с версией о том, что руководство Ставки особо ценило его как выдающегося стратега и тактика артиллерийского боя в современной войне?

Считаю, что мною были установлены факты, позволяющие понять логику событий, приведших М.В. Ханжина к тому, что он оказался востребован Ставкой для разработки плана Луцкого прорыва. Высочайшая профессиональная компетентность и уникальные для своего времени навыки и боевой опыт М.В. Ханжина подтверждаются следующим.

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию дед окончил по первому разряду.

В 1904 г. принял командование 4-й артиллерийской батареей 3-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

В этом же году после боя под Тюренченом – первого значительного сражения Русско-японской войны, в которой принимала участие и 3-я Восточно-Сибирская стрелковая артиллерийская бригада¹, – М.В. Ханжин впервые в мировой практике (в Ляоянском сражении) применил особую методику артиллерийской стрельбы с закрытых позиций с использованием угломера и панорамы². Проявление этой выдающейся тактической инициативы сочеталось у Ханжина с личной храбростью, отмеченной по итогам Русско-японской войны такими наградами, как орден Св. Георгия 4-й ст. за «отличный подвиг мужества и храбрости в бою под Лаояном и в 1905 г. под Фушунем», а также орденами: Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом; Св. Станислава 2-й ст. с мечами; Св. Анны 2-й ст. с мечами. Новый способ артиллерийской стрельбы был настолько эффективным, что заимствован артиллеристами Японии, а впоследствии Германии, Франции и других стран. Необходимо отметить, что сама по себе стрельба с закрытых позиций применялась еще в Крымской войне 1853–1856 гг. Однако теория и практика этого метода постоянно развивались и совершенствовались за счет привлечения математических методов для совершенствования методик наблюдения и расчетов.

Учитывая уникальный боевой опыт М.В. Ханжина, в ноябре 1905 г. он назначается на одну из руководящих должностей в Офицерской артиллерийской школе. Руководители школы назначались только из числа штаб-офицеров с академическим образованием, выдающихся по своим теоретическим и практическим познаниям в артиллерийском деле. В школе М.В. Ханжин написал «Учебник по полевой артиллерии для юнкеров».

Преподаватели школы, и, прежде всего, М.В. Ханжин, сделали все, чтобы изменить статус артиллериста старшего командного состава, превратить его в самостоятельно рассуждающего тактика, обязанного в некоторых случаях боевой обстановки проявить почин и взять на себя ответственность.

В эти же годы М.В. Ханжин принимал участие в Высочайше учрежденной Комиссии по переработке статута ордена Св. Георгия, Георгиевского оружия и креста, за что получил Высочайшее благоволение³.

С марта 1911 г. по апрель 1913 г. находился в составе артиллерийской миссии из числа пяти выдающихся командиров-артиллеристов того времени – Гобято, Пашенко, Беляева, Дельвига и Ханжина – отправленной Великим князем Сергеем Михайловичем во Францию для обмена опытом с французской полевой артиллерией, в том числе для отработки взаимодействия артиллерии с авиацией. А надо отметить, что, по мнению современников, Великий князь Сергей Михайлович был знаток артиллерийского дела. Чрезвычайно требовательный, объективный до неприятности начальник, он знал достоинства и недостатки каждого из сотен дивизионных и батарейных командиров, а зачастую и старших офицеров, и был чужд nepотизму.

По итогам выполнения миссии М.В. Ханжин – единственный из членов миссии – награжден орденом Почетного легиона. В России он получает орден Св. Владимира 4 ст. и назначается на должность начальника Киевского учебного артиллерийского полигона при штабе Киевского военного округа, где, помимо прочего, разрабатывает взаимодействие артиллерии и авиации.

Таким образом, очевидно, что уже в 1913 г. М.В. Ханжин относился к интеллектуальной элите русской армии и имел боевой опыт и навыки, которые можно расценить как уникальные, например навык взаимодействия артиллерии с авиацией. Кстати, для проведения крупномасштабной разведки будущего теат-

ра Луцкого прорыва было привлечено до 100 разнотипных самолетов, что «позволило сфотографировать все протяжение Юго-Западного фронта и по этим снимкам составить подробные макеты укрепленных районов, на которых проводились учения»⁴. Этот факт сам по себе свидетельствует о том, что основной автор Луцкого прорыва должен был иметь хороший опыт взаимодействия артиллерии и авиации. И таким опытом обладал генерал М.В. Ханжин.

События военной карьеры М.В. Ханжина, и, прежде всего, командировка в артиллерийскую миссию, позволяют сделать вывод о том, что как минимум к 1911 г. М.В. Ханжина лично знал и особо отмечал Великий князь Сергей Михайлович, занимавший должность генерал-инспектора артиллерии, который, по моему мнению, и был основным инициатором привлечения М.В. Ханжина к разработке плана Луцкого прорыва. Что касается генерала Брусилова, то последний вынужден был смириться с особой ролью М.В. Ханжина.

В 1914 г. М.В. Ханжин производится в генерал-майоры и назначается командиром 19-й артиллерийской бригады, с которой вступает в Первую мировую войну. В 1915 г. он получил под командование 12-й армейский корпус 8-й армии генерала Брусилова. За бои в январе 1915 г. у Меволавочей награжден Георгиевским оружием. С июля 1915 г. М.В. Ханжин – командир 12-й пехотной дивизии. Награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

Для понимания взаимосвязи дальнейших событий применительно к выбору Ставкой М.В. Ханжина как основного автора плана Луцкого прорыва необходимо остановиться на следующем. В августе 1915 г. должность Верховного главнокомандующего принимает на себя Император Николай II. До начала 1916 г. организация высшего управления артиллерией была крайне неопределенной, в том числе, потому что, согласно «Положению о полевом управлении 1914 г.», с объявлением войны генерал-инспектор артиллерии Великий князь Сергей Михайлович фактически был лишен прямого руководства артиллерией в силу подчинения военному министру. Для исправления этого положения в начале января 1916 г. утверждена должность полевого генерала-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем с широкими полномочиями, в отношении общего руководства и наблюдения по всем вопросам артиллерийс-

кой части действующей армии, напрямую влиять на управление артиллерийскими частями фронтов. По инициативе Великого князя Сергея Михайловича вводятся в действие положения об инспекторах артиллерии корпуса, армии и флота.

М.В. Ханжин, имеющий опыт составления указаний для действий артиллерии при атаке укрепленной позиции, вместе со своим старым товарищем С.Н. Дельвигом составляет такие указания для артиллерии Юго-Западного фронта. Профессор Е.З. Барсуков писал: «Кроме изданий ГАУ и Упарта, в период войны было немало разных наставлений, инструкций, указаний по артиллерийской части, изданных штабами армий и фронтов, например: изданные на Юго-Западном фронте накануне майского наступления 1916 г. (Брусиловский прорыв) брошюры, составленные инспекторами артиллерии генералом Дельвигом и генералом Ханжиным, с указаниями для действий артиллерии при атаке укрепленной позиции»⁵.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что к этому времени на Юго-Западном фронте М.В. Ханжин является признанным теоретиком и тактиком действий артиллерии при атаке укрепленной позиции.

16 апреля 1916 г. М.В. Ханжин произведен в должность инспектора артиллерии 8-й армии Юго-Западного фронта. Как известно, именно 8-й армии отводилась решающая роль в операции и именно она нанесла главный удар в направлении Луцка. В личной переписке детей М.В. Ханжина содержится утверждение о том, что во время Луцкого прорыва М.В. Ханжин фактически разделил с генералом от кавалерии А.М. Калединым руководство 8-й армией. Очевидно, что такое формальное нарушение субординации могло быть обусловлено только тем, что М.В. Ханжин был одним из основных авторов плана Луцкого прорыва и подстраховывал А.М. Каледина, ознакомленного с этим планом непосредственно перед операцией. Утверждение, что М.В. Ханжин фактически командовал 8-й армией, я также встретила в специальной литературе⁶.

Вышеприведенный анализ военной карьеры М.В. Ханжина позволяет установить несомненное наличие тесной связи между М.В. Ханжиным и Великим князем Сергеем Михайловичем, обусловленной не их личными взаимоотношениями, а тем уважением, которое Великий князь испытывал к М.В. Ханжину как

к профессионалу высочайшего класса. Считаю, что инициатором привлечения М.В. Ханжина к разработке плана операции Луцкого прорыва являлся именно Великий князь Сергей Михайлович.

Как указано выше, утверждение об участии М.В. Ханжина в разработке плана Луцкого прорыва состоятельно только в том случае, если официальная оценка Ставкой роли М.В. Ханжина резко превосходила оценку всех остальных участвующих в операции генералов. Бесспорно, что именно М.В. Ханжин по итогам Луцкого прорыва получил *самое значимое награждение среди всех участвовавших в операции генералов* – его произвели в чин генерал-лейтенанта, и это одно из самых весомых доказательств в пользу того, что М.В. Ханжин имел какую-то исключительную заслугу при проведении операции Луцкого прорыва.

Убеждена, что такой заслугой была его особая роль в разработке плана операции. Отмечу, что даже те, кто был недоволен тем, как Ставка оценила их действия в Луцком прорыве, не усомнились в том, что М.В. Ханжин заслужил свою награду. В частности, генерал Брусилов, который, по мнению военного историка А.А. Керсновского, был «вообще чрезвычайно неблагодарный к памяти своих соратников», не порочил М.В. Ханжина⁷.

Дальнейшая военная карьера М.В. Ханжина как артиллериста подтверждает, что руководство Ставки и, прежде всего, Великий князь Сергей Михайлович особо ценили его как выдающегося стратега и тактика артиллерийского боя в современной войне. И самым простым и одновременно убедительным доказательством этого является то, что после того как 22 марта 1917 г. Великий князь Сергей Михайлович был отрешен от должности полевого генерала-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем, его заменил на этом посту именно генерал М.В. Ханжин.

Авторство М.В. Ханжина в разработке операции Луцкого прорыва, говоря современным языком, не пиарилось, так как план разрабатывался в Ставке в обстановке строжайшей секретности, а дед всегда отличался скромностью и нелюбовью к публичности. Помимо этого, имея такого начальника, как Брусилов, считающего себя незаслуженно обделенным по части наград, было бы просто неразумно открыто распространяться о своих заслугах.

Поскольку большевики использовали наименование «Брусиловский прорыв» в «благодарность» за переход Брусилова на сторону красных, до перестройки вопрос о том, что именно генерал М.В. Ханжин сыграл выдающуюся роль в планировании и организации наступления Юго-Западного фронта, не исследовался. Надеюсь, что моя статья вдохновит хотя бы одного профессионального военного историка на полное и объективное исследование действительной роли М.В. Ханжина в разработке плана Луцкого прорыва и в руководстве 8-й армией во время проведения этой операции.

¹ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Бой_на_реке_Ялу

² Артиллерия. Советская военная энциклопедия под ред. Н.В. Огаркова Т. 6. М., Воениздат, 1976.

³ Высочайшее благоволение – монаршая награда Российской империи, к которой могли быть представлены за служебные заслуги чиновники и военные (в военное время), занимающие должности не ниже 8-го класса. Высочайшее благоволение извъявлялось рескриптом или же объявлялось в высочайших приказах.

⁴ Алексеев А. Потерянная победа // Спецназ России. 2015. № 12. URL: <http://www.specnaz.ru/articles/97/8/80.htm>

⁵ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917). Т. VI. URL: http://militera.lib.ru/h/barsukov_ez2/38.html

⁶ Орская биографическая энциклопедия / Сост. Коровин П.С. Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2005.

⁷ Керсновский А.А. История русской армии в четырех томах. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/17.html>.

Использованная литература:

1. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Бой_на_реке_Ялу

2. Артиллерия. Советская военная энциклопедия под ред. Н.В. Огаркова Т. 6. М.: Воениздат, 1976.

3. Алексеев А. Потерянная победа // Спецназ России. 2015. № 12. URL: <http://www.specnaz.ru/articles/97/8/80.htm>

4. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917). Т. VI. URL: http://militera.lib.ru/h/barsukov_ez2/38.html

5. Орская биографическая энциклопедия / Сост. Коровин П.С. Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2005.

6. Керсновский А.А. История русской армии в четырех томах. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/17.html>

7. Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999.

8. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войны. М.: Высший военный редакционный совет, 1920–1923.

8. Луцкий прорыв. М.: Высший редакционный совет, 1924.
9. Стратегический очерк Первой мировой войны в 7 частях / Сб. документов. М., 1922–1923.
8. Свечин А. В Восточном отряде. От Ляояна к Тюренчену и обратно: Марши, встречи, бои, наблюдения. Варшава, 1908.
9. Свечин А. Русско-японская война 1904–1905 гг. по документальным данным труда военной исторической комиссии и другим источникам. СПб., 1910.
10. Свечин А. Тактические уроки Русско-японской войны. СПб.: Офицерская стрелковая школа, 1912.

Ю.Л. Ботев (Москва)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ ГОРЮЧИМ В ТРЕТЬЕМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ТРЕТЬЕМ ПЕРИОДЕ Великой Отечественной войны (январь 1944 – 8 мая 1945) значительно возросли потребности Красной армии в горючем – в частности, автотранспорта фронтов и Ставки. Добыча нефти в 1944–1945 гг. по сравнению с 1943 г. увеличилась, но все еще оставалась недостаточной, ее уровень равнялся лишь 60 % от показателей 1940 г. В связи с этим и ряд нефтеперерабатывающих заводов работал не на полную мощность. Не хватало рабочей силы и материалов, оборудование было изношено. Данные о добыче и переработке нефти в 1943–1945 гг. приведены в табл. 1. В Красной армии среднесуточный расход всех сортов горючего увеличивался и который составил:

за июнь 1943 – май 1944 гг. – 299 тыс. т;

за июль – декабрь 1944 г. – 351,6 тыс. т;

за январь – май 1945 г. – 381,9 тыс. т¹.

Тем не менее, обеспечение Красной армии горючим было недостаточным. Необходимо особо отметить нехватку автомобильного бензина. Из общего объема выработанного в 1944 г. бензина фактические его поставки для Народного комиссариата обороны (НКО) не превышали 68 %. Увеличить размеры отпуска не представлялось возможным. По расчетам Главнефтебюта, в 1944 г. для покрытия всех потребностей в автотранспортном горючем не хватало 845 тыс. т. Поскольку потребности действующей армии в автобензине полностью не удовлетворялись, автотранспорт в ряде операций использовался не на полную мощность.

Добыча нефти и производство жидкого топлива²

Наименование	Единица измерения	Объем производства по годам		
		1943	1944	1945
Добыча нефти	млн. т	17,963	18,261	19,436
Переработка нефти	млн. т	17,53	17,86	18,45
Производство авиабензинов	тыс. т	1007	1334	1017
Производство автобензинов	тыс. т	1763	2440	2126
Производство дизельного топлива	тыс. т	478	525	518

Комиссия Генерального штаба РККА, Штаба тыла Красной армии и Главного автотранспортного управления, работавшая в конце 1944 г. по проверке правильности использования автотранспорта на фронтах, в своем докладе отмечала: «1-му Белорусскому фронту дальнейшее увеличение автотранспорта без увеличения отпуска горючего нецелесообразно»³. Подобный же вывод был сделан по 1-му Украинскому фронту.

На 1-м Белорусском фронте, в связи с недостатком горючего, среднесуточный пробег автомашин равнялся в июле – 51 км, августе – 40 км, октябре – 23 км, ноябре – 22 км, вместо возможных 100 км. Слабое использование автотранспорта фронта имело место даже в условиях стремительного летнего наступления войск, когда отрыв от армейских и фронтовых баз достигал 400–500 км и вся тяжесть подвоза ложилась на армейский и фронтовой автотранспорт⁴.

Вопрос организации обеспечения горючим Красной армии в Третьем периоде Великой Отечественной войны был одним из центральных в работе органов государственного и военного управления страны, а планирование поставок этих ресурсов стало одним из важнейших элементов подготовки дальнейших стратегических операций.

Контроль за организацией снабжения Красной армии горюче-смазочными материалами был возложен на члена Государственного Комитета Обороны (ГКО) А.И. Микояна. Снабжение Вооруженных сил производилось по самостоятельному плану на каждый месяц и было возложено на Управление снабжения горючим Красной армии (УСГ КА). Разработанный план обес-

печения горючим Красной армии ежемесячно рассматривался в ГКО и утверждался его председателем.

Исходными данными для подобного планирования являлись заявка фронтов, вес их заправки, предполагаемая продолжительность и глубина проводимой операции. УСГ КА необходимо было учитывать и факторы, которые непосредственно влияли на обеспечение действующей армии:

1. Удаленность фронтов от пунктов налива горючего и условия его транспортировки (пропускная возможность железных дорог, водного транспорта и др.).

2. Удаленность войск от разгрузочных станций, состояние и пропускная способность автогужевых дорог.

3. Сезонность завоза, если она имела место по данному фронту.

4. Возможность размещения необходимых запасов горючесмазочных материалов на участке фронта.

Заявки на горючее фронты подавали исходя из поставленных перед ними задач. Однако тут были свои особенности, в частности, в том, что касалось высокооктанового авиационного бензина. В табл. 2 приведены данные, которые показывают необоснованное завышение требований на ресурс военными советами фронтов. При этом к фронтам никаких ответных предложений по экономному и рациональному расходованию горючего не выдвигалось. Лимитирование горючего должно было послужить для устранения такого несоответствия.

Уже в августе 1942 г. законодательно установлен ежемесячный лимит на горючее для объединений действующей армии. Таким образом, возникала взаимная ответственность: УСГ КА обязано было обеспечить выполнение плана поставки нефтепродуктов фронтам, а фронты, в свою очередь, не имели права расходовать горючего больше установленного лимита. Увеличение лимитов на горючее по обоснованным ходатайствам военных советов фронтов мог осуществлять член ГКО А.И. Микоян. Право незначительного (до 10 %) увеличения лимита отдельным фронтам из специального резерва было предоставлено начальнику тыла Красной армии генералу армии А.В. Хрулеву и начальнику УСГ КА генерал-лейтенанту М.И. Кормилицину.

С этой целью, по указанию А.И. Микояна, для определения веса заправки для действующей армии была создана специальная комиссия из представителей Главного бронетанкового уп-

правления Наркомата обороны, секретариата А.И. Микояна и Управления службы горючего Красной армии с участием представителей Генерального штаба. Установленный комиссией показатель являлся основой определения обеспеченности горючим всех фронтов и уточнялся в Генеральном штабе, в зависимости от обстановки, один-два раза в месяц.

Табл. 2

Заявленный фронтами высокооктановый бензин и его расход в Третьем периоде Великой Отечественной войны⁵

Авиационный бензин, тыс. т.	1944 г.	1945 г.	Всего
Потребность по заявкам фронтов	680,6	338,3	1018,3
Утвержденные лимиты	562,3	289,0	851,3
В % к заявкам	83,0	85,0	84,0
Израсходовано	577,4	287,4	864,3
В % к заявкам	85,0	85,0	85,0
В % к лимиту	102,5	96,0	101,6

При планировании операций возникли сложности с определением веса заправки. Так, в войсках имелись автомобили с заправкой, обеспечивавшей пробег (запас хода) от 170 до 300 км и более. Это вызывало затруднения в осуществлении контроля за обеспеченностью автомобильным горючим действующей армии. В 1942 г. директивой начальника тыла – заместителя наркома обороны СССР А.В. Хрулева № 38 от 17 марта было введено понятие «условная заправка» – количество горючего, обеспечивающее пробег автомобиля на расстояние 200 км. Во исполнение данной директивы на всех автомобилях, у которых основные баки вмещали горючего меньше, чем на 200 км пробега, оборудовались дополнительные емкости (10- и 20-л бидоны). Обеспечение горючим автомобилей, топливные баки которых вмещали горючего больше, чем требуется для 200 км пробега, при расчетах соответственно увеличивалось. Так, при запасе хода в 250 км, обеспеченность горючим автомобиля равнялась 1,25 заправки, на 300 км – 1,5 заправки. Введение «условной заправки» для автомобильной техники значительно упорядочило обеспечение войск автомобильным бензином, который составлял основную долю потребления горючего Красной армией.

К ознакомлению с замыслами стратегических операций в Ставке Верховного Главнокомандования был допущен начальник ты-

ла Красной армии генерал армии А.В. Хрулев, который и ориентировал начальника УСГ КА генерал-лейтенанта М.И. Кормилицина относительно размаха предстоящих операций.

При получении исходных данных группа офицеров УСГ КА в Генеральном штабе определяла потребность в горючем, которая складывалась из расхода на подготовку к операции (учитывая перегруппировку войск своим ходом), ход операции и запасы, которые необходимо было иметь к концу операции, установленные директивой Верховного Главнокомандующего.

При планировании необходимо было учитывать тот факт, что действующая армия была оснащена разнообразной военной техникой, которая требовала применения различных видов и сортов горючего. Так для боевой авиации требовались высокооктановые авиационные бензины Б-78 и Б-74 (применение авиационных бензинов Б-70 и АРБ-70 было запрещено, так как приводило к ограничению работы двигателя по наддуву). Для транспортной авиации – авиационные бензины Б-70 и АРБ-70. Для средних и тяжелых танков – дизельное топливо. Для легких танков поставляли авиационный бензин Б-70.

Для автомобильной техники с 1944 г. по решению ГКО для действующей армии вместо утяжеленного бензина стали вырабатывать стандартный автомобильный бензин с концом кипения 225 градусов. Для тракторных тягачей – лигроин, тракторный керосин, и дизельное топливо.

Многообразие применяемых видов горючего ставило перед УСГ КА задачу постоянного изучения динамики расхода каждого вида и сорта горючего, а также быстрого реагирования на изменение структуры его потребления. Исходя из этого определялся и количественный ассортимент данного ресурса, готовились необходимые средства хранения и транспортирования (автомобильные цистерны, железнодорожные цистерны, наливные баржи и танкеры). На основе сведений о доле расхода каждого сорта горючего разрабатывались и предъявлялись промышленности заявки на требуемый объем поставки, устанавливалась очередность производства отдельных сортов и видов горючего.

Данные относительно расхода горючего в некоторых операциях (табл. 3) показывают, что наибольший, в среднем, расход шел по автомобильному бензину – 59 %. Авиационный бензин

в общем расходе составлял, в среднем – 21 %. Показатели эти не были постоянными, они менялись в зависимости от оснащения войск различной военной техникой и напряженности ее использования.

Подготовленные расчеты с предварительным согласованием между центральными управлениями НКО СССР принципиальных вопросов, представлялись в Генеральный штаб для последующего утверждения Верховным Главнокомандующим. Когда ежемесячный план поставок горючего в действующую армию становился законом, Наркоматы нефтяной промышленности, путей сообщения, морского и речного флотов обязаны были выделять для Наркомата обороны отдельную от народного хозяйства норму налива нефтепродуктов, в железнодорожных цистернах, морским и речным тоннажем, на каждый месяц. Использование выделенной Наркомату обороны нормы для других нужд запрещалось.

Табл. 3

Относительный расход видов горючего в основных операциях Третьего периода Великой Отечественной войны, в процентах⁶

Наступательные операции	Высокооктановые авиабензины	Бензин Б-70	Автомобильный бензин	Дизельное топливо	Керосин тракторный лигроин
Освобождение Правобережной Украины	16	6	61	12	5
Белорусская	24	4	60	7	5
Львовско-Сандомирская	31	5	48	11	5
Яско-Кишиневская	20	5	61	11	3
Восточно-Прусская	23	4	61	9	3
Висло-Одерская	15	6	62	14	3
Берлинская	21	7	59	11	2

Основными поставщиками для Красной армии являлись Краснодарский, Бакинский, Грозненский, Сызранский, Куйбы-

шевский, Уфимский и Ярославский нефтеперерабатывающие заводы. Со второй половины 1944 г. часть поставок горючего для 1-го и 3-го Украинских фронтов осуществлялась с нефтеперерабатывающего завода в Дрогобыче. С продвижением фронтов Красной армии на запад, разгромом немецко-румынских войск в Ясско-Кишиневской операции, освобождением Польши и Чехословакии, Венгрии, появляется возможность восстановить разрушенную нефтяную промышленность.

С сентября 1944 г. по май 1945 г. Красной армией было получено из Румынии, Польши, Чехословакии и Венгрии 816,5 тыс. т горючего, в том числе 82,8 тыс. т авиационного бензина, 615 тыс. т автомобильного бензина и 98,3 тыс. т дизельного топлива⁷.

Как правило, при подготовке каждой стратегической операции заблаговременно принимались решения ГКО. Этими решениями устанавливались объемы накопления основных видов горючего для фронтов, которые входили в состав стратегической группировки. Одновременно ГКО определял необходимые мероприятия: фронты должны обеспечить прием железнодорожных транспортов с горючим без простоя, а Наркомат путей сообщения – первоочередную доставку их фронтам.

В зимней кампании обеспечение горючим фронтов, участвовавших в стратегических операциях, проходило в соответствии с планом, утвержденным председателем ГКО. Поставки в действующую армию обеспечивали нефтеперерабатывающие заводы СССР. Запасы на фронтах к началу и концу операции создавались в соответствии с установленными нормами, за исключением автомобильного бензина, так как его расход при подготовке к операции составлял до 3–4 заправок, а завозить железнодорожным транспортом такое количество не успевали. В ходе операции, из всех видов горючего наибольший расход также составлял автомобильный бензин – 63 %. Для восполнения расхода автобензина в ходе операции, ГКО было принято решение об увеличении его отправки фронтам – до 74 % от общего расхода нефтепродуктов⁸. Налив автомобильного бензина на заводах в железнодорожные цистерны производился в первую очередь. В результате принятых мер автомобильные части и подразделения выполнили поставленные задачи. Но к концу кампании обеспеченность автомобильным бензином снизилась

до 0,5 заправки. Это была самая низкая обеспеченность за всю войну.

Отрицательный опыт был учтен руководством тыла и УСГ КА при подготовке и проведении последующих наступательных стратегических операций. Стали использоваться предварительные доклады по отдельным вопросам правительству и ГКО. Так, в апреле 1944 г., до начала планирования обеспечения горючим летне-осенней кампании 1944 г. начальник тыла Красной армии генерал армии А.В. Хрулев докладывал члену ГКО А.И. Микояну о том, что апрельские планы производства автобензина и сдачи его для НКО не выполняются, что создает напряженное положение с обеспечением войск в весенне-летний период. Начальник тыла отмечал систематическое недовыполнение плана производства автомобильного бензина заводами нефтепромышленности из-за аварийных остановок, внеплановых ремонтов и недостатка сырья. В заключение он просил созвать совещание с заинтересованными наркоматами по вопросам обеспечения армии автобензином – обеспеченность им действующей армии составляла 1,4 заправки⁹.

В этот же период на фронтах снизилась обеспеченность высокооктановыми авиационными бензинами. Это было связано со штатным увеличением самолетов в воздушных армиях и дальней авиации. Если уровень высокооктановых бензинов в декабре 1943 г. составлял 6–7 заправок, то к весне 1944 г. снизился до 3–4 заправок. Обеспеченность дизельным топливом в танковых войсках находилась на уровне 3–4 заправок. Уровень низкооктановых бензинов находился на прежнем уровне – 5,3–5,7 заправок¹⁰.

В период подготовки к летне-осенней кампании 1944 г. Штаб тыла Красной армии в мае представил в Генеральный штаб расчеты по созданию запасов горючего на 1-м Прибалтийском, 1, 2, 3-м Белорусских, 1, 2, 3-м Украинских фронтах в размере 20 заправок авиабензинов, 15 заправок танкового горючего и 10 заправок автобензина. ГКО утвердил эти расчеты и постановил завезти 1-му Прибалтийскому, трем Белорусским и 1-му Украинскому фронтам до 28 мая авиабензинов – 71,6 тыс. т, автобензина – 60,3 тыс. т, дизельного топлива – 28,9 тыс. т, 2-му и 3-му Украинским фронтам к 1 июля – общей массой 80 тыс. т¹¹.

Для выполнения поставленной задачи ГКО разрешил разбронировать из мобрезерва НКО 48,1 тыс. т авиабензина, 4,5 тыс. т автобензина, 18,4 тыс. т дизельного топлива. Кроме того, ГКО обязал разбронировать из Госрезерва и безвозвратно передать НКО 19,5 тыс. т автобензина; сократить фонды народного хозяйства на май в размере 11,5 тыс. т, увеличив за счет этого поставки для НКО; сократить на 3,3 тыс. т лимиты расхода автобензина для 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов¹².

ГКО постановил также, что создаваемые запасы могут расходоваться только с разрешения Ставки.

Предусмотренные запасы были созданы по низкооктановому горючему и дизельному топливу. Что же касается высокооктановых и автобензина на 1 июня, эти запасы были ниже установленного плана, так как впоследствии выяснилось что Генеральным штабом при расчетах всех нефтепродуктов был взят вес заправки ниже фактического, который имели к 1 июля Белорусские и Украинские фронты.

Обеспеченность на 1 мая 1944 г. и на 1 июня 1944 г. по всем фронтам в целом характеризуется следующим результатом:

	Май 1944 г.	Июнь 1944 г.
Высокооктановые авиационные бензины	3,4 заправки	8,3 заправки
Низкооктановые авиационные бензины	5,3 заправки	9,2 заправки
Автомобильный бензин	1,4 заправки	2,9 заправки ¹³
Дизельное топливо	6 заправки	8,1 заправки

Начиная с июля 1944 г., в связи с наступлением Красной армии и увеличением расхода ГСМ, расход горючего на фронтах превышал его поступление. Требовалось изыскание дополнительных источников снабжения горючим, и эти источники были найдены.

Первый – увеличение производства отечественной нефтяной промышленности.

Второй – использование нефтяных ресурсов Румынии.

Третий – прирост поступлений ГСМ по импорту из Англии.

Таким образом, центральные управления выполняли важную работу, предшествовавшую постановлениям ГКО, чтобы последний мог более полно и всесторонне определить возможные источники обеспечения фронтов горючим.

Проводимые мероприятия позволили к началу зимнего наступления 1945 г. обеспечить фронты горючим по установленным нормам:

- 6,3 заправки по высокооктановому бензину;
- 7 заправок по низкооктановому бензину;
- 3,5 заправки по автобензину¹⁴.

Также были созданы запасы по дизельному топливу – 4,7 заправки. Но практика показывала, что создание 10–15 заправок по дизельному топливу, особенно при быстром продвижении войск вперед, стало большой обузой и обернулось большими потерями в горючем во фронтовом тылу, поэтому УСГ КА и военные советы фронтов считали, что 4–5 заправок вполне достаточно для ведения наступательных операций.

В марте – апреле 1945 г. положение с обеспечением фронтов горючим улучшилось, в связи с увеличением объема нефтепродуктов, произведенных в освобожденных странах, и сокращением полосы наступления действующей армии. Это облегчило снабжение горючим в Берлинской операции, которая характеризовалась большим и неравномерным расходом горюче-смазочных материалов.

Накопление запасов этих ресурсов для Берлинской операции производилось в течение 22 дней, т. е. в относительно короткий срок. С целью ускорения доставки горючего в войска на 1-м Белорусском фронте транспорты центра направлялись на фронтовые склады, а из них – горючее шло автотранспортом в соединения, минуя армейские склады, что позволило в ограниченные сроки восполнить расход, связанный с боевыми действиями войск за удержание и расширение плацдарма на западном берегу р. Одер, и создать необходимые запасы к началу операции.

Таким образом, в Третий период войны служба снабжения горючим в сложных условиях выполнила большую работу по обеспечению крупных стратегических операций. Этому способствовало улучшение работы нефтяной промышленности СССР, расширение производства горючего в стране, а также восстановление нефтяной промышленности Румынии, Польши, Венгрии и Чехословакии, совершенствование форм и методов обеспечения горючим глубоких операций при высоких темпах наступления войск.

В работе службы заслуживают положительной оценки мероприятия по широкому маневру запасами горючего на складах и в транспортах, созданию подвижных резервов в распоряжении командующих и оперативных групп тыла, использованию для подвоза с фронтовых и армейских складов войскового и армейского транспорта, первоочередному обеспечению танковых армий и подвижных групп.

¹ Кормилицин М.И. Служба снабжения горючим в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1960. С. 38.

² Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. М., 1990. С. 54, 55.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 67. Оп. 32174. Д. 260. Л. 235.

⁴ Там же. Л. 2–6.

⁵ Там же. Оп. 26721. Д. 14. Л. 22.

⁶ Кормилицин М.И. Указ. соч. С. 36.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Материалы всеармейского совещания работников службы снабжения горючим. Ч. 1. М., 1946. С. 29–32.

⁹ Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ч. 4. Л., 1963. С. 53.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ ЦАМО. Ф. 67. Оп. 32174. Д. 260. Л. 237–239.

¹² Постановление ГКО от 13 мая 1944 г. № 5897.

¹³ Материалы всеармейского совещания... С. 29.

¹⁴ Там же. С. 31–32.

А.А. Бочаров (Санкт-Петербург)

ВОЕННО-МОРСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВЕТСКОМ «ОБОРОННОМ» КИНЕМАТОГРАФЕ 1930-х – НАЧАЛА 1940-х ГОДОВ

ВОЕННО-МОРСКИЕ СЮЖЕТЫ проникли в отечественный кинематограф еще на его заре, в начале XX в. Так, первый российский полнометражный художественный фильм, «Оборона Севастополя» режиссера В. Гончарова (1911), содержал сцены знаменитого эпизода морской истории – затопления кораблей Черноморского флота на севастопольском рейде в 1854 г., а первый полнометражный документальный фильм, «Балтийский флот» (1913), вообще был полностью посвящен морской теме.

Военно-морская тематика вернулась на отечественные экраны в 1920-е гг., а в следующем десятилетии она стала одной из ведущих в советском кинематографе. В немалой степени это объяснялось целями пропаганды Военно-морского флота и его достижений. Например, в 1933 г. один из авторов журнала «Морской сборник», официального печатного издания Военно-морского флота, назвал пропагандистские фильмы «наиболее популярным образцом применения кино в военно-морском деле» и указал: «Возможности воздействия кино на массы давно оценены, и оно широко применяется для целей военно-морской пропаганды в виде художественных и хроникальных военно-морских фильмов, для которых, в частности, производятся подробнейшие съемки отдельных эпизодов из жизни и быта флота, походов, боевых учений и маневров»¹.

В данной статье мы рассмотрим ряд художественных фильмов второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. (до начала Великой Отечественной войны), связанных с военно-морской тематикой. Используемый нами термин «оборонный кинемато-

граф» заимствован из литературы и периодической печати тех лет и достаточно условен. Некоторые фильмы, относимые в конце 1930-х гг. к указанному жанру, с современной точки зрения, являются, скорее, военной фантастикой.

Появление и расцвет жанра «оборонного кино» стали возможными в условиях атмосферы второй половины 1930-х гг., наполненной тревожным ожиданием неизбежной большой войны, которая, согласно пропагандистским установкам тех лет, начавшись обороной от коварного нападения врага, быстро превращалась в наступательную и заканчивалась разгромом противника малой кровью на его территории.

Впрочем, первая кинокартина, которой мы коснемся, рассказывала не о большой войне в будущем, а о вымышленном эпизоде противостояния японской агентуре на Дальнем Востоке. Морякам-пограничникам, несшим службу в дальневосточных водах, был посвящен фильм «Морской пост», поставленный в 1938 г. на Одесской киностудии режиссером В. Гончуковым (автор сценария Л. Линьков, композитор Н. Крюков, песни В. Лебедева-Кумача, в ролях Н. Новосельцев, Г. Юмашева, Н. Ивакин, П. Аржанов).

Действие фильма происходит на небольшом острове в Тихом океане. Морские пограничники на катере «Чекист» патрулируют окрестные воды, препятствуя браконьерству японских рыбаков. «Чекист» захватывает шхуну с диверсантами, замаскированную под рыболовное судно, и ведет ее к острову. Другое японское судно высаживает на острове десант, но пограничники сдерживают его до прибытия подкрепления и авиации, а затем уничтожают.

В содержании картины морская романтика причудливо сочетается с модной в 1930-х гг. темой борьбы с вражеским шпионажем и вредительством «троцкистов». Можно было бы еще больше написать об этом по-своему интересном фильме, но, строго говоря, к нашей теме он относится лишь косвенно – морские части пограничных войск НКВД не входили в состав Военно-морского флота.

Выход «Морского поста» вызвал дипломатический скандал в отношениях между СССР и Японией. Японский посол в Москве заявил протест против появления картины на экранах кинотеатров и требовал от советского правительства отказа от демонс-

трации фильма и принесения извинений за оскорбление японского флага².

Видимо, пропагандистское значение этой картины оценивалось военным руководством достаточно высоко. «Морской пост» упоминался в числе фильмов, рекомендованных политическими органами для просмотра красноармейцами в связи с занятиями по политической подготовке³.

В фильме «Четвертый перископ» режиссера В. Эйсымонта («Ленфильм», 1939, авторы сценария Г. Венецианов и Г. Блауштейн, композиторы Б. Гольц и В. Пушкин) деятельность советского флота была показана в авантюрном ключе.

В ходе военно-морских учений три советские подводные лодки должны «атаковать» линейный корабль условного противника. На горизонте неожиданно появляется четвертый перископ. Советскому линкору может угрожать опасность, если неизвестная подводная лодка окажется иностранной. Однако перископ может принадлежать и советской лодке «Спрут», с которой потеряна связь. Командир эсминца «Отважный» Владимир Крайнев (Б. Блинов) решает таранить неизвестную лодку. Она тонет, а действия Крайнева признаны правильными. Но не потопили ли советские моряки «Спрут», которым командует брат Крайнева, Григорий (В. Честноков)? Водолазы обследуют затонувшую подводную лодку и выясняют, что она иностранная. «Спрут» в это время лежит на грунте с повреждениями, полученными во время нападения вражеской шхуны, замаскированной под норвежское рыболовное судно. Чтобы выяснить обстановку, командир посылает на поверхность матроса. Он захвачен врагами, местоположение лодки раскрыто. Но на горизонте появляются советские корабли. Пираты снова маскируются, на этот раз под шведскую паровую шхуну «Хильда». Заметив «Хильду», командир эсминца «Отважный» высаживает на нее досмотровую группу. Она захвачена пиратами. Точным выстрелом «Отважный» выводит из строя рулевое управление шхуны. Пиратское судно захвачено советскими моряками. В это время на поверхность всплывает «Спрут».

Пожалуй, наиболее ярким образцом «оборонного фильма» на военно-морскую тему стала картина режиссера В. Брауна «Моряки», снятая в 1939 г. на Одесской киностудии (авторы сценария И. Зельцер и С. Абрамович-Блэк, композитор Ю. Милютин,

песни В. Лебедева-Кумача, консультант капитан 1 ранга Ф. Челпанов).

Первая половина картины в идиллических тонах рисует мирную жизнь командиров и краснофлотцев. На борту корабля матросы поют под баян, на берегу застолье красных командиров в честь дня рождения одного из героев, падающего на 28 мая (годовщина Цусимского сражения), что вспоминают участники праздника, пообещав разгромить любого врага.

Во второй половине фильма показаны столкновение советского флота с «объединенным неприятельским флотом» и быстрая победа советских моряков. В «объединенном неприятельском флоте», государственная принадлежность которого в фильме не уточняется, на наш взгляд, угадывается, скорее, английский, чем немецкий. Забавно на этом фоне выглядят слова советского адмирала «Родина ждет, что каждый выполнит свой долг», являющиеся фактически калькой слов английского флотоводца Нельсона перед Трафальгарской битвой. Впрочем, учитывая существовавшее в 1930-х гг. предположение военно-морского командования о том, что потенциальным противником советского флота в Черном море является флот фашистской Италии, в «объединенном неприятельском флоте» можно усмотреть и итальянский. Советский флот в «Моряках» предстает значительно более сильным, чем он был в действительности в конце 1930-х гг. Так, в фильме упоминаются вымышленные линейные корабли «Перекоп», «Кремль» и «Сталинская конституция». Роль командира советской подводной лодки Александра Беляева стала одной из ярких работ актера С. Столярова, затем неоднократно снимавшегося в фильмах на военно-морскую тему.

Фильм «Моряки» стоит в одном ряду с такими произведениями военной фантастики второй половины 1930-х гг., как фильмы «Если завтра война» (1938, режиссеры Е. Дзиган, Л. Анци-Половский, Г. Березко, Н. Кармазинский) и «Эскадрилья № 5» (режиссер А. Роом, 1939), роман П. Павленко «На востоке» (1936–1937) и повесть Н. Шпанова «Первый удар» (1939). Демонстрация морской мощи Советского Союза на киноэкране, вероятно, производила сильное впечатление на зрителей. Однако единственный обнаруженный нами отзыв рядового зрителя на фильм очень сдержан: «...Обычная оборонная картина – будущая морская война. Ответ на “Цусиму” и т. д.»⁴

Руководство киноотраслью высокого оценило труд создателей картины. 29 марта 1940 г. Комитет по делам кинематографии издал приказ об успехах комбинированных съемок в фильме «Моряки» и организации аппаратной перезаписи на Одесской киностудии. Была объявлена благодарность специалистам по комбинированным съемкам⁵.

Возможно, активизации сотрудничества между флотом и кинематографом способствовало то, что 4 июня 1939 г. наркомом ВМФ СССР был назначен бывший председатель Комитета по делам кинематографии С.С. Дукельский. 15 апреля 1939 г. Дукельский, вероятно, уже знавший о будущем назначении (решение о нем было принято еще 9 апреля на заседании Политбюро), направил В.М. Молотову докладную записку, в которой сообщил о ходе работы над плановыми историко-биографическими и историко-революционными фильмами. Кроме того, Дукельский предложил на рассмотрение ряд новых тем исторического и историко-революционного плана для будущих постановок 1940 и 1941 гг.

В частности, в перечне тем значилась картина «Шлюп Диана»: «Фильм о плененном японцами русском морском командире и выдающемся исследователе, капитане Головнине (начало XIX века), который вместе с экипажем содержался несколько лет в клетке, подвергался издевательствам и пыткам, и только после получения известий о победе русских над Наполеоном был выпущен японцами»⁶. Можно предположить, что интерес к историческому сюжету был связан с попыткой найти еще одну возможность для антияпонской пропаганды.

15 июня 1939-го в Центральном доме журналиста состоялось совещание по вопросу производства «оборонных фильмов», созванное редакцией газеты «Кино». На нем выступили писатели В.В. Вишневский и В.Б. Шкловский, режиссеры И.З. Трауберг, Л.Я. Анци-Половский и др.⁷

Еще один «оборонный» фильм мог появиться на экранах страны в 1941 г. Представление о содержании картины «Разгром вражеской эскадры» дает ее сценарий, опубликованный в 1940 г. в сборнике «Сценарии оборонных фильмов». Его авторы, Г.Ф. Байдуков и Д.Л. Тарасов таким видели начало фильма: «Тишина. Цикады. Скрип гигантских кедров. Шелест травы. Легкий вскрик птиц. Горная долина. Колючая нерусская трава. Стран-

ные нерусские цветы. Одинокая примятая и сплюснутая тайфуном сосна. Чужая земля». Пейзажные зарисовки в сценарии фильма быстро сменяются военными сценами: «Командование Н-ской краснознаменной армии подтягивало резервы для решительного прорыва последних укреплений противника»⁸.

Сухопутные силы врага разгромлены. Но он предполагает бросить «двухсоттысячный десант и две эскадры боевых кораблей, чтобы отрезать нас на полуострове, взять в мешок и уничтожить». Авиация и флот громят врага. В финале летчики и моряки получают радиogramму: «Поздравляем Красную Армию, Красный Воздушный Флот, подводников и моряков, командиров и политработников с полной победой над врагом. И. Сталин». «Ура!» гремело над островом, гремело на бортах линкоров и крейсеров, проходящих вдаль, гремело на палубах подводных лодок, гремело в тесных отсеках авиаминноносцев и над дивизиями кавалерии и пехоты, идущими в бой...»⁹

Фильм «Разгром вражеской эскадры» по сценарию Байдукова и Тарасова был запущен в производство 27 июня 1940 г. под руководством режиссера А.Л. Птушко¹⁰. Однако уже 26 ноября того же года производство было прекращено¹¹.

Атмосфера военной опасности, свойственная настроениям советского общества на рубеже 1930 – 40-х гг., способствовала тому, что нередко в сознании людей фантазии на темы оборонного кино сливались с реальностью. Об этом свидетельствует, например, рассказ А. Ленского «Удачный кадр», опубликованный в 1940 г. Он рассказывает о съемках вымышленного учебного фильма «Случай на морском берегу» с участием краснофлотцев и командиров береговой обороны. Согласно сюжету фильма, советские командиры и бойцы обнаруживают и обезвреживают вражеских диверсантов. После съемок, вечером того же дня исполнители главных ролей неожиданно обнаруживают настоящих диверсантов, проникших с моря на советскую территорию, и задерживают их в точном соответствии с сюжетом кинокартины. Автор рассказа пытается убедить читателей в подлинности описанного им события¹².

Деятельности Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) была посвящена картина «Гибель Орла» (1940, киностудия «Союздетфильм», автор сценария Г. Гребнер, режиссер В.Н. Журавлев, композиторы В. Мурадели и Д. Блок). 1920

год. Капитан парохода «Орел» Федор Чистяков обещает революционно настроенным матросам оставить корабль в Новороссийске, к которому подходит Красная армия. Но пароход захватывают белые и вынуждают Чистякова увести «Орел» в Стамбул. В пути пароход гибнет при невыясненных обстоятельствах. Двадцать лет спустя сыну Чистякова, тоже Федору (С. Столяров), ставшему водолазом-рекордсменом, удается открыть тайну гибели парохода и снять со своего отца подозрение в помощи врагам. Федор с группой подводников опускается на дно моря и в каюте затонувшего корабля находит железный ящик с судовым журналом. Его страницы рассказывают о гибели «Орла». Капитан вместе с матросами потопил пароход, чтобы не отдать его врагам революции. Поднятый «Орел», под новым названием «Капитан Чистяков» становится плавучим дворцом пионеров.

В 1941 г., буквально накануне начала войны появилась статья кинокритика М. Лучанского «Кино – должник флота». В ней были рассмотрены советские художественные фильмы на военно-морскую тему, созданные в 1930-е гг., и сформулированы задачи по пропаганде Военно-морского флота и его истории в кино.

Первоочередной задачей автор назвал пропаганду подводного флота: «Подводный флот нашей родины по праву занимает первое место в военно-морских силах. /.../ Боевые подвиги орденоносных экипажей краснофлотских подводных лодок составляют героические сюжеты для целой серии замечательнейших драматических сценариев».

В качестве следующей задачи была определена пропаганда идеи «большого океанского и морского флота», направленная на то, чтобы «миллионам людей жизнь на море, требующая самоотверженности, беззаветной смелости и величайшего мужества, стала родной и близкой, чтобы миллионы юношей стремились идти по пути русских моряков».

С точки зрения автора, требовало художественного воссоздания в кинематографе и участие красных моряков в Гражданской войне: «Героический корабль “Гавриил”, отбивший нападение на Кронштадт английской торпедной флотилии, корабли Маркина, сражавшиеся на Волге и Каме, Сладков, Железняк и многие другие герои гражданской войны ждут образного восстановления их дел в кинофильмах».

Лучанский также писал о необходимости создания кинофильмов, способствующих «всемерному укреплению военной дисциплины, росту интереса к флоту, к изучению морского дела у всего нашего народа и в первую очередь — в советской молодежи».

Наконец, предлагал автор, «надо выпустить и серию учебно-технических фильмов, посвященных отдельным вопросам сложной военно-морской техники и которые помогли бы нашим краснофлотцам в их учебе».

Лучанский закончил статью патетическим призывом: «Советский Военно-Морской флот выполняет свои обязанности перед Советской страной, перед советским народом, перед партией, перед великим Сталиным. Советская кинематография должна выполнить свой долг перед нашим славным Военно-Морским флотом»¹³.

В те годы подобная статья вполне могла стать руководством к действию для создателей фильмов на военно-морские темы, но начавшаяся вскоре война не дала возможности осуществить намеченную Лучанским программу пропаганды флота и его достижений в кинематографе.

Фильм В. Брауна «Морской ястреб» (авторы сценария Н. Шпанов и А. Михайловский, композитор Г. Варс, в главных ролях И. Переверзев (советский офицер Найденов) и А. Файт (командир немецкой подводной лодки), съемки которого начались в 1941 г. на Одесской киностудии, был закончен в 1942 г. в Ташкенте.

Картина, вероятно задумывавшаяся как произведение военной фантастики, стала после начала войны восприниматься как отражение реальных событий. Близ советского побережья появляется немецкая подводная лодка, замаскированная под парусник. Она в провокационных целях топит иностранные торговые суда. Открыто отправить на поиски лодки военный корабль нельзя — пираты могут ускользнуть. В море выходит торговое судно с командой из военных моряков — пароход «Вятка», получивший новое название «Чайка» и предназначенный стать «судном-ловушкой». 21 июня 1941 г. происходит первая встреча советского судна с подлодкой. 22 июня, в день начала войны, «Вятка», замаскированная вновь, уже под лесовоз «Морской ястреб», дает врагу решающий бой, в котором советские моряки одерживают победу.

Любопытно использование авторами фильма того же сюжетного хода с судном-ловушкой, что и в упомянутой ранее картине «Четвертый перископ». Только на этот раз наряду с вражеским пиратским судном появляется и советское судно-ловушка.

Эта первая советская кинокартина военного времени снималась в осажденной Одессе. Съёмочной группе с трудом удалось покинуть город на пароходе «Пестель». Написанная композитором Ю. Милютиным песня «Отходит от берега ястреб морской» (стихи Е. Долматовского) стала одной из популярных песен военных лет.

«Морской ястреб» стал одновременно последним советским фильмом на военно-морскую тему, съемки которого начались до начала войны, и вместе с тем первым подобным фильмом, выпущенным на экраны во время войны.

Напряженная предвоенная обстановка не могла обойти стороной и кинематограф. 4 января 1941 г. Главное управление политической пропаганды РККА утвердило список художественных и документальных фильмов, «рекомендуемых и особо рекомендуемых» к показу в условиях военного времени¹⁴, а 15 апреля приказом Комитета по делам кинематографии организована Центральная военно-оборонная комиссия при Московском доме кино. В ее состав вошли известные деятели советской культуры: режиссеры А.И. Медведкин и Г.В. Александров, писатели С.В. Михалков, В.В. Вишневский и Б.Л. Горбатов¹⁵.

Начало Великой Отечественной войны поставило перед кинематографистами новые задачи. Уже 22 июня 1941 г. состоялось расширенное заседание художественных советов Мосфильма, Ленфильма, Союздетфильма и других киностудий, наметившее программу выпуска короткометражных фильмов военной тематики¹⁶.

Начавшаяся война положила конец недолгому расцвету жанра «оборонного фильма» и открыла новое направление советского кино о флоте – картины о героических подвигах советских моряков во время Великой Отечественной войны.

Сейчас предвоенные фильмы на военно-морскую тему вызывают двойственное отношение. С одной стороны, в некоторой степени они способствовали морально-психологической и идейной мобилизации советского общества накануне войны. В то же время следование установкам пропаганды о победе малой

кровью (особенно это заметно в фильме «Моряки») создавало у зрителя преувеличенное представление о мощи советского флота и порождало «шапкозакидательские» настроения, полностью разрушенные суровой реальностью.

¹ Яковлев А.П. Кино и фото в военно-морском деле // Морской сборник. 1933. № 4. С. 32.

² Летопись российского кино. 1930–1945 / Руководитель проекта В.И. Фомин. Сост. П.А. Багров, Г.Н. Бородин, В.Е. Вишневский, А.С. Дерябин, В.И. Фомин, Р.М. Янгиров, при участии Я.Л. Бутовского, В.А. Ватолина, Д.Г. Иванеева. М.: Материк, 2007. С. 600.

³ Политучеба красноармейца. 1939. № 29. С. 48.

⁴ Цит. по: Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: ДНК, 2009. С. 346.

⁵ Летопись российского кино. 1930–1945... С. 662.

⁶ Цит. по: Летопись российского кино. 1930–1945... С. 614.

⁷ Там же. С. 622.

⁸ Байдуков Г.Ф., Тарасов Д.Л. Разгром вражеской эскадры // Сценарии оборонных фильмов. М.: Госкиноиздат, 1940. С. 5.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Летопись российского кино. 1930–1945... С. 672.

¹¹ Там же. С. 687.

¹² Ленский А. Удачный кадр // Краснофлотец. 1940. № 13. С. 24–26.

¹³ Лучанский М. Кино – должник флота // Краснофлотец. 1941. № 4. С. 57.

¹⁴ Летопись российского кино. 1930–1945... С. 696.

¹⁵ Там же. С. 704.

¹⁶ Там же. С. 712.

Н.Ю. Бринюк (Санкт-Петербург)

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ 1-ГО ВОЛЖСКОГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ (ЗИМА – ВЕСНА 1919 ГОДА)

В ПЕРВЫЕ ДНИ 1919 г. в Западную Сибирь с участка фронта колчаковской армии, расположенного в районе Уфы, был отведен Сводный армейский корпус генерал-майора В.О. Каппеля¹ (рис. 1). Корпус на протяжении 7 месяцев вел военные действия против Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), в результате чего понес значительные потери и был изнурен непрерывными боями². На фронте его сменили войска только что сформированной Западной армии (командующий – генерал-лейтенант М.В. Ханжин³).

По приказанию Ставки Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака⁴ Сводный корпус В.О. Каппеля направлялся в район Кургана и Челябинска, со штабом в Кургане. Корпус состоял из добровольцев, которые летом – осенью 1918 г. вступили в ряды Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч)⁵ – антисоветского правительства, организовавшего борьбу с большевизмом на территории Среднего Поволжья и расширившего свой контроль на некоторые области Урала. В состав корпуса входили малочисленные отряды, сформированные в районах Самары, Симбирска и Казани; некоторые из них, несмотря на то что по численности не насчитывали и полка, носили наименования бригад и дивизий.

«Каппель вывел с фронта свои части в январе и после долгих прений разместил их в районе Челябинска для переформирования выведенных кадров в корпус, – свидетельствовал полковник П.П. Петров⁶, генерал-квартирмейстер штаба Самарской группы войск, в составе которой до конца декабря 1918 г. воевал корпус. – Кадрами он был богат, и кадрами надежными; нужно

было произвести лишь некоторую чистку от элементов хулиганствующих. <...> Стоило бы пополнить Каппеля людьми из районов, сочувствующих борьбе, дать лошадей, снаряжение – и остов мог бы превратиться в грозную силу весьма скоро»⁷.

В Ставке не сразу приняли решение о развертывании корпуса. Численность входивших в него отрядов была настолько мала, что первоначально планировалось свести его в Волжский стрелковый генерала Каппеля полк, в составе 1-го Самарского, 2-го Казанского и 3-го Симбирского батальонов⁸.

Позднее возник проект свернуть корпус в дивизию. Это решение было отражено в приказе от 29 декабря 1918 г. генерал-майора С.А. Щепихина⁹, назначенного начальником штаба Западной армии: «... 2) Генералу Каппелю из частей бывшей Самарской группы и своих частей составить: 8-ю Волжскую стрелковую дивизию в составе: 29[-й] Самарский, 30[-й] Казанский, 31[-й] Симбирский, 32[-й] Волжский стрелковые полки (последний из Учредительного собрания и русско-чешского)...»¹⁰. Наконец, появился план формирования 8-го Волжского корпуса в составе 8-й Волжской дивизии (из указанных выше полков), 4-й Уфимской стрелковой дивизии (13, 14, 15-й Уфимские стрелковые, 16-й Татарский полки) и польского полка с эскадроном.

Весьма вероятно, что проект сохранения за соединением масштабов корпуса, который сложился к началу января 1919 г., стал результатом проведенных генералом В.О. Каппелем переговоров с главным командованием. Генералу пришлось преодолевать предубеждение против себя и своего соединения как составной части Народной армии эсеровского Комуча, а также бороться с индифферентностью руководства колчаковского военного ведомства. В Сибири формировались свои, областные войска, а

**Рис. 1. Командир
1-го Волжского армейского
корпуса колчаковской армии
генерал-майор Владимир
Оскарлович Каппель. 1919 г.**

корпус В.О. Каппеля не вызывал в Ставке интереса. «Ставка от-носилась достаточно холодно, как, впрочем, и ко всему фрон-ту, к успешному возвращению корпуса Каппеля: она носилась с собственным проектом новых формирований в восемь пехот-ных дивизий»¹¹, – отмечал С.А. Щепихин. Пренебрежение нуж-дами корпуса со стороны главного командования и штабов кол-чаковских армий послужило главным препятствием к развер-тыванию мощного боевого соединения. Однако существовали и объективные трудности, связанные с непопулярностью мобили-заций у населения и ограниченностью источников комплектова-ния и снабжения войск. В основном из-за нежелания народа во-евать ни одна из частей враждовавших сторон в 1918–1919 гг. не достигала численности, соответствовавшей принятым в армиях штатам.

3 января 1919 г. последовал приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 94, который гласил: «Свод-ный Корпус переименован в “1-й Волжский армейский корпус”, в состав которого входят: отдельная Самарская стрелковая бри-гада, отдельная Казанская стрелковая бригада, отдельная Сим-бирская стрелковая бригада и 1-й Троицкий кадровый полк»¹². Каждая бригада корпуса предполагалась в двухполковом соста-ве. Районами расквартирования бригад назначались города Кур-ган, Петропавловск и Челябинск (штаб корпуса в г. Кургане). С 1 февраля корпус поступил в непосредственное подчинение Ставки, составив резерв Верховного главнокомандующего¹³.

Однако указанное решение также не стало окончательным. Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего ге-нерал-майор Д.А. Лебедев¹⁴ внес в проект изменения. Надо по-лагать, что они были связаны с личной встречей А.В. Колча-ка и В.О. Каппеля, произошедшей впервые и состоявшейся 10–11 февраля в Челябинске. Сохранился приказ Верховного правителя от 9 февраля: «...завтра[,] десятого[,] вызвать [в] Че-лябинск генерала Каппеля[,] если его нет [в] городе»¹⁵, а уже 12 февраля Д.А. Лебедев отвечал на запрос А.В. Колчака о при-нятых к формированию Волжского корпуса мерах.

Начальник штаба сообщил: «Вопрос формирования корпу-са Каппеля мной уже обсужден и решен, начали приводить [в] исполнение. Корпус расположится [в] районе Курган – Петро-павловск»¹⁶. Д.А. Лебедев предполагал, что в составе корпуса, в

изменение прежнего проекта, «будет формироваться 3 дивизии из 3-х полков и егерского батальона каждая, по одному легкому артиллерийскому дивизиону из 3-х–4-х орудийных батарей на каждую дивизию, 3 гаубичные 48-линейные батареи на корпус, одна 4-орудийная тяжелая батарея, бригада конницы, которая уже имеется в корпусе...»¹⁷

27 февраля 1919 г. А.В. Колчак утвердил разработанный в Ставке проект, который значительно расширил масштабы переформирований. В соответствии с ним В.О. Каппель получил задачу развернуть корпус в составе 3-х стрелковых дивизий (1-й Самарской, 3-й Симбирской и 13-й Казанской) – каждая из 3-х стрелковых полков, егерского батальона, стрелкового артиллерийского дивизиона, отдельной гаубичной (48-линейной) батареи, отдельного конного из 2-х эскадронов дивизиона, инженерного отряда, полевого подвижного лазарета, санитарного транспорта и дивизионного обоза. В составе корпуса также планировалось сформировать отдельную кавалерийскую бригаду (из 2-х кавалерийских полков 4-эскадронного состава), отдельную конную батарею, телеграфную роту, отдельную полевую гаубичную батарею, подвижную артиллерийскую мастерскую. Планируемая в составе корпуса кадровая бригада должна была состоять из 3-х кадровых стрелковых полков, отдельной кадровой инженерной роты, кадрового артиллерийского дивизиона (легкая и гаубичная батареи) и кадрового эскадрона. Готовность корпуса планировалась Ставкой уже к началу апреля, с предполагаемой численностью более 40 тыс. человек.

Задача являлась весьма масштабной и требовала от командира 1-го Волжского армейского корпуса интенсивной организационной работы. Корпус должен был стать стратегическим резервом Верховного главнокомандующего и подчиняться непосредственно Ставке. «Корпусу придается значение ударного, который по указанию Верховного главнокомандующего последовательно бьет на различных направлениях. <...> Мы должны лучше пожертвовать маленькими успехами теперь, чтобы получить крупный стратегический успех, который даст нам хорошо сформированный корпус генерала Каппеля»¹⁸, – докладывал А.В. Колчаку генерал Д.А. Лебедев.

Однако непоследовательность Ставки в реализации собственного проекта не позволила в полной мере использовать усилия

генерала В.О. Каппеля по созданию соединения с высокими боевыми качествами. По воспоминаниям одного из участников Гражданской войны на востоке России, Каппеля «затирали и не давали ему ходу <...> Я помню его в Омске (зима 1918–1919 гг.), в простом вагоне четвертого класса. Он приехал хлопотать о снаряжении для своих волжан. “Я уверен, что мне не дадут сформировать даже дивизии и пошлют затычкой!” – жаловался он»¹⁹.

Вернувшись в Курган в начале марта, В.О. Каппель приступил к развертыванию корпуса. Стрелковые полки он приказал формировать в составе батальонов из 3-х стрелковых и одной пулеметной роты, предполагая позднее довести количество стрелковых рот до 4-х, как требовало штатное расписание. Все подразделения и части, кроме егерских батальонов и эскадронов конницы, он планировал укомплектовывать одновременно, создавая кадровую основу в ожидании прибытия пополнений. Конные эскадроны и егерские батальоны должны были развертываться последовательно: приступать к формированию очередной части разрешалось только в тот момент, когда уже сформированная получала $\frac{2}{3}$ своего состава²⁰.

Корпус прибыл в тыл обескровленным. К началу 1919 г. в составе Самарской бригады насчитывалось 744 штыка, 256 офицеров; в Казанской – соответственно 681 и 399; в Симбирской – 763 и 113; батальон Учредительного собрания и Русско-чешский полк вместе составляли 1017 штыков при 28 офицерах²¹. Итого: 3205 рядовых при 796 офицерах. В составе корпуса находились артиллерия и конные части корнета Б.К. Фортунатова²² и подполковника К.П. Нечаева²³ (не более 150 сабель). При переходе в тыл корпус был лишен ряда оренбургских, башкирских частей, батарей, пулеметов, обозов, лошадей, кухонь и т. д., переданных в Западную армию²⁴. Пулеметов корпусом было отдано около 130²⁵.

Непредвиденные трудности в деле развертывания корпуса начались в январе 1919 г. Пока не был определен источник пополнений, меры по развертыванию корпуса носили характер паллиативных. В январе – феврале он получил не более 3–5 тыс. человек за счет включения в его состав солдат Русско-чешского полка, 1-й Степной Сибирской кадровой дивизии и т. д. Однако эти, весьма ограниченные, пополнения не решали остро стоявших вопросов укомплектования корпуса. Начальник штаба Ставки в

докладе А.В. Колчаку оценивал количественный состав корпуса на начало февраля в 10 тыс. человек²⁶.

Новые пополнения должны были производиться в рамках намеченных мероприятий по формированию стратегического резерва Ставки. Первоначально для проведения мобилизаций корпусу планировалось предоставить уезды. Генерал Д.А. Лебедев докладывал Верховному главнокомандующему: «... три тысячи даст генерал Гайда²⁷ из мобилизованных пермяков <...> Нужно еще не менее двадцати тысяч, этих людей наберем из числа мобилизованных [в] тыловых уездах армий, преимущественно Сибирской, что генерал Гайда обещал»²⁸.

Вскоре оказалось, что выделение уездов для корпуса не представляется возможным. «Тут сказала некоторая автономность армий; ни Сибирская армия, ни Западная не давали пополнения людьми, так как каждая была занята всецело пополнением и формированием “своих” частей; лошади были получены из Западной армии, несколько с опозданием она же дала и часть людей»²⁹, – вспоминал генерал-лейтенант К.В. Сахаров³⁰, сменивший в июне 1919 г. генерала М.В. Ханжина на посту командующего Западной армией.

16 февраля командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда отказался выделять в распоряжение корпуса какие-либо территории³¹. Вместо этого В.О. Каппелю было предложено сообщить, какое количество пополнений, к какому сроку и куда необходимо прислать. В.О. Каппель просил 26 тыс. человек³², которых предлагал направлять в корпус несколькими партиями в течение марта. Штаб армии принял обязательство, что призываемые сроков с 1914 г. по 1919 г.³³ (т. е. 1894–1899 годов рождения) Тюменского, Ишимского, Ялуторовского, Тобольского и Березовского уездов, после удовлетворения потребности Сибирской армии, будут посланы в Курган, а мобилизационные пункты «для облегчения перевозки <...> направят мобилизованных после приема домой [с] обязательством не позднее 20 марта явиться прямо в Курган в штаб ген[ерала] Каппеля. Недостающее после этого до 26 000 число мобилизованных будет передано по жел[езной] д[ороге] из набора прочих уездов»³⁴.

Однако график поставки людских ресурсов был сорван. В период с 15 февраля по 20 марта в дивизии корпуса в качестве пополнений поступило 2653 нижних чина, а также 7 офицеров и

4 чиновника³⁵. К 9 апреля корпус получил от Сибирской армии лишь 9415 мобилизованных³⁶ вместо 26 тыс. Штаб Сибирской армии оправдывал недостачу контингента новобранцев тем обстоятельством, что по уточнении мобилизационного плана число набираемых по мобилизации лиц по объективным причинам было сокращено до 11 тыс.³⁷ Поставленному перед этим фактом командованию корпуса пришлось возмещать недостающее количество личного состава за счет принятия в корпус военнопленных. Даже начальник штаба Западной армии генерал С.А. Щепихин, являвшийся противником подобных методов комплектования войск, признавал: «Увы, выхода не было – был один компромисс: укомплектовать наполовину красноармейцами, наполовину молодежью, мобилизованными»³⁸.

К началу 1919 г. колчаковское командование было вынуждено обратиться к многочисленным контингентам сдававшихся в плен красноармейцев для укомплектования армии. Зимой 1919 г. пленные десятками тысяч поступали в овладевшую Пермью Сибирскую армию генерала Р. Гайды, а затем в большом количестве захватывались продвигавшимися к Волге войсками Западной армии генерала М.В. Ханжина. После отбора они принимались на службу в колчаковскую армию.

Пленные красноармейцы небольшими партиями начали поступать в корпус еще в феврале 1919 г. В марте и апреле их прибыло несколько тысяч. Военнопленные в значительном количестве влились в ряды корпуса; офицеры корпуса так их и называли: «красное пополнение»³⁹.

Документы свидетельствуют, что из 20 514 нижних чинов⁴⁰, поступивших на пополнение корпуса с февраля по апрель 1919 г., 8752 (43 %) были набраны из числа военнопленных. По докладу начальника штаба Ставки генерала Д.А. Лебедева, в корпус присылали красноармейцев «уже отсортированных, только крестьян, насильно схваченных большевиками»⁴¹. Генерал С.А. Щепихин, напротив, скептически оценивал работу по отбору пополнений из числа красноармейцев. «Боже, что это были за контингенты! Никакая система выбора не могла бы гарантировать успех: 10–15 % агитаторов наверное можно было получить в этом хаосе»⁴².

В.О. Каппель рассчитывал, что за несколько месяцев солдаты получат надлежащую подготовку, будет проведена серьезная ра-

бота по воспитанию личного состава. «Каппель надеялся, что его надежные кадры поглотят всех шатающихся и даже красноармейцев, – утверждал П.П. Петров. – Может быть, это и было бы так, если бы времени для работы было больше и если бы не пришлось выступать на фронт до окончания работ, частями»⁴³.

1-й Волжский армейский корпус, выросший на основе добровольческих формирований, являлся соединением совершенно иного характера, чем отряды В.О. Каппеля периода 1918 г. «Влив в свой корпус красноармейцев, Каппель поставил свою часть, что называется, вне всякого закона организационного развития: это была ни добровольческая, ни регулярная часть; эта была часть *mix*»⁴⁴, – отмечал С.А. Щепихин. Значительная часть мобилизованных бойцов и бывших военнопленных резко отрицательно относилась к участию в Гражданской войне. Попадали в части и агитаторы противника. Костяк корпуса, состоявший из добровольцев и отличавшийся известной стойкостью, был ослаблен.

С.А. Щепихин, оспаривавший целесообразность укомплектований военнопленными, обвинял командующего Волжским корпусом в том, что за счет увеличения личного состава он лишил корпус прежней боеспособности. «...Каппель ставил свой корпус сразу, единолично своим решением, на регулярные рельсы, забыв, что этим самым он приносил в жертву своих же добровольцев»⁴⁵. Сергей Арефьевич называл в качестве одной из причин принятого В.О. Каппелем решения честолюбивые помыслы; однако другим главным побуждением любой ценой увеличить количественный состав и, следовательно, мощь корпуса, он признавал стремление командира корпуса оказать поддержку добровольцам, целиком принявшим на себя дело сопротивления Красной армии осенью 1918 г.

Для военачальников колчаковской армии становилось все более очевидным, что РККА превращается в мощную силу. Малочисленные добровольческие соединения больше не смогли бы оказывать ей серьезного отпора, а тем более, выполнять задачи наступательного характера. В то же время, даже если бы состав корпуса оставался неизменным, пополнения из состава мобилизованных сибиряков, рано или поздно, становились неизбежными, а крестьяне Сибири оказались не менее подвержены влиянию агитации левых партий, чем военнопленные – жители Центральной России.

По свидетельству генерала С.А. Щепихина, первоначально командование планировало, что корпус «будет готов не раньше как месяцев через 3–4, дай бог, к середине мая, а то и июня»⁴⁶. На деле этого не получилось. Значительная часть пополнений поступила в корпус слишком поздно, что лишило командование времени для подготовки новобранцев к участию в военных действиях. Людей не успевали не только влить в коллектив, но и преподать им приемы обращения с оружием и тактику боя. В войсках велась неприятельская агитация, и немало солдат отзывалось на лозунги леворадикальных партий. С.А. Щепихин обвинял начальника штаба корпуса полковника С.Н. Барышникова⁴⁷ в халатном отношении к распределению пополнений: «Все части получили 35 % красноармейцев, но не все их могли переварить в таком количестве»⁴⁸. И хотя позднее часть пополнений ассимилировалась и сражалась наравне с добровольцами, боевая деятельность корпуса, в основном, обеспечивалась за счет старых кадров.

По свидетельству самого В.О. Каппеля, части корпуса «должны были пополняться самым разнообразным составом и лишь с наступлением в поход начали получать что им необходимо»⁴⁹. К концу апреля численный состав соединения оставался далеко не полным и не насчитывал $\frac{2}{3}$ требуемого по штатному расписанию. На 27 апреля он составлял 25 045 чел., из которых 1718 числились больными; следовательно, наличный состав был 23 327 чел.⁵⁰ Строевых солдат – непосредственного боевого элемента – насчитывалось еще менее. 1-я Самарская дивизия имела рядовых 4681, 3-я Симбирская – 5457, 13-я Казанская – 6087, Волжская отдельная кавалерийская бригада – 734 солдата (всего – 16 959 чел.).

22 апреля, за несколько дней до начала выдвижения корпуса на фронт, командование Западной армии предложило корпусу получить пополнения в занятых весной 1919 г. Белебеевском и Бугульминском уездах, с явкой новобранцев на мобилизационные пункты, соответственно, 1 и 10 мая. Однако в указанные сроки на территории этих районов развернулись активные военные действия, а вскоре они вообще были потеряны белыми, поэтому проведение мобилизации в них не могло достичь успеха.

Немало усилий и изобретательности пришлось употребить штабу В.О. Каппеля, чтобы добиться обеспечения войск 1-го

Волжского армейского корпуса военным оборудованием и снаряжением, конским составом и фуражом. Укомплектование конским составом проходило так же неудовлетворительно, как и пополнение людьми: вместо требовавшихся корпусу 12 тыс. лошадей он получил всего 3,5 тыс., и то лишь тогда, когда стало известно о скорой отправке корпуса на фронт⁵¹. Остальных лошадей корпус вынужден был получать, уже находясь в боевой обстановке, откомандировав за ними специальные команды.

Тяжелым было положение корпуса с повозками и транспортом, походными кухнями и т. д. После Первой мировой войны немало военного имущества Императорской армии было присвоено населением. По рассказам одного из офицеров Волжского корпуса, штаб предпринимал усилия для его приобретения. В.О. Каппель объявил в районах формирования конскую мобилизацию, платные реквизиции фуража, повозок и военного имущества⁵². «Волжане, как муравьи, частным образом из всех городов Сибири тянули в корпус добротные обозные повозки, пулеметы и пулеметные двуколки, телефонные аппараты, кухни и другое военное добро, необходимое для формирования своего корпуса»⁵³. Корпусу к моменту отправления на фронт требовалось около 100 походных кухонь. При этом он не мог получить 20 кухонь, заказанные штабом в Златоусте: главный начальник снабжений Западной армии генерал-майор А.Г. Георгиевский⁵⁴, по докладу самого В.О. Каппеля начальнику штаба армии, «воспретил ими воспользоваться, так как все подобные заказы по изготовлению должны поступать в его распоряжение»⁵⁵.

По свидетельству С.А. Щепихина, срыв графика пополнения и снабжения 1-го Волжского корпуса заставил В.О. Каппеля «со своим штабом переселиться неофициально в Омск и там в прямом смысле слова обивать пороги разных высоких учреждений, чтобы добыть, а зачастую и безрезультатно, чего-либо для своего корпуса»⁵⁶. Не случайно, из 4-х месяцев, пока шло формирование, В.О. Каппель находился в командировках не менее 2-х: с 1 по 27 января и с 7 февраля по 6 марта⁵⁷.

Проблема снабжения корпуса обмундированием разрешилась более благоприятно: эту задачу «взяла на себя британская военная миссия генерала А. Нокса»⁵⁸. Благодаря хозяйственной деятельности генерала (Альфред Нокс⁵⁹ лично распре-

делял все получаемое из Англии снаряжение) корпус получил отличное обмундирование единого образца. По свидетельству современников, генерал А. Нокс не ограничился только хозяйственной деятельностью. «Нокс, вероятно незаметно для себя, увлекаясь своим детищем, корпусом Каппеля, влез постепенно во всю его внутреннюю жизнь, расширив область своих интересов»⁶⁰, – писал С.А. Щепихин. Части корпуса получили инструкторов, занимавшихся с офицерами и солдатами боевой подготовкой. Несмотря на это, значительное количество людей отправилось на фронт недостаточно подготовленным: многие прибыли в корпус лишь в апреле и успели пройти не более 2-х недель обучения.

Неудовлетворительный ход формирования Волжского корпуса не препятствовал Ставке и Западной армии использовать его части в различных целях. Так, в начале апреля батальон 1-го Самарского полка был вытребован в Омск для охраны Ставки «до конца апреля, когда батальон полностью будет возвращен на присоединение корпусу»⁶¹. Это был лучший контингент – опытные, закаленные в боях, добровольно вступившие в антисоветские войска солдаты и офицеры. Каппель неоднократно просил командование о возвращении батальона, однако его удерживали в Омске до лета 1919 г. Другие части корпуса выезжали для подавления восстаний в Сибири; при этом в карательных акциях командир корпуса лично не участвовал.

Одно из крупнейших сибирских восстаний развернулось в конце марта 1919 г. в Кустанайском уезде. Масштаб движения, активное участие в котором приняло население Кустаная, потребовал привлечения воинских частей для его подавления. На борьбу с восставшими были направлены оренбургские казаки и части корпуса В.О. Каппеля. Сначала из состава корпуса был выслан сводный отряд от 3-й Симбирской дивизии под командованием подполковника Ивановского, выступивший 1 апреля: батальон пехоты, 2 орудия и 2 эскадрона конницы. Однако вслед этому отряду, по приказу Ставки, 6 апреля отправился стрелковый полк с батареей и полуэскадроном кавалерии под начальством подполковника Н.П. Сахарова⁶², на которого было возложено руководство всей операцией. Кустанай был взят 9 апреля, после чего откомандированные войска вернулись к корпусу.

В начале мая 1919 г. Ставка вновь затребовала бригаду 1-го Волжского армейского корпуса на подавление повстанческого движения в районе Красноярска. В.О. Каппель на это возразил, что «командирование отряда из состава корпуса вызовет очень продолжительное его отсутствие», а, принимая во внимание, что волжан ожидают на фронте, при отправлении в «особую командировку» 2-х из 3-х составляющих 1-ю Самарскую дивизию полков, она «на очень продолжительное время выйдет из состава корпуса и будет лишена возможности принять участие в боевых действиях на внешнем фронте»⁶³. В результате под Красноярск был отправлен лишь один 3-й Ставропольский полк из состава 1-й Самарской дивизии, который был возвращен корпусу лишь в последние дни июля.

Весна 1919 г. была ознаменована успешным наступлением колчаковской Западной армии в составе 2-го Уфимского, 3-го Уральского горных стрелков и 6-го Уральского корпусов. Наступление началось 6 марта, и в ходе него белым удалось прорвать фронт 5-й Красной армии, разгромить ее дивизии, занять Уфу, Стерлитамак, Белебей, Бугульму, Бугуруслан, Чистополь, выйти на подступы к Волге.

Однако к середине апреля наступление начало захлебываться. В войсках Западной армии появились признаки усталости, в боях ею были понесены высокие потери. Из-за половодья продвижение колчаковцев остановилось; прервались сообщения с тылом, резко ухудшилось снабжение. Армии А.В. Колчака растянулись на обширном фронте, не имея значительных резервов. Западная армия оголила свой левый фланг, против которого сосредоточивались оставшиеся боеспособными армии красных. Происходило то, о чем офицеры штаба армии предупреждали Верховного главнокомандующего еще в феврале, когда на проводимом Колчаком совещании адмирал требовал начала решительных действий: «Удар накоротке – да, но дальнейшее наступление должно питаться из глубины: мы резервов не имеем... <...> Нас поглотит пространство»⁶⁴.

Уже в начале апреля колчаковское главное командование планировало сосредоточить 1-й Волжский корпус в районе Уфы, оставляя его в качестве резерва Верховного главнокомандующего. Приказ начальника штаба Ставки последовал в день Христова Воскресения – 19 апреля: «Первый Волжский корпус сосредото-

точить в районе Сергиевска в резерве Верховного главнокомандующего, на довольствии Западной армии; начать перевозку в конце пасхальной недели»⁶⁵.

В.О. Капшель пытался предотвратить выступление не закончившего формирование 1-го Волжского корпуса на фронт, сообщая в Ставку: «Исключительные условия снабжения корпуса, необходимость досылать обмундирование, лошадей, к приемке которых только что приступили, обоз, поставит корпус в невозможные условия»⁶⁶. Видя бесплодность этих переговоров и понимая, что слабость корпуса можно компенсировать лишь его сосредоточением, В.О. Капшель постарался не допустить использования частей по отдельности: «Крайне желательно ввиду неготовности корпуса части его не распылять... <...> Мне кажется, что, имея в виду достижение боевой задачи, было бы выгоднее временно уступить территорию, но зато сохранить сплоченные части до их сосредоточения, дабы иметь возможность вслед за тем сильным ударом вновь вести крупную операцию»⁶⁷.

Погрузка частей корпуса в эшелоны началась 27 апреля. Волжский корпус частями перевозился на фронт, пополняясь на ходу людьми, лошадьми и материально-техническими средствами. Первые неудачи на фронте не были еще широко известными; их масштаб казался незначительным, последствия – легко устранимыми. Убедительные успехи в наступлении Западной армии, помощь союзников, слухи о шатком положении советской власти в европейской части страны порождали в среде добровольцев уверенность в том, что вскоре, после очищения от врага центра России, большевизм, влиянием которого белые объясняли свои внутрисполитические неудачи, будет изжит, и обновленная Родина вновь приступит к мирному труду. Весну 1919 г. характеризовало главное, заветное стремление, «чеховское – “в Москву, в Москву”, – слово, владевшее всеми, от первого генерала до последнего солдата»⁶⁸.

Сибирская газета «Вперед!» так описывала движение эшелонов с частями корпуса на фронт: «Веселые, бодрые, сильные и спокойно-великие едут грудью защищать гибнущую Родину, поэтому и весело им, поэтому так беспечны и звучны их голоса, что знают они свою правоту, что знают святость дела, святость и величие жертвы, которую они приносят любимой отчизне, милому народу.

Где-то поют частушки, рядом в открытую дверь вагона-теплушки видно, как кто-то откалывает трепака под подмывающие нотки гармоники. Где-то, покрывая всех, поют “Шарабан”:

Я мальчишка,
Ты девчонка,
Я в штанишках,
А ты в юбчонке!..

Над вагоном реет флаг, а на вагоне сбоку гордая, смелая надпись:

– “С нами Бог и Каппель, а впереди Москва!”

Мчится поезд, лохмотья дыма разбрасывает ветер, и дым вытянулся через весь эшелон. С нами Бог!»⁶⁹

¹ Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) – российский военный деятель, генерал-лейтенант (1919). Из дворян. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1903), Николаевскую Военную академию (1913), годовой курс Офицерской кавалерийской школы (1914). Участник Первой мировой войны. В мае 1918 г. на службе в РККА. После захвата чехословаками 8 июня 1918 г. Самары перешел в Народную армию Комуча. Начальник Самарской добровольческой дружины. Командующий 1-й Самарской дивизии Народной армии. Командующий войсками Казанской и Симбирской групп Поволжского фронта (с 18 августа 1918), Сводного корпуса (24 сентября 1918), сводной Симбирской группы войск Поволжского фронта (3 октября 1918), Сводного корпуса (17 октября 1918), входящего в состав войск Самарской группы. С 3 января 1919 г. – командир 1-го Волжского армейского корпуса колчаковской армии, с 14 июля 1919 г. – командующий Волжской армейской группой, с 4 ноября – командующий Московской группой армий, с 11 декабря – главнокомандующий армиями Восточного фронта. Умер от воспаления легких на ст. Утай под Иркутском. Один из наиболее авторитетных военачальников колчаковской армии.

² См.: Бринюк Н.Ю. Военные будни «волжан» генерала В.О. Каппеля (1918 г.) // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к 100-летию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 277–283.

³ Ханжин Михаил Васильевич (1871–1961) – русский военный деятель, генерал от артиллерии (1919). Из оренбургских казаков. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловскую артиллерийскую академию (1899), Офицерскую артиллерийскую школу (1903). Участник Русско-японской и Первой мировой войн, последнюю из которых окончил в должности полевого генерал-инспектора артиллерии при штабе Верховного главнокомандующего. В 1918 г. – в войсках Временного Сибирского правительства: командир 3-го Уральского армейского корпуса. Командующий Западной армией адмирала А.В. Колчака (24 декабря 1918 – 20 июня 1919). Руководил успешным наступлением армии весной 1919 г. После увольнения с должности – в распоряжении Верховного главнокомандующего. В октябре 1919 г. – военный министр омско-

го правительства. В начале 1920 г. эмигрировал; жил в Китае. В 1946 г. арестован советской контрразведкой; осужден на 10 лет тюремного заключения. Освобожден по амнистии; проживал в Казахстане.

⁴ Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – русский военно-морской и политический деятель, ученый-полярник, адмирал (1918). Из дворян. Окончил Морской кадетский корпус (1894). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С октября 1918 г. военный и морской министр Уфимской директории. В результате переворота 18 ноября 1918 г. сосредоточил в своих руках всю полноту военной и гражданской власти, произведен в чин адмирала и провозглашен Верховным правителем Русского государства и Верховным главнокомандующим всех Сухопутных и Морских Вооруженных Сил России. 25 июня 1919 г., после признания его власти главноком ВЦИО А.И. Деникиным, объявил о создании единой Русской армии и о своем вступлении в верховное главнокомандование ею. 4 января 1920 г. сложил с себя это звание и передал его главноком ВЦИО генералу А.И. Деникину. 15 января в Иркутске командованием Чехословацкого корпуса выдан эсеровскому «Политическому центру». По постановлению Иркутского ВРК расстрелян 7 февраля 1920 г.

⁵ Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания (Комуч) – правительство, сформированное в Самаре в июне 1918 г. депутатами Учредительного собрания, разогнанного большевиками 5 января 1918 г., – в основном, представителями партии социалистов-революционеров. Претендовал на всероссийский статус. Комуч провозглашал сохранение завоеваний Февральской революции и продолжение войны с Германией, пытался осуществить политическую программу партии социалистов-революционеров. Председателем Комуча был избран В.К. Вольский. Однако в связи с условиями Гражданской войны проведение реформ было свернуто. Не получив активной поддержки населения, Комуч не смог противостоять большевикам, вытеснившим его с территории Поволжья. Правительство просуществовало всего 4 месяца и в сентябре 1918 г. было сменено Директорией, носившей гораздо более консервативный характер.

⁶ Петров Павел Петрович (1882–1967) – русский военный деятель, генерал-майор (1919). Из крестьян. Окончил Санкт-Петербургское юнкерское училище (1906), Николаевскую Военную академию (1913). Участник Первой мировой войны. В 1918 г. в РККА, с июня 1918 г. – в Белом движении. Начальник оперативного отдела штаба Народной армии Комуча; генерал-квартирмейстер штаба Самарской группы Западного фронта Уфимской директории. В 1919 г. – начальник штаба 6-го Уральского армейского стрелкового корпуса, дежурный генерал, затем помощник главного начальника снабжения в штабе Западной армии; начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии. Участвовал в Гражданской войне в Забайкалье и Приморье. С 1922 г. в эмиграции в Китае, Японии, после 1947 г. – в США. Автор воспоминаний и исследований по военной истории.

⁷ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания. Рига: Изд-во М. Дидковского, 1930. С. 84.

⁸ Российский государственный военный архив (Далее – РГВА). Ф. 39624. Оп. 1. Д. 39. Л. 25 об.

⁹ Щепихин Сергей Арефьевич (1880–1948) – русский военный деятель, генерал-майор (1918). Из уральских казаков. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1900), Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918 г. – начальник войскового штаба и заместитель командующего войсками Уральского казачьего войска. Из-

за конфликта с членами Войскового правительства смещен с должности 5 июня 1918 г. В Народной армии Комуца: с 15 августа начальник полевого штаба Поволжского фронта, затем начальник штаба Самарской группы войск. Начальник штаба Западной армии А.В. Колчака (24 декабря 1918 – 20 мая 1919). Руководил разработкой и проведением наступательной операции армии весной 1919 г. С мая 1919 г. – начальник снабжения Южной армии, которая в районе Троицка была отрезана красными от Западной армии и тыловых путей и в тяжелых условиях с большими потерями отступила через Туркестан в Сибирь. С ноября 1919 г. – начальник штаба 2-й армии. С 1920 г. в эмиграции в Турции, затем в Чехословакии. Автор воспоминаний.

¹⁰ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 20. Л. 254 об.–256.

¹¹ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (в 3-х частях). Рукопись, автограф. Прага. Сост. февраль 1930. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 62 об. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М.: НП «Посев», 2007. С. 348.

¹² РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 38.

¹⁴ Лебедев Дмитрий Антонович (1883–1928) – русский военный деятель, генерал-майор (1919), Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1903). Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С конца 1917 г. – в Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова. Командирован в Сибирь в качестве представителя Добровольческой армии. Участник переворота 18 ноября 1918 г. в Омске. Временно исполняющий обязанности начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего (с 21 ноября), одновременно – военный министр (с 23 мая 1919). 10 августа 1919 г. уволен с поста начальника штаба Ставки, 12 августа – с должности военного министра. Командующий Стенной отдельной группой войск, затем командир Уральской группы войск. Директор Русского Восточного кадетского корпуса во Владивостоке (1920). В 1922 г. – помощник воеводы Земской рати генерала М.К. Дитерихса, затем начальник милиции охраны полуострова Муравьева-Амурского, при эвакуации белых из Владивостока – командир Уральского-егерского отряда. В эмиграции в Китае.

¹⁵ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 412. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 51.

¹⁷ Там же. Л. 51–51 об.

¹⁸ Там же. Л. 51 об.–52 об.

¹⁹ Балмасов С.С. Боевой путь конных подразделений отдельной Волжской кавалерийской бригады и отдельного Волжского конно-егерского дивизиона корпуса генерала Каппеля // Каппель и каппелевцы. М.: НП «Посев», 2003. С. 502–503.

²⁰ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62. Л. 102–104.

²¹ Там же. Д. 70. Л. 2, 3, 61; Ф. 39624. Оп. 1. Д. 39. Л. 20, 25.

²² Фортунатов Борис Константинович (1886–?) – российский политический и военный деятель, зоолог, писатель. Из семьи судебного деятеля. Эсер. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Член Всероссийского Учредительного собрания. В 1918 г. один из руководителей нелегального эсеровского антисоветского движения в Поволжье. Член штаба Народной армии в Самаре. Воевал рядовым в отряде В.О. Каппеля, командующий Волжским конно-егерским дивизионом, корнет. Воевал в составе 1-го Волжского армейского корпуса. В августе 1919 г. увел свои войска в район Каспия, а затем на Северный Кавказ; в походе

погибли почти все участники отряда. Впоследствии в РККА, в 1-й конной армии. В 1920 г. получил мандат на охрану заповедника Аскания-Нова, отошел от политической деятельности, занялся зоологическими исследованиями и писательским трудом. В 1933 г. репрессирован. Умер в больнице Карлага.

²³ Нечаев Константин Петрович (1883–1946) – русский военный деятель, генерал-лейтенант (1920). Из дворян. Окончил Тверское кавалерийское училище (1904). Участник Первой мировой войны. В 1918 г. в Народной армии Комуча, командир 1-го Казанского кавалерийского полка. С января 1919 г. – командир Волжской кавалерийской бригады 1-го Волжского армейского корпуса. В 1920 г. – в Дальневосточной армии, командир Волжского драгунского генерала Каппеля полка, начальник гарнизона г. Читы, начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии. В 1921 г. – командир Сводной кавалерийской бригады Южно-Уссурийского района. В эмиграции в Китае. Участник Гражданской войны в Китае, в результате ранения в которой потерял правую ногу. Участвовал в эмигрантских организациях, пропагандировал фашизм. После окончания Второй мировой войны вывезен советскими властями в Читу, осужден и казнен.

²⁴ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 53. Л. 19–104.

²⁵ Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 412. Л. 52 об.

²⁶ Там же. Л. 51 об.

²⁷ Гайда Радол (Гейдль Рудольф, 1892–1948) – австро-венгерский, российский и чехословацкий военный и политический деятель, генерал-лейтенант (1919). Сын унтер-офицера. Получил фармацевтическое образование. Участвовал в Первой мировой войне в австро-венгерской, затем – черногорской армиях. С 1916 г. – в Русской армии, затем в Чехословацком корпусе. Активный участник свержения советской власти в Сибири (1918). Командир 2-й чехословацкой дивизии, затем командующий Северо-Уральским фронтом. В 1919 г. – в Русской армии адмирала А.В. Колчака: командующий Сибирской армией. 10 июля уволен из армии. Осенью 1919 г. был одним из организаторов восстания против Верховного правителя во Владивостоке. Выслан в Чехословакию, где занимал высшие военные должности. Лидер Национальной фашистской общины Чехословакии. После Второй мировой войны отбывал тюремное заключение за коллаборационизм.

²⁸ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 412. Л. 51 об. – 52.

²⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: Центрполиграф, 2004. С. 102.

³⁰ Сахаров Константин Вячеславович (1881–1941) – русский военный деятель, генерал-лейтенант (1919). Из дворян. Окончил Николаевское инженерное училище (1901), Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1917 г. арестовывался большевиками, находился в заключении на протяжении 6 месяцев. С 1918 г. – в Белом движении на Востоке России. Начальник гарнизона о-ва Русского, начальник учебно-инструкторской школы во Владивостоке. В 1919 г. – генерал для поручений при Верховном главнокомандующем адмирале А.В. Колчаке; начальник штаба Западной армии (с 20 мая), командующий Западной (переименованной в 3-ю) армией (с 22 июня), с 10 октября – командующий Московской группой армий. С 4 ноября по 9 декабря – главнокомандующий Восточным фронтом. В январе 1920 г. назначен командующим 3-й армией. В войсках Российской Восточной окраины – командир 3-го стрелкового корпуса. Весной 1920 г. эмигрировал в Германию. Автор воспоминаний.

- ³¹ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 70. Л. 44.
- ³² Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 412. Л. 151–151 об.
- ³³ Там же. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 70. Л. 57, 120.
- ³⁴ Там же. Л. 57.
- ³⁵ Там же. Л. 93.
- ³⁶ Там же. Л. 120 об.
- ³⁷ Там же. Л. 127–127 об.
- ³⁸ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 63. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 349.
- ³⁹ Там же. Л. 59.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 70.
- ⁴¹ Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 412. Л. 51 об.
- ⁴² Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 63. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 349.
- ⁴³ Петров П.П. Указ. соч. С. 85.
- ⁴⁴ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 64. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 351.
- ⁴⁵ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 64. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 351.
- ⁴⁶ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 56 об. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 346.
- ⁴⁷ Барышников Семен Нилович (1880–1933) – русский военный деятель, генерал-майор (1919). Из крестьян. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище (1905), Николаевскую Военную академию (1914). Участник Первой мировой войны. В 1918 г. в Народной армии Комуча. С марта 1919 г. – начальник штаба 1-го Волжского армейского корпуса, затем – начальник штаба Волжской армейской группы В.О. Каппеля. С 5 ноября 1919 г. – начальник штаба Московской группы армий (3-й армии). Во время отступления через Сибирь возглавил армию и вывел ее из окружения партизанами. В марте – октябре 1920 г. – в Дальневосточной армии. В эмиграции в Китае, занимался книгоиздательством.
- ⁴⁸ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 63. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 350.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 11. Л. 110.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 70. Л. 320–321.
- ⁵¹ Там же. Д. 73. Л. 25.
- ⁵² Там же. Оп. 1. Д. 62. Л. 119.
- ⁵³ Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 297.
- ⁵⁴ Георгиевский Александр Герасимович (1868–1920) – русский военный деятель, генерал-майор (1917). Из семьи священнослужителей. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1894), Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Участник Белого движения на Востоке России: начальник штаба, затем главный начальник Курганского ВО (ноябрь 1918 – август 1919), одновременно с февраля 1919 г. – и. д. главного начальника снабжений Западной армии. Главный начальник Тылового округа Восточного фронта (с 7 августа 1919). Попал в плен к красным под Красноярском; расстрелян.
- ⁵⁵ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 70. Л. 153 об.
- ⁵⁶ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 62 об. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 348.

⁵⁷ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62. Л. 1, 30, 42, 85.

⁵⁸ Тагкуев Р.Г. Генерал Каппель // Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 72.

⁵⁹ Нокс Альфред Уильям (1870–1964) – британский военный деятель, генерал. Окончил Королевский военный колледж (1891), штабной колледж (1905). Служил в Генеральном штабе и Военном министерстве. В 1911–1918 гг. – британский военный атташе в России. Во время Первой мировой войны находился в Русской действующей армии. В 1918 г. направлен английским правительством на Дальний Восток. Сыграл большую роль в установлении диктатуры адмирала А.В. Колчака и ее военном строительстве. Странник оказания Антантой материальной помощи Белому движению. Ведал распределением поступающего из Великобритании снабжения для армии. Создал школу с британскими инструкторами для подготовки офицерского состава. В 1924–1945 гг. – депутат британского парламента. Автор книги о Русской армии во время Первой мировой войны.

⁶⁰ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 62 об. См. также: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 349.

⁶¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 274. Л. 184.

⁶² Сахаров Николай Павлович (1893–1951) – русский военный деятель, генерал-майор (1919). Из дворян. Учился в Московской Петровской сельскохозяйственной академии, выдержал экзамен на чин прапорщика в Тифлисском военном училище. Участник Первой мировой войны. В 1918 г. – в Народной армии Комуча: начальник Арского боевого участка Казани. Командир 3-го Казанского полка, впоследствии – 50-го Арского стрелкового полка 1-го Волжского армейского корпуса В.О. Каппеля. Осенью 1919 г. – помощник начальника, затем начальник 1-й Самарской стрелковой дивизии, с декабря – командир 1-й кадровой Волжской стрелковой бригады. В Дальневосточной армии – командир Отдельной Волжской генерала Каппеля бригады. В Приморье командовал Волжским полком, затем Поволжской бригадой, участвовал в Хабаровском походе. В эмиграции в Китае, затем в США.

⁶³ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

⁶⁴ Щепихин С.А. Указ. соч. Л. 56 об. См. также: Ганин А.В. «Такой примитивный подход...» Челябинское совещание и планирование весеннего наступления Восточного фронта адмирала Колчака // Родина. 2008. № 11. С. 82.

⁶⁵ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

⁶⁶ Цит. по: Каппель и каппелевцы. 2-е изд. С. 163.

⁶⁷ Там же. С. 163–164.

⁶⁸ Иванов В. В гражданской войне. (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921. С. 2.

⁶⁹ Вперед! Фронтная ежедневная газета. 1919. № 86. 1 июля (18 июня).

Н.Ю. Бринюк, А.А. Михайлов (Санкт-Петербург)

**СОВЕТСКАЯ АРКТИКА
В 1917–1947 ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ, ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ
(Историографические аспекты)**

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ХХI в. ознаменовалось масштабным ростом интереса политиков, экономистов, ученых к арктическому региону. Процесс этот вполне закономерен: регион обладает колоссальными запасами природных ресурсов, использование которых, в силу развития современных технологий и техники, становится вполне реальным. Возрастает в современных условиях роль арктических морских коммуникаций, в первую очередь – Северного морского пути. Для Российской Федерации, в силу ее географического положения и экономики, арктический регион имеет особое значение.

Стремление арктических (и не только) государств к освоению богатств Арктики объективно создает условия как для активного межгосударственного сотрудничества, так и для конфронтации¹. Более того, милитаризация арктического региона превратилась в одну из ведущих тенденций современной мировой политики².

Освоение Россией ресурсов Арктики невозможно без надежного обеспечения ее военной безопасности. Данная проблема, однако, имеет весьма далекую ретроспективу. Отечественные публицисты и ученые второй половины XIX в. (Д.И. Менделеев, М.К. Сидоров, В.Н. Семенович, А.Е. Конкевич и др.), не используя, разумеется, современной терминологии, указывали на тесную связь между экономическим освоением северных территорий и обеспечением их безопасности³.

Первая мировая война показала, насколько большое значение для обороноспособности страны могут иметь северные морские

коммуникации и порты. В дальнейшем и военное, и экономическое значение арктического и приарктического регионов России сомнений не вызывало практически ни у кого из политиков, ученых, военных.

Меры советского правительства по закреплению за страной арктических территорий, интенсивное освоение и исследования Арктики в 1920–1930-е гг., напряженная борьба с агрессором в Заполярье и морские перевозки в годы Великой Отечественной войны, противостояние в регионе в период «холодной войны» – все это наглядно свидетельствовало и о значимости региона, и о сложности, важности обеспечения его безопасности в различных политических условиях.

Различным аспектам истории Арктики в период от установления Советской власти в 1917 г. до первых лет после Великой Отечественной войны, начала «холодной войны» посвящена достаточно обширная отечественная научная и научно-популярная литература. При этом, однако, проблема обеспечения безопасности Арктики в целом, во всей совокупности ее аспектов и в исторической динамике, предметом комплексного научного анализа являлась редко.

Среди трудов, близко стоящих к решению данной задачи, следует отметить монографию главного научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук Ю.Н. Жукова «Сталин: Арктический щит»⁴. Автор рассмотрел освоение Российской Арктики в период с конца XIX в. и до середины 1950-х гг. Стиль изложения материала носит отчасти публицистический характер, при этом автор собрал, обобщил и проанализировал обширный фактический материал о деятельности советского правительства и И.В. Сталина по обеспечению интересов СССР в регионе. В монографии убедительно и аргументированно показано, что практически все выдающиеся научные экспедиции 20–50-х гг. XX в. инициировались не одними лишь научно-исследовательскими задачами, но практически всегда были связаны с обеспечением безопасности региона. Ряд важных источников введен Ю.Н. Жуковым в научный оборот впервые. Вместе с тем, в силу масштабности проблемы, целый ряд ее аспектов рассмотрен им очень поверхностно.

Обобщающий характер носит также вышедшая в 2009 г. монография П.В. Федорова «Северный вектор в российской истории:

центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв.»⁵ В работе затронуты многие вопросы, связанные с военной и экономической безопасностью Севера России. При этом в фокусе внимания автора постоянно остается одна проблема: взаимоотношения между северными территориями и центральной властью, которые прослеживаются на протяжении нескольких исторических эпох, от средневековья до наших дней. Во введении к монографии П.В. Федоров указывает на актуальность исследования именно в свете современной политической ситуации. «Борьба, разворачивающаяся в наше время между разными государствами в Арктике, обладающей несметными природными богатствами и представляющей уникальную геополитическую нишу, – пишет автор, – предъявляет все более высокие требования к ее участникам»⁶.

Россия, как отмечено в монографии, начала освоение «полярных пространств» одной из первых, но в последние 15–20 лет (напомним, книга вышла в 2009 г.) она сворачивала свое присутствие в Арктике. В силу этого «некоторые западные страны, претендующие на лидерство в этом регионе мира, не преминули фактически уже начать ревизию российских достижений в морях и землях Ледовитого океана...»⁷ Вместе с тем, рассуждает автор, Россия не может оставаться в стороне от развернувшейся борьбы за Арктику, значение которой в будущем будет лишь возрастать.

«Северный вектор» в российской истории, таким образом, проложен давно. Однако он всегда отличался, по небезосновательному утверждению П.В. Федорова, «импульсивностью», неравномерным характером действий государственной власти. «Взаимоотношения Российского государства и Кольского Севера, – отмечается в монографии, – оказывались довольно импульсивными, зависимыми от величины силы стратегической рефлексии центра к заполярной окраине. Характер этого взаимодействия определяется отношением двух противоположных образов, один из которых отождествлял Лапландию с холодной и бесплодной ледяной пустыней, а другой – с арктическим “фасадом” России, стратегически значимой территорией. Если преобладание первого образа естественно приводило к отталкиванию центра от окраины, то усиление второго – соответственно к его притяжению»⁸. «Образы», как правило, сосуществовали одновременно, находились (и находятся) в противоборстве, преоб-

ладание каждого из них обуславливалось сложным комплексом экономических, политических, военных и иных причин.

Соответственно, своей целью автор монографии поставил выявление «отрезков времени», в течение которых преобладал «один из векторов», и причин, вызвавших притяжение или отталкивание. П.В. Федоров рассматривает политику России в Арктике в контексте экономического развития страны, во взаимосвязи с внешне- и внутривластным курсом правительства. Такой подход явно продуктивен и позволяет выявить многие «внутренние пружины», определявшие ситуацию на Севере, в том числе относительно обеспечения его безопасности.

Отдельная глава монографии, например, озаглавлена «Становление структур военной безопасности СССР на Кольском Севере в 30-е – первой половине 40-х годов». Она содержит подробный разбор истории создания соединений военно-морского флота на Северном Ледовитом океане, под воздействием внешне- и внутривластных факторов, военного значения построенного Беломорско-Балтийского канала, положения и роли региона в годы Великой Отечественной войны и особенностей обеспечения его безопасности в сложившихся условиях⁹.

В заключение работы П. Федоров отмечает: «Размышляя над уроками прошлого, нельзя не заметить, что природа многих ошибок коренится в отказе учитывать многовековой опыт развития российской государственности. Не один раз за всю историю государство совершало “уход” с Севера, но затем возвращалось, платя за это высокую цену. <...> Политика в отношении Севера должна определяться не только сиюминутными порывами, но и основываться на более капитальном фундаменте нашей истории. Накопленный за целые столетия опыт использования стратегических ресурсов северной окраины, вне всякого сомнения, может послужить созданию сильной России»¹⁰.

Работу П.В. Федорова отличает аналитический подход, систематизация обширного и разнообразного исторического материала. Вместе с тем, в силу чрезвычайно широких временных рамок исследования при относительно узких (хотя и выбранных вполне обоснованно) его территориальных рамках, многие аспекты обеспечения безопасности арктического региона в целом остались автором не рассмотренными (впрочем, относительно большинства из них такой цели и не ставилось).

П.В. Федоровым была также предпринята одна из немногочисленных в современной исторической науке попыток дать историографический обзор «северной стратегии» в политике российского государства на различных этапах его истории¹¹.

Обобщение исторического опыта по обеспечению безопасности Российской Арктики намечено также в отдельных статьях, материалах научных конференций. И все же, в целом, решение данной проблемы еще очень далеко от завершения.

Вместе с тем, обширную историографию имеют отдельные этапы истории Российской Арктики, и авторы большинства работ в той или иной степени затрагивают проблемы защиты региона от внешних и (или) внутренних угроз. Так, обширен круг научной литературы о Гражданской войне на Севере России (в том числе и на ее территориях в Заполярье).

Первые работы по истории Гражданской войны на Севере стали появляться вскоре после завершения вооруженного противостояния противников и сторонников большевистского правительства, причем авторами их нередко становились участники событий. Среди них чекисты И.Н. Хропов¹² и М.С. Кедров¹³ (впоследствии погиб в ходе политических репрессий), партийный деятель, большевик М.К. Ветошкин¹⁴, участник боев с белогвардейцами А.И. Отопков¹⁵ и др. Произведения этих авторов носят описательный характер, часто находятся на грани с мемуарным жанром, однако их отличает богатство фактического материала. Кроме того, они нередко содержат оценки и суждения, которые впоследствии были официальной государственной идеологией отторгнуты.

В 1930–1940-е гг. историей Гражданской войны на Севере стали активно заниматься профессиональные историки-исследователи (Н.А. Корнатовский¹⁶, И.И. Минц¹⁷, Г.Е. Мымрин, М.С. Пирогов, Г. Кузнецов¹⁸, А.И. Потылицын¹⁹ и др.), а также публицисты, работавшие в жанре научно-популярной литературы (К.И. Коничев²⁰ и С.В. Борисов-Штерн²¹).

При этом, в связи со сложившейся в то время политической ситуацией, многие авторы акцентировали внимание на борьбе сторонников большевизма против иностранных интервентов. Русские белогвардейцы словно отходили на второй план, главными врагами представлялись войска стран Антанты. И. Минц безапелляционно утверждал в работе 1931 г.: «Без иностранного

вмешательства северная контрреволюция, несмотря на свой все-российский характер, оставалась бы чисто местным явлением, вовсе не требовавшим для своей ликвидации напряжения всех сил пролетарского государства»²².

Еще дальше шли архангелогородские авторы Г. Мымрин, М. Пирогов, Г. Кузнецов, которые описывали Гражданскую войну на Севере, как захватнический поход «империалистов». Итог противоборства они подводили в таких выражениях: «Так бесславно провалилась кровавая захватническая авантюра господ империалистов, которые рассчитывали легко покончить с Советской властью и поживиться за счет грабежа рабочих и крестьян, превратив их родную землю в свои колонии»²³.

С другой стороны, Гражданская война на Севере привлекала также внимание профессиональных военных, которые видели в событиях прошлого источник опыта для развития современных им вооруженных сил и обеспечения безопасности страны. Таковы работы К.И. Соколова-Страхова (адъютант Военной академии им. М.В. Фрунзе, позже – заместитель начальника Военно-исторического отдела Генштаба РККА)²⁴, П. Михайлова²⁵.

Характерно, что военные при освещении событий в меньшей мере, чем историки и публицисты, прибегали к идеологическим клише и довольно откровенно писали о недочетах и трудностях в действиях командования Красной армии. П. Михайлов, например, при описании «боевой работы» авиации РККА на Севере в 1919 г. честно признавал: «Наши авиаотряды совершенно не могли выполнить возложенных на них боевых задач...»²⁶

В послевоенный период значительный вклад в исследование Гражданской войны на Севере внес В.В. Тарасов²⁷. Продолжили также работу над проблемой историки, изучавшие ее до войны²⁸. В связи с начавшейся «холодной войной», авторы по-прежнему уделяли особое внимание американской и британской интервенции. Историки подчеркивали также преимущество агрессивного и антисоветского курса США и Великобритании в годы Гражданской войны и на современном для них этапе²⁹. Фиксировалось также внимание на жестокости интервентов, действия их оценивались, как «разбойничьи»³⁰.

Среди работ, освещавших новые ракурсы проблемы, стоит особо выделить исследование А.Б. Марголина, в котором про-

блемы интервенции на Севере рассмотрены в связи со стратегической ролью Северного морского пути (1949)³¹. Работой, в которой первоочередное внимание уделялось военным аспектам борьбы на Севере, стала книга А.А. Самойло и М.И. Сбойчикова «Поучительный урок: Боевые действия Красной армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918–1920 гг.» (1962)³². Кстати, Самойло, кадровый военный, перешедший на сторону Советской власти офицер Императорской армии, отразил события Гражданской войны на Севере также в своих мемуарах³³.

Стоит отметить также монографию специалистов в области истории транспортного флота С.Ф. Эдлинского и И.И. Яковлева «Транспортный флот в Ледовом походе 1918 года» (1959)³⁴. В 1970-е гг. значительный вклад в изучение борьбы на Севере внесли М.И. Шумилов³⁵, А.А. Киселев, Ю.Н. Климов³⁶.

Сведения об участии в противоборстве военных моряков были собраны и проанализированы И.С. Шангиным³⁷. Они вошли также в фундаментальную работу И.А. Козлова и В.С. Шломина по истории Северного флота³⁸. В 1982 г. в Москве была опубликована посвященная интервенции на Севере книга британского историка-коммуниста Э. Ротштейна³⁹.

В постсоветский период ученые получили возможность разработать новые подходы к проблеме, отказавшись от идеологизированных оценок и освоив широкий круг новых источников. Среди российских историков рубежа XX–XXI вв. и современного этапа, работавших над проблемами истории Гражданской войны на Русском Севере, следует отметить В.И. Голдина⁴⁰, Е.И. Овсянкина⁴¹, П.В. Федорова⁴², работы которых носят обобщающий характер. Вышел также ряд работ, в которых рассматриваются отдельные аспекты противоборства. Внимание исследователей привлекли, например, действия в Гражданскую войну Флотилии Северного Ледовитого океана⁴³.

К настоящему времени создан и опубликован также целый ряд работ по историографии проблемы, обобщающих опыт изучения истории Гражданской войны на Севере⁴⁴.

Однако при всей обширности посвященной Гражданской войне на Севере историографии, в ней содержится немало малоисследованных проблем, связанных, в том числе, с собственно военными аспектами противоборства.

Обширная научная литература посвящена исследовательской и хозяйственной деятельности в арктическом регионе в 1917–1947 гг. Правда, авторы не всегда специально раскрывали связь научных изысканий или экономических, хозяйственных процессов с обеспечением безопасности региона и страны в целом, но наличие такой связи авторами явно осознавалось и подразумевалось.

Авторами первых работ, отражавших историю изучения Российской Арктики в 1920–1930-е гг., как правило, становились сами участники исследований: ученые-географы, полярники, начальники экспедиций, капитаны ледоколов, летчики и др.⁴⁵ Очень активно изучалась история арктических исследований сотрудниками Научно-исследовательского института по изучению Севера (с 1930 г. – Всесоюзный арктический институт).

Тематика исторических исследований была тесно связана с направлениями самой изыскательской работы в арктическом регионе. Исторический материал в то время вообще очень часто использовался для разъяснения и обоснования современных для авторов задач. В работах находила отражение также конкуренция между отдельными странами за обладание арктическими землями, которая возникала в 1920–1930-е гг. в ходе оформления арктических «секторов». Ярким примером тому могут служить работы и статьи об острове Врангеля, из-за которого в 1921–1924 гг. возникли трения между СССР и Канадой, вызванные попыткой закрепиться на острове экспедиций, сформированных полярным исследователем В. Стефенсоном. Советские авторы прямо указывали на необходимость в сжатые сроки освоить остров отнюдь не из-за одного лишь научного интереса. Исследователь Арктики Г.А. Ушаков, например, писал о развитии авиации, появлении пролежавших через Арктику «воздушных путей», которые проходили именно над островом Врангеля. «Остров Врангеля, лежащий на линии этих предполагаемых воздушных путей, – рассуждал Ушаков, – может стать авиабазой, хозяин которой получит большие и разносторонние выгоды»⁴⁶. Об экспедициях иностранных соперников советские авторы часто писали как о попытках колонизаторского захвата. В адрес того же В. Стефенсона Г. Ушаков язвительно замечал: «Это (для создания авиабазы. – Н. Б., А. М.) значение острова прекрасно учитывалось вдохновителем оккупации. Но в своих расчетах он

забыл, что остров Врангеля лежит не у берегов Аргентины, а у берегов Советского Союза»⁴⁷.

Важнейшим этапом в организации изучения и освоения Арктики стало создание в декабре 1932 г. Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). ГУСМП имело в подчинении различные научные и хозяйственные учреждения, флот, судоремонтные мастерские и др. Существовавшее при нем издательство активно публиковало работы по различным аспектам изучения Арктики, в том числе – исторические работы.

В 1930-е гг. появлялись также отдельные работы по истории изучения Советской Арктики обобщающего характера. Среди них стоит особо отметить опубликованную в 1932 г. монографию видного исследователя, гидролога и географа В.Ю. Визе о российских и советских исследованиях в Баренцевом и Карском морях⁴⁸.

В 1936 г. В.Ю. Визе опубликовал в серии «Полярная библиотека» монографию «Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования»⁴⁹. Это было подробное исследование истории изучения Арктики с древнейших времен до экспедиций, современных автору, снабженное библиографией и картами. Материал был хорошо систематизирован. Книга Визе заслужила высокую оценку специалистов, неоднократно переиздавалась⁵⁰.

В 1933 г. вышла в свет книга «Итоги советских экспедиций на Крайнем Севере»⁵¹ Б.Г. Островского, автора многочисленных работ по истории полярных исследований и военно-морского флота⁵².

В том же году появилась книга В.А. Итина «Морские пути Советской Арктики»⁵³, в которой в обобщенном виде излагалась история исследований, связанных с прокладкой на Севере морских коммуникаций.

В период Великой Отечественной войны изучению истории полярных исследований и публикациям по этой теме, по вполне понятным причинам, стало уделяться меньше внимания (хотя полностью они не прекратились).

Вторая половина 1940-х и 1950-е гг. ознаменовались появлением нескольких значимых работ по данной проблеме. Вышли работы по истории Всесоюзного Арктического института (приуроченные к его 25-летию)⁵⁴.

В 1957 г. вышла книга Я.Я. Гаккеля, обобщавшая историю полярных исследований именно советского периода⁵⁵. К 40-летию

освоения Советской Арктики была опубликована издательством «Морской транспорт» книга М.И. Белова о Северном морском пути⁵⁶.

Северный морской путь вообще особенно привлекал внимание исследователей истории изучения Арктики. Существенным вкладом в изучение истории арктических исследований стала публикация в 1956 и 1969 гг. четырехтомного издания «История открытия и освоения Северного морского пути». Два его первых тома освещали изучение Арктики с древнейших времен и до 1917 г. История изучения Арктики в советский период нашла отражение в последующих томах⁵⁷. Их написал специалист в области истории полярных исследований, сотрудник Всесоюзного Арктического института М.И. Белов, редакторами первого тома выступили Я.Я. Гаккель и М.Б. Черненко⁵⁸.

В предисловии к четвертому тому, помещенном от имени Арктического и антарктического научно-исследовательского института, подчеркивалось, что издание не сводится к истории одного лишь Северного морского пути, не исчерпывается анализом развития одной, пусть и важнейшей, трассы. «Это издание, – подчеркивали составители предисловия, – правильнее охарактеризовать, как монографическую разработку вопросов истории освоения северных территорий нашей страны с древнейших времен до наших дней... Фактически написана история Крайнего Севера СССР, создан труд, заполнивший пробел не только в советской исторической и географической науках, но и в мировой литературе по истории полярных районов земного шара»⁵⁹.

При некотором преувеличении оценки, относительно мировой литературы, суть проделанной работы определена верно. Четырехтомник в целом и тома об изучении и развитии арктического региона в советский период, в частности, отличает богатство фактического материала и его глубокое осмысление. При описании практически каждой экспедиции, хозяйственного мероприятия, Белов подробно разяснял их задачи и результаты, связь с общим ходом освоения Арктики. Особое внимание уделено в монографии военному значению Беломорско-Балтийского канала, его роли в обеспечении военной безопасности страны.

Сведения по истории изучения и освоения Арктики вошли также в юбилейное издание, посвященное 25-летию Главного

управления строительства Дальнего Севера НКВД (Дальстрой), которое отмечалось в 1956 г.⁶⁰

В 1960–1980-е гг. интерес исследователей к истории изучения Арктики остается довольно высоким. Выходили работы об отдельных экспедициях, об отдельных исследователях⁶¹. Новые факты истории полярных исследований были раскрыты и обобщены в работах А.И. Арикайнена⁶², в научно-популярных произведениях С.В. Попова⁶³ и З.М. Каневского⁶⁴ и др. Сжатый и четко структурированный очерк истории арктических исследований был изложен В.И. Смирновым⁶⁵.

Крупным советским экономистом С.В. Славным проведена серьезная работа по изучению особенностей промышленного и транспортного развития северных регионов СССР⁶⁶.

В 1990-е гг. интерес к истории арктических исследований (как, впрочем, и к самим исследованиям) заметно снизился. Вместе с тем, историки получили в распоряжение широкий круг ранее недоступных источников, стал возможен отход от политизированных трактовок событий прошлого.

В последние годы рост интереса к проблемам Арктики представлен появлением новых работ в области истории ее изучения и освоения⁶⁷. Внимание исследователей привлекла история Всесоюзного Арктического института (в том числе и после преобразования в Арктический и антарктический научно-исследовательский институт)⁶⁸. Вышло несколько монографий, посвященных отдельным арктическим экспедициям и направлениям исследований⁶⁹.

В целом, к настоящему времени сложилась обширная историография истории изучения и освоения арктического региона, однако в ней, наряду с хорошо изученными проблемами, остается немало пробелов. Кроме того, явно назрела потребность в исследованиях, где вопросы истории научных исследований рассматривались бы в комплексе с проблемами политической, военной, экономической истории.

Великая Отечественная война в арктическом регионе отражена в обширной и разнообразной научной, научно-популярной и мемуарной литературе. В ее составе достаточно четко выделяется литература советского и постсоветского (с конца 1980-х гг.) периодов, хотя в пределах этих больших групп можно выделить также и подгруппы. В целом, развитие историографии пробле-

мы имело те же закономерности и логику, что и развитие историографии Великой Отечественной войны в целом.

Первые работы по истории борьбы с войсками и флотом Германии и ее финским союзником на Севере публиковались еще в годы войны. Правда, носили эти публикации преимущественно агитационно-пропагандистский характер⁷⁰. Впрочем, еще в 1944 г. была опубликована книга адмирала флота И.С. Исакова «Военно-морской флот СССР в Отечественной войне», в которой приводилось немало данных о Северном флоте⁷¹. Автор охарактеризовал действия подводного и надводного Советского флота на коммуникациях противника и по защите собственных коммуникаций, взаимодействие с сухопутными силами, создание и защиту баз флота. В целом, по его мнению, Северный флот успешно решал все стоявшие перед ним задачи.

В 1946 г. книга Исакова была издана вновь, причем ее дополнили сведениями о действиях флота в 1945 г.⁷² Переиздавалась книга и в дальнейшем.

В 1947 г. в Москве была опубликована брошюра коллектива авторов о Северном флоте⁷³. Два года спустя она была переиздана с некоторыми сокращениями⁷⁴. Руководивший авторским коллективом Борис Львович Яглинг (1909–1948) – писатель, военный журналист – обращался к теме борьбы советских моряков с врагом в арктических водах и в своем художественном творчестве⁷⁵. Указанная брошюра также не является научным изданием в строгом смысле слова, но содержит ценный фактический материал, собранный, к тому же, участниками и очевидцами событий.

В 1950–1980-е гг. советские ученые достаточно активно занимались исследованием истории военных действий в Заполярье. В 1955 г. «Воениздат» выпустил в свет книгу военного писателя, журналиста, полковника Н.М. Румянцева «Победа Советских войск в Заполярье. Десятый удар (1944)»⁷⁶. На основе этого издания автором была подготовлена работа обзорного характера⁷⁷, в которой раскрывались основные этапы и события обороны Заполярья сухопутными войсками и флотом от германских и финских войск и изгнания оккупантов с занятых ими территорий.

Подробным исследованием действий и роли Северного флота в Великую Отечественную войну стала монография Б.А. Вайнера, опубликованная в 1964 г.⁷⁸ Богатством фактического мате-

риала и его анализом отличается монография о Северном флоте И.А. Козлова и В.С. Шломина⁷⁹, которая вышла всего через два года после работы Б.А. Вайнера. В отдельной монографии (В.П. Пузырева) получили также отражения действия Беломорской флотилии⁸⁰.

Различные аспекты хода боевых действий в Заполярье отражали в своих работах Н.Н. Комаров⁸¹, И.И. Картавцев⁸², А.А. Киселев и А.И. Краснобаев⁸³ и др. Военные действия и одновременно вклад в победу над врагом тружеников тыла рассмотрены в книге А.А. Киселева «Мурманск – город-герой» (1988)⁸⁴.

Сведения об обороне и освобождении Заполярья от германских и финских войск включались также в работы, посвященные событиям Великой Отечественной войны в целом. Эти данные, например, довольно подробно рассмотрены в соответствующих томах 6-томного издания «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» (М.: Воениздат, 1960–1965) и 12-томного издания «История Второй мировой войны 1939–1945» (М.: Воениздат, 1973–1982). Так, во 2-м томе «Истории Великой Отечественной войны...» в главе «Стратегическая оборона Советских вооруженных сил летом 1941 года» рассмотрены и оборонительные бои в Заполярье. При этом основное внимание авторов явно уделено Северному флоту⁸⁵. В 4-м томе того же издания содержатся разделы «Завершение военных действий в Заполярье»⁸⁶ и «Действия Северного Флота на коммуникациях в Заполярье»⁸⁷. Подводя итоги боям в Заполярье, авторы тома отметили: «Победы Красной Армии в Заполярье имели большое военное и политическое значение. Советские войска полностью очистили оккупированную часть территории Мурманской области, важный в экономическом отношении район Петсамо и незамерзающие порты на Баренцевом море. Красная Армия оказала помощь норвежскому народу, освободив северо-восточные районы страны от немецко-фашистских оккупантов»⁸⁸.

Значительное внимание уделялось в советский период вкладу в Победу тружеников тыла на Севере: рабочих, моряков гражданского флота, крестьян, интеллигенции. Действиями на Севере России в годы войны торгового флота занимались такие авторы, как С.Ф. Эдлинский⁸⁹, Ю.Н. Кучепатов⁹⁰, а также М.И. Белов⁹¹ (в своей фундаментальной работе о Северном морском пу-

ти). Эти авторы затрагивали также историю арктических океанских перевозок (среди прочих направлений деятельности торгового флота).

В отдельную группу можно выделить работы, посвященные деятельности в годы войны в Заполярье научных учреждений и ученых. Ее открыла опубликованная еще в 1945 г., под редакцией М. Черненко, книга «Полярники в Отечественной войне»⁹². Впоследствии о научной работе в Арктике в период войны писали Е.М. Сузюмов⁹³, А.Ф. Трешников⁹⁴, П.А. Гордиенко⁹⁵, В.А. Воеводин⁹⁶ и др. Существенным вкладом в изучение проблемы стало издание сборников материалов и документов: «Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов»⁹⁷ и «В боях за Советское Заполярье»⁹⁸ и др.

В советский период сложился, таким образом, корпус научных работ об основных аспектах обороны и освобождения Советского Заполярья от германских и финских войск в 1941–1944 гг. Авторы провели большую изыскательскую работу. Вместе с тем, значительная часть важных проблем оставалась на периферии внимания ученых, в том числе и по причинам идеологического характера. Сказанное относится, например, к трагическим событиям 1941 г.

С конца 1980-х гг. историки обращаются к малоисследованным проблемам Великой Отечественной войны в целом и борьбы в арктическом регионе, в частности. Интерес авторов к Заполярью весьма высок⁹⁹. Интересные, новые подходы к проблеме открыл Г.Д. Бурков, в работах которого личные воспоминания гармонично связаны с научным, исследовательским анализом событий¹⁰⁰. Значительное внимание стало уделяться событиям начального этапа войны¹⁰¹.

Наряду с отдельными трудами, вопросы борьбы в Заполярье рассматривались в обобщающих работах о Великой Отечественной войне. Достаточно подробно изложены они и в коллективной монографии «Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» (2005)¹⁰². К числу значимых относится также коллективный труд «Боевая летопись Военно-Морского флота. 1941–1942»¹⁰³.

К настоящему времени сложился также комплекс исследований, посвященных арктическим океанским перевозкам в го-

ды Великой Отечественной войны. В советский период эта проблема, хотя и не относилась к числу приоритетных изысканий, все же нашла отражение в целом ряде работ. Ею занимались, как отмечено выше, авторы, исследовавшие деятельность торгового флота в годы Великой Отечественной войны (С.Ф. Эдлинский, Ю.Н. Кучепатов, М.И. Белов и др.). Касались ее также историки, изучавшие союзнические отношения СССР и стран Запада в 1941–1945 гг., и авторы общих работ по истории Великой Отечественной войны.

Тем не менее, резкий перелом произошел в 1990-е гг., когда тема океанских перевозок, ленд-лиза, арктических караванов и др.¹⁰⁴ получила в научной и научно-популярной литературе очень широкое распространение.

В 1991 г. в Архангельске был опубликован сборник статей «Братство северных конвоев»¹⁰⁵. В том же году появился первый выпуск сборника статей и материалов «Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы»¹⁰⁶. В 1994 г. был напечатан второй выпуск этого сборника¹⁰⁷, за ним последовали третий¹⁰⁸ и четвертый¹⁰⁹ выпуски (оба в 2000 г.). В 1995 г. вышел еще один сборник статей и материалов под названием «Конвои: исследования, воспоминания, библиография, документы»¹¹⁰. Авторы многих статей в этих сборниках подчеркивали, что поставки в СССР из стран-союзниц вооружения, боеприпасов, промышленных товаров и продовольствия обладали гораздо большим значением, нежели утверждалось в литературе более раннего периода.

К числу наиболее значимых работ по истории океанских перевозок относятся работы М.Н. Супруна: статьи и особенно монография «Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг.»¹¹¹. Из работ последних лет стоит отметить монографию В.Н. и И.В. Красновых о программе ленд-лиза¹¹², статью Б.М. Амусина и Ю.Г. Сопина о деятельности советских арктических портов в программе ленд-лиза (2014)¹¹³. Опубликованы на русском языке некоторые работы иностранных авторов¹¹⁴.

В целом изучение океанских перевозок в арктических водах в последнее двадцатилетие значительно продвинулось вперед и обогатилось целым рядом новых, содержательных работ. Вместе с тем, целый ряд вопросов до сих пор вызывает напряженные дискуссии, остаются и определенные пробелы.

В отличие от проблем, связанных с ролью арктического региона в событиях Гражданской и Второй мировой войн, история территориального разграничения Арктики между отдельными государствами практически не была темой самостоятельного научного исследования. Правда, в период, когда происходило оформление в Арктике системы секторов, принадлежавших различным государствам, в работах по данной проблеме специалистов по международному праву обычно присутствовал исторический экскурс. Однако данные по истории приводились с целью обоснования тех или иных тезисов о современной авторам ситуации и были краткими. Среди наиболее заметных работ советских юристов 1920–1930-х гг. о территориальных правах России в арктическом регионе следует указать брошюры и статьи В.Л. Лахтина¹¹⁵, А.В. Сабанина¹¹⁶, Е.А. Коровина¹¹⁷.

В дальнейшем исследователи обращались к истории создания системы секторов в Арктике редко, в основном при рассмотрении каких-то проблем в области международного права¹¹⁸.

В последние годы ситуация стала иной: растущий интерес к Арктике арктических и неарктических государств способствует оживлению разногласий, имеющих глубокие исторические корни, возобновлению старых споров и претензий, что заставляет ученых говорить даже о «переделе» Арктики¹¹⁹. Современный российский ученый, известный специалист в области геополитики П.Г. Белов вполне обоснованно отметил, что одной из важнейших причин обострения геополитической борьбы в Арктике является «неопределенный статус национальных границ в регионе»¹²⁰. Закономерно, что в последнее время многие авторы, при обсуждении современных проблем, стали обращаться к истории возникновения границ в Арктике. Примером тому могут служить работы В.Н. Конышева и А.А. Сергунина¹²¹, П.А. Гудева¹²², В.И. Голдина¹²³ и др.

Особенно значимой представляется хрестоматия в трех томах «Арктический регион: проблемы международного сотрудничества», подготовленная Российским советом по международным делам (главный редактор издания – доктор исторических наук, член-корр. РАН И.С. Иванов)¹²⁴.

В целом, однако, история создания системы секторов в Арктике в 1920 – начале 1940-х гг. объектом самостоятельного и комплексного анализа до сих пор не являлась.

Среди стран, с которыми Советской России и, позже, СССР постоянно приходилось регулировать взаимоотношения в арктическом регионе, видное место принадлежит Норвегии. Одной из наиболее непростых проблем в советско-норвежских отношениях была проблема Шпицбергена. В 1944–1947 гг. СССР, пользуясь ситуацией, сложившейся на завершающем этапе и сразу по завершении Великой Отечественной войны, предпринял попытку добиться пересмотра статуса архипелага, установленного Парижским договором 1920 г., но безуспешно. Научная литература, посвященная анализу этого важного для понимания политической ситуации в регионе эпизода, немногочисленна. Наиболее тщательно он рассмотрен в статье М.Н. Супруна (2009)¹²⁵, несколько более бегло – в монографии Ю.Н. Жукова¹²⁶. Кратко касались ее (а также смежных проблем) некоторые авторы, которые писали о современном состоянии «Шпицбергенского вопроса»¹²⁷. Однако, в целом проблема Шпицбергена в советско-норвежских отношениях в 1944–1947 гг. до сих пор, как самостоятельный объект исследования, не выступала.

Проблемы исследования и изучения Арктики все чаще рассматриваются сегодня именно в контексте обеспечения ее безопасности. Ярким примером тому служит опубликованный в 2014 г. сборник трудов научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-западного региона РФ) Института военной истории, озаглавленный «Обеспечение национальных интересов России в Арктике»¹²⁸.

В целом, обширная историография охватывает важнейшие этапы истории обеспечения безопасности Арктики. Ее обобщение и систематизация, несомненно, важны и актуальны и при решении многих политических проблем современности.

¹ Ивашов Л.Г., Кефели И.Ф., Малафеев О.А. Глобальная арктическая игра // Труды науч.-исслед. отдела Ин-та военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 21–49.

² Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Милитаризация Арктического региона – основа современной мировой политики // Там же. Т. 9. Кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. С. 183–193.

³ См.: Басик И.И., Михайлов А.А. Письма о севере гражданина и патриота России // Патриотизм – феномен российской истории: Материалы Международной конф. СПб.: СПбГАСУ, 2013. С. 43–49.

- ⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: Арктический щит. М.: Вагриус, 2009. 544 с.
- ⁵ Федоров П.В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 392 с.
- ⁶ Там же. С. 7.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 43.
- ⁹ Там же. С. 263–324.
- ¹⁰ Там же. С. 371.
- ¹¹ Федоров П.В. Северное направление российской стратегии в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 3. С. 42–51.
- ¹² Хропов И.Н. За Советский Мурман (К истории интервенции на Севере) // Карело-Мурманский край. 1929. № 4–5. С. 7–10.
- ¹³ Кедров М.С. Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане (Очерки)). Л.: Изд-во «Красная газета», 1930. 191 с.
- ¹⁴ Ветошкин М.К. Революция и гражданская война на Севере. Очерки по истории борьбы за власть, организации советской власти и коммунистической партии на Севере. Вологда, 1927. 144 с.
- ¹⁵ Отопков А.И. Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Февраль и Октябрь на Сухоне. Архангельск: ПАРТИЗДАТ, Северное краевое отделение, 1934. 71 с.
- ¹⁶ Корнатовский М.А. Северная контрреволюция. М.: ОГИЗ – Молодая Гвардия, 1930. 174 с.
- ¹⁷ Минц И.И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.-Л.: ОГИЗ – Гос. социал.-экон. изд-во, 1931. 256 с.
- ¹⁸ Мымрин Г., Пирогов М., Кузнецов Г. Разгром интервентов и белогвардейцев на Севере. Архангельск: Архгиз, 1940. 100 с.
- ¹⁹ Потылицын А.И. Белый террор на Севере. 1918–1920. Архангельск: Сев. краев. изд-во, 1931. 71 с.
- ²⁰ Коничев К.И. Боевые дни. Очерки гражданской войны на Севере. Архангельск: Архгиз, 1938.
- ²¹ Борисов С.Б. Гражданская война на севере. М.: Воениздат, 1939. 48 с.
- ²² Минц И.И. Указ. соч. С. 238.
- ²³ Мымрин Г., Пирогов М., Кузнецов Г. Указ. соч. С. 98.
- ²⁴ Соколов-Страхов К. Речные и озерные операции на Севере (два эпизода гражданской войны 1919 г.) // Война и революция. Кн. 1. 1930. С. 90–112.
- ²⁵ Михайлов П. Сравнительное описание и оценка боевой работы неприятельских и наших самолетов за кампанию 1919 года на Севере // Морской сборник. 1922. № 5–7. С. 113–117.
- ²⁶ Там же. С. 114.
- ²⁷ Тарасов В.В. Борьба с интервентами на Мурмане в 1918–1920 гг. Л.: Лениздат, 1948. 307 с.
- ²⁸ Аксенов А.Н., Потылицын А.И. Победа Советской власти на Севере. 1917–1920. Архангельск: Арханг. кн. изд-во, 1957. 138 с.
- ²⁹ Мымрин Г., Потылицын А., Кузнецов Г. Борьба с интервентами на Севере России (1918–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1958. 312 с.
- ³⁰ Потылицын А.И. Мы помним и не забудем! (Север под игом англо-американских и французских захватчиков. 1918–1920 гг.). Архангельск: Арханг. обл. гос. изд-во, 1950. 56 с.

- ³¹ Марголин А.Б. Международная интервенция 1918–1920 гг. и Северный морской путь // *Летопись Севера*. Вып. 1. М.-Л., 1949. С. 154–174.
- ³² Самойло А.А., Сбойчиков М.И. Поучительный урок: (Боевые действия Красной армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1962. 192 с.
- ³³ Самойло А.А. Две жизни. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1963. 317 с.
- ³⁴ Эдлинский С.Ф., Яковлев И.И. Транспортный флот в Ледовом походе 1918 года. М.: «Морской трансп.», 1959. 132 с.
- ³⁵ Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: «Карелия», 1973. 338 с.
- ³⁶ Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 223 с.
- ³⁷ Шангин И.С. Моряки в боях за Советский Север (1917–1920). М.: Воениздат, 1959. 275 с.
- ³⁸ Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознаменный Северный флот. М.: Воениздат, 1983. 288 с.
- ³⁹ Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М.: Изд-во «Прогресс», 1982. 187 с.
- ⁴⁰ Голдин В.И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918–1920 гг.). Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, 1989. 94 с.; Голдин В.И., Журавлев П.С., Сколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: «СОЛТИ», 2005. 350 с.; Голдин В.И. Агония белого режима на Европейском Севере // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 1994. С. 24–30 и др.
- ⁴¹ Овсянкин Е.И. Архангельск: годы революции и военной интервенции, 1917–1920. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1987. 23 с.; Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск: «Архконсалт», 2007. 557 с.
- ⁴² Федоров П.В. Северный вектор в российской истории...
- ⁴³ Залесский Н.А. Флотилия Северного Ледовитого океана в гражданскую войну // *Гражданская война в России: Война на Севере*. М.: «Изд-во АСТ», 2004. С. 552–557.
- ⁴⁴ Пронин И.А. К освещению вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейцами на Севере // *Из истории Гражданской войны и интервенции. 1917–1922 г.* / Отв. ред. И.И. Минц. М.: Наука, 1974. С. 260–263; Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России (Историографический очерк). Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1992. 95 с.; Овсянкин Е.И. Русский Север: первая четверть XX века. Проблемы историографии // *Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии*. Архангельск: «СОЛТИ», 1999. С. 58–69 и др.
- ⁴⁵ Берман Л. В новую Мангазею. Л.: Изд-во «Красная газета», 1930. 189 с.; Давыдов Б.В. В тисках льда. Плавание канлодки «Красный Октябрь» на остров Врангеля. Л.: Тип. Морского ведомства, 1925. 32 с.; Зингер М.Э. Ленский поход. Очерки 1 Ленской экспедиции ледокола «Красин», архангельских судов «Сталина», «Правды», «Володарского» и омского теплохода «Первая пятилетка» вокруг Таймырского полуострова к устью Лены, в бухту Тикси. Л.: ЛОИЗ, 1934. 85 с.; Лавров Б.В. Первая Ленская. Очерки о первом караване советских судов, прошедших через Северный Ледовитый океан к устью реки Лены. М.: Молодая гвардия, 1936. 286 с.; Морозов С.Т. Ленский поход. М.: Молодая гвардия, 1934. 115 с.; Поход

«Красина»: Сборник статей участников экспедиции / Под ред. Р.Л. Самойловича. М.-Л.: «Земля и фабрика», 1930. 243 с.; Самойлович Р.Л. Первый поход «Красина». М.: Изд-во «ОСОАВИАХИМ», 1928. 30 с.; Его же. Во льдах Арктики. Поход «Красина» летом 1928 года. Л.: «Прибой», 1930. 360 с.; Рихтер З. У белого пятна. Спасательная экспедиция ледореза «Литке» на остров Врангеля. М.: Федерация, 1931. 240 с.; Сибирцев Н., Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции. Новосибирск: Зап.-сиб. краев. изд-во, 1936. 229 с. и др.

⁴⁶ Ушаков Г.А. Остров Врангеля // Советская Арктика. 1936. № 8. С. 29.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Визе В.Ю. История исследования Советской Арктики. Баренцево и Карское моря. Архангельск: Сев. изд-во, 1932. 212 с.

⁴⁹ Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. 493 с.

⁵⁰ Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. 2-е доп. изд. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 568 с.; Его же. Моря Советской Арктики... Изд. 3-е, перераб. и доп. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 416 с.

⁵¹ Островский Б.Г. Итоги советских экспедиций на Крайнем Севере. Архангельск: СЕВКРАЙГИЗ, 1933. 83 с.

⁵² Среди них: Островский Б.Г. Безвременно ушедшие. Г.Я. Седов, В.А. Русанов, Г.Л. Брусилов и В.Э. Толь. Л.: Изд-во Всесоюз. Аркт. ин-та, 1934. 256 с.; Его же. Беринг. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 196 с.; Его же. Великая Северная экспедиция. 1733–1743. Изд. 2-е, доп. Архангельск: СЕВГИЗ, 1937. 206 с. и др.

⁵³ Итин В. Морские пути Советской Арктики. М.: «Сов. Азия», 1933. 106 с.

⁵⁴ Гаккель Я.Я. За четверть века. Обзор деятельности Арктического института Главсевморпути за 25 лет (с 1920 по 1945 г.). М.-Л.: Изд-во Главсевморпути в Москве, 1945. 109 с.; XXV лет научной деятельности Арктического института / Отв. ред. В.Х. Буйницкий. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945. 401 с.

⁵⁵ Гаккель Я.Я. Наука и освоение Арктики (К сорокалетию советских исследований). Л.: «Морской трансп.», 1957. 133 с.

⁵⁶ Белов М.И. Северный морской путь (к 40-летию освоения Советской Арктики). Л.: «Морской трансп.», 1957. 123 с.

⁵⁷ Первый том посвящен морским плаваниям в Арктику «с древнейших времен» до середины XIX века», второй том – проблемам Северного морского пути «в эпоху капитализма».

⁵⁸ Белов М.И. История освоения и открытия Северного морского пути. Т. 3. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. Л.: Мортранспорт, 510 с.

⁵⁹ Там же. Т. 4. Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933–1945 гг. Л.: Гидрометеиздат, 1969. С. 10.

⁶⁰ Дальстрой. К 25-летию. Сборник статей. Магадан: Кн. изд-во, 1956. 239 с.

⁶¹ Трешников А.Ф. Их именами названы корабли науки: профессор Визе, профессор Зубов, М. Сомов. Л.: Гидрометеиздат, 1978. 192 с.

⁶² Арикайнен А.И. Транспортная артерия Советской Арктики. М.: Наука, 1984. 192 с.; Его же. Центр притяжения – Северный полюс. М.: Наука, 1988. 222 с.

⁶³ Попов С.В. Берега мужества. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1982. 176 с.

⁶⁴ Каневский З.М. Разгаданный полюс. М.: Политиздат, 1973. 111 с.; Его же. Директор Арктики. М.: Политиздат, 1977. 62 с.; Его же. Это было в полярных широтах. М.: Политиздат, 1985. 192 с.; Его же. Зачем человеку льды? М.: Политиздат, 1989. 240 с.

⁶⁵ Смирнов В.И. Изучение и освоение Арктики. М.: О-во «Знание», 1981. 39 с.

- ⁶⁶ Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.; Его же. Планирование деятельности Главсевморпути и первые исследования по экономике Северного морского пути // *Летопись Севера*. М., 1975. Т. 7. С. 15–22; Его же. Освоение Севера. М.: Наука, 1975. 196 с.; Его же. Освоение Севера Советского Союза. М.: Наука, 1982. 207 с.
- ⁶⁷ Фролов И.Е., Гудкович З.М., Радионов В.Ф., Тимохов Л.А., Широков А.В. Научные исследования в Арктике. Т. I. Научно-исследовательские дрейфующие станции «Северный полюс». СПб.: Наука, 2005. 288 с.
- ⁶⁸ Дмитриев А.А., Соколов В.Т. Хронология важнейших событий истории ААНИИ, Арктики и Антарктики в XX и начале XXI вв. СПб.: Гидрометеиздат, 2010. 96 с.
- ⁶⁹ Беляев Д.П. Архипелаги акватории Баренцева моря: история освоения и изучения (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Мурманск: МГПУ, 2010. 163 с.; Константинов Ю.Б., Грачев К.И. Высокоширотные воздушные экспедиции «Север» (1937, 1941–1993 гг.). СПб.: Гидрометеиздат, 2000. 176 с.; Корякин В.С. Челюскинская эпопея. М.: Вече, 2011. 300 с.
- ⁷⁰ Героическая оборона Советского Заполярья. Б. м.: Полит. упр. Север. флота, 1944. 19 с.; Лахтионов В. Комсомольцы и молодежь морской пехоты в боях за Советское Заполярье. Материалы для бесед с комсомольцами и молодыми краснофлотцами. Б. м.: Полит. упр. Север. флота, 1945. 28 с.
- ⁷¹ Исаков И.С. Военно-морской флот СССР в Отечественной войне. М.-Л.: Воен.-мор. изд-во НКВМФ СОЮЗА ССР, 1944. С. 40–66.
- ⁷² Исаков И.С. Военно-морской флот СССР в Великой Отечественной войне. М.: Изд-во и 1-я типолит. Военмориздата в Москве, 1946. 102 с.
- ⁷³ Яглинг Б.Л., Силаев Е.Д., Пронин М.П. Северный флот в Великой Отечественной войне. М.: Воен. изд-во, 1947. 32 с.
- ⁷⁴ Яглинг Б.Л., Силаев Е.Д., Пронин М.П. Северный флот в Великой Отечественной войне. М.: Воен. изд-во, 1949. 24 с.
- ⁷⁵ Яглинг Б.Л. Поход «Северянки». Повесть. М.: Воен. изд-во, 1948. 88 с.
- ⁷⁶ Румянцев Н.М. Победа Советских войск в Заполярье. Десятый удар (1944 г.). М.: Воениздат, 1955. 104 с.
- ⁷⁷ Румянцев Н.М. Разгром врага в Заполярье (1941–1944 гг.). М.: Воениздат, 1963. 288 с.
- ⁷⁸ Вайнер Б.А. Северный флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1964. 399 с.
- ⁷⁹ Козлов И.А., Шломин В.С. Северный флот. М.: Воениздат, 1966. 295 с.
- ⁸⁰ Пузырев В.П. Беломорская флотилия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981. 221 с.
- ⁸¹ Комаров Н. Противовоздушная оборона Архангельска. 1941–1945 гг. // *Военно-исторический журн.* 1972. № 1. С. 81–82.
- ⁸² Картавцев И.И. Морская пехота в боях за освобождение Советского Заполярья // Там же. 1985. № 3. С. 81–83.
- ⁸³ Киселев А.А., Краснобаев А.И. История мурманского тралового флота. Мурманск: Мурманск. кн. изд-во, 1973. 304 с.
- ⁸⁴ Киселев А.А. Мурманск – город-герой. М.: Воениздат, 1988. 189 с.
- ⁸⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. С. 94–95.

- ⁸⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 4. Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения народов Европы от фашистского ига (1944 г.). М.: Воениздат, 1962. С. 367–372.
- ⁸⁷ Там же. С. 461–465.
- ⁸⁸ Там же. С. 371.
- ⁸⁹ Эдлинский С.Ф. Северный транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Мортранспорт, 1963. 252 с.
- ⁹⁰ Кучепатов Ю.Н. Огненные мили. Очерки истории транспортного флота Северного морского бассейна в годы Великой Отечественной войны. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1972. 144 с.
- ⁹¹ Белов М.И. История освоения и открытия Северного Морского пути. Т. 4. Полярники в Отечественной войне. М.: Изд-во Главсевморпути, 1945. 259 с.
- ⁹³ Сузюмов Е.М. Полярники в Великой Отечественной войне. Советские географы – фронту и тылу (1941–1945 гг.) // Вопросы географии. 1985. Сб. 128. С. 163–169.
- ⁹⁴ Трешников А.Ф. Арктический институт в Великой Отечественной войне // Метеорология и гидрология. 1975. № 5. С. 53–54.
- ⁹⁵ Гордиенко П.А. Рекогносцировка «белых пятен» Полярного бассейна за годы войны // Проблемы Арктики. 1946 (1945). № 1. С. 92–94.
- ⁹⁶ Воеводин В.А. Арктический институт в годы Великой Отечественной войны: к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне // Проблемы Арктики и Антарктики. 1995. № 70. С. 50–57.
- ⁹⁷ Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов. Мурманск: Кн. изд-во, 1978. 336 с.
- ⁹⁸ В боях за Советское Заполярье. Мурманск: Кн. изд-во, 1982. 271 с.
- ⁹⁹ Война в Арктике (1939–1945 гг.). Архангельск: «Правда Севера», 2001. 369 с.
- ¹⁰⁰ Бурков Г.Д. Война в Арктике: [исторические очерки]. 2-е изд., перераб. и доп. Архангельск: САФУ, 2014. 276 с.
- ¹⁰¹ См., напр.: Чапенко А.А. Титовская оборонительная операция 22 июня – 5 июля 1941 г. Мурманск: МГГУ, 2014. 189 с.
- ¹⁰² Северо-запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб.: Славия, 2005. С. 27–49, 262–280.
- ¹⁰³ Аммон Г.А., Березовский Н.Ю., Комаров А.А. и др. Боевая летопись Военно-Морского флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1992. 631 с.
- ¹⁰⁴ Наметился рост интереса к проблеме еще в 1985 г. Тогда был опубликован сборник воспоминаний и документов «В конвоях и одиночных плаваниях» (Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1985. 239 с.).
- ¹⁰⁵ Братство северных конвоев, 1941–1945. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1991. 334 с.
- ¹⁰⁶ Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 1. Архангельск, 1991. 174 с.
- ¹⁰⁷ Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М.: Наука, 1994. 256 с.
- ¹⁰⁸ Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 3. М.: Андреевский флаг, 2000. 364 с.
- ¹⁰⁹ Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 4. Архангельск, 2000. 352 с.
- ¹¹⁰ Конвой: исследования, воспоминания, библиография, документы. Архангельск: Арханг. центр Русского геогр. о-ва РАН, 1995. 317 с.

- ¹¹¹ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.
- ¹¹² Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. М.: Наука, 1997.
- ¹¹³ Амусин Б.М., Сопин Ю.Г. Советские арктические порты в программе ленд-лиза в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3 (11). С. 112–115.
- ¹¹⁴ Шифилд Б. Арктические конвои. Северные морские сражения во Второй мировой войне. М.: «Центрполиграф», 2003. 285 с.; Хенриксен Х. Мурманские конвои: Военная драма в Арктике и ее участники. Мурманск – Архангельск: Б. и., 2008. 414 с.
- ¹¹⁵ Лахтин В.Л. Права на северные полярные пространства. Анализ политического, экономического и правового положения северных полярных пространств в связи с развитием воздушного передвижения и трансарктическими перелетами. М.: Литиздат Нар. Ком. по ин. делам, 1928. 48 с.
- ¹¹⁶ Активист ОАХ [Сабанин А.В.]. Империализм на Полярном Севере и интересы СССР // Советский Север. 1932. № 1–2. С. 18–42.
- ¹¹⁷ Коровин Е. СССР и полярные земли // Советское право. 1926. № 3. С. 43–47.
- ¹¹⁸ Однопозов П.С. Международно-правовой режим арктических морских пространств // Правоведение. 1973. № 4. С. 78–82.
- ¹¹⁹ Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Сев. (Арктический) федеральный ун-т, 2010. 144 с.
- ¹²⁰ Белов П.Г. О геополитике России в приарктическом регионе мира // Труды науч.-исслед. отдела Ин-та военной истории. Т. 6. Кн. 2. Север России в военноморском и экономическом отношениях. СПб.: Политехника-сервис, 2013. С. 298.
- ¹²¹ Конышев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: Росс. Ин-т стратег. исслед., 2011. 194 с.; Их же. Россия и иностранные державы в Арктике: очерк новейшей истории // Труды науч.-исслед. отдела Ин-та военной истории. Т. 6. Кн. 2. С. 87–154.
- ¹²² Гудев П.А. Заполярное будущее: арктическая политика России: старые ошибки и новые возможности // Мир и политика. 2013. № 1 (76). С. 72–78; Его же. Перспективы формирования международного режима в Арктике // Международная жизнь. 2014. № 2. С. 88–101.
- ¹²³ Голдин В.И. Международные отношения, геополитика и безопасность на Европейском Севере и в Арктике: исторический опыт, современность, перспективы // Вестн. Сев. (Арктического) федерального ун-та. Спец. Аркт. вып. 2014. С. 5–17.
- ¹²⁴ Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 т. Т. 1. М.: Аспект-Пресс, 2013. С. 112–255.
- ¹²⁵ Супрун М.Н. Вывод советских войск из Норвегии и особенности холодной войны в Арктике // Холодная война в Арктике: [сб. ст.]. Архангельск: «Соломбальская типография», 2009. С. 93–95.
- ¹²⁶ Жуков Ю.Н. Сталин: Указ. соч. С. 484–488.
- ¹²⁷ Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. М.: СОПС, 2006. 162 с.
- ¹²⁸ Труды науч.-исслед. отдела Ин-та военной истории. Т. 9. Кн. 1–2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. СПб.: Политехника-сервис, 2004. 218, 384 с.

А.А. Будко, Л.К. Барышкова (Санкт-Петербург)

**ВЕХИ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ
ВОЕННЫХ ФЕЛЬДШЕРОВ В РОССИИ:
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЕ
УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ Н.А. ЩОРСА**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ свидетельствуют о том, что помощники врачей – прообразы современных военных фельдшеров, «способные оказывать некоторые виды медицинской помощи», существовали в русском войске уже в конце XVI – начале XVII вв. Наиболее близкими по своим функциональным обязанностям к современным фельдшерам были подлекари, цирюльники, рудометы и костоправы. Подготовка фельдшеров производилась в порядке ремесленного ученичества¹. В 1654 г. при Аптекарском приказе была организована лекарская школа. Окончившие эту школу направлялись в полки в звании подлекарей².

При Петре I в России началась организованная подготовка войсковых помощников врачей для действующей армии из числа солдат – в специальных госпитальных лекарских школах. Такие школы при госпиталях появились в Москве в 1707 г. А в 1733 г., уже при Анне Иоанновне – в Сухопутном госпитале Санкт-Петербурга. Содержались эти школы за счет госпитальных отчислений³. Обучение в упомянутых школах сводилось к приобретению, в основном, практических навыков оказания медицинской помощи: выдергивания зубов, приставления пиявок, кровопускания, перевязки ран, варения припарок, вырезания мозолей, костоправного дела и т. д.⁴ Наиболее подготовленные выпускники школ направлялись в полки лекарями (врачами). Менее подготовленные – получали звание подлекарей (старших фельдшеров) или цирюльников и направлялись в армию или на

флот⁵. В 1735 г. специальным указом от 2 сентября подлекари были официально включены в состав войск. В отсутствие врача некоторые из них могли оказать необходимую медицинскую помощь раненым на поле боя. Или быстро и грамотно помочь врачам в госпиталях и лазаретах⁶. По мнению ряда авторов, подлекари представляли промежуточное звено между врачом и фельдшером⁷.

Фельдшеров в армии, особенно во время боевых действий, постоянно не хватало. В этой связи возникла необходимость подготовки ротных фельдшеров из солдат непосредственно в полках, под руководством опытных лекарей и подлекарей⁸. Инициатором такой подготовки, в известной мере, можно считать величайшего русского полководца Александра Васильевича Суворова. Не будучи военным медиком, Суворов, понимая всю важность своевременного оказания медицинской помощи раненым на театре военных действий, приказал в далеком 1793 г. врачам готовить в полках из обыкновенных, но наиболее способных солдат «ротных фельдшеров». Они, по его мнению, должны были увеличить количество специалистов, способных под руководством лекарей (врачей) оказывать простейшие виды медицинской помощи раненым и больным русским воинам на полях сражений. Причем Суворов требовал, чтобы каждый из этих ротных фельдшеров знал «...самонужнейшие правила врачевства», умел «...делать припарки, трения, кровь бросать <...>, лечить раны и наружные болезни»⁹.

В столице в 1823 г. при Петербургском Семеновском – Александровском госпитале (до 15 июля 1869 г. госпиталь лейб-гвардии Семеновского полка) была создана Фельдшерская школа, носившая название «Класс лекарских помощников»¹⁰. В школе готовились помощники врачей, достаточно подготовленные к военно-медицинской службе.

В 1838 г. в соответствии с «Положением о фельдшерских школах при военных госпиталях», на многие годы определившим принципы и направления подготовки военных фельдшеров, госпитальные лекарские школы при крупных военных госпиталях, о которых упоминалось выше, были преобразованы в фельдшерские школы. Эти преобразования положили начало профессиональной подготовке военных фельдшеров для армии и флота. Такие фельдшерские школы возникли в Москве, Киеве, Тифли-

се, Казани. Основное внимание в период учебы в фельдшерских школах уделялось анатомии, фармакологии и практической хирургии, наложению повязок, костоправному делу, кровопусканию, остановке кровотечения, оказанию медицинской помощи раненым, замерзающим, пораженным молнией, отравленным, а также уходу за ними в полевых и стационарных условиях¹¹. Уровень подготовки в фельдшерских школах был выше, чем в госпитальных лекарьских школах. Выпускники после 3-летнего курса обучения получали звание младших фельдшеров или аптекарских помощников.

В 1869 г. в соответствии с «Положением о военно-фельдшерских школах» госпитальные фельдшерские школы в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве были преобразованы в военно-фельдшерские школы. Военно-фельдшерские школы с 4-годичным сроком обучения получили статус самостоятельных военно-учебных заведений. С этого момента подготовка фельдшеров стала осуществляться в военно-фельдшерских школах, а также в указанных выше госпитальных фельдшерских школах при военных госпиталях Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Новгорода, Харькова, Иркутска, Оренбурга, Екатеринодара¹². Уровень подготовки выпускников военно-фельдшерских школ нового образца был довольно высоким. В учебные планы были включены новые специальные общеобразовательные и общепедагогические дисциплины. Учебной программой предусматривалась обязательная медицинская практика под наблюдением войсковых врачей в условиях, приближенных к военным действиям: в стационарных войсковых лагерях, на «подвижных сборах» и крупных маневрах войск. Курсанты школ выпускались кандидатами на классную должность и именовались школьными (младшими) фельдшерами (медицинскими или аптекарскими)¹³. С 1885 г. военно-фельдшерские школы функционировали не только в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве, но и в Тифлисе, Херсоне, Новочеркасске, Екатеринодаре, Иркутске и в других городах.

Наряду с хорошо подготовленными фельдшерами, в связи с увеличивающейся потребностью армии в средних медицинских работниках (особенно во время боевых действий), в госпиталях и лазаретах из числа молодых солдат, специально выделенных для этих целей, ускоренно готовились фельдшерские ученики. Уровень подготовки фельдшерских учеников был ниже, чем у

фельдшеров. Тем не менее, под руководством опытных военных врачей фельдшерские ученики во время боевых действий могли оказывать простейшие виды медицинской помощи¹⁴. В дивизионных, корпусных и армейских госпиталях под руководством лекарей и подлекарей продолжалась подготовка «ротных фельдшеров», известных еще с петровских времен¹⁵.

После революции из указанных выше школ только Петербургская военно-фельдшерская школа, находившаяся в ведении Военно-медицинской академии, просуществовала до 1921 г. Остальные были расформированы. До 1926 г. подготовка младшего и среднего медицинского состава для Красной армии осуществлялась преимущественно на специальных краткосрочных курсах. На указанных ускоренных курсах готовились лекпомы – лекарские помощники. Опыт Гражданской войны и новая военная реформа, разработанная Михаилом Васильевичем Фрунзе, диктовали необходимость коренного изменения программы подготовки квалифицированных врачей и лекарственных помощников (в дальнейшем военных фельдшеров) и создания для этих целей специальных медицинских учебных заведений, в том числе военно-медицинских училищ¹⁶.

Одним из таких училищ, пополнивших армию и флот квалифицированными военными фельдшерами, являлось Ленинградское-Сибирское-Омское военно-медицинское училище имени Н.А. Щорса. Днем основания училища можно считать 21 сентября 1925 г. Именно 21 сентября заместителем председателя Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихтом был подписан приказ за № 967. Приказ дал возможность начальнику Военно-санитарного управления (ВСУ) РККА открыть при Военно-медицинской академии РККА Школу старших лекарственных помощников по подготовке среднего медицинского состава для обеспечения нужд армии. Распоряжение начальника ВСУ РККА было отдано 1 ноября 1925 г. 20 марта 1926 г. приказом РВС СССР было утверждено «Положение о Школе старших лекарственных помощников при Военно-медицинской академии РККА». Согласно этому Положению к приему в Школу допускались граждане мужского пола в возрасте 18–25 лет, красноармейцы, краснофлотцы, лица младшего начальствующего состава. Открытие Школы свидетельствовало о возрождении профессиональной подготовки военных фельдшеров. Первые занятия в Школе старших лекарс-

ких помощников начались 1 апреля 1926 г. Решением начальника Школы именно 1 апреля было установлено актовым днем. В актовые дни в Школе, а затем и в Училище происходили торжественные мероприятия и памятные события.

Штат Школы включал начальника, трех преподавателей и делопроизводителя. Начальником Школы старших лекарских помощников был назначен помощник начальника Ленинградского окружного военно-санитарного управления Семен Семенович Малов – выпускник Военно-медицинской академии 1915 г. Обязанность начальника учебной части исполнял один из штатных преподавателей – Е.А. Моисеев¹⁷.

Первоначально Школа располагалась в здании одной из терапевтических клиник Военно-медицинской академии. В здании были размещены управление, учебные классы, аудитория, лаборатория химии, а также спальни курсантов, столовая и кухня. В дальнейшем появились лаборатории гигиены, микробиологии и аптечного дела, физический кабинет и библиотека. Новая Школа по своей структуре, программе и планам разительно отличалась от существовавших ранее военно-фельдшерских школ. Был четко установлен статус лекарского помощника, подготовленного для работы в Красной армии и на флоте. Будущие специалисты должны были научиться в отсутствие врача распознать причину обращения пострадавшего за медицинской помощью и оказать ему необходимую неотложную помощь. Они обязаны были знать объем профилактических мероприятий, обязательных для проведения в войсках. Кроме того, в процессе учебы будущие лекарские помощники должны были пройти специальную военную подготовку для приобретения навыков оказания медицинской помощи в условиях ведения боя. Занятия в Школе по большей части проводились на базе клиник и лабораторий Военно-медицинской академии. Преподавание дисциплин осуществлялось, в основном, преподавателями академии.

4 сентября 1926 г. Школа старших лекарских помощников была переименована в Школу военных лекарских помощников при Военно-медицинской академии РККА¹⁸. В 1927 г. должен был состояться первый выпуск. Начальник ВСУ РККА издал приказ, установивший срок выпускных экзаменов, а также перечень предметов, по которым должны были производиться испытания, и состав выпускной испытательной комиссии. Экзамены

выявили хорошую теоретическую подготовку курсантов и недостаточно высокий уровень практических знаний и навыков. В этой связи в 1929 г. в воинских частях Ленинградского военного округа и Балтийского флота была проведена первая практическая стажировка курсантов Школы. Стажировка способствовала формированию и укреплению у будущих выпускников практических навыков. 65 % курсантов после стажировки были признаны способными к самостоятельной работе в частях, не имеющих врача.

Увеличение количества принимаемых на обучение лиц потребовало увеличения численности преподавательского состава. Например, в том же 1929 г. – до 42 человек. С появлением в штате представителей командного состава Школа пошла по пути формирования настоящей военной школы¹⁹.

За успешную подготовку кадров, в знак признания заслуг перед государством Школа военных лекарских помощников в ноябре 1929 г. была награждена Революционным Красным Знаменем ЦИК СССР.

В сентябре 1930 г. Школа была выведена из состава Военно-медицинской академии, обрела самостоятельность в административной, учебной и хозяйственной деятельности. Одновременно она была перемещена из здания терапевтической клиники академии в здание бывшего госпиталя лейб-гвардии Семёновского полка, построенное в 1799 г. по проекту архитектора Ф.И. Демерцова в Лазаретном переулке (дом 2). Школа получила статус самостоятельного учебного заведения. Наряду с постоянными штатными преподавателями занятия продолжали вести преподаватели из Военно-медицинской академии. Среди них Михаил Никифорович Ахутин, Анатолий Николаевич Богоявленский, Сергей Абрамович Новотельнов, Владимир Николаевич Тонков, Константин Львович Хиллов, Александр Владимирович Шацкий и др., т. е. педагоги, обладающие высокими теоретическими знаниями и имеющие большой практический опыт. В организации учебного процесса Школа военных лекарских помощников постоянно взаимодействовала с воинскими частями Ленинградского военного округа. В марте 1931 г. было проведено первое полевое учение по розыску, выносу и оказанию медицинской помощи условным раненым. А в 1933 г. – специальное учение по морской и авиационной программам. В 1933–

1934 г. в программу обучения были введены общеобразовательные предметы.

В декабре 1935 г. Школа военных лекарских помощников была переименована в Военно-медицинскую школу РККА. А 16 марта 1936 г. уже Военно-медицинская школа РККА была переименована в Ленинградское военно-медицинское училище.

В апреле того же года в училище была произведена реорганизация преподавания общеобразовательных предметов и составлены новые учебные программы. Повысились требования к поступающим. На учебу принимались юноши 17–20 лет, имевшие образование не ниже 7 классов. Занятия и лекции по-прежнему проводились на базе Военно-медицинской академии. А также – в Центральном клиническом и в 1-м Военно-морском госпиталях, в больницах имени Коняшина, имени Куйбышева и «В память 25 Октября». Постоянными стали стажировки курсантов училища в действующих войсках Ленинградского военного округа и полевые учения в летнем лагере под Красным Селом.

Кроме основного здания в Лазаретном переулке училище занимало помещения, расположенные на улицах Рузовской и Большой Вульфовой. В 1938 г. оно переехало в новое, специально построенное здание, выходившее своим фасадом на Введенский канал (ныне улица Введенского канала, дом 6). В этом здании имелись хорошо оборудованные учебные классы, лаборатории, библиотека, помещения для курсантов и персонала училища. В 1939 г. в связи с упразднением ряда общеобразовательных предметов училище перешло на двухгодичное образование.

Весной 1941 г. в дни празднования 15-летия начала занятий, училищу было присвоено имя героя Гражданской войны Николая Александровича Щорса. В июне 1941 г. состоялся 18-й выпуск военных фельдшеров в количестве 681 человека. Впереди ожидалась полевая учения в районе Красного Села. Но 22 июня началась Великая Отечественная война.

В соответствии с Постановлением Военного Совета Северного флота из преподавателей и курсантов училища был сформирован сводный батальон, который принял участие в обороне дальних подступов к Ленинграду, а с 27 июня по август 1941 г. вместе с приданными к нему артиллерийскими подразделениями вел бои на Карельском перешейке. В полном составе 18-й выпуск по приказу НКО № 02764 был отправлен на фронт. На-

чальником училища в это время, в связи с отзывом на фронт Михаила Михайловича Гурвича (бывшего начальника), был назначен Иван Николаевич Георгиевский.

В августе 1941 г. в связи с угрозой блокады Ленинграда директивой заместителя Народного комиссара обороны № ОРГ/1/588592 училище в полном составе было эвакуировано в Омск. Занятия на новом месте возобновились 28 августа, т. е. через неделю после прибытия в Омск. Постоянного помещения в Омске у училища на первых порах не было. Учебные классы были размещены в больницах, расположенных в разных районах города. В сентябре 1941 г. училище перешло на новую программу с одногодичным сроком обучения. Такие перемены были продиктованы военным временем. В основу ускоренного обучения было положено сочетание теоретической и практической подготовки курсантов в учебных классах и в лабораториях училища с практикой оказания медицинской помощи раненым в госпиталях и больницах города. В полевых условиях применительно к условиям боевых действий отрабатывались методы работы санитаров, санинструкторов, военного фельдшера, приемы оказания первой медицинской помощи, выноса раненых с поля боя и доставки их в медицинские пункты. По новой программе в 1942–1945 гг. было подготовлено 3247 фельдшеров. В действующую армию были направлены сотни выпускников.

31 августа 1945 г. приказом НКО № 53 училище было переименовано в Сибирское военно-медицинское училище имени Н.А. Щорса. Училище продолжило подготовку военных фельдшеров и после окончания Великой Отечественной войны, но в Ленинград не вернулось. В 1946 г. в актовый день училища (1 апреля) ему было вручено Боевое Красное знамя – символ воинской чести, доблести и славы, и Грамота Президиума Верховного Совета СССР²⁰.

В 1946 г. училище перешло на трехгодичный курс обучения. Оно пополнилось новыми преподавателями, имевшими опыт работы на фронтах Великой Отечественной войны. Основными направлениями в деятельности училища стали научная, учебно-воспитательная, организационная работа, проведение учебно-практических и научных конференций.

В 1947 г. приказом министра ВС СССР № 59 от 4 сентября Сибирское военно-медицинское училище было переименова-

но в Омское военно-медицинское училище имени Н.А. Щорса. Училище продолжило интенсивную работу по получению курсантами прочных теоретических знаний и практических навыков в больницах Омска. Регулярно проводились стажировки курсантов в войсках Сибирского, Уральского и Дальневосточного военных округов. Курсанты в ходе своих стажировок нередко принимали участие в тактических учениях войск. Такой опыт способствовал более совершенной подготовке будущих военных фельдшеров. В 1954 г. в связи с появлением новых видов оружия в училище было впервые проведено тактико-специальное учение с имитацией взрыва атомной бомбы, показавшее умение курсантов четко ориентироваться в предполагаемой обстановке и своевременно оказывать необходимую помощь «пораженным факторами ядерного взрыва». Качество подготовки выпускников училища возросло. Об этом свидетельствует увеличение числа выпускников-отличников.

В сентябре 1957 г. Ленинградское – Сибирское – Омское военно-медицинское училище имени Н.А. Щорса было расформировано, а его материальная база передана Министерству здравоохранения РСФСР. На этой базе было создано Омское медицинское училище № 3. Приказом министра здравоохранения РСФСР № 134 от 5 августа 1991 г. оно получило статус медицинского колледжа. А в 2000 г. переименовано в Омский медицинский колледж Минздрава РФ.

Подготовка военных фельдшеров для армии и флота со временем стала осуществляться на базе Томского военно-медицинского института. Первый выпуск военных фельдшеров из этого института состоялся в 2002 г.²¹

В заключение следует отметить, что во время боевых действий с участием Вооруженных сил нашей страны выпускников училища можно было встретить на любом участке фронта. Так было во время вооруженных конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол, в годы Советско-финляндской и Великой Отечественной войн. Умелой организацией своей работы по оказанию доврачебной помощи раненым на поле боя и в медицинских пунктах они спасли жизнь многим сотням воинов. Многие за мужество и самоотверженность при выполнении своего профессионального долга были удостоены правительственных наград. За участие в боевых действиях на озере Хасан Борису Пет-

ровичу Бегоулеву, в боях с белофиннами Ивану Федоровичу Бирцеву (посмертно) было присвоено звание Героя Советского Союза. Героями Советского Союза стали выпускники училища Быковский Виктор Иванович и Копытенков Николай Андреевич – участники боевых сражений в годы Великой Отечественной войны. 16 выпускников были награждены орденом Ленина, 26 – орденом Красного Знамени, 15 – орденом Отечественной войны Первой и Второй степени, 104 – орденом Красной Звезды и 17 – орденом Славы. К вышеназванным героям следует добавить имена и других выпускников училища, в разное время его окончивших, с честью выполнявших свой воинский и профессиональный долг. Среди них Анненков Борис Николаевич, Баранов Филипп Григорьевич, Борейко Владимир Александрович, Бачурин Михаил Иванович, Варенников Самуил Маркович, Дворжецкий Владислав Владиславович, Дуплевский Владимир Иванович, Колосницын Лаврентий Григорьевич, Коскин Алексей Васильевич, Кудинов Геннадий Иванович, Кузьмин Михаил Кузьмич, Лупенков Михаил Григорьевич, Машинин Константин Степанович, Монастырский Николай Степанович, Морозов Петр Яковлевич, Полтораки Петр Семенович, Самосудов Владислав Петрович, Симаков Анатолий Андреевич, Спичев Владислав Петрович, Ушаков Григорий Иванович и многие другие. Звание Героя Советского Союза было присвоено участнику экипажа ледокола «Седов» Александру Петровичу Соболевскому.

За более чем тридцатилетнее существование Ленинградское – Сибирское – Омское военно-медицинское училище имени Н.А. Щорса подготовило 11 365 военных фельдшеров и 1441 зубного врача. Всего 12 806 человек²². В этом немалая заслуга его преподавателей. И, конечно, его организаторов: Артемьева Виктора Николаевича, Виста Олега Адамировича, Гурвича Михаила Михайловича, Краснова Игнатия Александровича, Малова Семёна Семеновича, Могучего Михаила Александровича, Сарапкина Павла Сергеевича, Соколова Николая Александровича, Ушакова Сергея Ивановича и др.

¹ Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. История военной медицины России. XIX – начало XX вв. / Под ред. И.Ю. Быкова и В.В. Шапиро. Т. 3. 2-е изд. Испр. и доп. М.: Воениздат, ВММ МО РФ, 2007. С. 238–253; История военной медицины. Т. 1. VII–XVII вв. СПб.: ВМА, 2002.

С. 56–57; Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 5. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1948. Стб. 719–721.

² Жаткин О.А., Давыдов В.М., Шубин З.В. Организация подготовки военных фельдшеров // Воен.-мед. журн. 2003. № 5. С. 60.

³ Чиж И.М., Будко А.А., Ларьков А.А., Галин Л.Л., Журавлев Д.А. Основные этапы развития государственного военного здравоохранения России // Воен.-мед. журн. 2004. № 2. С. 5.

⁴ Анненков Б.Н., Бачурин М.И., Симаков А.А. Немеркнущие традиции Российской фельдшерской школы (1838–2009). М.: Центр пропаганды, 2009. 328 с.; Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 238–253; Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 5. Стб. 720.

⁵ Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 238–253; Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 5. Стб. 720.

⁶ Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 238–253.

⁷ Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины в Санкт-Петербурге. XVIII век. СПб.: ВММ МО РФ, Территориальное управление Адмиралтейского района, «Невский проспект», 2002. С. 83.

⁸ Будко А.А., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 83; Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Первые среди равных. Исторический очерк. Томск: STT, 2005. С. 8–9.

⁹ Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 238–253; Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Указ. соч.; Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 5. Стб. 720

¹⁰ Будко А.А., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 45.

¹¹ Анненков Б.Н., Бачурин М.И., Симаков А.А. Указ. соч.; Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 1. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1946. Стб. 888–892.

¹² Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 238–253; Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Указ. соч.; Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 5. Стб. 720–721.

¹³ Анненков Б.Н., Бачурин М.И., Симаков А.А. Указ. соч.; Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 1. Стб. 889.

¹⁴ Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Указ. соч.

¹⁵ Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. Указ. соч. С. 238–253.

¹⁶ Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Указ. соч.

¹⁷ Анненков Б.Н., Бачурин М.И., Симаков А.А. Указ. соч.; Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Указ. соч.

¹⁸ Анненков Б.Н., Бачурин М.И., Симаков А.А. Указ. соч.

¹⁹ История Ленинградского военно-медицинского училища имени Н.А. Щорса. Л., 1941. 70 с.

²⁰ Анненков Б.Н., Бачурин М.И., Симаков А.А. Указ. соч.; История Ленинградского военно-медицинского училища...; 20-летний юбилей Сибирского военно-медицинского училища имени Н.А. Щорса // Газета «Омская правда». 1946. 3 апреля.

²¹ Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Указ. соч.; Жаткин О.А., Давыдов В.М., Шубин З.В. Указ. соч. С. 62.

²² Анненков Б.Н., Бачурин М.И., Симаков А.А. Указ. соч.; Спичев В.П., Жаткин О.А., Будко А.А., Кузьмин М.К., Артемьев В.Н. Указ. соч.

А.А. Будко, Г.А. Грибовская (Санкт-Петербург)

**ЛИДЕР СОВЕТСКОЙ ХИРУРГИИ
Н.Н. БУРДЕНКО. ДЕСЯТЬ ПИСЕМ
ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
(К 140-летию со дня рождения)**

НИКОЛАЙ НИЛОВИЧ БУРДЕНКО – генерал-полковник медицинской службы (1944), академик АН СССР (1939), академик АМН СССР (1944), заслуженный деятель науки (1933), лауреат Сталинской премии (1941), Герой Социалистического Труда (1943), принадлежит к тем представителям отечественной и мировой науки и практики, чья многогранная деятельность на протяжении многих десятков лет была направлена на развитие и совершенствование научной отечественной медицины¹.

Николай Нилович родился 3 июня (22 мая) 1876 г. в с. Каменка Пензенской обл. В 1897 г. окончил Пензенскую духовную семинарию, а в 1906 г., окончив Юрьевский университет, был оставлен при университете в клинике профессора Цеге-Мантейфеля. Но еще будучи студентом, Н.Н. Бурденко работал фельдшером в земских больницах, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. в качестве помощника врача.

К началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. Н.Н. Бурденко был уже высококвалифицированным профессором – хирургом в войсковом и армейском районах в должности помощника заведующего медицинской частью Красного Креста Северо-Западного фронта. Н.Н. Бурденко принял на себя руководство всеми медицинскими силами и средствами на значительном участке фронта. Но подлинным призванием Николая Ниловича была практическая деятельность хирурга, и поэтому в 1915 г. после усиленных хлопот он был назначен

на должность хирурга-консультанта при армиях Западного фронта².

Спустя 5 дней после отречения Николая II, 7 марта 1917 г. Н.Н. Бурденко был назначен Временным правительством на должность главного военно-санитарного инспектора. Назначение Николая Ниловича на этот высокий пост было не случайным. К тому времени он был достаточно известным военно-полевым хирургом, организатором военной медицины, профессором. Будучи на этом важном посту три месяца, Н.Н. Бурденко успел сделать достаточно много и свои взгляды на реформирование военной медицины в русской армии изложил в брошюре «К вопросу об устройстве управления в военно-санитарном ведомстве»³.

Научное наследие Н.Н. Бурденко велико и разнообразно. С 1924 г. и до конца жизни занимал кафедру факультетской хирургической клиники 1-го Московского медицинского института, воспитав несколько поколений врачей, плодотворно разрабатывая проблемы общей хирургии по лечению ран, легочной хирургии, хирургического лечения туберкулеза, хирургии суставов, проблему шока. С 1934 г. Николай Нилович возглавлял основанный им институт нейрохирургии, который стал центром всех аналогичных учреждений в стране.

Круг деятельности Н.Н. Бурденко быстро приобрел общегосударственный масштаб. С 1929 г. – председатель Московского хирургического общества, с 1932 г. – председатель правления Общества хирургов РСФСР, с 1931 г. – заместитель, а с 1937 г. – председатель ученого совета Наркомздрава СССР, депутат Верховного Совета СССР нескольких созывов, с 1939 г. – действительный член Академии Наук СССР, с первых дней Великой Отечественной войны и до самой смерти – Главный хирург Красной армии⁴.

В 1944 г. была учреждена Академия медицинских наук СССР, в организации которой Николай Нилович принял самое деятельное участие. Он определял структуру научно-исследовательских институтов, предусматривая в каждом из них создание экспериментального отделения. Залог успешного развития советской медицины он видел в том, чтобы объединить работу лучших представителей советской науки, установить действительный и постоянный контакт между теоретическими и прак-

тическими медицинскими дисциплинами под руководством авторитетного органа, который возьмет в свои руки государственное планирование научной медицинской работы в целом. Эти положения Николай Нилович развивал в своих докладных записках правительственным органам, это были его концепции и мысли, высказанные им на сессии при открытии Академии медицинских наук СССР. Не случайно он был избран Президентом АМН СССР, став руководителем всей научной медицинской жизни нашей страны. Способность объединять людей вокруг общей задачи, целеустремленность, умение видеть и оценить полезность народу и государству замысла ученого, труда научного коллектива – все эти качества в полной мере проявились в его деятельности на посту президента АМН СССР⁵.

Николай Нилович обращал внимание на все новое, проверял его ценность и внедрял в практику. Особый интерес он проявлял к тому, что можно было внедрить в практику военно-полевой хирургии, потому что обязанности Главного хирурга Красной армии он всегда ставил на одно из первых мест в своей деятельности.

Трудно и сложно охватить все стороны и особенности личности и разносторонней деятельности Н.Н. Бурденко. Десять писем из имеющихся свыше 3000 в персональном фонде Н.Н. Бурденко, хранящемся в Военно-медицинском музее, являются прекрасной иллюстрацией его жизнедеятельности. Публикуемые письма интересны и сами по себе, поскольку они в большинстве своем принадлежат выдающимся деятелям медицины и характеризуют как их самих, так и состояние отечественной хирургии.

О студенческих годах и первых шагах врачебной и профессорской деятельности Н.Н. Бурденко 23 декабря 1946 г. пишет его однокурсник, врач г. Печоры Псковской обл. Н. Пляшкевич. «Наши первые встречи – на школьной скамье: мы с ним однокурсники по Юрьевскому университету (г. Тарту). Первоначально Н.Н. учился в Томском университете, из которого был исключен за участие в подпольной деятельности, и некоторое время вынужден был скрываться за границей, где усердно занимался анатомией человека под руководством видных ученых.

По возвращении из-за границы Н.Н. поступил на медицинский факультет Юрьевского университета. Его появление здесь было сразу отмечено товарищами-студентами, как появление

“какого-то не совсем обыкновенного студента”, обладавшего крупными знаниями, серьезностью и трудолюбием. Особенное внимание на него было обращено как товарищами, так и профессором Цеге-фон-Мантейфелем, когда в порядке кураторства в хирургической клинике Н.Н. докладывал о своем больном. Доклад сопровождался выполнением на доске рисунков с изображением тончайших анатомических деталей в области шеи. Мы все были изумлены, а профессор заявил: “Скоро 25 лет как я профессором, но я впервые встречаю студента с такими знаниями анатомии”.

Среди студентов Н.Н. пользовался большой популярностью, невольно создавая вокруг себя [круг] почитателей и учеников, так как он охотно делился с товарищами своими знаниями, никогда не отказывая в своей помощи.

В Юрьеве Н.Н. продолжал и свою подпольную работу и на легальных студенческих собраниях охотно выступал с речами: он любил и умел “поговорить”.

В 1904–1905 гг. – встречи на Дальнем Востоке: там Н.Н. работал в отряде Красного Креста, во главе которого стоял профессор Цеге-фон-Мантейфель. Благодаря своим знаниям, талантливости, твердому характеру Н.Н. скоро стал центральной фигурой отряда, сделавшись “правой рукой” профессора, несмотря на наличие в отряде старших по возрасту и стажу. В то же время Н.Н. оставался все тем же простым человеком, не считавшим для себя унижительным никакой труд. Как сейчас вижу: самым добросовестным образом Н.Н. таскает на себе тяжелые тюки для погрузки в вагон, чтобы ничего не оставить противнику.

С 1910 года вплоть до начала Первой мировой войны мы встречались с Н.Н. в г. Пскове, где я в то время состоял ординатором хирургического отделения губернской земской больницы. Н.Н. сохранял дружественное расположение ко мне, в свободное время приезжая ко мне погостить на пару дней, любоваться художественными красотами г. Пскова, отдаться историческим воспоминаниям. В качестве спутника по Пскову я показал Н.Н. и нашу “старушку” – Псковскую губернскую больницу – и познакомил его с сотрудниками больницы. Очень скоро между нами установились самые лучшие отношения. Наши врачи, особенно главврач доктор А.П. Бельский, буквально “ухватились” за моего гостя и не хотели выпускать его из сво-

их рук. Помню, как доктор Бельский – известный терапевт и кардиолог – тащил его в свое отделение, чтобы посоветоваться с ним по поводу “тонкостей сердечной диагностики”, на что Николай Нилович скромно протестовал: “Что Вы меня об этом спрашиваете? Вы же во много раз компетентнее меня в этих вопросах”.

Николай Нилович в то время был профессором оперативной хирургии в Юрьеве. Эта кафедра буквально ожила с появлением на ней Н.Н. Будучи прекрасным лектором, он преподавание своего предмета увязывал с физиологией, патологией и этим увлекал своих слушателей. Его аудитория всегда была битком набита слушателями. При кафедре появились врачи, работавшие под его руководством над докторскими диссертациями и желавшие специализироваться. Словом, в Юрьеве возникла школа Н.Н. Бурденко.

По своей натуре Н.Н. был истинным клиницистом, его тянуло к живым людям, и он поэтому охотно ухватился за Псков, за нашу Псковскую больницу. Он охотно шел в нашу больницу для обследования наших больных, особенно в случаях, трудных для распознавания, с большой охотой оперировал наших больных. Частенько приглашали Н.Н. к частным больным на квартиру. На вопрос о размерах гонорара Н.Н. или уклонялся от ответа, или назначал смехотворно малую сумму, приводившую в негодование наших врачей.

Постепенно поездки Н.Н. в город Псков приняли регулярный характер, и во Пскове возникла школа профессора Н.Н. Бурденко. Ко времени его приезда нужно было подготовить подходящих больных с предварительным обстоятельным обследованием их, а для этого необходимо было основательно проштудировать необходимые разделы в соответствующих руководствах, чтобы не краснеть перед нашим желанным гостем, становившимся в таких случаях нашим строгим экзаменатором. Фактически Н.Н. стал консультантом Псковской губернской больницы, это звание ему было присвоено постановлением Псковской губернской земской управы. В качестве консультанта Н.Н. был приглашен на особое совещание при Псковской губернской земской управе по вопросу об избрании нового главного врача больницы. В своем выступлении Н.Н. так охарактеризовал роль и значение главного врача губернской больницы, что некоторые присутствующие на

совещании предполагаемые кандидаты сразу встали и молча покинули зал заседания»⁶.

Письмо профессора Цеге-фон-Мантейфеля проливает свет на неясный до сего времени вопрос о выборе Н.Н. Бурденко диссертационной темы и экспериментах на животных.

«Николай Нилович!

Вопрос, с которым Вы хотели заниматься, по-моему, решается экспериментально на животных. По крайней мере нужно сначала опыты делать относительно перевязки.

Вашу идею можно таким образом обработать. Прививать животным туберкулезную палочку, скажем, в кишку или в мозг, затем сужать просвет оспы у одного животного, у другого оставить открытым для контроля. После 2–3 месячного срока – вскрытие и микроскопическое исследование.

Ошибки могут быть следующие: относительно мозга – много коллатеральных путей. Почка – распространение вдоль мочеточников вниз. Удобнее было бы взять печень и кишку. Перевязка маточной артерии делалась для инволюции миомы, но, кажется, не с успехом.

По-моему, нужно было сначала делать следующие опыты. Привить туберкулез в конечность, затем Biriche Staung (Бировский застой, пассивная гиперемия) – на одном животном, перевязка вены – на другом животном. Сколько я знаю, пока действие застоя на туб. макроскопически не исследовано, я не сомневаюсь, что это делается скоро, а может быть, уже имеются опыты в этих направлениях? По крайней мере нужно сначала знать, какие макроскопические изменения производятся вследствие застоя, и их сравнивать с изменением застоя вследствие полуперевязки вены. Достаньте себе чистые культуры туб. Самое лучшее было бы исследовать все эти изменения на лимфатических железах, но это довольно трудно. Вероятно, буду на днях в Дерпте. Тогда можем говорить об этом.

Ваш преданный профессор – Д. Цеге Мантейфель»⁷.

В начале 1939 г. Н.Н. Бурденко в связи с ухудшившимся здоровьем возбудил ходатайство об освобождении от работы в качестве председателя Ученого медицинского совета. Бывший в то время Наркомом здравоохранения Н.И. Гращенков отказал в просьбе и при этом 21 февраля 1939 г. отметил следующее (выдержка из письма): «Вы заслуженно стали большим авторитетом

среди медицинской общественности. Это продемонстрировано неоднократно и выбором Вас в качестве депутата Верховного Совета СССР, и исключительно единодушным выбором Вас действительным членом Академии Наук СССР, и тем глубоким уважением, которое питает к Вам подавляющая масса медицинских работников, в том числе и Вашей профессии. Все это говорит о том, что Вы стали во главе лучшего медицинского актива, направляете его по правильному советскому руслу, беспредельно преданы интересам нашей Родины, приносите свой исключительно богатый опыт трех войн на укрепление санитарной обороны нашей страны, и еще многое, многое другое, что трудно перечислить и выразить в письме.

Вот почему нужно прямо сказать, что заменить Вас нечем и еще не вырос в нашей стране человек с таким же авторитетом и внутри страны и вне страны, который мог бы сравниться с Вами»⁸.

О значении Н.Н. Бурденко как хирурга пишет С.С. Юдин, также общепризнанный выдающийся хирург.

«Академику Н.Н. Бурденко

Глубокоуважаемый Николай Нилович!

Разрешите и мне присоединить свой голос ко всенародному приветствию и потоку поздравлений Вас с новой наградой. Я намеренно не торопился отправлять это письмо, дабы, во-первых, оно не затерялось бы вовсе в горах полученной Вами поздравительной корреспонденции, а, во-вторых, дабы сами Вы получили некоторый отдых от чтения подобных писем и телеграмм.

Не сомневаюсь, что множество хирургов нашей страны опередили меня в посылке приветствий, сумели выполнить это в более изысканной форме, как и в том, что среди Ваших корреспондентов были хирурги гораздо более меня заслуженные и более прославленные. Я пишу Вам как хирург, который сам начал свою академическую карьеру приват-доцентурой в Вашей клинике.

Это было уже давно; я был тогда совсем еще юным хирургом. За истекшие шестнадцать лет моя жизненная ладья то укрывалась в тихих заводях, то выплывала в открытое море; она плавала то в “штиль”, то попадала в довольно ощутительные “штормы”. Масштаб и темпы моей работы неизбежно и прогрессивно возрастали. Среди рушившихся надежд и порой горьких разо-

чарований случались иногда скромные успехи. Не мне о них судить...

Зато в перипетиях своей собственной хирургической карьеры и в суеде научных исканий я, безусловно, приобрел некоторую способность судить о научной и академической работе других собратьев по оружию. Я познал достаточно собственных работ, чтобы ведать, каково даются даже маленькие успехи и завоевания в хирургии клинической или оперативной, равно как в организационных вопросах нашей специальности.

Так вот, наблюдая свыше четверти века с пристальным вниманием и огромным интересом за Вашими трудами и все возрастающими успехами, я давно уже понял, что все столь выдающиеся Ваши работы являлись плодами не только громадных способностей и ума, пламенного горения и широкой эрудиции, но что в то же время эти успехи были продуктом постоянного, упорного труда и беззаветной любви к хирургии. Как бы велики ни были природные дарования, даже самые гениальные люди свои крупные дела совершали всегда и обязательно ценой неистовых стремлений и несчетных усилий.

Я преклоняюсь перед многими из отдельных Ваших научных достижений и организованных успехов. Но больше всего в Вас я ценю всю совокупность знаний, эрудиции и талантов, труда и горения, кои создали из Вас первого хирурга нашей страны. Будучи творцом и основоположником отечественной нейрохирургии, Вы не замкнулись в интересы этой обширной и увлекательной специальности, а навсегда остались непререкаемым авторитетом в любых вопросах хирургии общей и клинической, гражданской и военной. Эта многогранность интересов, этот широчайший диапазон хирургических познаний делают Вас признанным руководителем в кругах не только хирургов-специалистов, но и в среде работников целого ряда пограничных специальностей.

Пусть мой теплый, искренний привет принесет Вам лишнюю долю радостного сознания, что Ваши труды встречают не одни лишь внешние знаки признания и отличия, но глубоко ценятся и вызывают восхищение Ваших младших, но уже созревающих собратьев.

Вы, разумеется, не можете вспомнить того раненого зауряд-врача, который с переломом позвоночника и Георгием в петличке обращался к Вам, как к высокому начальству, в Петрограде,

весной 1917 года. Вряд ли Вы его узнали и через десять лет, когда он вошел в Вашу клинику уже приват-доцентом.

Примите же теперь этот дружеский привет, глубокоуважаемый Николай Нилович! Примите его как Главный хирург Красной Армии от ветерана прошлой мировой войны. Примите его как Академик от хирурга, вырастившего тоже уже целое поколение русских хирургов. Наконец, примите его просто как Николай Нилович Бурденко от ... дедушки, внука которого чуть-чуть моложе Вашей»⁹.

Интересны письма члена-корреспондента Академии Наук СССР Х.С. Коштыянца, академика Л.А. Орбели, профессора А.П. Крымова.

«9 мая 1943 года.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Нилович! Сообщение о том, что Вам присуждено звание Героя Социалистического Труда, взволнует и обрадует Ваших многочисленных учеников и друзей. Вы будете читать многие сотни поздравлений, к которым присоединяю я свое, с чувством любви к Вам и гордости за русскую науку.

Я с большой радостью всегда вспоминаю наши, к сожалению, немногочисленные деловые встречи в Академии Наук, которые всегда очень много давали мне как исследователю. Ваше выступление на декабрьском пленуме Ученого Медицинского Совета я слушал с большим волнением и думал о том, какая огромная сила таится у деятелей русской культуры, какая огромная любовь к народу и стране согревает их труд. Пишу и не могу выразить подлинных чувств. Но эта встреча с Вами запечатлелась в моей памяти как факт огромного значения в истории советской науки.

Уж много месяцев как я в Москве, и хотя с первых же дней приезда своего я думал и думаю о встрече с Вами, но останавливаю себя на мысли о том, что время и здоровье Ваше нужны нашей Армии, нашему государству. Но в работе своей постоянно иметь ввиду многие Ваши интересы и очень хочу сделать такое, чтоб Вы именно оценили их значение.

Крепко жму Ваши руки, сделавшие так много полезного.

Остаюсь, как и многие советские деятели науки, с чувством гордости о том, что Вы – наш друг и современник – удостоены величайшей почести для советского человека.

Ваш Х. Коштыянец»¹⁰.

«Глубокоуважаемый Николай Нилович!

Постановление нашего правительства о присвоении Вам высокого и почетного звания Героя Социалистического Труда вызвало у меня чувство великого удовлетворения и радости. Я рассматриваю это постановление не только как вполне справедливое признание Ваших исключительных заслуг перед Родиной, но и как дань почета и уважения знамени РУССКОГО ВРАЧА, знамени, которое Вы всегда так высоко держали и, надеюсь, еще долго будете держать. Ведь понятие РУССКИЙ ВРАЧ включает в себе много такого, что совсем не понятно врачам за рубежом.

Примите, дорогой Николай Нилович, уверения в моем глубоком к Вам уважении и преданности.

Академик Л. Орбели. Москва, 10 мая 1943 г.»¹¹

«Глубокоуважаемый Николай Нилович!

С большим интересом я прочитал в “Правде” Вашу статью “Академия медицинских наук на подъеме”¹² и думаю, что она должна быть причислена к тем Вашим статьям, которые, как Пироговские, служат своего рода жизненным эликсиром для научных работников. Такое мое мнение я высказываю всем и всюду и думаю, что оно совершенно объективно.

Я очень благодарен Вам за согласие прислать работу в Новый хирургический архив. Так как я избран Киевским медицинским институтом делегатом на торжество союзной Академии, то надеюсь увидеть Вас и пожать Вашу руку.

С искренним почтением А.П. Крымов»¹³.

Письмо А.Ф. Лепукална от 6 марта 1944 г. дает представление о содержании выступления М.И. Калинина на объединенном заседании Ученого Медицинского Совета Наркомздрава РСФСР и научно-медицинских обществ Москвы, посвященное 26-годовщине Красной армии¹⁴.

Главные мысли, высказанные М.И. Калининым.

1). Если сравнивать достижения нашей медицины за 26 лет с теми, которые были до того, то достижения, конечно, большие, хорошие.

2). Если же говорить в аспекте того, что достигнуто по сравнению с тем, что нужно было бы достичь, то достижения... удовлетворительные, ибо потребности больше того, чего мы добились.

3). Достижения нашей хирургии несравнимо большие, чем нашей терапии, которая кроме пяти препаратов в военное время ничем особенным не выдвинулась.

4). Однако, медицина не должна зазнаваться и успехи нашей медицины относить только за свой счет. Если мы возвращаем 70 % раненых и больных обратно в строй (что очень хорошо), то это не только из-за успехов медиков.

В этих успехах вместе с медиками повинны и... интенданты. Если бы последние плохо снабжали армию, если бы бойцы были истощены, то никакие самые блестящие операции хирургов не дали бы такой высокий % возврата в строй.

5). Достижения научной медицинской мысли велики, но не проведен в жизнь принцип синтезирования этих достижений. У нас ведь есть Ученый Медицинский Совет, но нет еще учреждения, синтезирующего достижения медицинской науки, а потребность в таком синтезе велика. Есть солидный базис, но над ним еще не построена вершина, остроконечный купол, шпиль вершины, в которой, как в конденсаторе, центрировались бы наши отношения, объединялась бы вся научная мысль.

Богомолец, который сидел рядом с Михаилом Ивановичем, спросил его: «Не об академии ли медицинских знаний говорил Михаил Иванович?» Михаил Иванович ответил: «Вот, вот! Я об этом и думал, да не смог подыскать нужного наименования. Такое учреждение именно нам теперь и нужно!»¹⁵

Н.Н. Бурденко получал много писем с разного рода предложениями. В настоящей статье мы приведем только одно, которое не получило в то время положительного разрешения, и какой-либо реакции со стороны Н.Н. Бурденко в его архиве пока не найдено. Речь шла о создании научно-исследовательского института грудной хирургии, который создан только десять лет спустя.

«Глубокоуважаемый Николай Нилович!

Искренне поздравляю Вас с избранием президентом Академии.

Мне, как хирургу, это особенно приятно. Хирургия получила заслуженно высокое признание не только от раненых и больных, но и от ученой общественности.

Ваш патриотический призыв побудил меня вновь поднять давно волнующий меня вопрос.

Прошу Вас, как президента Академии, уделить внимание вопросу хирургии грудной клетки. Этот раздел хирургии еще не нашел должного признания и оформления.

Не мне Вам доказывать, как велико знание основ грудной хирургии для спасения раненых и как еще высок % смертности и тяжелых осложнений при ранениях в грудь!

Большой виной тому – недостаточная изученность патологических процессов и хирургических возможностей, недостаточная подготовка хирургов в этой области и недостаточная полнота предложенных инструкций.

Отсутствие обобщенных, достаточно исчерпывающих положений для лечения раненых, особенно в тыловых ЭГ, приводит к излишнему вредному консерватизму и увеличивает % смертности.

Глубокое изучение и обобщение опыта лечения раненых в грудь, на всех этапах, поможет создать стройную схему, обязывающую к действию.

Вопросы хирургии гнойных заболеваний легких и плевры еще не получили своего окончательного разрешения, особенно хирургическое лечение абсцессов и бронхоэктазов.

Хирургическое лечение опухолей легких находится еще в зачаточном состоянии.

Большой раздел грудной хирургии – хирургическое лечение туберкулеза легких, также должен получить определенное оформление.

В дни Отечественной войны и в послевоенный период хирургическое лечение туберкулеза легких должно являться основным наиболее эффективным звеном, в цепи длительного лечения этого тяжелого заболевания.

Этого требуют интересы Родины. Как в организационном, так в научном и практическом отношении, хирургия туберкулеза легких имеет много дефектов.

Туберкулезные больные на периферии, по существу, лишены достаточной квалифицированной хирургической помощи. Новые методы слишком медленно [внедряются] в широкую повседневную практику работы. Например: наша методика гидравлической препаровки плевральных сращений при операции Янобеуса, давшая возможность вдвое повысить % полных разрушений спаек и тем самым создавать эффективность искусственно-

го пневмоторакса, еще не получила широкого распространения, несмотря на то, что эта методика позволяет возвратить к труду и полноценной жизни массу больных, лечащихся неполноценным искусственным пневмотораксом.

Все вышеизложенное побуждает меня еще раз поднять вопрос о том, что хирургия грудной клетки должна найти определенную организационную форму.

Формой этой должен быть научно-исследовательский институт хирургии грудной клетки.

Только институт может справиться с изучением, разработкой и проведением в жизнь насущно необходимых вопросов этого большого раздела хирургии.

На институт, кроме научно-исследовательской работы, должны быть возложены: подготовка кадров хирургов-легочников; планирование и методическое руководство сетью легочно-хирургических отделений.

Расцвет грудной хирургии в нашей стране, снижение смертности раненых и больных быстро оправдают создание института.

Проект организации института грудной хирургии мной передан Филиппу Абрамовичу Ходоркову еще в январе 1944 г. Об этом же я докладывал 27 апреля 1944 года на совещании курортно-санаторных работников при ГВСУ КА (печатный доклад сдан секретарю совещания).

К сожалению, откликов не последовало. Крайне интересно знать Ваше мнение по этому вопросу.

Желаю Вам многих лет такой же плодотворной работы на столь ответственных и благородных постах.

Уважающий Вас бывший армейский хирург доктор медицинских наук майор медицинской службы – Богуш»¹⁶.

О международном авторитете советской хирургии и Н.Н. Бурденко дает представление письмо президента Международного колледжа хирургов Дезидерио Романо от 1 октября 1943 г. Он, в частности, писал: «Ваши колоссальные задачи, вся громадная ответственность, которую Вы и Ваши коллеги несете с честью, и чудесные успехи Ваших научных исследований, наблюдений и открытий несомненно впишут в историю медицинской науки, как непревзойденные в Анналах борьбы медицинской науки за общее дело»¹⁷.

Детальный анализ имеющихся в персональном фонде Н.Н. Бурденко писем и других многочисленных материалов являются источником для авторов, изучающих развитие отечественной медицины и ее выдающихся деятелей.

¹ Алексанян И.В., Кнопов М.Ш. Главные хирурги фронтов и флотов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Медицина, 1985. С. 29–45.

² Будко А.А., Грибовская Г.А. Николай Нилович Бурденко: от главного военно-санитарного инспектора русской армии до первого президента академии медицинских наук // Медицинская профессура СССР. Краткое содержание и тезисы докладов научной конференции 16 марта 2007 года. М., 2007. С. 27–29.

³ Бурденко Н.Н. Характеристика хирургической работы в войсковом районе. М.-Л.: Медгиз, 1938. 104 с.

⁴ Будко А.А. Главный хирург Красной Армии // Воен.-историч. журн. 2000. № 6. С. 44–45.

⁵ Очерки истории российской военно-полевой хирургии в портретах выдающихся хирургов / под ред. проф. Е.К. Гуманенко. СПб.: Фолиант, 2006. С. 144–146.

⁶ Военно-медицинский музей. Персональный фонд Н.Н. Бурденко. ОФ 52707.

⁷ Там же. ОФ 24393.

⁸ Там же. ОФ 52791.

⁹ Там же. ОФ 52804.

¹⁰ Там же. ОФ 22313.

¹¹ Там же. ОФ 22315.

¹² Правда. 1945. 18 апреля.

¹³ Военно-медицинский музей. Персональный фонд Н.Н. Бурденко. ОФ 46266.

¹⁴ Медицинский работник. 1944. 10 марта.

¹⁵ Военно-медицинский музей. Персональный фонд Н.Н. Бурденко. ОФ 52762.

¹⁶ Там же. ОФ 52770.

¹⁷ Там же. ОФ 22300.

В.О. Булов (Санкт-Петербург)

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 4-Й РОТЫ УССУРИЙСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО БАТАЛЬОНА ПРИ ОБОРОНЕ ПОРТ-АРТУРА

4 -Я РОТА Уссурийского железнодорожного батальона в составе 260 человек нижних чинов отбыла в Маньчжурию с началом Русско-японской войны. Назначение в эту роту командиром, очевидно, стало для капитана Николая Алексеева в какой-то мере переломным. Ниже публикуются *«Воспоминания подполковника Алексеева о деятельности железнодорожной роты при обороне Порт-Артура»*, составившие в рукописи 9 листов. Документ датирован 1907 г., он находится в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС).

Напряженная фронтовая обстановка позволила Алексееву в полной мере проявить свойства русского характера. Итак, в начале апреля 1904 г. события развивались следующим образом.

Николай Алексеев, руководствуясь приказом 4-го Заамурского железнодорожного батальона, прикомандировал всех нижних чинов 4-го Заамурского железнодорожного батальона к 4-й роте, сформировав штаб, доложил о вышеизложенном начальнику укрепленного района и в комендатуру крепости Порт-Артур (приказ по войскам Квантунского района от 30 апреля 1904 г. № 191).

На участке дороги, от станции Кинчжоу до Порт-Артура и Дальнего, состояло 387 человек нижних чинов, из которых 94 человека были из Уссурийского, а 293 – из Заамурского батальонов.

Что происходило тогда в Быдцзыво, Пулундзян и Вафандзян? Согласно описанию Русско-японской войны, высадку японцев на восточном берегу Ляодунского полуострова южнее Быдцзы-

во 22 апреля 1904 г. первыми заметили конно-охотничья команда 13-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитана Войта и разъезд заамурцев корнета Рыбасова. Из Бидцыво на Пулондьян и Вафандян шла большая дорога, а потому для противостояния высадившемуся противнику было приказано батальону 4-го Восточно-Сахалинского (предположительно) стрелкового пехотного полка, эскадрону Приморского полка и сотне Пограничной стражи выступить к станции Пулондьян, начальником отряда состоял генерал-майор Зыков.

В ночь на 23 апреля 1904 г. разведочный кавалерийский отряд противника произвел нападение на станцию Пулондьян.

Бывшие на станции Пулондьян отступили к станции Вафандян. 22 апреля Алексеев был в Ляоян и, узнав о высадке противника, немедленно отправился в Вафандян, куда прибыл 23-го числа. Его поразила картина готовящегося отступления. Служащие его роты и сотни из Пограничной стражи были собраны в вагон и ожидали сигнала к отступлению. Из воспоминаний подполковника Николая Алексеева: «Около часу дня 24 апреля пришел поезд из Ляояна с подполковником Спиридоновым, который доложил генералу Зыкову, что он послан произвести рекогносцировку станции Пулондьян. Зыкову указывалось собрать наши разрозненно отступающие войска, чтобы не дать разбить их по частям, и заботиться о том, чтобы “вернуть их не расстроенными, а сбереженными для решительного боя”». Немедленно был подан паровоз с несколькими вагонами, и подполковник Спиридонов и инженер Вяшнековский, капитан Алексеев, поручик Эггард, несколько офицеров 4-го Заамурского железнодорожного батальона под прикрытием эскадрона Приморского полка и сотни Пограничной стражи выдвинулись к станции Пулондьян, по распоряжению наместника (генерал-адъютанта Алексеева), батальон 4-го Сибирского полка подполковника Ранцева, коему приказывалось «препятствовать небольшим десантам, а высадку значительных сил по возможности задерживать». Движение поезда было очень осторожное, два (раза) приходилось останавливать поезд, так как на путях были брошены вагонетки с имуществом станции.

Приехав в Пулондьян, вышли на станцию, не встретив противника. Станция и казармы были разгромлены, но пути до станции были в исправном состоянии. Противник разрушил малень-

кий мост у южного семафора, взорвав два телеграфных столба и обстреляв станцию.

Такие незначительные разрушения станции и отсутствие противника привели полковника Денисова, начальника кавалерийского отряда, к решению, чтобы кавалерия осталась на станции Пулондян на случай повторного нападения противника, а также произвести рекогносцировку к стороне Порт-Артура, поезд должен был вернуться в Вафандян и донести о результатах, подвезти необходимые материалы и приступить к восстановлению пути, телеграфной линии и восстановить сообщение с Порт-Артуром.

На отъезде от станции Пулондян заметили дым паровоза, идущего со стороны Порт-Артура. «Сначала мы доверчиво направились к нему, – пишет Алексеев, – но кто-то сказал: “Может быть, это Японцы?”» Все приостановились, вооружились винтовками и пошли навстречу шедшему паровозу, который остановился у разрушенного моста. Оказалось, что паровоз с одним вагоном пришел с той же целью. «В поезде оказались: инженер Губанов, Липинг, командир саперной роты подполковник Жеребцов, штабс-капитан Эсслингер и несколько частных лиц и нижних чинов Квантунской саперной роты из железнодорожных войск».

Уверенность в скором восстановлении сообщения с Порт-Артуром еще более окрепла. Оставив приехавших у разрушенного моста, условились, что они будут ждать возвращения отправляющихся в Вафандян. Инженер Губанов поехал с ними. Эскадрон Приморского полка и сотня Пограничной стражи остались в Пулондян.

Полным ходом ринулись в Вафандян, с надеждой всех успокоить и сообщить, что сообщение с Порт-Артуром вскоре будет восстановлено. Когда приблизились к станции, их поразила картина пожара.

«Вся станция Вафандян была в пламени, телеграфное сообщение испорчено, все гражданские служащие, войска, кроме одного взвода из нижних чинов железнодорожного батальона с одним офицером, подпоручика 4-го Заамурского железнодорожного батальона Фролова, отступили к станции Вафангоу, не дождавшись нашего возвращения»...

Встретивший группу подпоручик Фролов доложил, что генерал Зыков приказал следовать всем за отступившими войсками:

«Ничего подобного не ожидал я, а тем более приехавший с нами инженер Губанов. Явилось единственное предложение, что генерал Зыков получил неправильное донесение о положении дел. Следовать за отступившими войсками, оставив на юге свой ротный участок с 387 нижними чинами, я не имел права. Служебное положение инженера Губанова заставило его также ехать на юг.

Случайно оказавшаяся в поезде дрезина и три нижних чина пограничной стражи роты выручают нас.

Простившись с подполковником Спиридоновым и бывшими офицерами, инженер Губанов и я снова отправляемся на станцию Пулондян. Зарево Вафандянского пожара долго было нам видно. Странно наше отступление на дрезине! Громадный отряд отступает к северу, предавая все огню, а пять человек катят в противоположную сторону.

Положение странное!

Около 11 часов ночи мы прибыли на станцию Пулондян. Темно, никого не видно, и паровоза, пришедшего со стороны Порт-Артура, тоже нету. Пошли мы разыскивать нашу кавалерию. Около казарм мы услышали русскую речь, и наши сомнения тут же развеялись. В одной из казарм пограничной стражи на соломе, брошенной на пол, при тусклом свете свечного огарка, мы нашли группу кавалерийских офицеров.

Не узнав нас, они удивленно спросили: “Вы откуда и куда направляетесь?”, когда же мы им сказали, что пробиваемся в Порт-Артур из Вафандяна, который нашими войсками оставлен и горит, удивлению их не было границ»...

Узнав, что в Порт-Артур проехать нельзя, так как станция Саншилипу занята противником, как громом были поражены этим известием. «В голове крутился только один вопрос: “Как же нам попасть в Порт-Артур?”

Группа кавалерийских офицеров сообщили нам, что ничем нам помочь не могут, советовали нам остаться с ними и ждать дальнейших развития.

Нам оставалось пробиваться к Порт-Артур пешком, так как следовавшие с нами трое из нижних чинов Пограничной стражи присоединились к сотне.

Присели и мы на сено к группе офицеров и предались размышлению.

Все переименованные чины были вверены мне, а потому бросать их в такую трудную минуту я не находил возможным. У меня был один путь, это путь к Порт-Артуру, к вверенным мне чинам, и я твердо решил это, а поэтому и подыскал способ передвижения. Идти пешком, зная, что впереди противник, не представлялось возможным, поэтому я принял решение плыть на лодке вдоль берега до Киньчжоу, с чем согласился Губанов»... Не успели принять решение, как в комнату вошел солдат пограничной службы. Оказалось, что он и еще три человека прибыли на дрезине со станции Саншилипу, со стороны разрушенного моста стояла их дрезина. «Солдат известил нас о том, что дорога к Порт-Артуру свободна! Радости нашей, то есть моей и Губанова не было предела».

Явился поручик Сиротко, и все на дрезине покатали в Порт-Артур. Охрана на перегоне к Саншилипу была снята, подъезжая к станции, встретила охрана из чинов Пограничной стражи. В 5 часов утра 25 апреля приехали на станцию Саншилипу. Поручик Сиротко, имевший на этой станции постоянную квартиру, угостил всех чаем и дал отдохнуть. Алексеев и инженер Губанов, сменив рабочих на дрезине, отправились на юг и в 11 часов 25 апреля были на станции Тафашин, где стоял поезд, который 24 апреля подходил к станции Пулондянь. В 12 часов дня они уже должны были отправиться на этом поезде в Порт-Артур, но пришла телеграмма, что на станцию, на которой только недавно пили чай и отдыхали на квартире Сиротко, совершенно нападение, есть раненые и убитые, просят помощи.

Алексеев, подполковник Бутузов, ротмистр Яковицкий, врач Христофоров и его жена в качестве сестры милосердия и некоторое число низших чинов немедленно направились к станции Саншилипу.

«На станции царит полный разгром, и несколько человеческих жизней прекратили свое существование. Убит помощник машиниста водокачки, рядовой 4-й роты 1-го Уссурийского железнодорожного батальона Николай Чижкин, а также несколько человек пограничной стражи. Их бездыханные тела свидетельствуют о нападении противника на горсть людей, свято исполнявших свой долг.

Не доезжая станции, нас встретили отступившие со станции чины пограничной службы и несколько агентов дороги. На ва-

гонетках везли раненых, которых приняли в поезд и оказали им медицинскую помощь. Подполковник Бутузов произвел рекогносцировку, которая выяснила, что нападение на станцию было произведено двумя эскадронами противника.

Получив приказ от подполковника Бутузова быть комендантом поезда и соединиться телеграфом с Киньчжоу, я осадил поезд к ближайшей путевой казарме, приказал соединить телеграфный аппарат, унесенный со станции Саншилипу, и донести о всем случившемся в штаб генерала, который приказал занять позиции на ближайших высотах и сообщил, что высылает батальон 14 В. С. (предположительно, Восточно-Сахалинского. – *Авт.*) стрелкового полка.

Все нижние чины железнодорожной роты под моим командованием, а нижние чины пограничной службы, под командованием Сиротко, заняли ближайшие высоты у моста Шиссалитайцзы. Где находились до вечера 25 апреля, когда сменил нас батальон 14 В. С. стрелкового полка».

Водокачка, испорченная противником, была исправлена.

В Порт-Артур Алексеев прибыл 29 апреля, а 30 числа совершил еще одну поездку на станцию Пулондян. Сопоставив все события трех дней, понял, что действия противника имели разведочный характер и он действовал небольшими кавалерийскими отрядами.

К 30 апреля нижние чины железнодорожной роты были на эксплуатации и охране дороги от станции Саншилипу до Артура и Дальнего.

3 мая на высотах Шиссалитайцзы был бой, из-за обладания высотами, где шесть орудий полевой батареи подполковника Романовского геройски состязались с четырьмя батареями противника, потеряв убитыми одного офицера и четырех нижних чинов и ранеными четырех офицеров и 31 человека нижних чинов.

К 3 мая 1904 года конечным пунктом ротного участка стал временно устроенный разъезд Шиссалитайцзы. В тот же день здесь состоялся ожесточенный бой. Нижние чины и железнодорожный мастер Ульянов, по словам врача Троицкого, «лихо выносили раненых с поля битвы» и доставляли их вагонетками на станцию Циньчжоу, где наготове стоял санитарный поезд.

13 мая 1904 года до 17 часов вечера конечным пунктом была уже ст. Тафашин. Там железнодорожные нижние чины, стрелоч-

ники и сторожа находились под убийственными разрывами. Им удалось составить и увести два поезда. С одним из них капитан Алексеев убыл на разъезд Перелетный, где 60 человек заканчивали укладку пути.

После этого они 10 вагонетками и одной дрезиной перевезли сюда раненых со ст. Тафашин. Когда еще шел бой у Циньчжоу, неприятельские миноносцы успели обстрелять берег у разъезда Морской и разрушить часть линии. Она была быстро восстановлена благодаря энергичной работе начальника участка инженера Липинга и нижних чинов роты.

14 мая 1904 года военные железнодорожники были вынуждены покинуть ст. Нангалин, а к вечеру – ст. Ичензы, открыв разъезд на 19-й версте. Он оставался конечным пунктом до 6 часов вечера 15 июля. Затем все нижние чины были собраны на ст. Порт-Артур и размещены в вагонах – до конца обороны города.

С 3 мая, после сокращения ротных участков, 120 человек приняли участие в работах по укреплению позиций на горах Угловая, Высокая, Пуланшан под руководством офицеров Квантунской саперной роты. Находясь на боевой линии на 19-й версте – левый фланг сухопутной обороны, – нижние чины и дорожные мастера из вольнонаемных в течение 13, 14 и 15 июля перевозили раненых к перевязочному пункту и в нескольких местах перекопали Мандаринскую дорогу.

С 15 мая по 15 июля 1904 г. на участке железной дороги от ст. Ичензы до 19-й версты (нейтральная зона) рота разбирала верхнее строение пути, приводила в неисправное состояние мосты, а когда войска оставили 19-ю и 11-ю версты, мосты были разрушены и здесь.

После 15 июля 4-я рота выделила большую команду в распоряжение агентов дороги и 200 человек – для саперных работ у Кумирнинского редута и на Пуланшане (с 21 июля по 1 августа), а с 1 по 6 августа – в резерв 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

3 августа 1904 г. военные железнодорожники во главе с капитаном Алексеевым участвовали в отражении штурмов на горе Трехголовая. 6, 7 и 8 августа рота составляла прикрытие к батареям на Соборной и Перепелочной горах и охраняла долину реки Лунхэ. Работавшие ранее на горах Угловая, Высокая и Пу-

ланшан 120 человек к 6 августа были разбиты на артели и состояли в командах по установке фугасов и изготовлению разрывных бомбочек.

В сентябре – октябре 1904 г., по приказу генерала Кондратенко, капитан Алексеев с подчиненными и приданными роте саперами возводили минную галерею от Китайской стены к редуту № 2 и окопы перед фортом № 3. Декавильный путь, построенный военными железнодорожниками под огнем врага, дал возможность относительно бесперебойно доставлять грузы из старой части города в новую. Техники, машинисты и слесари роты занимались изготовлением снарядов в приспособленной мастерской.

По состоянию на 20 декабря 1904 г. 4-я рота 1-го Уссурийского железнодорожного батальона потеряла убитыми и ранеными 49 человек. Награждено знаком отличия военного ордена – 30, знаком отличия ордена Св. Анны – 6, серебряной медалью с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте – 9 человек. Позднее к наградам представлялись еще 52 человека.

В своем более позднем отчете подполковник Алексеев ходатайствовал о присвоении 4-й роте наименования «Порт-Артурская», но его просьба осталась без ответа.

20 декабря 1906 г. генерал-лейтенант Левашов направил в комиссию, рассматривавшую представления к награждению войсковых частей, особо отличившихся в Русско-японской войне, отзыв за № 30063, подписанный начальником Генерального штаба генерал-лейтенантом Палицыным. В нем говорилось: «По оставлении нашими войсками станции Вафандян командир роты капитан (ныне подполковник) Алексеев собрал в Порт-Артуре большинство нижних чинов своей роты, а также чинов Заамурской железнодорожной бригады, находившихся южнее станции Вафандян, и с ними вошел в состав Порт-Артурского гарнизона, где рота действовала самостоятельно, сперва обслуживая участок железной дороги, а затем, совместно с Квантунской саперной ротой, работала по укреплению позиций с 1 мая по день конца обороны; принимала участие в отражении штурмов на форты № 2 и 3, на укрепление № 3 и на Высокую гору. За время осады из своего состава, 1 обер-офицера и 387 нижних чинов, рота потеряла убитыми и умершими от ран 56 нижних чинов, оставила в госпиталях раненых и

больных 176 нижних чинов; ушли в плен 1 офицер, 155 нижних чинов. Бывший начальник обороны крепости свидетельствует о службе роты капитана Алексеева наравне со службою Квантунской саперной роты».

27 августа 1907 г. «за оказанные подвиги мужества и храбрости» 4-я рота 1-го Уссурийского железнодорожного батальона была высочайше пожалована Георгиевским серебряным сигнальным рожком с надписью «За Порт-Артур в 1904 году» и знаками на головные уборы с надписью «За Порт-Артур в 1904 году».

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 487. Оп. 1. Д. 242. Л. 101–104, 299.

Архив ВИМАИВиВС. ИДФ 22/263 (на 9 л.).

О.К. Бумай (Санкт-Петербург)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБОЙ РОССИЙСКОГО ФЛОТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В СИСТЕМЕ медицинского обеспечения сил флота наряду с организацией лечебно-эвакуационного, санитарно-гигиенического, противоэпидемического обеспечения, медицинского снабжения, подготовкой медицинских кадров особое место принадлежит управлению, т. е. целенаправленному воздействию начальников медицинских служб и органов управления на подчиненные силы и средства медицинской службы для выполнения задач медицинского обеспечения с наибольшей эффективностью и при минимальных затратах.

Для осуществления управления медицинской службой в различные исторические переходы создавалась и совершенствовалась система управления, включающая в себя органы управления, посты и пункты управления, систему связи, оповещения и т. п.

Изучение опыта становления и развития системы управления медицинской службой отечественного флота представляет несомненный интерес в свете происходящих изменений в военно-морской доктрине России, во взглядах на строительство ее ВМФ и порядок использования сил флота в мирное и военное время.

До настоящего времени история развития их структуры и функций исследовалась фрагментарно, в отрыве от развития органов управления флота. Нами на основе исследования документов, регламентирующих деятельность медицинской службы Российского флота в XIX в., были изучены структура и функции центрального органа управления медицинской службой

флота. Архивные материалы, относящиеся к этому периоду, находятся в Российском Государственном архиве ВМФ в 34, 170 и 408 фондах.

Вопрос управления медицинской службой флота неразрывно связан с организацией управления всем флотом. Эта связь возросла, когда в 1805 г. управление медицинской службой флота перешло в Морское министерство.

Поэтому организация управления медицинской службой флота исследовалась нами параллельно с изучением реорганизации, которая проходила в центральных органах управления Российского флота.

Управление медицинской службой Российской империи в XVIII в., в том числе и Российского флота, осуществлялось Медицинской коллегией. Непосредственное же руководство медицинским обеспечением флота осуществлялось Главным доктором флота. 5 декабря 1801 г. на эту должность был назначен Христиан Цуберт¹, которого 12 августа 1803 г. сменил Рожерс².

2 сентября 1802 г. император Александр I подписал манифест о коренном реформировании государственного управления империей – учреждении в России министерств. Первоначально было создано восемь министерств, в том числе и Министерство военных морских сил. 5 мая 1803 г. последовало высочайшее утверждение Департамента министра военных морских сил. Новую же структуру органов управления морским ведомством, разработанную созданным еще в 1802 г. «Комитетом для приведения флота в лучшее состояние», Александр I утвердил только 4 апреля 1805 г. Согласно ей, министру непосредственно подчинялись Адмиралтейств-коллегия, вновь образованный Адмиралтейский департамент, главные командиры портов, управляющие экспедициями и инспекторы морских полков (рис. 1).

После упразднения в 1802 г. Медицинской коллегии управление медицинской службой было передано в ведение Министерства внутренних дел.

Нами обнаружена копия указа императора Главному доктору флота Рожерсу, с указом Сенату от 31 декабря 1803 г., в котором говорится, что Департамент внутренних дел должен состоять из 3-х экспедиций. В соответствии с указом от 18 июля, «3-я должна была ведать дела по Медицинской Коллегии и приказом Об-

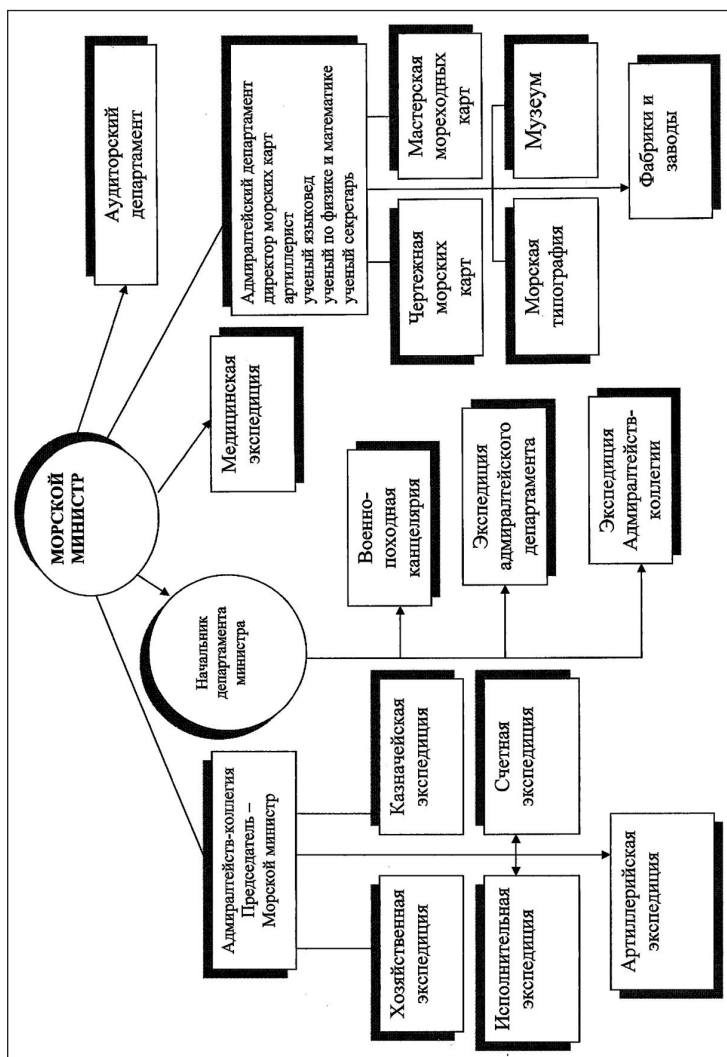

Рис. 1. Организационная структура органов управления флотом (1804)

щественного призрения. По докладу Министра Внутренних дел Повелеваем:

1-е – дела, кои досель были ведомы в медицинской коллегии, вменить в департамент внутренних дел, под именем Экспедиции Государственной медицинской управы.

2-е – для дел усовершенствования медицинской части и прочих предметов, с сим сопряженных, установить при Департаменте Внутренних Дел Медицинский Совет.

3-е – затем медицинскую Коллегию упразднить»³.

Нами обнаружен также документ, в котором Главный доктор флота Рожерс отдает соответствующее приказание морским врачам⁴. На данном приказе имеются подписи врачей, удостоверяющие их ознакомление с данным приказом.

«От Главного флота доктора Рожерса.

Приказ

находящимся в Санкт-Петербурге господам
адмиралтейским медицинским чиновникам

Указом из Государственной Медицинской Коллегии от 11 числа сего февраля дано мне знать, что Медицинская Коллегия уже упразднена и (необходимо) относиться в Департамент Внутренних дел и Экспедицию Государственной Медицинской Управы. Приказ подписан 11 февраля 1804 года».

Сосредоточение медицинского дела армии и флота в гражданском министерстве создавало много неудобств. И поэтому указом императора Александра I Сенату от 4 августа 1805 г. по докладу министра внутренних дел графа В. Кочубея «О преобразовании медицинской части армии и флота» было утверждено «Положение для Медицинского управления по Армии и Флоту». В соответствии с этим «Положением» в составе Министерства морских сил было образовано отдельное управление во главе с генерал-штаб-доктором и его помощником – генерал-штаб-лекарем. Управление было названо Медицинской экспедицией при Министерстве морских сил.

Второе отделение «Положения» регламентировало деятельность медицинской службы флота, а также ее штаты. В частности, было сказано: «Медицинская часть по флоту, Адмиралтейские Госпитали и остальные заведения, зависящие от Министра Морских Сил – представляется в ведение Министра Морских Сил. Для управления делами по сей части при Министре опре-

деляется Генерал-Штаб-Доктор. В помощь Генерал-Штаб-Доктору определяется Генерал-Штаб-Лекарь». В портах Балтийского флота для управления медицинской службой назначались инспекторы. Для управления медицинскими делами по Черноморскому флоту определялся Главный доктор. На кораблях медицинская часть предоставлялась в ведение старших лекарей. Управление госпиталями осуществлялось следующим образом: «Медицинская часть по гошпиталям предоставляется в ведение определенных для управления их от Морского Департамента Инспекторов. Медицинские дела по гошпиталям управляют на основании существующих узаконений Главным Доктором и Лекарями».

Этим Положением были и определены классы, к которым относились те или иные должности, так: «а) Генерал-Штаб-Доктор в 4-м классе, б) Генерал-Штаб-Лекарь в 5-м классе, в) Инспекторы и Главные Доктора гошпиталей в 6-м классе, d) Суб-инспекторы и Главные Лекари в гошпиталях в 7-м классе, е) Старшие 1-го класса в 8-м, f) Старшие 2-го класса в 9-м, g) Младшие 1-го класса в 11-ом, h) Младшие 2-го класса в 12-м, i) Провизоры в 13-м классе».

Были предварительно определены обязанности генерал-штаб-докторов. Они «имеют под своею дирекцией Экспедиции при Министрах для управления дел медицинских» и ведут кондукитные списки, решают кадровые вопросы. Должны были наблюдать, «чтобы все Медицинские чины в армии и флоте удовлетворены были жалованьем и получали присвоенные им выгоды». В «Положении» были изложены обязанности генерал-штаб-лекарей, инспекторов и суб-инспекторов медицинских по инспекциям и портам, старших лекарей по полкам и кораблям. Было подчеркнуто, что «старшие лекари, также как и инспекционные, состоят в совершенной зависимости военных Начальников» и «вообще не представив предварительно Военному Начальству, Медицинские чины не приступают ни к каким распоряжениям».

За врачебными управками Министерства внутренних дел ос-талось обеспечение медицинской службы флота хозяйственными припасами, организация медицинского снабжения, обучение медиков и даже присвоение им очередных чинов и награждение. Святейший синод руководил деятельностью госпитальных священников и других лиц церкви.

После утверждения доклада графом Кочубеем 13 августа 1805 г. была выслана копия «Положения» исполняющему обязанности морского министра Павлу Васильевичу Чичагову, «для сведения Вашего, так и предварительным распоряжениям, какие Вы сочтете нужными к принятию в распоряжение свое Медицинской части по флотам, гошпиталям и другим морским командам»⁵.

30 августа 1805 г. Чичагов представил императору на должность генерал-штаб-доктора Главного доктора Рожерса⁶, а 31 августа 1805 г. состоялся указ Сената «о бытии Главному Доктору Флота Рожерсу Генерал-Штаб-Доктором Министерства Морских Сил»⁷.

13 сентября 1805 г. Чичагов отдал распоряжение Рожерсу «о принятии дел из 3-й Экспедиции Министерства Внутренних Дел по флоту без их продолжения»⁸. 9 октября 1805 г. экспедиция приступила к работе, о чем Чичагов рапортом доложил Сенату⁹. Копия данного рапорта, имеющего историческое значение, приведена нами ниже:

«В Правительствующий Сенат
Товарища Министра Морских военных сил
Рапорт

На основании указа, данного правительствующему Сенату в 4-й день минувшего августа и приложенного при нем Высочайше утвержденного Его Императорским Величеством доклада о преобразовании медицинской части, учрежденная при Министерстве Морских военных сил Медицинская Экспедиция для производства письменных дел 9 числа открыта, и нужное по сему случаю распоряжение мною сделано; о чем Правительствующему Сенату имею честь сим донести.

На подлинном подписал Павел Чичагов.

№ 1. 19 октября 1805 года».

Рожерс 5 сентября 1805 г. рапортом представляет Чичагову «Штат Медицинской экспедиции при Министерстве Морских Сил и об определении в оной чиновников» (см. табл. 1).

На должность генерал-штаб-лекаря рекомендовался находящийся при Санкт-Петербургской медико-хирургической академии в должности адъюнкта профессора хирургии штаб-лекарь Карл Гассинг (рис. 2). Но первоначально Кочубей не утвердил представление Чичагова. 10 марта 1806 г. он писал Чичагову, что, хотя Гассинг характеризуется положительно, «но молодость

**Штат Медицинской экспедиции
при Министерстве морских сил¹⁰**

Должность	Количество	Оклад одному	Всего
Генерал-штаб-доктор	1	3000	3000
Генерал-штаб-лекарь	1	1500	1500
Письмоводитель	1	1000	1000
Помощник письмоводителя	2	750	1500
Писец	2	300	600
На канцелярские расходы			1000
ИТОГО	7	6550	8600

его по службе, в которой состоит он в лекарском звании только с 1800 года, а в штаб-лекарском с 1803 года, не может дать ему права занять столь почетное место в медицинском штате по флоту, положенное в 5 классе»¹¹. На повторную просьбу Чичаго-

ва Кочубей 11 апреля 1806 г. ответил согласием¹². 14 апреля 1806 г. Гассинг был утвержден исполняющим обязанности генерал-штаб-лекаря¹³, и только в 1809 г. он был утвержден в этой должности¹⁴, которую исполнял до 1810 г. По существовавшей тогда традиции ему при увольнении адмиралом Траверсе был выдан паспорт, в котором указывались его заслуги за время службы¹⁵. Содержание паспорта приводим ниже.

**Рис. 2. Александр
Иванович Гассинг**

«Обладатель сего Флота Генерал-Штаб-Доктор Действительный Статский Советник Иван Рожерс в службу вступил в Балтийский корабельный флот хирургом в 1770 году 4 августа,

был в компании при созжении Чесмы того ж года; при посольстве в Константинополь медиком в 1775 году. Лейб-гвардии в Измайловский полк хирургом, 1776 год; удостоен Медицинской Коллегией Доктором в 1799 году; в Балтийский флот Главным Доктором – 1803 год, членом Медицинского Совета – 1804 год; по Высочайшему повелению Флота Генерал-Штаб-

Доктором 1805 августа 31. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. – 1807 год, орденом Владимира 3 ст. – 1809 года 24 июня, а сего года июля 13 дня Его Императорским Величеством по прошению уволен от службы с чином Действительного Статского Советника и полным пенсионом во удостоверение чего и дан ему, Рожерсу, сей паспорт за подписанием моим и приложением герба моего печати.

Санкт-Петербург, 30 июля 1810 г.

Адмирал маркиз Иван де Траверсе».

На должность генерал-штаб-доктора флота был назначен лейб-медик статский советник Яков Иванович Лейтон (рис. 3): «Господину флота Генерал-Штаб-Доктору Лейтону. Его Императорское Величество всемилостивейше соизволил утвердить Вас Генерал-Штаб-Доктором по флоту с штатным жалованьем и от Морского Кадетского корпуса по тысяче рублей в год; вследствие сего благоволили Ваше Превосходительство принять в управление Медицинскую Экспедицию высочайше вверенного мне департамента. Траверсе /подпись/. № 877. июля 27 дня 1810 года¹⁶».

С воцарением Николая I его рескриптом от 31 декабря 1825 г. был создан Комитет образования флота, которому поручалось подготовить предложения по реорганизации морского ведомства.

24 августа 1827 г. последовала новая, более глубокая, реформа. Было введено в действие «Предварительное образование Морского министерства». В соответствии с ним в состав министерства вошли: канцелярия министра и Адмиралтейств-совет, управления генерал-гидрографа, дежурного генерала, генерал-интенданта и генерал-штаб-доктора, а также Морской ученый комитет. Управление генерал-штаб-доктора флота было образовано вместо Медицинской экспедиции (рис. 4).

Вопросы управления медицинской службой флота были изложены в седьмой главе «Предварительного образования Мор-

Рис. 3. Яков Иванович Лейтон

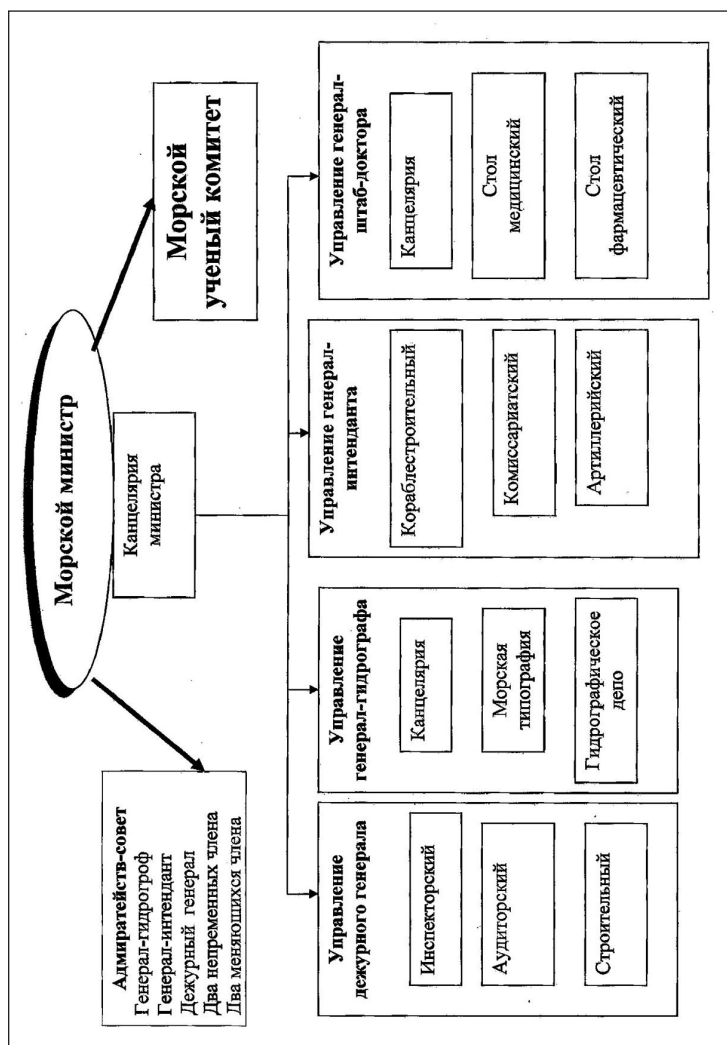

Рис. 4. Организационная структура органов управления флотом (1827)

ского министерства». В частности, в нем (ст. 185) отмечалось: «Для управления флотского Медицинскою Частью, под непосредственным ведением Морского Министра, или исправляющего его должность, назначался Флота Генерал-Штаб-Доктор. Для облегчения Генерал-Штаб-Доктора в занятиях по сей обязанности, назначается ему Помощник из старших и известных Медицинских чинов, с Высочайшего утверждения». Начальником управления был назначен генерал-штаб-доктор Я.И. Лейтон.

Главная обязанность генерал-штаб-доктора и его помощника, судя по указанной главе, состояла в «охранении здоровья военнослужащих в разных климатах и положениях; успешное и надежное пользование больных; внимательное изыскание причин, производящих болезни; предупреждение, равно пресечение оных...» Кроме того, на генерал-штаб-доктора возлагалось решение кадровых вопросов, контроль за работой медицинских учреждений и представление в конце года министру отчета о болезнях и смертности. Сохранялось также право за генерал-штаб-доктором быть неперменным членом Медицинского совета при Министерстве внутренних дел.

Для руководства медицинской частью и для производства письменных дел вместо Медицинской экспедиции при генерал-штаб-докторе была учреждена канцелярия. Она разделялась на два стола.

К первому столу относились следующие медицинские дела:

- принятие на службу, распределение, переводы, назначение в кампании и дальние плавания, награждение и увольнение медицинских чиновников;
- обучение и распределение фельдшеров и костоправов;
- списки медицинских чиновников и фельдшеров, равно кондуктские и послужные списки;
- сведения о числе больных в командах и госпиталях;
- контроль за лечением в госпиталях, сведения об инфекционных заболеваниях;
- годовые отчеты о больных по госпиталям и лазаретам; таковые же о скоропостижно умерших, операциях и пр.

Ко второму столу относились фармацевтические дела:

- принятие на службу, распределение, переводы, увольнение и награждение аптекарских чиновников и аптекарских учеников;
- контроль за приемом и отпуском лекарств;

- кондуитные и послужные списки;
- снабжение хирургическими инструментами госпиталей морского ведомства и судов при отправлении в море и др.

Управление генерал-штаб-доктора флота имело в своем составе 13 человек: это помощник начальника управления, правитель канцелярии, два столоначальника и их два помощника, журналист (он же казначей и экзекутор) и шесть писарей.

Помощник генерал-штаб-доктора должен был иметь ученое звание доктора медицины и хирургии. Избирался из служащих, которые должны были основательно разбираться в медицинском управлении и хорошо знать два языка: российский и латинский. Помощником генерал-штаб-доктора флота Указом Правительствующему Сенату от 30 августа 1827 г. был назначен генерал-штаб-лекарь Гассинг¹⁷. С определением помощника звание генерал-штаб-лекаря было ликвидировано.

Столоначальники назначались один из медицинских, а другой из аптекарских чиновников.

Канцелярия генерал-штаб-доктора флота находилась в собственном доме Якова Ивановича Лейтона, где было выделено 11 покоев под канцелярию. В дальнейшем для нее устраивались помещения в Главном Адмиралтействе¹⁸. В связи со слабым здоровьем Лейтона, в 1829 г. исполняющим должность генерал-штаб-доктора флота был назначен Гассинг, в 1831 г. он произведен в действительные статские советники и в 1833 г. утвержден в занимаемой должности. За свою службу Александр Иванович Гассинг награжден был орденами Св. Станислава 1-й ст., Владимира 3-й ст. и Анны 2-й ст. Умер он 7 октября 1844 г. и погребен на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге¹⁹ (рис. 5).

24 марта 1828 г. именным указом был введен иной порядок управления морским ведомством. Появился новый орган управления, названный Морским штабом Его императорского величества. 27 февраля 1831 г. он был переименован в Главный морской штаб (ГМШ). В его состав вошли канцелярия начальника штаба, Управление генерал-гидрографа, Управление дежурного генерала, Ученый комитет, а с 1831 г. – и Строительный департамент. В ведении Морского министерства остались канцелярия морского министра, Адмиралтейств-совет, Управление генерал-интенданта, *Управление генерал-штаб-доктора*.

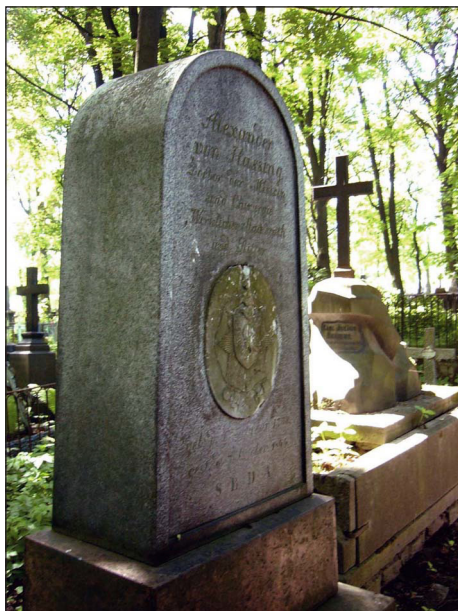

**Рис. 5. Надгробье на могиле
А.И. Гассинга на Смоленском
лютеранском кладбище
(Санкт-Петербург). Фото автора**

Таким образом, Морское министерство по сути стало хозяйственным органом. Министр распоряжался отпускаемыми на нужды флота средствами, заседал в Кабинете министров, Государственном совете и Сенате, но в отношении начальника Главного морского штаба властью не пользовался. Более того, через него он подавал доклады на имя императора и через него же получал высочайшие повеления. Здесь нужно сказать, что право личного доклада императору имели и старшие флагманы. Однако 8 апреля 1836 г. ГМШ и Морское министер-

ство были соединены в единый орган – Морское министерство во главе с начальником ГМШ, который получил права министра.

По положению 1836 г. в непосредственном подчинении ГМШ находились вновь учрежденная Военно-походная Его величества канцелярия по морской части (для обслуживания нужд морского ведомства во время путешествий императора), Гидрографическое управление, Инспекторский департамент, Управление генерал-штаб-доктора, Ученый комитет, Строительный комитет по морской части, Комитет образования флота (существовал до 1848 г.). Вместо канцелярий министра, начальника Главного морского штаба и Адмиралтейств-совета была создана канцелярия Морского министерства, ведавшая делами распорядительного характера (рис. 6).

2 декабря 1837 г. по указу Сената Управление было переименовано в Главное медицинское управление Морского минис-

терства²⁰. Штат Главного медицинского управления Морского министерства был утвержден 2 декабря 1837 г. и вступал в силу с 1 января 1838 г.

Генерал-штаб-доктор флота и его помощник избирались из старших медицинских чиновников морского ведомства и назначались высочайшими указами Правительствующему сенату; другие чиновники назначались начальником Главного морского штаба. Правитель канцелярии избирался также из медицинских чиновников; столоначальниками же могли быть или медицинские, или гражданские чиновники.

По перечню должностных лиц, входящих в Главное медицинское управление Морского министерства, оно практически не отличалось от упомянутого выше Управления генерал-штаб-доктора флота (на одного человека больше – экзекутор и казначей).

После смерти в октябре 1844 г. А.И. Гассинга указом Сената от 8 ноября 1844 г., № 43311, генерал-штаб-доктором флота был назначен старший доктор гвардейской пехоты действительный статский советник Карл Иванович Менде²¹. 14 ноября 1844 г. К.И. Менде рапортом доложил начальнику Главного морского штаба о вступлении в должность²².

Из формулярного списка Менде от 3 декабря 1844 г. следует, что он происходил из российских дворян, был 50 лет от роду, католического вероисповедания, холост. 9 марта 1812 г. после окончания Медико-хирургической академии определен лекарем²³. В соответствии с кондуитным списком, служил 9 кампаний. «Очень усерден по службе, хорошие способности ума. Имеет знание – в истории, географии, чистой математике и во всех медицинских науках. Владеет французским, немецким и латинским языками. Хорошей нравственности»²⁴.

Одним из основных вопросов, которые решал К.И. Менде, было укомплектование личным составом медицинской службы. По сведениям о штатном и наличном количестве медицинских чинов и фармацевтов, на 2 мая 1851 г. в медицинском ведомстве Морского министерства числилось 374 человека, а налицо было 236 человек. Данные о штатном и наличном составе органов управления медицинской службой флота представлены в табл. 2.

В соответствии с указанием генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, ему были предоставлены ведомости делам за все время царствования Николая I, которые заключали

Рис. 6. Организационная структура органов управления флотом (1836)

проекты или предложения преобразований или предложений и медицинского ведомства Морского министерства. Обращает нас себя внимание настойчивость Константина Николаевича, с которой он требовал исполнения своего указания. Первое указа-

**Численность личного состава медицинской службы
в органах управления (на 2 мая 1851 г.)²⁵**

Орган управления	Штатное число	Наличное число
В Главном медицинском управлении	9	7
При медицинских инспекциях в портах	16	13
При департаментах и управлениях Морского министерства	7	6

ние им было отдано 2 марта 1853 г.²⁶, свое требование он повторил 23 июля 1853 г.²⁷

12 августа того же года ведомость была предоставлена генерал-штаб-доктором флота К.И. Менде²⁸. Дела были представлены отдельно по первому и второму столу в хронологическом порядке.

В ответ на отношение товарища начальника ГМШ от 26 февраля 1853 г. с просьбой прислать свои соображения по улучшению медицинской части²⁹ К.И. Менде подал докладную записку³⁰. В ней были рассмотрены три вопроса:

«1. По предмету пополнения недостатка медиков в Морском ведомстве вообще.

2. По предмету устройства госпиталей в Санкт-Петербурге и на даче, принадлежащей Кронштадтскому госпиталю.

3. По предмету усовершенствования врачей в оперативной хирургии».

В данной записке было указано, что на 30 марта 1853 г. по штатам полагалось 334 врача, состояло – 214³¹.

Дальнейшее развитие системы базирования флота требовало изменений в управлении медицинской службой в портах. По положению «О управлении медицинской частью по армии и флоту 1805 года» назначался инспектор порта и его должность была соединена с званием главного доктора морского госпиталя. В военном ведомстве в развитие положения 1805 г. циркуляром Медицинского департамента Военного министерства от 7 августа 1816 г. были введены должности корпусных докторов и установлены их обязанности³².

Исследование истории становления и развития системы управления медицинской службой флота в начале XIX в. позво-

ляет сделать следующий вывод: решение о создании самостоятельного органа управления медицинской службой было принято 4 августа 1805 г. Такой орган был создан и приступил к работе 9 октября 1805 г.

Полученные при исследовании результаты могут быть использованы при разработке организационно-штатной структуры органов управления медицинской службой флота при реформировании медицинской службы флота.

¹ Дагаев Л.И. Цуберт // Русский биографический словарь. «Фабер-Цявловский». СПб., 1901. С. 509–510.

² Российский Государственный архив ВМФ (РГА ВМФ). Ф. 130. Оп. 1. Д. 489. Л. 4.

³ Там же. Д. 44. Л. 9–10.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Д. 59. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 85–85а.

⁷ Там же. Л. 87.

⁸ Там же. Л. 89.

⁹ Там же. Л. 117.

¹⁰ Там же. Л. 93–94а.

¹¹ Там же. Л. 96.

¹² Там же. Л. 99.

¹³ Там же. Л. 101.

¹⁴ Гассинг // Русский биографический словарь. «Гааг-Гербель». М., 1914. С. 261.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 489. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 81.

¹⁹ Гассинг // Там же. С. 261.

²⁰ Собрание законов и постановлений по части морского управления, относящихся за 1837 г. СПб., 1838. Кн. 3. Л. 267.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 617. Л. 1.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же. Л. 25–32.

²⁴ Там же. Л. 33–34.

²⁵ Там же. Д. 758. Л. 1–111.

²⁶ Там же. Д. 757. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 4–14.

²⁹ Там же. Д. 818. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 2а.

³² Там же. Д. 59. Л. 5–6.

О.К. Бумай (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБОЙ РОССИЙСКОГО ФЛОТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. было продолжено реформирование органов управления медицинской службой Российского флота, которое было связано с изменениями в системе управления флотом в целом.

В 1854 г. приказом управляющего Морским министерством от 30 мая, № 1220 Главное медицинское управление было вновь переименовано в Медицинский департамент Морского министерства. В качестве помощников директора департамента назначались два генерал-штаб-доктора: один для Балтийского и другой – для Черноморского флота¹. Фактически только в 1854 г. была введена должность начальника медицинской службы этих флотов.

Реформы 60–70 гг. XIX столетия, проводимые после неудачной Крымской войны 1853–1856 гг., затронули все основные стороны жизни страны, в том числе и военную сферу. Для флота это обуславливалось еще и тем, что повсеместно осуществлялся переход от парусных судов к паровым. Соответственно менялись техническая база кораблестроения, тактика использования морских сил, требования к подготовке кадров. Эти преобразования не могли не затронуть и систему управления флотом.

Реформы в морском ведомстве были связаны с именем генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича. В 1855 г. он стал главным начальником флота. Его помощником, решавшим основную часть текущих дел, был управляющий Морским министерством.

Более глубокое реформирование структуры морского ведомства началось 27 января 1860 г., когда был высочайше утвержден проект общего образования морского ведомства². В состав министерства вошли Инспекторский, Кораблестроительный, Комиссариатский и Гидрографический департаменты, Кораблестроительный технический и Морской ученый комитеты, Адмиралтейское, Строительное и Медицинское управления (вместо существовавших прежде соответствующих департаментов, с ликвидацией общих присутствий), казначейство, а также архив и типография министерства. Инспекторский департамент подчинялся непосредственно генерал-адмиралу, остальные органы – управляющему Морским министерством. В соответствии с этим 27 февраля 1860 г. Медицинский департамент был преобразован в Медицинское управление³ (рис. 1).

Данные преобразования в Морском ведомстве проводились с целью сократить его административные учреждения и упростить в них порядок делопроизводства. Изменения вводились постепенно, в виде опыта, на 5 лет. Вопросы морского медицинского управления излагались в 14-й главе «Общего образования управления Морским ведомством».

Морское медицинское управление вверялось генерал-штаб-доктору флота. Он являлся начальником всех медицинских, ветеринарных и фармацевтических чинов морского ведомства и в медицинском отношении был начальником всех морских госпиталей. На его помощника возлагалось заведывание медицинской инспекцией Петербургского порта.

Основные обязанности генерал-штаб-доктора состояли в следующем:

- «в наблюдении за сбережением здоровья чинов морского ведомства в разных климатах и положениях;

- в изыскании причин, производящих болезни, и указании средств к предупреждению и пресечению оных;

- в наблюдении за правильным содержанием и использованием больных в госпиталях и лазаретах и за своевременным снабжением этих заведений всякого рода потребностям надлежащего качества;

- в наблюдении за медицинскими чинами, дабы каждый исполнял в точности возложенные на него обязанности;

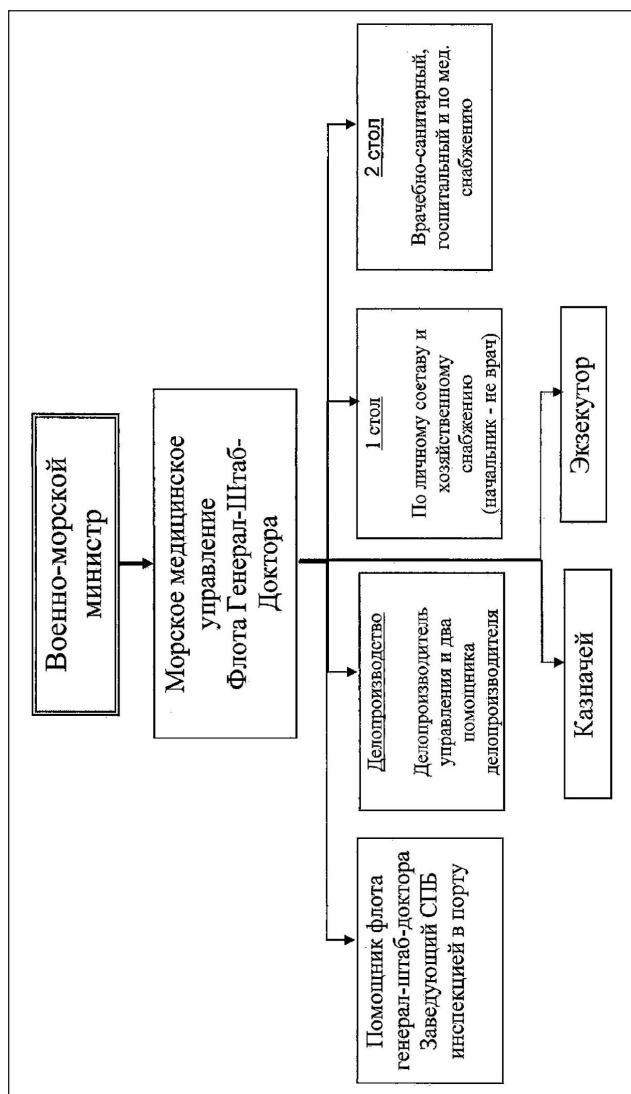

Рис. 1. Структура Медицинского управления генерал-штаб-доктора флота (1860)

Рис. 2. Карл Оттонович Розенбергер

в определении и увольнении медицинских чинов, равно в назначении и представлении к наградам, сообразно способностям, достоинствам и истинным заслугам каждого».

Генерал-штаб-доктор флота имел право осматривать в любое время в медицинском отношении все суда, морские госпитали и лазареты, казармы и вообще места размещения морских чинов. На эту должность был назначен Карл Оттонович Розенбергер (рис. 2).

В решении кадровых вопросов в отношении медицинских чинов морского ведомства, не принадлежащих к составу центрального Медицинского управления, генерал-штаб-доктор флота представлял свои предложения управляющему Морским министерством, а после его одобрения сообщал Инспекторскому департаменту для соответственного распоряжения.

Особенностью управления медицинской частью было то, что при генерал-адмирале состоял непосредственно ему подчиненный Главный инспектор медицинской части морского ведомства, который имел право во всякое время осматривать суда, казармы, госпитали, лазареты. На данную должность был назначен И.С. Гауровиц. Свои замечания он докладывал генерал-адмиралу или управляющему Морским министерством. Состав Медицинского управления представлен в табл. 1.

Вопросы управления медицинской частью в портах излагались в 7 главе «Общего образования управления портами». Начальник медицинской части в порту, или медицинский инспектор (он же главный доктор госпиталя), подчинен вообще Главному командиру порта, а собственно в медицинском отношении генерал-штаб-доктору флота. Медицинскому инспектору под-

**Список чинов Медицинского управления
Морского министерства с указанием денежного содержания
(на 1 марта 1860 г.)⁴**

Медицинского управления	Содержание одному (в рублях)			
	Жалованье	Столовые	Квартирные	Итого
Флота генерал-штаб-доктор действительный статский советник Розенбергер	2000	3000	2000	7000
Главный инспектор медицинской части тайный советник лейб-медик Гауровиц	1600	2000	1400	5000
Помощник генерал-штаб-доктора, заведующий Петербургской инспекцией действительный статский советник Рамбах	1200	1000	800	3000
Делопроизводитель статский советник Мобиц	1000	1000	800	2800
Помощник делопроизводителя из медиков надворный советник Вакуловский	600	500	400	1500
Помощник делопроизводителя из гражданских чиновников коллежский ассессор Акатов	600	500	400	1500
Состоящие по Морскому министерству				
Тайный советник Менде Разъездных За бородинскую битву Добавочного жалованья ИТОГО	1715-52	1716	714-75	4146-27 286 114-80 285-71 4832-28*

* Так в документе.

чинены все медицинские, ветеринарные и фармацевтические чины, находящиеся в порту. Собственно по делам медицинской инспекции ему назначается помощник из медиков. Главная обязанность медицинского инспектора состояла:

«в попечении о сохранении здоровья морских чинов и семейств их, живущих в порту;

в изыскании средств к уменьшению болезненности как в порту, так и на судах;

в исследовании причин случающегося умножения больных, причем он предлагает необходимые меры;

в заботе об успешном пользовании больных в госпиталях и лазаретах на берегу и на судах».

В канцелярии медицинского инспектора велся учет по:

1) личному составу подведомственных ему чинов;
2) собранию сведений о больных и умерших;
3) снабжению госпиталей, команд и судов медикаментами и прочими врачебными припасами, а также хирургическими инструментами;

4) медицинским свидетельствам о болезнях лиц, просящих об увольнении от службы с пенсией или в отпуск для излечения болезней, равно по рассмотрению статейных списков о неспособных нижних чинах;

5) судебно-медицинским исследованиям.

Аппарат медицинской части порта, как правило, состоял из начальника медицинской части, его помощника и делопроизводителя, в некоторых портах из двух человек – начальника и делопроизводителя (Кронштадтский и Николаевский порты). В табл. 2 представлен список руководящего медицинского состава по портам.

Последующие преобразования управления морским ведомством имели целью сократить управленческий аппарат и передать часть функций центральных инстанций главным командам портов. Так, на основании именного указа, объявленного в приказе управляющего Морским министерством от 23 декабря 1866 г., упразднялись Кораблестроительный и Комиссариатский департаменты, Строительное и Артиллерийское управления, а их функции передавались управлениям портов. Одновременно Кораблестроительный технический и Морской ученый комитеты были слиты в Морской технический комитет⁵.

Табл. 2

**Список чинов портовых медицинских инспекций
с указанием денежного содержания⁶**

	Содержание одному (в рублях)			
	Жалованье	Столовые	Квартирные	Итого
Кронштадтский порт				
Начальник медицинской части действительный статский советник Ланг	По званию Главного доктора			
Помощник Главного доктора по медицинской инспекции статский советник Бауер	800	600	400	1800
Делопроизводитель Таиров	400	350	250	1000
Николаевский порт				
Начальник медицинской части (он же главный доктор Николаевского морского госпиталя) статский советник Голубкин	По званию Главного доктора			
Помощник главного доктора по медицинской части статский советник Таубе	800	400	300	1500
Делопроизводитель коллежский секретарь Петров	400	300	200	900
Астраханский порт				
Начальник медицинской части, лекарь статский советник Панченко	1000	600	400	2000
Делопроизводитель коллежский регистратор Григорьев	300	300	200	800
Архангельский порт				
Начальник медицинской части доктору медицины коллежский советник Гиргенсон	1000	450	350	1800

Окончательно такая система управления была закреплена в высочайше утвержденном 18 июня 1867 г. Положении об управлении морским ведомством⁷. Согласно ему генерал-адмирал по-прежнему являлся главным начальником флота и морского ведомства, а также председателем Адмиралтейств-совета. Управляющий же Морским министерством, получая общие указания от генерал-адмирала, руководил ведомством уже на правах министра, что повышало его статус и самостоятельность. Это было связано с тем, что Великий князь Константин Николаевич совмещал ряд ответственных государственных постов.

Теперь Морское министерство включало: Морской технический комитет, разделенный на кораблестроительное, артиллерийское, строительное и ученое отделения, Инспекторский и Гидрографический департаменты, канцелярию, Управление генерал-штаб-доктора флота и Экспедицию по ревизии материальной отчетности морского ведомства (учреждена в 1862 г. и существовала до 1875 г.), а также архив и типографию.

Окончательно изменения в управлении медицинской службой были закреплены 16 июня 1867 г., когда Медицинское управление было реорганизовано в Управление генерал-штаб-доктора флота⁸. Генерал-штаб-доктором в эти годы был Б.И. Буш (1866–1881).

Согласно Положению об управлении морским ведомством, «Флота Генерал-Штаб-Доктор обязан пеших о здоровье чинов морского ведомства, как на берегу, так и во время плавания. Ему подчинены, собственно по врачебной части, все медицинские и фармацевтические чины Морского ведомства, а также все морские госпитали и лазареты», а начальник медицинской части порта «имеет обязанность пеших о здоровье морских чинов и их семейств». Ему подчинены во врачебном отношении все медицинские и фармацевтические чины морского ведомства, находящиеся в порту. Он подчинялся, «в общем порядке управления, Главному Командиру порта, а собственно во врачебном отношении Флота Генерал-Штаб-Доктору».

При проведении реорганизации была упразднена должность помощника генерал-штаб-доктора, заведующего петербургской инспекцией, который был переименован в начальника вновь образуемой медицинской части Санкт-Петербургского порта. Упразднились должность одного помощника-де-

лопроизводителя из гражданских чиновников и шести фельд-шеров.

3 июня 1885 г. было высочайше утверждено Положение о управлении морским ведомством, в соответствии с которым в состав Морского министерства входило Управление Главного медицинского инспектора флота (ранее это Управление генерал-штаб-доктора флота)⁹.

Главным медицинским инспектором с 1881 по 1908 гг. был доктор медицины, лейб-хирург действительный тайный советник В.С. Кудрин (рис. 3).

Во втором разделе «Положения» учреждения Морского министерства, в главе одиннадцатой были изложены вопросы управления Главного медицинского инспектора флота. Главный медицинский инспектор флота был обязан: 1) следить «за тем, чтобы помещение, продовольствие, одежда и занятия морских чинов соответствовали требованиям гигиены»; 2) наблюдать «за сбережением здоровья означенных чинов, а равно за правильным содержанием их в госпиталях и лазарета»; 3) сдавать заключения по судебно-медицинским вопросам; 4) иметь «высший надзор за медицинской частью Морского ведомства».

Главному медицинскому инспектору флота были подчинены по специальности все медицинские чины и врачебные учреждения морского ведомства. Не менее одного раза в год он должен был осматривать, в санитарном и медицинском отношении, как врачебные учреждения морского ведомства, так и казармы, су-

Рис. 3. Владимир Сергеевич Кудрин

да и места размещения, обучения и занятий чинов флота. В отдаленных портах он поручал это главным докторам морских госпиталей в портах.

Главному медицинскому инспектору предоставлялось право для обсуждения гигиенической стороны вопросов по продовольствию, обмундированию, размещению морских чинов, а также вопросов судебно-медицинских и фармацевтических приглашать специалистов – как из служащих в морском ведомстве, так и из других ведомств. Ему также можно было выписывать из-за границы, с разрешения управляющего морским министерством, ученые медицинские книги и пособия, «без рассмотрения цензурою и уплаты таможенных пошлин».

К обязанностям Управления Главного медицинского инспектора, кроме ведения делопроизводства и переписки, относились: 1) ведение списков всем медицинским и фармацевтическим чинам морского ведомства, с подробными сведениями о их медицинской деятельности; 2) сбор медико-статистических сведений о состоянии здоровья в портах и на флоте; 3) установление форм и правил для ведения и составления санитарной отчетности.

В разделе «Учреждение портового управления» были изложены вопросы разделения портов по разрядам. Они разделялись на главные и порты второго разряда. К первым принадлежали: Кронштадт, С.-Петербург, Николаев и Владивосток, ко вторым: Ревель, Свеаборг, Севастополь, Батум, Баку и Николаевск-на-Амуре.

У Главного командира порта имелись помощники, в том числе «по заведыванию медицинской частью порта – главный доктор морского госпиталя (он же медицинский инспектор порта)». Обязанности медицинского инспектора порта были определены в Уставе морских военных госпиталей.

При докладе начальника штаба Главному командиру о назначениях, перемещениях, наградах и увольнениях медицинских чинов должен был присутствовать главный доктор госпиталя, «по принадлежащему ему званию медицинского инспектора порта». В С.-Петербургском порте звание командира порта соединялось со званием попечителя Калинковского морского госпиталя.

В состав Управления Главного медицинского инспектора флота входили: Главный медицинский инспектор флота, делопроиз-

водители – старший, младший – и младшие чиновники. Выписка из штата Морского министерства представлена в табл. 3.

В развитие «Положения об управлении Морским ведомством» был разработан «Наказ по управлению морским ведомством», который был утвержден 29 декабря 1885 г., введен приказом по морскому ведомству в 1887 г.

В первом разделе «Наказа» глава первая «Обязанности чинов и учреждений Морского министерства» содержала отделение шестое – «Управление Главного Медицинского Инспектора флота». В соответствии со статьей 207 Главный медицинский инспектор флота обязан был заботиться о:

правильном и сообразном с современными требованиями врачебной науки пользовании и призрении больных во врачебных учреждениях морского ведомства;

своевременном снабжении этих учреждений медикаментами и припасами и всеми вообще необходимыми врачебными пособиями;

неуклонном исполнении своих обязанностей медицинскими, фармацевтическими и прочими чинами медицинской части морского ведомства.

В обязанности Главного медицинского инспектора флота входил выбор медиков и фармацевтов для определения на службу, также для замещения должностей главных докторов госпиталей, их помощников, консультантов, окулистов, флагманских докторов. Он должен был инспектировать госпитали, судовые лазареты и все прочие врачебные учреждения морского ведомства. В случае войны обязан был заботиться: 1) о необходимом усилении комплекта врачей и фельдшеров в госпиталях, командах и на судах; 2) об устройстве временных лазаретов и госпитальных судов и 3) о соответственном потребностям снабжении временных учреждений медикаментами и прочими врачебными пособиями и припасами, а также подробными указаниями об удобнейшем размещении больных.

Главный медицинский инспектор флота для усовершенствования медицинской части морского ведомства должен был заботиться о разработке специальностей, необходимых для морского врача, о командировании медиков в университеты или за границу и об издании практических и ученых трудов морских врачей.

Табл. 3

**Управление Главного медицинского инспектора флота
(Выписка из штата Морского министерства)**

Название должностей	Число чинов	Содержание в год (в рублях)				Классы и разряды	
		Жалование	Столовые	Квартирные	Одному	Всего	По должности По пенсии
Главный медицинский инспектор флота	1	2000	3200	1000	7000*	7000*	IV По положению о медиках
Делопронзводители							
Старший	1	1000	1300	500	2800	2800	VI "-
Младший	1	800	700	300	1800	1800	VII "-
Младшие чиновники	2					1700	IX VI
На наем писцов						1800	
На разработку медико-статистических сведений						300	
На канц. материалы и др. расходы						1100	
Итого	5					16 500	

* Так в документе.

На рассмотрение Главного медицинского инспектора флота представлялись судебно-медицинские акты, составленные в морских врачебных учреждениях.

О глубине разработки вопросов управления в этих документах может свидетельствовать тот факт, что ими руководствовались в течение 25 лет.

Главным медицинским инспектором флота с 1908 по 1917 г. был тайный советник, доктор медицины, лейб-хирург А.Ю. Зуев.

Наконец, последнее до революции 1917 гг. Временное положение об управлении морским ведомством было высочайше утверждено 11 октября 1911 г.¹⁰ К составу министерства были отнесены: Адмиралтейств-совет, Главный военно-морской суд и Главное военно-морское судное управление, Морской генеральный штаб, Главный морской штаб, Морской ученый комитет, Главное управление кораблестроения, Главное морское хозяйственное управление, Управление санитарной частью флота, канцелярия Морского министерства и его архив. Управление санитарной частью флота подчинялось первому помощнику министра (рис. 4). Согласно «Временному положению», Управление Главного медицинского инспектора флота было переименовано в «Управление санитарной частью флота». Штат Управления остался без изменений.

В Управлении санитарной частью флота были сосредоточены все дела, касающиеся сохранения здоровья служащих во флоте. Начальником управления состоял Главный санитарный инспектор флота. На управление санитарной частью флота возлагались:

разработка вопросов по организации медицинской части в морском ведомстве как в мирное, так и в военное время;

забота об устройстве врачебных заведений в мирное и военное время и комплектование их необходимым личным составом;

ведение списков медицинских и фармацевтических чинов морского ведомства, со сведениями об их медицинской деятельности;

сбор медико-статистических сведений о состоянии здоровья личного состава на судах флота и в портах, установление форм и правил санитарной отчетности и составление санитарного отчета по флоту;

общее руководство разработкой вопросов, касающихся мобилизационной готовности медицинской части, и составление

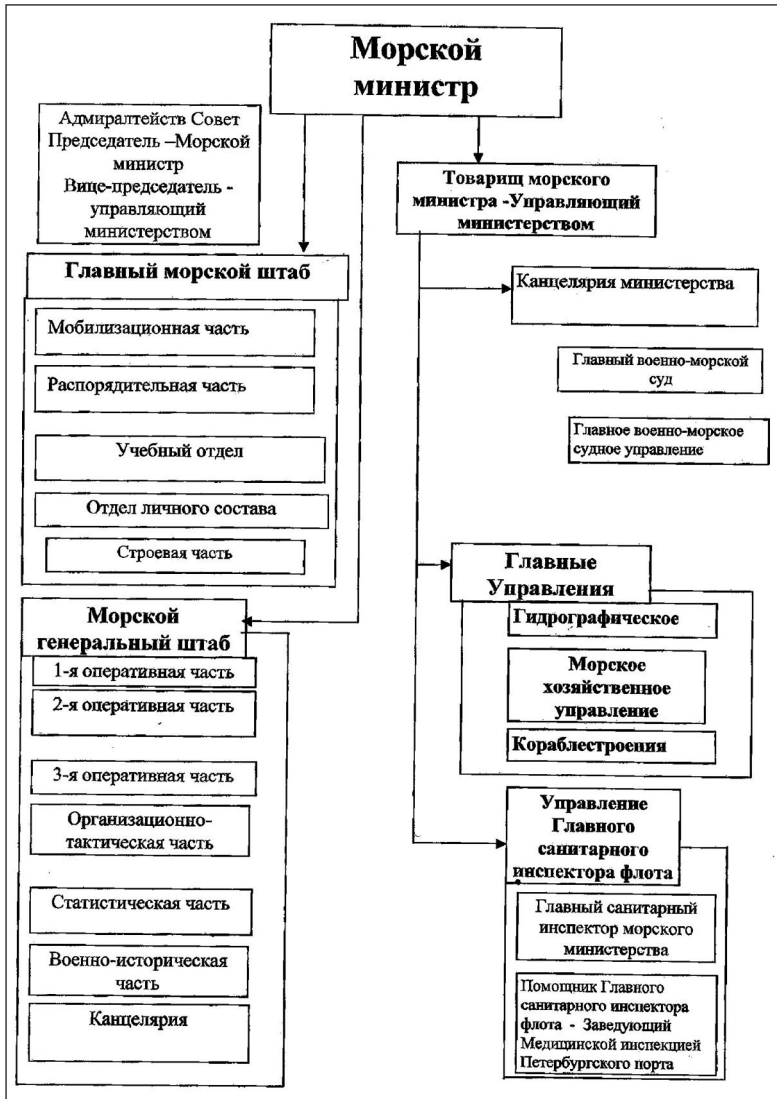

Рис. 4. Организационная структура управления флотом (1911)

планов формирования неприкосновенных запасов по медицинской части;

составление проектов финансовых смет по подразделениям, касающихся медицинской и санитарной частей;

руководство снабжением судов и врачебных заведений морского ведомства медикаментами, медицинскими инструментами и припасами и всеми необходимыми врачебными пособиями;

проверка в техническом отношении отчетности по истребованным медикаментам и комиссариатским припасам, входящим в состав медикаментов;

проектирование образцов врачебных, госпитальных и лазаретных предметов.

Главный санитарный инспектор флота подчинялся непосредственно морскому министру. Он решал кадровые вопросы по избранию медиков и фармацевтов для определения на службу, а также для замещения «должностей главных докторов госпиталей, их помощников, флагманских докторов и всех вообще медицинских и фармацевтических должностей в морском ведомстве, состоящих по чинопроизводству не ниже 7 класса, и утверждал представляемых на прочие медицинские и фармацевтические должности».

Главный санитарный инспектор флота составлял задания для санитарных маневров на флоте. Для обсуждения, в отношении гигиенического и санитарного, вопросов по продовольствию, обмундированию, размещению и служебным занятиям морских чинов, а также вопросов судебно-медицинских и фармацевтических. Главному санитарному инспектору флота было дано право приглашать специалистов как из служащих в морском ведомстве, так и посторонних.

В дополнение к общим обязанностям на Управление медицинской частью флота возлагалось руководство разработкой планов мобилизационной готовности медицинских частей и создание неприкосновенных запасов, а также разработка проектов финансовых смет подразделений.

В этот период (1912) был разработан проект Устава санитарной службы во флоте¹¹. В первой главе были изложены задачи санитарной службы во флоте:

охранение здоровья личного состава для обеспечения боевой готовности корабля; осуществлении санитарных мероприятий; помощь пострадавшим в бою; лечение заболевших.

Достижение и сохранение санитарного благополучия корабля лежало в обязанностях начальствующего и всего состава корабля.

Во второй главе были изложены функциональные обязанности должностных лиц санитарной службы, в третьей – гигиенические мероприятия на корабле, в четвертой – организация помощи пострадавшим во время боя, в пятой – организация врачебной службы.

По табели комплектования 1912 г. для судовых потребностей было положено 158 врачей, некомплект составлял 25 врачей¹². К 1 июля 1912 г. находилось в плавании 139 врачей.

На Балтийском флоте по табели 1912 г. было положено иметь: врачей – 54, старших фельдшеров – 23, фельдшеров 1-й и 2-й статьи – 133 чел. Состояло на 1 июля 1912 г.: врачей – 39, старших фельдшеров и фельдшеров 1-й и 2-й статьи – 114, некомплект: врачей – 15, старших фельдшеров – 23, фельдшеров 1-й и 2-й статьи – 19 чел.

30 ноября 1916 г. были введены окончательные штаты Управления санитарной частью флота. Штат был дополнен одним делопроизводителем из врачей и одним из фармацевтов.

7 декабря 1917 г. при Главном санитарном инспекторе флота был создан Главный морской санитарный совет как выборный орган для руководства деятельностью медицинской службы. В его состав входили: председатель, Главный санитарный инспектор флота и по три представителя (выборных) от союзов морских врачей, фармацевтов, морских помощников, ротных фельдшеров и санитаров. Подобные же советы организовывались и при госпитале.

Дальнейшие изменения системы управления медицинской службой флота связаны со значительным реформированием вооруженных сил, прошедшим после революции 1917 г. Их характер является предметом наших дальнейших исследований.

Изучение истории становления и развития системы управления медицинской службой флота в XIX и начале XX вв. позволяет сделать следующие выводы:

происходившие изменения в организационно-штатной структуре центрального органа управления медицинской службой флота были связаны с изменениями управления флотом;

характерной чертой системы управления медицинской службой в портах было наличие единого руководства госпитальным и корабельным звеном в руках главного доктора госпиталя;

анализ нормативных документов, регламентирующих деятельность должностных лиц органов управления, свидетельствует о наличии в них подробной детализации функциональных обязанностей.

Полученные при исследовании результаты могут быть использованы при разработке организационно-штатной структуры органов управления медицинской службой флота при реформировании медицинской службы флота.

¹ Собрание законов и постановлений по части морского управления, относящихся за 1854 г. СПб., 1854. Кн. 2. Л. 57.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 2-е собр. Т. 35. Отд. 1. С. 73–90.

³ Собрание законов и постановлений по части морского управления, относящихся за 1860 г. СПб., 1860. Л. 57–60.

⁴ Приказ Е. И. В. Генерал-Адмирала от 20-го февраля 1860 г. // Морской сборник. 1863. № 3.

⁵ ПСЗ. 2-е собр. Т. 41. Отд. 2. СПб., 1868. С. 415–421.

⁶ Приказ Е. И. В. Генерал-Адмирала, № 42 от 31 марта 1860 г. // Морской сборник. 1860. № 5.

⁷ Там же. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. С. 914–925.

⁸ Собрание законов и постановлений по части морского управления, относящихся за 1867 г. СПб., 1867. Л. 59, 115.

⁹ Собрание законов и постановлений по части морского управления, относящихся за 1885 г. СПб., 1885. Л. 422–423.

¹⁰ ПСЗ. 3-е собр. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. С. 1136–1158.

¹¹ Российский государственный архив ВМФ (РГА ВМФ). Ф. 408. Оп. 1. Д. 2193. Л. 1–25.

¹² Там же. Д. 2188. Л. 13.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Денис Юрьевич – Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, кандидат исторических наук, доцент.

Алексеев Тимофей Владимирович – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, доцент.

Алтеев Олег Евгеньевич – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) (далее НИИ (военной истории)), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Анисимова Мария Анатольевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) (далее ВИМАИВиВС), старший научный сотрудник.

Афанасьев Владимир Анатольевич – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва), ведущий научный сотрудник.

Бабич Ирина Виленовна – Российская государственная библиотека (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна – Российский государственный архив древних актов (Москва), главный специалист, доктор исторических наук.

Баранов Владимир Валерьевич – коллекционер и исследователь холодного оружия (Москва).

Барчевский Сергей Викторович – историк-исследователь (Москва).

Барышкова Людмила Константиновна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Бауськова Ольга Парфирьевна – ВИМАИВиВС, научный сотрудник.

Бей Евгений Васильевич – НИИ (военной истории) (Москва), заместитель начальника отдела, кандидат исторических наук.

Белков Алексей Николаевич – НИИ (военной истории) (Москва), заместитель начальника отдела.

Белозерова Ольга Александровна – кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Бенда Владимир Николаевич – Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доцент, кандидат исторических наук.

Бирюк Сергей Николаевич – Национальный культурно-исторический центр им. М. Волошина (Псков), научный сотрудник.

Бобков Владимир Александрович – Брянский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат исторических наук, доцент.

Бобров Леонид Александрович – Новосибирский государственный университет, старший научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

Бодров Андрей Владимирович – СПбГУ, кандидат исторических наук, доцент.

Болокина Любовь Александровна – Тверской государственный технический университет, кандидат исторических наук, доцент.

Бормотова Александра Руменовна – Курский государственный университет, заведующая методическим кабинетом, кандидат исторических наук.

Бородина Марина Юрьевна – историк-исследователь (Москва).

Ботев Юрий Львович – Военная академия Генерального штаба ВС РФ (Москва), генерал-майор, кандидат военных наук, доцент.

Бочаров Алексей Алексеевич – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, кандидат исторических наук, доцент.

Брилюк Надежда Юрьевна – НИИ (военной истории) (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Будко Анатолий Андреевич – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), директор, доктор медицинских наук, профессор.

Булов Владимир Олегович – ВИМАИВиВС, младший научный сотрудник.

Бумай Олег Константинович – Научно-исследовательский институт промышленной и морской медицины (Санкт-Петербург), кандидат медицинских наук, доцент.

Грибовская Галина Алексеевна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Михайлов Андрей Александрович – НИИ (военной истории) (Санкт-Петербург), научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
<i>Алексеев Д.Ю.</i> Отряд Балаховича в 3-й Петроградской дивизии РККА (1918 год)	7
<i>Алексеев Т.В.</i> Плановые начала в деятельности Особого совещания по обороне государства в годы Первой мировой войны	19
<i>Алтеев О.Е.</i> Развитие плана войны России против стран Тройственного союза (1873–1914)	30
<i>Анисимова М.А.</i> Японские мечи провинции Хидзэн из собрания Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге	49
<i>Афанасьев В.А.</i> Патриарх советской штабной службы Б.М. Шапошников как воспитатель военных кадров оперативно-стратегического звена	69
<i>Бабич И.В.</i> Опыт неформального анализа формуляра: по офицерским сказкам 1720–1721 годов	85
<i>Бабич М.В.</i> К проблеме военного управления 1730-х годов: вокруг комиссариата	99
<i>Баранов В.В.</i> Неатрибутированный тесак	115
<i>Барчевский С.</i> К вопросу о японском влиянии на холодное оружие Индокитая	120
<i>Бауськова О.П.</i> Вехи истории Главного инженерного управления	127
<i>Бей Е.В.</i> Военный министр генерал от инфантерии А.А. Поливанов и его роль в преодолении кризиса вооружения 1915–1916 годов	165
<i>Белков А.Н.</i> «Боевой путь» – печатный орган Русской Освободительной Народной Армии (1943–1944)	181
<i>Белозерова О.А.</i> «Двоевластие» на сухопутном театре военных действий в Русско-японскую войну (1904–1905). Генерал Куропаткин о возможности Порт-Артура обороняться	194

<i>Бенда В.Н.</i> К вопросу о преемственности петровских правил и принципов военного строительства во времена Елизаветы Петровны (На примере взаимодействия Государственной Военной коллегии и Канцелярии Главной артиллерии и фортификации).....	209
<i>Бирюк С.Н.</i> Призрение семей нижних чинов, призванных на действительную военную службу в ходе Русско-японской войны. На примере Псковской губернии.....	223
<i>Бобков В.А.</i> Окружные арсеналы Российской империи в XVIII – первой половине XIX веков.....	232
<i>Бобров Л.А.</i> Джеханшах-бек – великий «бахадур» на службе Амира Тимура (К вопросу о высшем командном составе армии среднеазиатского завоевателя).....	247
<i>Бобров Л.А.</i> Ойратский шлем с буддийской символикой из Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.....	264
<i>Бодров А.В.</i> Сотрудничество Франции и США в подготовке американских войск к боевым действиям на Западном фронте (1917–1918).....	273
<i>Болокина Л.А.</i> Нарративные источники о Великой Отечественной войне в фондах Тверского центра документации новой и новейшей истории.....	282
<i>Бормотова А.Р.</i> Исторические источники по проблеме пропаганды и агитации периода Великой Отечественной войны (По материалам Центрального Черноземья).....	294
<i>Бородина М.Ю.</i> Царская победа.....	300
<i>Ботев Ю.Л.</i> Обеспечение действующей армии горючим в Третьем периоде Великой Отечественной войны.....	308
<i>Бочаров А.А.</i> Военно-морская тематика в советском «оборонном» кинематографе 1930-х – начала 1940-х годов.....	319
<i>Бринюк Н.Ю.</i> Условия формирования 1-го Волжского армейского корпуса колчаковской армии (зима – весна 1919 года).....	329
<i>Бринюк Н.Ю., Михайлов А.А.</i> Советская Арктика в 1917–1947 годах: проблемы военной безопасности, изучения и освоения (историографические аспекты).....	348

<i>Будко А.А., Барышкова Л.К.</i> Вехи истории подготовки военных фельдшеров в России: Ленинградское военно-медицинское училище имени Н.А. Щорса	371
<i>Будко А.А., Грибовская Г.А.</i> Лидер советской хирургии Н.Н. Бурденко. Десять писем из личного архива (К 140-летию со дня рождения)	382
<i>Булов В.О.</i> Архивный документ о деятельности 4-й роты Уссурийского железнодорожного батальона при обороне Порт-Артура	396
<i>Бумай О.К.</i> Становление и развитие органов управления медицинской службой Российского флота в первой половине XIX века	405
<i>Бумай О.К.</i> Развитие органов управления медицинской службы Российского флота во второй половине XIX века и начале XX века	421
Сведения об авторах	438

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В пяти частях

Часть 1

Редактор: *Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронеко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 13.04.2016.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 14.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленной технологии и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.

===== Для заметок =====

===== Для заметок =====

===== Для заметок =====

===== Для заметок =====